Роман Глушков

Эпоха стального креста

Annotation

Каменный Дождь - осколки разбитой кометой луны, - обрушились на Землю, уничтожив нынешнюю цивилизацию. Однако не полностью, и на ее руинах вырастает новый мир, жестокий и беспощадный.

Святая Европа - государство, где безраздельно правят суровые Пророки и Орден Инквизиции. Но однажды один из лучших бойцов механизированного Инквизиционного корпуса Эрик Хенриксон отказался выполнить приказ Пророка. Этим он не только перечеркнул свою военную карьеру, но и получил заочный смертный приговор без срока давности. И теперь ему приходится сражаться с бывшими братьями по оружию, чтобы спасти близких людей, ради которых он и пошел на этот самоубийственный шаг...

- Часть 1
- Часть 2
- Часть 3
- Часть 4
- Часть 5
- Часть 6
- Часть 7
- Часть 8
- Часть 9
- Часть 10

Эпоха Стального Креста

Часть 1

Михаилу Яковлевичу Черненку

за неоценимую моральную и техническую поддержку с искренней благодарностью

Пролог

"— Клянусь дьяволом, это голос Бена Гана! — проревел Сильвер.

— Правильно! — воскликнул Морган, приподнимаясь с земли и становясь на колени. — Это был голос Бена Гана!

— А велика ли разница? — спросил Дик. — Бен Ган покойник, и Флинт покойник.

Но матросы постарше презрительно усмехнулись в ответ на его замечание.

— Плевать на Бена Гана! — крикнул Мери. — Живой он или мертвый, не все ли равно?"

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

Если попросить любого жителя Святой Европы назвать имена самых известных еретиков за последний десяток лет, то он или она не задумываясь ответят: «Проклятый Иуда, он же Апостол отступник Жан Пьер де Люка! И, пожалуй, еще его друг, совращенный им Охотник, братоубийца и клятвопреступник Эрик Хенриксон, тот бывший командир отряда, что когда-то повязал самого Люцифера…»

Все это будет сущая правда, кроме одного: уж кем-кем, а друзьями я и Жан Пьер не были. Более того, когда он прекратил свое бренное существование, я даже и не подозревал о том, что имя мое через некоторый промежуток времени начнут упоминать с его именем практически на равных, так сказать, в одной обойме.

Всезнающая людская молва не делает между нами разницы, что вполне объяснимо: грехи наши пред лицом Господа, Пророка и Апостолов столь чудовищны, что молить о прощении кого -либо из этих вышеупомянутых просто бессмысленно. Но если разобраться досконально, кое какие отличия все же имеются.

Ну, во первых, грех, совершенный Жан Пьером, уже понятен из данного ему Пророком прозвища — Проклятый Иуда. Как и Иуда евангельский, он предал своего наставника и благодетеля, испугался,

убежал от возложенного на него тяжелого, но почетного бремени Божьего слуги, опозорил своим малодушным поступком святая святых — непогрешимый институт власти Господа на земном анклаве его, носящем гордое имя Святая Европа. Мой же грех не отличался столь глобальным размахом, но был не менее тяжек и уходил корнями в ту стародавнюю эпоху, когда один из первых земледельцев ни за что ни про что убил одного из первых пастухов, доводившегося ко всему прочему ему кровным братом.

Меня не зря приравнивают к Каину братоубийце — я действительно убивал тех, кого называл братьями и в верности кому присягал на Святом Писании. Убивал жестоко и беспощадно: нападал первым, стрелял в спины, добивал раненых. .. Они же всего лишь выполняли свой долг, поскольку находились в тот момент у Господа на службе, что только усугубляет мою вину перед ним.

Жан Пьер де Люка лично никого не убил, и данное обстоятельство можно считать вторым нашим различием. А третье я бы отнес к тем людям, что следовали и за мной, и за ним.

Окружавшие Проклятого сподвижники преклонялись пред его личностью настолько, что без колебаний шли ради него на верную смерть. Эти одержимые люди не считали грех Жана Пьера изменой. Как раз наоборот, для них он служил ярчайшим примером человеческой смелости и невиданного по дерзости бунтарства — то есть именно тех вещей, которые, по мнению многих романтиков, достойны самого истового поклонения. Последователи гибли, защищая своего кумира, хотя сам он этого ни от кого никогда не требовал.

За мной тоже шли и тоже умирали, но делали это не ради меня и не ради каких-то свободолюбивых идей, коими я сроду не засорял свою черепную коробку, а по более уважительной, более понятной простому человеку с простыми принципами причине, речь о которой и пойдет в дальнейшем повествовании.

На этом можно было бы и ограничить перечисление наших отличий, однако имеется еще и четвертое, и на мой взгляд, не менее важное, но о нем, в противовес первым трем, никто кроме меня знать не может: Проклятый пожалел о том, что ему довелось в процессе его нелегкой и спорной жизни совершить. Пожалел, потому что это ничем хорошим ни для него, ни для его семьи не закончилось. Он пожалел и

раскаялся, а я — нет, и каяться ни перед кем, даже перед самим Отцом Небесным, не собираюсь — что сделано, то сделано, я виноват, но совесть моя, как бы дико это и ни звучало, спокойна.

Я знаю заранее, что скажет Инквизиционный корпус по поводу моих откровений: ложь, клевета, наговор чистой воды! Уверяю: это не так. Моя правда, как к ней ни относись, все равно будет ближе к истине, чем чья -либо другая, потому что я — непосредственный участник и свидетель той немыслимой по количеству пролитой крови драмы, начавшейся на холмистых берегах Нормандии, а завершившейся в дремучих лесах на северо восточном участке границы Святой Европы. И, лишь выслушав меня, можно будет с полной уверенностью судить, а были ли мы с Жан Пьером теми монстрами, теми продавшими свои души Сатане хладнокровными отступниками, какими нас принято считать.

«Да будет выслушана и другая сторона!» — гласит незыблемый закон истинного правосудия. Так пусть же останется он в силе и теперь, когда заочный смертный приговор с пометкой «без срока давности» мне вынесен…

1

«— А теперь, сэр, — продолжал доктор, — так как мне стало известно, что в моем округе находится подобная особа, я буду иметь над вами самый строгий надзор днем и ночью. Я не только доктор, я и судья…»

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

— Какого дьявола!.. — Я, совсем было уснувший, подскочил с нар. За окном, во мраке, грохотали как минимум два байка "иерихонды". Надевая ботинки, я уже было придумал, что устрою отморозкам Ярво и Самми, как вдруг понял — это не они. Звук своих «трещоток» я за столько лет успел изучить до тонкостей и последнее время даже находил в их гвалте какую-то особую прелесть. Партии мотоциклов в симфонии Неудержимой Охоты…

Я накинул форменный кожаный плащ и вышел из трейлера. Снаружи меня уже ждал несущий сегодня караул брат Костас.

— Курьеры? — поинтересовался я.

Он кивнул, и его огромный нос качнулся вниз вверх, усугубляя сходство Костаса с той, исчезнувшей после Каменного Дождя птицей,

чье изображение я, будучи еще кадетом Корпуса, видел в Ватиканской библиотеке: фламинго или как ее там…

Возле длинного, громоздкого по форме, трейлера магистра Виссариона, прицепленного к седельному тягачу, притулились две курьерские «иерихонды», какофония которых меня и разбудила.

— С каких это пор почтовики ездят по двое? — Грек обвел мотоциклы лучом аккумуляторного фонаря.

— Это не почтовики, — я отобрал у Костаса фонарь и осветил номера на байках. — Точно — Парижский магистрат!

— Курьеры непосредственно оттуда… Разбуди ка брата Михаила. Кажется, покой и отдых с сестрами ордена Услады Духа откладывается на неопределенное время…

Костас мрачно вздохнул и скрылся в темноте.

Дверь мне открыл дьякон Джером, слуга и секретарь магистра Виссариона, по совместительству отрядный медик.

— Прошу вас, брат Эрик, — и он повернулся полубоком, приглашая войти.

Спальный отсек и одновременно рабочий кабинет инквизитора занимал первую, гораздо меньшую, чем вторая, часть фургона. Остальное его пространство было отдано под Комнату Правды. Чтобы протиснуться внутрь мимо обширного, как винная бочка, живота Джерома, мне пришлось предельно поджать свой (дьякон не мог этого сделать чисто физически). Закрыв за мной дверь, это массивное создание прошаркало следом в не очень просторную магистерскую обитель.

А здесь и без него было тесно. Два вооруженных до зубов курьера заполнили собой практически весь кабинет. Сам магистр, хмурый и заспанный, сидел за столом и с усердием дышал на свою магистерскую печать парами кагора, а крысиные глазки его в это время бегали по строкам доставленного документа. Ухмыльнувшись, он отложил бумаги в сторону и проштамповал протянутый курьером бланк, удостоверив тем самым получение информации.

— Останетесь до утра? — зевая, спросил Виссарион парижан, проявляя наивысшую форму присущего ему гостеприимства.

— Благодарим вас, нет, ваша честь, — ответил один из них, пряча бланк в планшет. — Завтра к утру мы должны найти отряд Гонсалеса. Так что всего вам наилучшего и… удачной охоты!

Магистр в ответ лишь сдержанно кивнул. Откланявшись, курьеры протопали к двери, гремя сапогами по стальному полу отсека. Спровадив их, Джером извлек из под нар веник и принялся сметать грязевые ошметки с курьерской обуви, одной рукой при этом придерживаясь за стену. Периодически его качало то в одну, то в другую сторону — в отличие от предыдущего нашего экзекутора магистр Виссарион не любил причащаться церковным вином в одиночку.

— Садитесь, брат Эрик, — он откинулся в кресле и холодно посмотрел на меня — пожилой человек, годящийся мне в отцы. Его серая инквизиторская ряса балахон вместила бы двух таких, как он. Тонкие кисти рук с кривыми артритными пальцами да лысеющая голова на дряблой шее — вот и все, что выступало за пределы бесформенного одеяния. Держался он всегда немного официально, даже несмотря на те полтора месяца, что мы провели в совместном рейде.

В отличие от Виссариона его предшественник магистр Конрад уже через неделю пути отказался от уставного «брат» и стал дозволять себе обращаться к подчиненным «милейший», а то и «разлюбезнейший», чем несказанно бесил добрую половину бойцов моего отряда. «Разлюбезнейший Гюнтер, — смотрит этот полненький коротышка со своих полутора метров на двухметрового квадратного германца. — Где-то здесь я обронил свою печать. Найдите ее, будьте добры!» Кулаки брата Гюнтера сжимаются, и он переводит тяжелый конрадоненавистнический взгляд на меня. Я развожу руками: он здесь хозяин, подчиняйся! Набычившись, гигант опускается на землю и, стоя на четвереньках, вяло перебирает траву граблеобразной пятерней. «Эрик, дружище, вам надо почаще гонять своих людей! Ну посмотрите: где рвение, где здоровый энтузиазм? Стыдно, молодой человек…» — сокрушается над ним Конрад. Наконец Гюнтер находит таки злополучную вещицу и, вернув ее владельцу, проворно ретируется с глаз долой, лелея в душе несбыточную надежду когда -нибудь лично усадить коротышку на Трон Еретика в Комнате Правды. «Право и не знаю, как мы с вами будем сотрудничать при такой дисциплине, брат Эрик…» — вздыхает ему вслед магистр.

Снаружи снова затарахтели моторы, и их дребезжащий звук постепенно растворился в тишине ночи.

Усатая физиономия Михаила заглянула внутрь отсека, и сей достойный брат вежливо испросил разрешения войти.

— Да, конечно, проходите, садитесь, — Виссарион кивком указал ему на нары Джерома, после чего приступил к делу — Как вы уже поняли, командировка наша продлена. Я понимаю, что мысленно вы давно уже с сестрами Услады Духа, но поверьте — сейчас у нас будет шанс действительно отличиться перед Пророком, Апостолами… и Всевышним в том числе…

Магистр подал знак, и дьякон наполнил его стакан водой из графина. Я уже догадался, о чем пойдет речь:

— Париж узнал, где Проклятый, ваша честь?

— Истинно так!

Брат Михаил, не в силах скрыть эмоции, на радостях стукнул себя кулаком по ладони. Джером, стоявший как раз перед ним, испуганно дернулся и расплескал воду, ненароком обрызгав и моего заместителя. Михаил недовольно отряхнул штанину, после чего пробурчал себе в усы:

— Знаете, дьякон, а вы очень нервный. И говоря по совести, вас бы не помешало сейчас слегка вздуть…

— Право слово, видит Бог, я не нарочно вас… вам….

— Клянусь моими обожженными усами, Давид Голиафу тоже так сказал, когда по черепу ему…

Маленькая ладонь Виссариона со звучным хлопком опустилась на стол. Теперь вздрогнули мы все.

— А ну прекратить богохульство в моем присутствии! — вскричал магистр. — Брат Эрик, если вы в ближайшее время не наставите своего заместителя на праведный путь, я подам на него рапорт за моральное разложение по прибытии в Ватикан!

— Не стоит, ваша честь, — я выразительно посмотрел на Михаила. — Он уже исправился. И будьте уверены: это больше не повторится — я вам обещаю… Михаил!

— Так точно, ваша честь! — с готовностью выпалил тот. — Нигде и никогда! Готов присягнуть на чем угодно, хоть на… Короче: виноват — исправлюсь!..

«Зачем вы держите у себя в отряде этого разгильдяя русского? — вопрошал меня за месяц до этого Виссарион. — Удивляюсь, как он закончил учебу в свое время! Вам самому не кажется, что его

никчемные сентенции и открытое пренебрежение Святым Писанием разлагают моральный и боевой дух вашего подразделения?» — «Он верный слуга Господа, Пророка и Апостолов, ваша честь, — ответил я тогда. — Вы, конечно, правы — есть за ним грехи, но он активно с ними борется». — «По моему, недостаточно активно, — усомнился магистр. — А впрочем, вам видней, вы его лучше знаете…»

Да, я знал его неплохо. Боевую Семинарию Михаил окончил на два года позже меня и в Братстве начинал служить при Варшавском магистрате, где и дошел благодаря своей пронырливости до звания командира отряда. Его подразделение усиливало мое при восстании еретиков Новой Праги и было практически полностью уничтожено в той мясорубке. Там и началась наша дружба… После тех событий вакансий и у меня было предостаточно, а потому я добился перевода Михаила и двух его сослуживцев — брата Вацлава и брата Дмитрия — к себе в Одиннадцатый отряд при Главном магистрате. Неплохая получилась карьера для русского в Святой Европе. Так что он был обязан мне положением. Я же был обязан ему ни много ни мало самой жизнью…

Михаил пригладил свои растрепанные волосы и покорно прикусил язык. Виссарион еще долго смотрел на него, потом, откашлявшись, продолжил:

— Проклятый Иуда на острове Мон Сен Мишель. Со своими детьми и сподвижниками. Похоже, чего-то или кого-то ждут. Постоянно следят за морем, выставили пост на дамбе. Делают вылазки по побережью. Там их и засекли местные Добровольцы Креста. Очевидно, эта сволочь спелась с наставниками детского приюта в монастыре Ла Марвей, который, как вы должны помнить, находится на том же острове. Он часто бывал там незадолго до своего грехопадения, но по чьей-то халатности это богоугодное заведение выпало из поля нашего внимания. Ничего, теперь разберутся, накажут… Так или иначе деваться ему оттуда некуда. Люди местного пастора совместно с Добровольцами, не привлекая к себе внимания, расположились по периметру и ждут нас. Предатели же пока ни о чем не подозревают.

Магистр выпил полстакана воды.

— Сколько отрядов привлечено и кто главный Охотник, ваша честь? — Я сразу просек, что запевалами будем не мы. Проклятый Иуда — отступник государственного масштаба, и хотя мой

Одиннадцатый уже успел прогреметь по стране в последнее время, ему все равно бы не доверили ловить его в одиночку.

— Мы совместно с отрядом Карлоса Гонсалеса поступаем в распоряжение магистра Аврелия и брата Бернарда. Встреча в Рене. Местный епископ насчет конфиденциальности и всего остального строго предупрежден…

Аврелий и Бернард — лучших людей для этой Охоты найти было нельзя.

…У полевых магистров Главного магистрата существует график выезда в рейды. Мало кому из них это нравится — мягкие кресла Ватикана гораздо приятнее узких нар походных трейлеров. Но количество командировок было прямо пропорционально количеству регалий и объему пенсионного пособия ордена Инквизиции, поэтому к рейдам относились как к унылой, но почетной обязанности. Складывались чемоданы, брался из резерва отдохнувший отряд Охотников и где-то на просторах Святой Европы кто-то начинал усердно молиться во спасение своей души.

Аврелий и Бернард работали вне графика. Альянс этой пары был столь эффективен, что приказом Апостола Инквизиции оба они выезжали только совместно и только на дела высшего приоритета: восстание еретиков Новой Праги; бунт пограничной общины в Киеве; ликвидация невиданной по размеру и наглости секты Пожирателей Святой Плоти, считавшей, что каждый убивший и съевший Служителя Господа и Веры автоматически становится святым и чем большее количество раз он повторяет эту процедуру, тем больше увеличивает свою святость. К успехам Аврелия и Бернарда относятся и возврат в лоно истинной Веры десятков заблудших душ (преимущественно перед отбытием оных на Суд Божий, разумеется), а также организация встреч различного рода сатанистов и демонопоклонников со своими кумирами посредством предания нечестивцев Очищению Огнем… Всего не перечислить. За столь продуктивную деятельность и было присвоено им почетное право именоваться Первым отрядом. Где-то в архивах нашей канцелярии, вероятно, до сих пор среди множества других лежит и мое прошение десятилетней давности о зачислении меня в отряд брата Бернарда, в те годы еще не Бернарда Мясника, ведь до Новой Праги оставалось четыре долгих сезона рейдов…

— …Готовьтесь, брат Эрик, — подытожил магистр Виссарион свой доклад. — Отправляемся через час.

2

Боевая Семинария — пятнадцатью годами ранее

«…Я разглядывал резные фигурки на носах кораблей, побывавших за океаном. Я жадно рассматривал старых моряков с серьгами в ушах, с завитыми бакенбардами, с просмоленными косичками, с неуклюжей морской походкой. Они слонялись по берегу. Если бы вместо них мне показали королей и архиепископов, я обрадовался бы гораздо меньше».

Р. Л. Стивенсон. "Остров Сокровищ»

Мой отец всю жизнь прослужил у магистра Брюссельского магистрата, нареканий не имел, а потому для него не составило труда уговорить хозяина помочь устроить меня в Кадетскую Боевую Семинарию при Главном магистрате. Принимались туда в основном дети граждан среднего сословия — пасторов, дьяконов и служащих силовых структур. Принимались без ограничений, ведь через пять лет жесткого физического, морального и идеологического отбора их оставалось на выпускном курсе от силы четверть. Отчисленные же пополняли собой ряды Защитников Веры, слуг и помощников при различных епископатах. Поэтому отец особо и не надеялся, что я выйду когда -нибудь из ворот Боевой Семинарии в кожаном плаще со стальным крестом на петлице и лихо напяленном на голову сером берете Братства Охотников. Но в чем-то наивный человек, шанс сделать меня в жизни счастливым он использовал, за что я, конечно, ничего, кроме слов благодарности, ему сказать не могу. Точнее, уже не скажу. Он умер, когда я учился на предпоследнем курсе.

Моя мать в противоположность шведу отцу была с юга и носила в себе горячую кровь испанского падре. Занимаясь целыми днями воспитанием магистерских отпрысков, по вечерам она пыталась вложить в мою голову остатки тех наук, что пережили Каменный Дождь, полученных, в свою очередь, от своего довольно образованного папаши. Иногда ей удавалось взять кое что взаймы из обширной библиотеки магистра (тот отдавал предпочтение классической художественной литературе далекого прошлого), тем самым делая мое детство куда красочнее, нежели у остальных моих, лишенных доступа к «говорящей бумаге», сверстников. Так что ранние

свои годы я провел в компании более интересных книг и менее занудных сочинителей, чем те, которые трудились над Святым Писанием.

В общем, поступив на первый курс Семинарии, я уже сносно читал и писал, производил арифметические вычисления и пытался вникнуть в элементарные законы физики. Но особенно манила меня история, любовь к которой перешла ко мне от любви к литературе.

Мать пережила отца на восемь лет. На похороны я не попал — был как раз в очередном рейде, — но магистр позаботился обо всем как надо, ведь воспитанные матерью его дети успешно учились в Апостольской Высшей Академии…

По настоящему столкнуться с Писанием мне пришлось лишь в Боевой Семинарии, где я под чутким надзором духовных наставников с грехом пополам добил эту, как они выражались, Книгу Книг, до последней главы. Сказать по правде, на фоне всего того, что я уже прочел до того момента, — а это, к слову, были классики в лице Стивенсона, Скотта, Дефо, Верна, Уэллса и многих многих других, — она не произвела на меня того благоговейного впечатления, как ожидалось. Увы, но Моисей казался мне лжецом и фокусником, Давид — обыкновенным романтическим героем, а пророки просто больными на голову людьми.

Но в Семинарии такая оценка Писания отнюдь не приветствовалось. Здесь можно было читать по слогам, делать при письме все мыслимые и немыслимые ошибки и не знать таблицы умножения, однако если ты путал кого -либо из сочинителей сонма пророческих книг воплей друг с другом, наказывали беспощадно. На первых порах процесса обучения я начал было по неопытности заваливать преподавателей вопросами наподобие: «Каким образом можно вывести из Египта всего за одну ночь такую уйму народа без элементарных средств коммуникации и связи?», «Не обязан ли Даниил своим чудесным спасением тому, что львы просто обожрались другими врагами царя Дария?» или "Почему Господь столь мелочен и злопамятен, тогда как для высшего существа должно быть характерно и столь же высокое великодушие? " Десяток другой ударов палкой, неделя карцера и угроза отчисления (что стало бы позором для отца) сделали свое дело — остаток срока учебы я прилежно пел псалмы, восторгался божественной справедливостью и восхищался мужеством

Христа (однако в будущем, когда мне случилось прочитать о видах казни, что культивировали мои предки по отцовской линии, древние скандинавы викинги, римское распятие стало казаться мне чем-то вроде ярмарочного аттракциона). Но вопросы продолжали накапливаться.

И особенно по моему самому любимому предмету — новой истории. Написанный на возвышенной ноте семинарский учебник вызывал здоровый крепкий сон уже со второй страницы, поэтому я стал регулярно посещать кадетский зал Ватиканской библиотеки, надеясь докопаться там до корней нашей цивилизации, а особенно до того явления, которое мне еще с детства было известно как Каменный Дождь.

Авторы всей найденной мной в кадетском зале литературы по данному вопросу были солидарны: его наслал на перемудривших со своими грехами древних Всевышний, исполнились пророчества Иоанна Богослова; настал Страшней Суд, Господь отсортировал праведников и грешников, а кто не спрятался, он не виноват… И все, плюс минус некоторые детали в зависимости от фантазии писавшего, однако, разумеется, не выходя за рамки дозволенного. Книги на моем столе менялись с немыслимой скоростью, но туман над загадкой не рассеивался…

И тут меня выручил смотритель кадетского зала библиотеки дьякон Захарий. Понаблюдав, как я битых полдня чешу лоб над одним абзацем, он подсел ко мне за столик, уткнул свой испачканный чернилами палец в книгу, будто бы объясняет нерадивому отроку смысл прочитанного, а сам еле слышно стал нашептывать мне в ухо о том, что, дескать, ценит увлеченность молодого кадета историей, но в имеющейся здесь литературе мне навряд ли попадется материал, который нам не дают на занятиях.

Поймав мой вопросительный взгляд, Захарий огляделся по сторонам и еще тише добавил, что здесь сыро и пыльно, а пожилому смотрителю надо хорошо питаться ради профилактики туберкулеза, и если бы отрок презентовал ему некоторую сумму, он мог бы принести что -нибудь из зала Главного магистрата.

— Что вы можете достать? — заинтриговано спросил я.

— «Хроники Паоло Бертуччи», — одними губами продышал Захарий.

Разумеется, я слышал об этом человеке и о его работах. Безногий итальянец, ставший калекой после Каменного Дождя, Бертуччи начал писать свои «Хроники…» через несколько лет после данного события — тогда, когда всему остальному миру было важнее набить желудок и не умереть от холода. Он был отцом пятерых сыновей, потерял четверых, но оставшийся опекал его до самой смерти. Говорили, личностью Бертуччи был высокообразованной и беспристрастной, а потому как свидетель безусловно заслуживал доверия в своих оценках.

— Но нам сказали, что последние экземпляры его книги были уничтожены пожаром! — недоверчиво посмотрел я на Захария.

— Тебе много чего будут говорить в жизни, мой друг, — снисходительно промолвил дьякон. — Много чего… Так согласен или нет?

— Сколько? — спросил я в лоб.

Он назвал сумму, и я понял, что на ватиканской ярмарке лотки со сладостями не увидят меня как минимум полгода. Но тем не менее мы ударили по рукам.

На тот момент я не располагал подобной суммой и мне пришлось дожидаться стипендии, после чего добавлять ее в кое какие личные сбережения, откладываемые мной на «черный день» довольно длительное время (всегда считал себя экономным, но некоторые кадеты, проедавшие свое содержание в первые пару дней после его получения, за глаза называли меня лаконичнее: жмот!).

Получив деньги, Захарий вскоре приволок мне весьма объемный и замусоленный донельзя фолиант.

— Прошу простить, молодой человек, но она была списана еще в прошлом году, — сказал дьякон в оправдание отвратительного внешнего вида книги. —Да и хранение за канализационной трубой не пошло ей на пользу. Само собой, клейма я вывел, но если ее у тебя обнаружат, надеюсь, ты не предашь старого друга ?

Я пообещал не предать. Захарий мне не поверил. Тем не менее, фолиант отдал.

Отодрав от стены кельи фанерный щит, я уложил книгу между каменной кладкой и обшивкой, приставил обратно фанеру, затем расколупал отверстия от гвоздей, дабы те свободно входили и выходили, после чего прикрепил все это на , место. Конспирация была обеспечена. В довершение ко всему, извлекая Книгу из тайника, я

всегда надевал на нее суперобложку от Святого Писания — черную, с тисненым золотым крестом, — и теперь всяк случайно забредший ко мне надзиратель мог удостовериться, что молодой кадет и в свободное от учебы время исправно постигает вечные истины Книги Книг. А настоящая-то истина и скрывалась как раз под чужой личиной…

Паоло Бертуччи знал, что потомки не поймут названия многих вещей его времени, поэтому старался пользоваться только доступными выражениями. Но даже с учетом этого я не уверен, что вник абсолютно во все главы «Хроник…». Для лучшего усваивания я по нескольку раз перечитывал каждое предложение, каждый абзац, и вот наконец более или менее ясная картина прошлого встала у меня перед глазами…

К середине двадцать первого века развитие цивилизации было на несколько порядков выше, чем сейчас. Наверняка мы тоже когда-нибудь придем к такому — кто знает? — но все равно даже в голове не укладывается: полеты во все концы Земли на стальных машинах с крыльями; умопомрачительные виды связи; электричество везде — от дворцов до захудалых сараев; железные дороги и сильнее всего поразившие меня думающие машины, которые, если Бертуччи не лгал, за минуту могли найти ответ на все задачи, решенные мной в течение пяти лет учебы! А также оружие. Оружие, способное в одно мгновение сровнять с землей огромные города той эпохи.

И все это закончилось. В один день…

Мне трудно вообразить такое, но у людей прошлого было ночное светило — так называемая Луна. Считалось оно естественным спутником Земли и вращалось вокруг нее по орбите диаметром в четыреста тысяч километров (я прикинул от Ватикана до пограничного города Ватиканской епархии Турина и обратно мне пришлось бы для покрытия подобной дистанции проехать триста тридцать три раза!). Бертуччи приводил чертежи и расчеты, каким образом это светило можно было наблюдать в различные дни месяца, да и сама длина месяца, как выяснилось, тоже рассчитывалась из движения Луны. Когда она виделась целиком, отражаемый ею по ночам солнечный свет «мягко окутывал Землю» и «создавал картины неповторимой красоты». Безногий итальянец, очевидно, являлся в душе поэтом, потому что у меня не получилось бы так живописно вспоминать об отнявшем у тебя все: детей, здоровье, спокойную старость, привычный мир, наконец.

Он не мог сказать ничего особенного о том дне — день как день. Только вдруг к полудню небо из голубого стало ослепительно белым и взгляды на него вызывали в глазах непереносимое жжение. Люди выходили из домов, недоуменно кричали и показывали вверх пальцами. Грешили на солнце, но вскоре все это исчезло, и оно оказалось на своем положенном месте. А западное побережье ни с того ни с сего захлестнула невысокая, но движущаяся со страшной скоростью волна, хотя отлив по времени еще и не закончился. Она обрушилась на берег, снося дамбы, выбрасывая из моря легкие суда и круша портовые доки. В радиоэфире появились первые нотки паники — что-то случилось с Луной. Я пишу «радиоэфир», но это только тот вид связи, о котором мне известно абсолютно точно — он был и он есть сейчас. На самом деле в прошлом преобладали некие более совершенные способы: какое-то «видение» и какая-то «глобальная сеть». Ученые дьяконы утверждают, что запаянные стеклянные колбы, что в изобилии попадаются искателям, предназначались именно для этого.

До вечера произошло еще много событий: умолкло птичье пение; собаки все как одна подняли ужасающий вой, и успокоить их было нельзя; дикие животные выскакивали на улицы городов и деревень и там, не замечая людей, метались между стен и заборов. Некоторых убивали, некоторые убегали восвояси. Рыбаки уверяли, что и рыба под водой вела себя подобным образом.

Общая тревога передалась и людям. Собираясь небольшими группами, они глядели на безоблачное небо, негромко переговаривались и ждали официальных заявлений от ученых мужей. С противоположной стороны Земли доходили различные — успокаивающие и наоборот — новости, но поскольку все они противоречили друг другу, то доверия особого не вызывали. Ученые же будто сговорились хранить обет молчания.

Наконец наступил вечер, и кроваво красное солнце скрылось за горизонт, не предвещая ничего хорошего…

Представшее пред жителями Европы зрелище не поддавалось никакой логике: яркая, еще сутки назад находившаяся во всей красе полнолуния, владычица ночи отсутствовала на строго определенном ей участке небосклона. Вместо нее треть неба занимало огромное, рваное, матово фосфоресцирующее облако…

Ночью кое где еще работали предприятия и транспорт, но, как записал Бертуччи, «вся планета замерла в молчании, ожидая Страшного Суда».

Судья на заседание не явился. Явился Палач… С каждой минутой облако увеличивалось в размерах. Через два часа оно накрыло более половины небосклона, становясь при этом темнее и прозрачнее. Сверкнули несколько метеоров, но отныне ни одному желанию не суждено было сбыться.

Паоло Бертуччи не знает, где упали первые «капли» Каменного Дождя. В единый миг небо взорвалось огненными трассерами и рухнуло на землю…

«Я не астроном, хотя и прочитал много книг по этой теме, — писал итальянец. — Я могу произвести лишь приблизительные вычисления. Наиболее вероятная версия: в невидимую сторону Луны врезалось некое космическое тело. Его размеры и скорость были настолько чудовищны, что земная спутница показалась ему не прочнее яблока. Очевидно, телом этим была одна из не замеченных обсерваториями космических скиталиц — миниатюрная комета. Ледяное ядро кометы согласно законам физики из за мгновенного давления в связи с ударом немыслимой силы моментально перешло из ледяного состояния в газообразное. Это привело к мощному взрыву. Луна разлетелась на сотни миллионов осколков, самый крупный из которых был чуть более десяти тысяч тонн. Адское облако, растягиваясь в пространстве, ринулось в сторону Земли. Первые, самые легкие, осколки Луны настигли планету через пятнадцать часов и на скорости около восьми километров в секунду вошли в атмосферу…»

Трудно представить, что переживал Бертуччи, когда вновь заставлял себя вспоминать случившееся. Апокалипсис на древних гравюрах выглядел куда как привлекательнее, чем-то, что довелось лицезреть этому бедняге…

Со всех сторон взметнулись клубы пыли, и ударная волна сбила его с ног. Бертуччи лишь успел заметить, как три находящихся невдалеке от него здания обвалились, брызгая стёклами и вспыхивая огнем. Контуженный Паоло пытался ползти, но что-то тяжелое лежало на его ногах, не давая сдвинуться с места. А земля под ним содрогалась…

Очевидно, большая часть жителей восточного полушария погибла в первые часы бомбардировки. Миллионы тонн пыли подняло на несколько километров. Люди задыхались, гибли от осколков, горели в своих разрушающихся домах… Взрывались арсеналы и склады топлива. Специалисты того времени утверждали, что сверхразрушительное оружие не способно сработать само, однако кое где это случилось. В других местах действительно не сработало, но выбежавшая из него незримая смертельная энергия заразила гигантские территории. Рушились плотины, пробуждались вулканы, в океанах сталкивались титанические волны, начисто смывая острова и архипелаги. А Земля в своем извечном вращении подставляла под удары все новые и новые площади…

Спустя двадцать часов после начала Конца Света настала пора завершающего аккорда этого реквиема. «…Последние четыре шесть часов, вероятно, падали самые крупные осколки Луны. В большинстве своем их поглотил Тихий океан. Скорее всего материка Австралия, как и островов Индонезии с Новой Зеландией больше не существует. Тихоокеанское же побережье других материков просто напросто смыло в бездну…»

Паоло Бертуччи уверен, что погибло около семидесяти процентов населения Земли. Но, вероятно, гораздо больше. Голод, холод, болезни, тонны пыли и психологический шок убили еще многих и многих. Сам безногий итальянец тоже умер до того, как первый увидавший свет после Каменного Дождя и огласивший криком мрачные серые руины ребенок остался в живых.

«…И все же нам повезло. Во первых, Луна спасла Землю, хоть и искалечила ее на долгие годы. Космический убийца мог ударить и по нам, не оставив человечеству вообще никакого шанса. Во вторых, каменное облако разлетелось на огромной площади и мимо пронеслось куда больше обломков, нежели попало в цель. В третьих, те, что попали, были мизерными по понятиям Космоса, разреженность их являлась высокой, а скорость все же не оказалась для Земли смертельной. К примеру, скорость изученных наукой метеоритов в три, в четыре раза больше… Глупо, конечно, считать это везением, но, если вдуматься, никто из вас никогда бы не прочел эти строки, будь наша катастрофа ужаснее…»

История подтвердила, что Паоло Бертуччи был прав. И ничего бы не являлось в его трудах таким уж крамольным, если бы он не сопроводил свою книгу столь богоненавистническим послесловием, по современным меркам тянущим не иначе, как на Очищение Огнем. Вот только выдержка из него:

«…Ни один грех в мире, ни совокупность этих грехов не заслуживают такой бесчеловечной кары. Дети мои, если Господь сотворил такое, значит, не он наш отец. Отрекитесь от него, ибо он отрекся от вас первым. Если же это дело рук Дьявола, все равно отрекитесь — вам не нужен этот немощный Бог, бросивший на произвол судьбы тех, кого обязан был оберегать и защищать. Или это и есть его безграничная к вам любовь? Будьте сами себе хозяевами, полагайтесь только на свои силы…»

Сейчас за подобные речи Бертуччи не дожил бы до старости. Так что неудивительно, что его «Хроники…» разом пропали из всех библиотек — суровые слова свидетеля и жертвы Каменного Дождя никак не вписывались в наше святоевропейское настоящее… Да простят меня многоуважаемые авторы кадетских учебников по новой истории, далее я буду ссылаться не на них, а на книги, носящие в правом верхнем углу обложки штамп «Только для служебного пользования Главного магистрата».

Дьякон Захарий, узревший в моем лице весьма благодатный финансовый источник, продолжал за небольшую мзду таскать интересующую меня литературу. Со временем он осмелел настолько, что стал заимствовать материалы действующих фондов. Дабы не отвлекать и без того по горло загруженную работой машину правосудия на ничтожного дьякона при его вероятном провале, эти книги я добросовестно ему возвращал, за что польщенный старик в долгу не остался и сделал мне довольно солидную скидку. Теперь я снова мог позволить себе по выходным захаживать в ярмарочные конфетные ряды. Я также предложил Захарию вернуть и списанную литературу (разумеется, из сугубо корыстных целей — а вдруг он хоть немного скостит свои расценки), но ее смотритель брать назад отказался:

— Негде хранить, молодой человек. А не дай Бог найдут — буду до конца жизни библиотекарем где -нибудь под Киевом…

Как ни прискорбно, но пришлось смириться с неизбежным и предать огню на городской свалке содержимое стенного тайника, что подрывало мою репутацию отличника Семинарии (да, на втором курсе меня угораздило им стать — палка наставника сыграла таки свою роль!). Я стоял посреди гор мусора, смотрел на обугливающиеся пожелтевшие страницы и плакал, ибо что могло быть для меня печальнее в тот период жизни, чем горящие «Хроники Паоло Бертуччи»? Однако я отвлекся…

Век Хаоса — самое темное пятно нашей истории. Сын Бертуччи по неизвестной причине дело отца продолжить отказался, других летописцев еще не появилось, а наши имели об этом отрезке времени весьма приблизительное понятие. Можно только предполагать, что делалось, когда осела пыль, унялся огонь и успокоились вулканы. Но известно абсолютно точно — ни одно государство как объединяющая людей сила не сохранилось. Люди сбивались в группы, хоронили мертвых, собирали уцелевшие вещи и продовольствие, уходили из мест, зараженных невидимой смертельной энергией, строили новые укрепленные поселения, восстанавливали наименее разрушенные старые, безусловно, воевали из за пропитания, техники и пригодных для жизни территорий. Помимо желания выжить всех сплачивала и еще одно: психика оставшихся на планете жителей претерпела колоссальные изменения. Пережитое, похоже, надломило людские души. Но вопреки всему, даже тому, что смертность продолжала оставаться катастрофической, на изувеченной воронками земле начали рождаться первые дети. Забрезжила новая надежда.

Именно надежда и послужила причиной становления нашей эпохи в том виде, в каком она пребывает теперь…

К концу Века Хаоса на нынешних пространствах Святой Европы проживало около восьмидесяти процентов населения от того количества, которое встретило Каменный Дождь. Люди по привычке тянулись к большим городам и столицам исчезнувших стран. Там еще можно было разжиться кое какими вещами, найти сносный кров, оружие, единомышленников. Появились крупные племена с присущей им иерархией.

Местами обнаруживались не разрушенные хранилища топлива, а кое где нефть научились перегонять сами, получая довольно сносный продукт переработки — бензин. Ремонтировалась не окончательно

разбитая техника. Народные умельцы собирали совершенно неправдоподобные, но с грехом пополам функционирующие агрегаты и автомобили.

Борьба за электричество была самой нелегкой, однако практически во всех крупных городах по старым чертежам из старых комплектующих сооружались маленькие электростанции для нужд лесопилок и прочих ремесленных предприятий. Часто они переходили из рук в руки в результате кровавых столкновений племен и кланов. Дошло до того, что захватывать друг у друга эти жизненно важные ценности стало хорошим тоном. Жизнь человеческая на фоне этого потеряла всякую стоимость…

Вера в Господа как Отца, Повелителя и Покровителя всего сущего, само собой, выжила и под Каменным Дождем. В Век Хаоса лишь тлея, теперь она охватила пожаром всю Европу, обрела немыслимое число приверженцев. Слабые, униженные, отчаявшиеся люди легко впитывали слова новоиспеченных священников, вооруженных древними общечеловеческими истинами, существовавшими еще задолго до канонизировавшего их Моисея. Повсеместно стало твориться то же, что и во все времена из века в век: тот, кто умел работать языком, предпочитал не мозолить руки. Так, совершенно естественным путем, появилось первое поколение пророков, вскармливаемых, одеваемых и защищаемых верной паствой в обмен на гарантии прелестей Рая после смиренной и праведной (читай: беспрекословно подчиненной пророческим прихотям) жизни. А много ли надо для счастья унижаемым и гонимым людям?

Но вернемся несколько назад.

Несмотря на разрушительную мощь, Каменный Дождь пощадил достаточно малых и средних городов. Приняв на себя удары одного двух камней, они в основном пострадали от последующего разграбления оставшимся за их пределами выжившим населением. В это число входил и Ватикан. Единственный полуторатонный булыжник разнес здесь площадь св. Петра, обрушил фасады прилегающих к ней зданий и поджег Сикстинскую капеллу. Было завалено обломками и сгорело в огне много высших церковных чинов, швейцарских гвардейцев, а также туристов паломников, бросившихся спасать бесценные памятники культуры. Но еще больше полегло их в тот момент, когда воды горного озера Браччано хлынули в реку Тибр.

Несколько многотонных разогретых осколков довели озеро до температуры кипения, а один разбил изолирующую его рельефную преграду. Горячая вода ворвалась в Рим с Ватиканом, потушила пожары, однако сварила заживо большую часть граждан древнего города, включая и мирно сосуществующих с ними Господних слуг.

В дополнение ко всему на Рим рухнули еще три небесных убийцы, безжалостно похоронив под собой практически всю столицу древней Италии, но по чистой случайности не повредив строения Ватикана. Выжившие братья по Вере усердно молились на протяжении всей последующей смуты, образовав нечто вроде монастырского братства, питаясь и одеваясь, чем пошлет Бог да пожертвуют сердобольные римляне, и без того влачившие жалкое существование. Монахов неисчислимое количество раз грабили и убивали, но они продолжали взывать ко Всевышнему, иногда принимая в свои ряды новых членов ради поддержания жизни дряхлеющей религии. Позже, поняв, что одними молитвами желудок не обрадуешь, монахи обзавелись натуральным хозяйством, ведя полукрестьянский полумонашеский образ жизни на ниве духовного бытия.

Именно такими и застал их Пророк Витторио в начале взлета своей головокружительной карьеры…

Пророк ничем не выделялся среди ему подобных, но, видимо, Витторио посчастливилось родиться в нужное время и в нужном месте. В молодости острый на язык и невероятно смышленый юноша досконально изучил наследие пророков Ветхого и Нового заветов и усвоил одну интересную в психологическом плане закономерность: если регулярно и настойчиво нести при большом скоплении народа облеченную в живописные литературные рамки абракадабру, а также выплескивать из себя со страстью театрального артиста общие, по сути ничего не значащие фразы, обязательно среди слушателей отыщется тот, кто так или иначе свяжет их с каким -либо глобальным событием будущего. «Смотрите, а ведь он говорил! Он знал! Он предупреждал!» — согласно кивая головами тут же подхватит толпа и впадет в суеверный трепет подобно той группе неприкаянных, которая некогда ступала след в след страдавшему от отсутствия еще не изобретенного компаса, а потому рисовавшему по пустыне замысловатые зигзаги Моисею. Так что рано или поздно, но перед именем твоим имеет все шансы появиться приставка «пророк», а при

более удачном попадании из прошлого по будущему даже «святой», со всеми вытекающими: популярность, слава, уважение и, разумеется, власть!

Проверка теории на практике не заставила себя долго ждать.

«Вижу, вижу я, граждане Рима, тот день, когда будете вы есть землю из под ног ваших, ибо не покаялись предо мной, устами Господа вещающим! Не исповедались, нечестивцы, во грехах ваших, не искупили их жертвою малою либо великою, от размера прегрешения зависимою! Так падет же на вас суровая кара небесная и не обрящете вы спасение свое! — выпучив глаза и воздев руки к небу, стенал молодой Витторио, преклонив колена в жаркий летний полдень на ярмарочной площади. А после катался по земле, истошно завывая: — Прости их, Отец, прости, если еще сможешь!..»

Через год на едва взошедшие посевы откуда-то из Африки налетели стаи саранчи. Плодилась она там в геометрической прогрессии — безлюдные пространства в немалой степени этому способствовали, — и кое где в Европе уже были зафиксированы единичные случаи ее появления. Не сказать, что урон от налета насекомого агрессора получился тотальным, но тем не менее урожай по осени собрали скудный, и крестьяне, опасаясь в первую очередь за свои семьи, не горели желанием везти его на продажу в Рим. В городе запахло голодной и безрадостной зимой.

Как обычно, паника в несколько раз преувеличила реальную угрозу, и самым ярым ее возбудителем послужил вживавшийся в свой новый образ молодой амбициозный горожанин, прозорливо уяснивший, что Удача только что вложила хвост прямо в его цепкие руки. Уж он-то не дал о себе забыть!

«Наш пророк Витторио!» — только так именовали его теперь горожане, большей частью представлявшие собой обыкновенных набожных обывателей. И пускай проблема голода никуда от этого не исчезла, для Витторио она более не являлась актуальной. Отныне в Риме было правилом делиться с божьим человеком последними крохами, чтобы тот замолвил словечко за тебя и за твоих близких пред высоким своим покровителем, чем он с превеликим удовольствием и занимался, уединяясь на Капитолийском холме. Обращенные к небесам молитвы Витторио обычно сочетал с занятием менее возвышенным — поеданием втихомолку крестьянских и прочих даров,

которыми он вообще-то обязан был умилостивить разгневанного Господа.

Скептически настроенная часть граждан стала со временем замечать за пророком одну интересную тенденцию — когда подаяния ему по какой -либо причине скудели, а то грозили иссякнуть и вовсе, мрачнее становились и выдаваемые им прогнозы, но если молоко в его кувшинах успевало прокисать невыпитым, а хлеб плесневеть несъеденным, то счастье и благополучие должны были ожидать подающего. Однако остальная масса обожавшего Витторио населения была абсолютно слепа в своей любви, а потому просто напросто не обращала внимания на подобные мелочи. Для всех для них он олицетворял талисман удачи, посланный на землю не иначе как свыше. Сам Витторио, понятное дело, никого никогда в этом не разубеждал. Слава о пророке снежным комом прокатилась по Риму и окрестностям, обрастая по пути все новыми, порождаемыми людским воображением, домыслами. Последователи у него отыскались даже в среде властей предержащих — дон Джакомо, чей клан считался в пределах Рима правящим, сделал Витторио вхожим в свое окружение, за что впоследствии горько (но, правда, недолго) жалел. Вскоре пророк уже имел личный автомобиль, а в его постепенно теряющую убогость хижину провели электричество, и с тех пор сверхредкое сокровище того века (да и нашего вообще-то тоже) — лампочка — освещало вечерний покой Божьего Слуги сказочно неземным светом.

Независимые историки и аналитики, к чьим мыслям мне, едва начавшему сбривать со щек юношеский пушок кадету, довелось прикоснуться, утверждали примерно следующее: да, именно выход в высшее общество подвигнул Витторио на дальнейшие действия. Природные чутье и приспосабливаемость к окружающей обстановке тоже немало помогли ему в разработке плана захвата власти. Пророку претила сама мысль о том, чтобы остановиться на достигнутом, когда у него имелись все шансы отхватить не кусок сладкого пирога, а прибрать тот до последней крошки. И помощниками ему в этом стали те самые Братья по Вере, что обитали по правому берегу древнего, как само мироздание, Тибра.

Однажды утром, постучавшись в ворота ватиканской обители, Витторио скрылся за ними и словно в воду канул, исчезнув из жизни города и его будней. Несколько дней о нем ходили слухи один

невероятнее другого. Поговаривали уже о досрочном вознесении пророка на небо, но прилюдно клявшиеся свидетели сего действа были разом опозорены, когда Витторио, целый и невредимый, вышел на порог монастыря в сопровождении загадочно улыбающихся новых своих сподвижников. Осталось за семью печатями то, о чем так долго шла речь в стенах сей юдоли скорби, но несомненно — братия, усмотрев в предложении о сотрудничестве с пророком для себя хорошую выгоду, заверила его в полной поддержке.

Стоял погожий денек, когда народ, топчущий ярмарочную площадь, расступился, оставив посреди освобожденного пространства своего Пророка и двенадцать окруживших его ватиканских монахов.

«Возлюбленные чада мои! — заблажил Витторио, чья голова по самые глаза, несмотря на жаркую солнечную погоду, была укрыта капюшоном монашеского балахона. — Свершилось великое чудо, и мне милостию Отца нашего дана обязанность донести до вас благую весть! Не далее, как на той неделе посетил я обитель смиренных Слуг Божиих, где имел с ними беседу о спасении душ ваших. И когда преклонили мы колени в совместной молитве, как снизошел на нас столп света и глас Господень возвестил: „Раскройте же глаза, о слепцы! Как можно не видеть того, что творится у вас под носом! Куда бредете вы, уткнувшись взглядом себе под ноги? И это благодарность мне за то, что я пощадил обитель сию в день Страшного Суда? Разве ради этого отвел я от нее десницею своею потоки огненные, с небес льющиеся?“ — „О, Отец, — возопили мы, — прости нам невежество наше! Прости и не сочти за труд просветить заново верных служителей и провинившихся детей своих!“ — „Ну хорошо, — ответил Создатель, — прощены вы, ибо милостив я, а посему слушайте и внимайте. Дабы вновь не скатился мир сей в пропасть, и не пришлось мне опять карать его жестоко, основываю я здесь, среди греха и порока, форпост свой, крепкостенную цитадель, обязанную служить ориентиром всем заблудшим, а вместе с тем являться грозным предупреждением для тех, кто отвернулся от ока моего — я вечен и я спрошу с них за все! Имя сей цитадели — Ватикан, а не Рим, страшными пороками себя унизивший! И быть отныне ей Центром Мира, его великою главою и первым городом Земли! Тебя, верный мой слуга Витторио, нарекаю я правителем этого города, и даю тебе право быть истинным Пророком моим, доносящим Глас мой и повеления

мои до всех живущих здесь. А единоверцев твоих, что стоят одесную тебя, в благодарность за то, что сохранили они Святой Крест вопреки всем чинимым Сатаною препонам, нарекаю Апостолами твоими, и число их двенадцать будет! И говорю я — да случится так! Аминь!“ А после наложил персты огненные на чело и мне, и братьям моим и… о узрите, сыны и дщери!»

Как по команде, Витторио и его спутники, до этого лишь молча кивавшие, сорвали с голов капюшоны балахонов. У всех них прямо посередине лба краснели свежевыжженные клейма в виде крестов, доходящих нижними концами до переносицы.

Ропот прошел по толпе — все были потрясены! Люди оглядывались друг на друга в явном смятении. Наконец благоговейный ужас пересилил таки сомнения и, начиная с первых рядов, узревшие чудо граждане стали падать на колени, покорно склоняясь перед Пророком. Всеобщему порыву повиновались даже те, кто продолжал сомневаться — никому не хотелось стать «белой вороной» пред таким огромным количеством народа. А Витторио все вгонял и вгонял острые гвозди божественного волеизъявления в торчащие затылки своей паствы:

«Кому вы подчиняетесь сейчас? Кто правит вами? Погрязшие в разврате стяжатели чревоугодники! Я знаю это доподлинно! Ибо пытаясь отыскать для вас правду на земле, неосмотрительно забрел в их чертоги! И ужаснулся тому, что увидел там! Отвечаю совершенно открыто — Господь намерен покарать их, и поскольку он отныне всецело доверяет нам с вами, то и судить сих богоненавистников доверено тоже нам! Мой приговор — виновны! И от лица Всевышнего приказываю вам, жителям Великой Цитадели и Центра Мира, привести приговор в исполнение! Только смертью эти нелюди способны искупить свою вину!»

Витторио очень рисковал, призывая народ к бунту, — подручные дона Джакомо были повсюду, — но сработал фактор внезапности: глава правящего клана ни сном ни духом не подозревал о том, что так любезно опекаемый им выходец из народа совершит подобный поступок, а посему оказался не готов к стихийному взрыву массового неповиновения.

Надо заметить, что недовольство своим правлением дон Джакомо вызывал уже давно. Пользуясь неограниченными правами нахождения

у горнила власти, он, что называется, зарвался: повышал, когда вздумается, налоги, творил бесчинства в деле судопроизводства и открыто преследовал неугодных. Ему, бесспорно, следовало бы быть очень осмотрительным при подобной политике, однако он уповал на страх и неорганизованность своих подданных вкупе с их нежеланием массового кровопролития. И как выяснилось, ошибался…

Теперь народ шел за другим лидером, помеченным знаком не кого-нибудь, а самого Господа Бога, а пламенный призыв его и послужил тем последним брошенным кирпичом, оборвавшим стропы поддона и заставившим лебедочные тросы хлестнуть по тащившему этот груз крановщику.

Расправа над членами правящего клана была скорой и лютой — их всех, зашитых в дерюжные мешки, поглотили равнодушные к проявлениям человеческих страстей глубокие воды Тибра. Крики утопающих еще не смолкли, а Пророк с Апостолами уже въезжал в принадлежащие дону Джакомо просторные апартаменты, вся роскошная обстановка которых, правда, была благоразумно роздана малоимущим, что все же не помешало ей вновь возродиться в этих стенах через непродолжительное время.

Видя, на что способна разбушевавшаяся толпа, и понимая, насколько короток шаг от ее безграничной любви до такой же безграничной ненависти, Витторио счел разумным не слишком доверять своим добровольным телохранителям из народа и на всякий случай подстраховался.

Маркус Крюгер — это имя в те годы было известно в раздробленной Европе так же, как имена вождей наиболее влиятельных кланов, вот только сам он не принадлежал ни к одному из них. Главарь крупнейшего на юго западе бандитского формирования, Крюгер за три четыре года успел покрыть себя неувядаемой славой разорителя малых и средних городов. Однако на момент прихода Пророка Витторио к власти, звезда Маркуса почти закатилась — хоть оружия у него и было предостаточно, грабеж перестал приносить стабильный доход.

Тут-то и прибыл к нему эмиссар с Апеннинского полуострова…

Переговоры прошли успешно. Крюгер на следующий же день повел своих людей к стенам Божественной Цитадели. Эмиссар, являвшийся одним из бывших ватиканских монахов, а ныне

входивший в круг Апостолов, следовал вместе с ним, ведя с главарем банды в дороге длинные душеспасительные беседы.

Через три дня по большей части конное воинство Крюгера достигло Ватикана. Жители города впали в панику и на скорую руку попытались собрать ополчение. Но каково же было их изумление, когда бандиты не только никого не убили, а оставили в полной неприкосновенности запасы продовольствия пригородных поселений, не разорив ни одного, самого захудалого курятника.

Дальнейшие события выгнали на городские стены всех ватиканцев вплоть до немощных калек, потому что история знавала лишь единичные случаи подобного. Распахнулись городские ворота, и к стоявшим при полном вооружении головорезам вышел окруженный Апостолами Пророк, причем вышли они с таким видом, будто пришельцы являлись не губителями городов, а обычной мирной делегацией. И вновь свершилось чудо: люди Крюгера вместе с самим Маркусом, подобно жителям бывшего Рима на ярмарочной площади, рухнули на колени, прося у Пророка прощения и впредь обязуясь ничем непотребным не заниматься. Некоторые историки упоминают о странных листках бумаги, зажатых у Крюгера в руке, утверждая, что это были страницы Святого Писания, хотя самые недоверчивые из скептиков предполагают, что Маркус во избежание непредвиденных накладок просто сверялся с текстом покаяния, написанного ему монахом посланником. Я склонен верить последним, так как доводом в пользу их точки зрения может служить то, что ни до, ни после сей великолепной церемонии чего -либо более грамотного и лингвистически безупречного Маркус Крюгер не произнес.

Возложив длань поверх не очень широкого лба кающегося, Витторио милостиво отпустил ему за раз все прегрешения, изрекая при этом древнюю истину о том, что раскаявшийся грешник для Господа ценнее нескольких праведников. А потом прямо там же принял шайку в полном составе на службу по охране себя и своих соратников, дав им гордое и звучное имя — Защитники Веры. Таким образом силовая поддержка пророческого правления была обеспечена.

Еще через некоторое время на площади св. Петра был воздвигнут гигантский крест из остатков стальных конструкций прошлого, призванный символизировать великое значение произошедших событий для последующих поколений. При возведении этого символа

Единственно Правильной Веры погибло тридцать пять монтажников, когда ни с того ни с сего левая поперечная перекладина отвалилась от вертикальной стойки и рухнула вниз с чудовищной высоты. Так что на современном подобии древнего оригинала кровь оказалась тоже что ни на есть самая настоящая, причем и количество ее было строго выдержано в пропорциях к размеру ватиканского колосса.

С годами Стальной Крест менялся лишь в сторону увеличения, постепенно достигнув высоты в двести, а размаха в добрых сотню метров. Ясная погода позволяла наблюдать его даже из самой дальней точки пригородной провинции, а отбрасываемая им тень закрывала собой весь центр святого города…

Таким было начало существования нашего государства, положенное всеобщей любовью и безграничным доверием народа к Пророку Витторио, его речам и яркому каноническому образу. Подлинная сущность пророка подтверждалась носителями фундаментальных традиций Веры — монахами ватиканской обители, — а власть, обретенная им по праву более расчетливого и уважаемого, подкреплялась штыками прощенного грешника Маркуса Крюгера, теперь главнокомандующего формируемых повсеместно в округе отборных отрядов Защитников Веры.

Век Хаоса — век тотального безвластия и кровавых междоусобиц — сменяла новая эпоха, в которой вечные надежды человечества на божественную справедливость и долгожданный порядок наконец должны были исполниться.

Так зарождался современный мир.

Так наступала Эпоха Стального Креста…

3

«— Добрый вечер, Данс, — сказал доктор и кивнул головой. — Добрый вечер, друг Джим. Какой попутный ветер занес вас сюда?»

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

Анже встретил нас на рассвете закрытыми городскими воротами. Оглушительная сирена головного «самсона» привела в чувство спящего привратника, и он, минуту поразглядывав через смотровое окошко нашу кавалькаду мутными с похмелья глазами, наконец просек, кто предстал перед ним в столь ранний час. Извиняясь и кланяясь, страж поспешно распахнул деревянные створки.

И без того редкие в это время суток горожане старались побыстрее убраться с улицы, лишь завидя черную автоколонну Корпуса.

Я и брат Михаил следовали сразу за первой машиной — монстромобилем внедорожником «самсон» с чудовищными, в рост человека, колесами — на моем командирском «хантере», массивном и приземистом. Следом за нами двигалась пара седельных тягачей, ведомых уже упоминавшимися братьями не только по службе, но и по крови, Ярво и Самми. Трейлер одного из них раскачивал сейчас в гамаке спящего без задних ног магистра Виссариона. Хитрая старая бестия предпочитал гамак нарам, умудряясь высыпаться даже при движении. Джером наверняка бодрствовал — для таких крупных представителей дьяконовского сословия гамаки еще не изобрели. Во втором трейлере тряслись невыспавшиеся и угрюмые бойцы моего Одиннадцатого отряда. Тыловое охранение велось на другом «самсоне».

Команды этих джипов мутантов состояли из трех человек: двое в кабине и один за турелью автоматической двадцатимиллиметровой пушки, с вращающимся блоком из шести стволов, полностью занимавшей кузов автомобиля. Именовалось орудие соответственно своей скорострельности — «вулкан», — но охотничий народ окрестил смертоносный агрегат довольно таки поэтично: Шестиствольый Свинцоплюй. Пушки обладали большой плотностью огня и бесспорно являлись самыми вескими аргументами в защиту Одиннадцатого во всех критических боевых ситуациях. Кто знает, будь нечто подобное у миссионера брата Александра, униженного русскими под Воронежем, чем бы тогда обернулось дело с той стальной птицей…

Дорога от Анже до Нанта оказалась не в лучшем состоянии. Михаил поминутно перебрасывал ногу с газа на тормоз и упрекал то Бога, то Дьявола в некачественном ведении ремонтно восстановительных работ:

— Как над Иовом изгаляться, так махом спелись, а как что путное совершить…

Я, управлявший машиной всю ночь от Орлеана — города, породившего много веков назад одну из величайших жертв Инквизиции, — через Тур до Анже, теперь пытался задремать. Но

каждая новая выбоина сводила на нет мою очередную попытку, в конце концов вынудив оставить эту затею.

— Скажи мне, швед, — Михаил, увидев, что я открыл глаза, завел свою обычную дорожную песню, — зачем твои предки викинги обклеивали боевые шлемы рогами? Или, может быть, они просверливали шлемы и надевали на свои собственные рога? Сам понимаешь — люди войны, как лето, так прыг на драккар и в поход, а бабы-то ваши уж больно раскрепощенные, молодые, горячие, эх… Знавал я, кстати, одну твоей, нордической породы…

Воспоминания о прошлых, настоящих и вероятных будущих своих знакомых сестрах ордена Услады Духа была любимейшей из тем дорожного трепа брата Михаила. Когда-то давным давно Пророку Вениамину, четвертому по счету, попалась на глаза книга о существовавшем до Каменного Дождя островном государстве Япония. Прочтя ее из чистого интереса, он выделил главу об имевшемся в той стране особом женском сословии, именуемом «гейши». Гейши эти занимались обслуживанием досуга тамошних сегунов и самураев. Кто такие были непонятные сегуны и самураи, Пророк уточнять не стал, а вот весьма специфическое и в некотором роде даже почетное ремесло гейш побудило его на создание ордена Услады Духа. С тех пор хорошенькие и крепкотелые крестьянские девушки имели высокие шансы прорваться во влиятельные круги общества, в прямом смысле грудью проложив себе туда дорогу.

Сестры занимали просторное здание на окраине Ватикана, где им преподавали грамоту, культуру речи, музыку, хорошие манеры и как основной предмет — некие узкоспециализированные трактаты полумифической страны Индия, через века сохраненные кем-то в качестве не иначе как фамильных реликвий. К сестрам можно было приезжать самому (главное, чтобы в кармане имелись средства для щедрого пожертвования ордену), могли приехать по приглашению и они — орден содержал парк автомобилей почти такой же, как у почтовой службы. Само собой, хорошая идея получила развитие — филиалы ордена Сестер Услады Духа появились во всех крупных городах Святой Европы.

Братство Охотников владело особой привилегией — наш страждущий после длительных рейдов дух услаждался бесплатно. То есть не совсем, конечно, бесплатно — за все платил Главный

магистрат. Оценив высочайший профессионализм сестер, я, однако, был поражен незнанием многими из них даже азов Святого Писания, что при нахождении на государственной службе являлось, скажем так, дикостью. А впрочем, для практикования индийских истин горизонтально подвижного поведения оно требовалось лишь постольку поскольку…

Михаил продолжал говорить. Я слушал его вполуха, обозревая сонными глазами пробегающие по левую руку от нас низкие лесистые берега реки Луары.

— …Ты его должен помнить: из Девятого отряда болгарин Григорий Цончев? Так вот, снюхался он с одной сестричкой, Аманда звать. Специалистка хоть куда, высший класс! Уж не знаю, за что ее поперли, но работала она раньше в апостольской группе услаждения. И если, говорит, их завести, Апостолов-то наших, такие болтливые становятся, просто жуть! Вот один из них ей и проболтался, как там на самом-то деле все было…

— Где было? — Мой невыспавшийся мозг соображал туго и со скрипом.

— Ты чем слушал вообще? — обиделся Михаил. — Я имею в виду Проклятого Иуду и тот Совет, когда он сбрендил!

— Ну, об этом все знают, — я помассировал кулаками закрытые глаза после очередного приступа зевоты. — Он хулил Господа, Пророка, дебоширил… Говорят, в него тогда Дьявол вселился…

— Не все так, товарищ Хенриксон, элементарно. Аманда утверждает, что нисколько Иуда не рехнулся. Возвратился он из инспекционной поездки мрачнее тучи, ходит сам не свой, все думает о чем-то, ни с кем не общается. А тут как раз бац — очередной Совет! Вызывает его Пророк с докладом, а Иуда вместо того, чтобы как обычно зад ему лизать — дескать, как у нас все хорошо, как люди довольны и счастливы и спасибо вам за ваше мудрое руководство, — говорит: «Устал я, братцы. Не могу больше терпеть это ваше грехопадение и прочее безобразие. Отпустите меня в мою родную епархию, хочу жить там со своей семьей, учить крестьян в воскресной школе…» И тому подобное…

Именем «Проклятый Иуда» одарил его Пророк. У всех святоевропейцев еще на слуху брызжущая слюной и проклятиями обвинительная речь Гласа Господнего у подножия Креста: «Братия,

сыновья и дщери мои! Прогневали мы Господа своего, прогневали жестоко, ибо в наказание взрастил он в наших рядах траву сорную — изменника подлого, богохульника и еретика! Проклинаю! Именем Господа проклинаю этого иуду, предавшего нашу Веру за тридцать сребреников самому Сатане! Покаемся! Покаемся все как один, ибо противление покаянию бедами великими грозит!..»

Апостол Жан Пьер де Люка, он же Проклятый Иуда, в бытность свою на государственной службе отвечал за начальное образование и духовное просвещение крестьян, ремесленников и искателей. Курируя воскресные школы, где наименее выдающиеся выпускники Академий обучали детей, а также желающих научиться читать и писать взрослых, он исколесил всю Святую Европу вдоль и поперек. Но что-то надломилось в этом человеке, заставив его пойти на разрыв со своими коллегами Апостолами и с самим Пророком.

— …Вот, говорит, все мои бумаги, я привел их в порядок, кинул на стол перед Пророком папку и вышел вон. Эти ребята настолько опешили, что так и просидели с открытыми ртами черт знает сколько, даже охрану не вызвали. Зато Пророка потом как заколошматит! Орал, ногами топал, вазу хрустальную о лысину Апостола Защитников Веры расколотил! ..Или ты, Эрик, всерьез поверил, что это Иуда ему череп пробил? Да Проклятый такой хлипкий парень, что и вазу бы ту от пола не оторвал!

Я пожал плечами: дескать, кто его знает. Собака лает — ветер носит….

— А когда через час послали таки к нему на дом наряд Защитников, — продолжал Михаил, — его уже и след простыл. Сбежал с женой, детьми и несколькими верными слугами. Говорят, потом в тех местах, где он притормаживал, вокруг него стали сподвижники всякие кучковаться, сочувствующие… Да, сглупил дядя. Небось и сам уже пожалел, но… петелька затянута. Так что хрен теперь ему дадут спокойно умереть в родной епархии…

— Не понимаю таких людей. — Я, конечно, пытался разложить по полочкам экстраординарное поведение Жан Пьера, но мне это плохо удавалось. — Сидишь на вершине жизни, все имеешь… Подумаешь, что-то не так, как ты себе представляешь, ну и что с того? Всегда такое было и будет — хочешь одного, а получаешь совсем другое. Пророка взбесил, а тот естественно сразу: изменник, предатель, еретик!..

Шестерни Магистрата завращались — назад дороги нет, хоть кайся, хоть не кайся. О детях бы подумал…

— Просто все в жизни когда -либо становятся перед выбором, викинг. — Михаил вдруг стал серьезным. — Он, к примеру, выбрал эту судьбу. Возможно, ошибся, но выбрал… А вот ты выбирал когда -нибудь?

— Всю жизнь только и делаю, что выбираю, — нехотя ответил — философствование спросонок обычно мне претило.

— Я не про то, — Михаил покачал головой. — Я имею ввиду самый главный выбор, от которого зависело бы твое будущее: или все или ничего?

— Наверное, нет…

— И я тоже нет. А знаешь, чего я больше всего боюсь? Ошибиться. Ладно бы я, но, если кто-то невиновный пострадает от моей ошибки, тогда совсем плохо… Клянусь моими обожженными усами, Эрик, знай я сразу о том, как в жизни иногда бывает сложно, матушка задолбалась бы упрашивать меня вылезти из утробы!..

Ни я, ни Михаил тогда и не подозревали, насколько близок от нас момент выбора…

К обеду прибыли в Нант — мелкий рыбацкий городишко, лежавший в самом устье Луары. За стеклом замелькали узкие улочки, пропахшие тухлой рыбой, и те же, что и везде, взгляды исподлобья, в которых — ни толики почтения. Впрочем, оно и понятно…

Хозяин этого рыбного рая — епископ Гийом, — скинь он свою епископскую рясу, ничем бы не отличался от старшины рыболовецкой артели. Магистр Виссарион отобедал у него, налегая в основном не на пищу, а на кагор, и дал добро на последующий путь. Пока он харчевался, перекусили и мы.

Далее маршрут наш резко поменял направление — Ренн лежал в сотне километров к северу. Его соединяла с Нантом менее широкая, но выигрывающая в качестве грунтовая дорога. Осенние ливни еще не нанесли ей ежегодного урона, а потому скорость нами была набрана приличная. Я задремал… Сила инерции бросила меня на панель перед командирским сиденьем. Больно стукнувшись локтями о металл, я продрал глаза и вопросительно уставился на Михаила.

— Расслабься, — успокаивающе проговорил тот. — Брат Тадеуш чуть не пропорол себе чем-то покрышки. Пойдем ка глянем…

Я вытащил «глок» из наплечной кобуры и дослал патрон в патронник. Михаил же достал с заднего сиденья своего, как он уважительно его именовал, «земляка» — автоматическую штурмовую винтовку «Калашников» или попросту «АКМ». Оружие это было настолько древним, что, если бы кто -нибудь сказал мне, будто оно ходило еще с Ноем на его баркасе зоопарке, я ничуть не сомневался бы. Попала сия реликвия к Михаилу от его знакомого дьякона оружейника в те времена, когда он командовал Варшавским отрядом. «Калашников» поначалу подлежал списанию в связи с многочисленными поломками, однако по убедительной просьбе русского, оскорбленного таким отношением к потрепанному временем «земляку» (которую он подкрепил солидной попойкой), дьякон отремонтировал автомат, попутно переточив его под более распространенный в Святой Европе удлиненный патрон того же калибра. Ушло на это у бедного оружейника немало сил и нервов, но зато «АКМ», можно сказать, получил вторую жизнь. А я, иногда желая в шутку поддеть своего заместителя, отпускал в адрес этого стрелкового пережитка язвительные комментарии, на что Михаил всегда наигранно обижался и брал реванш в чем-то другом…

Братия спешно исполнила команду «к машине» и теперь ощетинилась стволами по разные стороны грунтовки.

Мы приблизились к головному «самсону». Брат Тадеуш, маленький упитанный венгр, сидел на корточках и разглядывал лежащие посреди дороги зубьями вверх крестьянские бороны. Массивные колеса монстромобиля едва не напоролись на них, замерев от копьеобразных наконечников в считанных сантиметрах.

— Чертовы байкеры! — Тадеуш в сердцах сплюнул. —Может, Корпусу уже пора заняться ими? От Защитников никакого проку! Идиотам небось весело, а мне за эту покрышку год рассчитываться…

Инквизиционный корпус не интересовался байкерами по причине их мелкоуголовного статуса, как не интересовался он, скажем, контрабандистами, воришками и перебежчиками. Служители древнего культа Свободы, как они о себе говорили, байкеры колесили по дорогам Святой Европы на отреставрированных мотоциклах древности, которые собирали из запчастей, выменянных у привыкших уважительно относиться к каждой найденной мелочи искателей. Защитники Веры понемногу гоняли мотобандитов, правда, успехов в

их ликвидации не достигли. Неуловимость байкеров объяснялась двумя факторами: высокой мобильностью и умением перемещаться по таким территориям, по которым ни один нормальный человек и днем с огнем не рискнет путешествовать — пустоши, дремучие леса, болота и пустыни. Обвинялись байкеры обычно в налетах на заправочные пункты, грабежах грузовиков торговцев, потасовках с представителями властей да контрабанде на святоевропейско российской границе. Но чем выгодно отличалась эта публика от рядовых преступников, так это тем, что несмотря на грозный вид, в целом старалась избегать греха смертоубийства, повинуясь неписаным правилам выживания по ту сторону закона, что диктовал их собственный кодекс чести.

— Крупных торговцев на технике ждали, — присоединился к венгру спрыгнувший с подножки монстромобиля брат Саймон. Третий член дозора — Энрико — вращал турелью пушки из стороны в сторону, грозя невидимым врагам стволами словно пальцем. — Заберут товар, сольют горючку, отметелят ради острастки… Пощупать Свинцоплюем кустики ?

Хлебом не корми — дай побаловаться любимой игрушкой!

Мой ответ здорово опечалил предвкушающих веселье братьев:

— Не надо. Байкер не такой дурак, чтобы злить Охотника. Скорее всего их уже нет в радиусе километра отсюда…Трогаемся!

Тадеуш и Саймон сдвинули шипастое орудие байкерской тактики на обочину, еще раз оглядели направления, потом заняли свои сиденья и рванули вперед. Мы последовали за ними.

Оставшиеся до Ренна пятьдесят с лишним километров проехали спокойно.

Наш отряд прибыл на точку сбора первым. Загнав технику во двор реннского епископата, мы выстроили ее вдоль высокой каменной стены, где еще было достаточно места для транспорта Бернарда и Карлоса.

Реннский епископ Жан Батист вразвалочку вышел навстречу магистру Виссариону, взялся двумя руками за его крысиную лапку и припал губами к кольцу с красным рубином — знаку Божественного Судьи Экзекутора Ордена Инквизиции. Виссарион лишь сдержанно кивнул.

Я успел заметить завистливый взгляд дьякона Джерома — авторитетно выпирающий живот реннского владыки побивал все

рекорды объема человеческой талии, виденные мной до сего дня.

— Ставлю на спор своего «земляка», — прошептал стоявший сбоку от меня Михаил, — если епископ вдруг захочет поцеловать нашего Джерома, он сделает это только в затылок да и то с напрягом.

— Нашел на что спорить, — вяло огрызнулся я, так как больше всего на свете желал сейчас завалиться спать. — И вообще, у тебя разве нет работы ?

Михаил пробурчал что-то себе под нос и поплелся искать местного управляющего, чтобы решить вопрос о питании, а также, если повезет, об устройстве бани для Одиннадцатого.

— Брат Эрик, подойдите, пожалуйста, — сквозь шум в голове услышал я голос Виссариона.

Я поправил берет и приблизился. Две пухленькие мягкие ручонки затрясли мою ладонь, при этом закрывающие уши Щеки Жан Батиста подпрыгивали в такт его движениям.

— Огромная честь, весьма огромная, брат Эрик, пожать руку человеку, поймавшему самого Люцифера. Моя дочь тоже лелеет надежду с вами познакомиться, — Жан Батист указал на балкон, где находилось юное создание лет восемнадцати, по своей комплекции, мягко говоря, далекое от классических канонов девичьей стройности. Улыбаясь во все лицо, оно радостно махало рукой и, надо думать, адресовало это мне, а не магистру Виссариону.

От меня не ускользнуло то, что Джером за спиной Его Чести вдруг ни с того ни с сего заметно оживился.

— Он был такой же Люцифер, как я баварский пивовар, — отвечая на комплимент епископа, я позволил себе немного поскромничать. — С этой работой справились бы и кадеты Боевой Семинарии.

— Вы преуменьшаете свои заслуги перед Верой и Святой Европой, брат Эрик. Что ж, надеюсь, вам у нас понравится. —И епископ повел магистра ужинать в роскошную трапезную епископата.

Я придержал за рукав зашагавшего было причащаться кагором втихомолку от хозяина дьякона:

— Мой крупногабаритный друг, поручаю вашему вниманию сие прелестное творение Господа, — я кисло улыбнулся и помахал в ответ дочери епископа — творение уже отважилось на воздушные поцелуи. — Вижу, что вы неравнодушны к этой ангельского вида особе, а

потому можете отныне именовать себя правой рукой и верным боевым ординарцем командира Одиннадцатого отряда Эрика Хенриксона. — Услышь это Михаил, он бы меня убил! — Разрешаю вам не скупиться на комплименты, читать ей наизусть Песнь Песней Соломона, но она не должна ко мне приближаться.

— О, вы правы, брат Эрик, — она и впрямь милашка! — Джером плотоядно облизнулся и пригладил рукой свои редкие волосы. — А что же вы сами-то ?

— Хочу остаться непорочным в преддверии великих деяний, — с наигранным пафосом вздохнул я. Перспектива близкого знакомства с так некстати отыскавшейся здесь, на периферии, моей поклонницей меня не прельщала.

— Это вы зря, брат Эрик, честное слово, зря!.. — Джером весь сиял, находясь похотливым взглядом уже на пути к балкону. Тело его некоторое время попереминалось с ноги на ногу, а затем потрусило в том же направлении, проявляя обычно несвойственную дьякону резвость.

Я облегченно вздохнул, сбросив с плеч эту маленькую проблему, и отправился искать столовую для слуг, где Михаил с остальными братьями должны были вот вот собраться на вечернюю трапезу. Лечь спать сразу после перешедшего в горячую баню ужина не получилось. За воротами епископата вдруг пронзительно завыли сирены «самсонов», и крики усталых братьев Пятого отряда, требующих доступа к спокойной обстановке и горячей пище, возвестили о прибытии в Ренн Матадора, более известного как Карлос Гонсалес — фигуры в Братстве Охотников, уступающей по значимости лишь брату Бернарду…

Часть 2

4

Годом с небольшим ранее.

"— Не знаю, сэр, — ответил я. — Я не совсем уверен, что голова у него в порядке.

— Значит, не в порядке, — сказал доктор. — Если человек три года грыз ногти на необитаемом острове, Джим, голова у него не может быть в таком же порядке, как у тебя или у меня. Так уж устроены люди…"

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

— Слушай сюда, мразь охотницкая, слушай внимательно! — Длинный кривой нож дрожал вместе с рукой люцифериста. На шее восьмилетней девочки выступило несколько капель крови. Она не могла даже плакать, а только тяжело сипела и влажными голубыми глазенками смотрела на меня. — Я выхожу, ясно? Ясно вам?! Оружие на землю! Резче! Сами в сторону!..

Я, стараясь сохранять спокойствие, слегка подмигнул до смерти напуганному ребенку — мол, не переживай, скоро все будет в полном порядке, — а потом скомандовал стоявшему позади Михаилу:

— Выполняй!

«АКМ» русского брякнул о дощатый пол. Мой «глок», стукнув меня по ботинку, тоже очутился там.

— Ладно, проваливай, — проговорил я. — Тебя не тронут. Только покажи, в какую сторону нам отойти, чтобы не мешать тебе выходить…

Я согнул руки и держал их перед собой ладонями к выродку. Для него это означало, что оружия у меня нет. Для меня — нечто совсем иное.

Правая наплечная кобура под моим плащом прятала сейчас брата близнеца лежавшего рядом с ботинком пистолета. Левая рука у меня была расслаблена, взгляд сосредоточен на лице подручного Люцифера. А точнее, между его горящих безумием глаз. Я смотрел не отрываясь. Не моргая. Абсолютная раскованность и концентрация. Михаил, догадавшись о моих намерениях, даже затаил дыхание.

— Туда! — Ублюдок небрежно кивает подбородком на противоположную от двери стену.

— Извини, приятель, не понял. Покажи поточнее… — говорю я, а моя левая ладонь в это время миллиметр за миллиметром смещается вправо.

— Ты кретин?! Да вы все кретины! — Рука с ножом уходит от шеи ребенка и показывает нам наше место. — Туда, ты понял?..

Понял, само собой. Легкое движение — «глок» выскакивает как по маслу. Треть секунды на наводку выстрел…

Девятимиллиметровая пуля бьет люцифериста в лоб и вылетает из затылка, окруженная красным ореолом осколков кости и брызг мозга. Он еще мгновение пялится на меня, затем роняет нож и валится назад, по пути отпуская шею заложницы.

— Ну испаноскандинав, ну сукин сын! — выходит из оцепенения Михаил. — Прямо засранцу по центру тыквы! Эх, надо было и мне в Семинарии тоже пару раз к твоему Анджею заглянуть. Может быть, он и мои бы руки попереломал да как надо вправил…

Неожиданно получившая свободу девочка обхватывает себя за плечики и начинает мелко мелко дрожать. Ее наконец прорывает, и громкий плач разносится по тесному помещению, тут же подхваченный за стеной другими детскими рыданиями.

— И чего это мы ревем, а? — Михаил подошел к девочке и бережно взял ее на руки. —Ну ладно, ладно, перестань. Дядя Миша хороший, дядя Миша тебя не обидит…

— Как она? — поинтересовался я, возвращая пистолеты в кобуры.

— Нормально. — Михаил плавно покачивает маленькую жертву взрослого дебилизма. Та, обняв его за шею, продолжает плакать, но уже гораздо тише, все чаще шмыгая курносым носиком. — Пара царапин, и все. Заживут, так ведь, ангелок? Кстати, где твои друзья? Там?

Михаил указывает на стену. Девочка молча кивает.

— А сколько еще плохих дядей, кроме этого, вас здесь пугает? — вновь спрашивает русский. Чадо перестает плакать, задумывается и тихо произносит:

— Двое…

— Умница! — Мой замком улыбается. — Значит, мы уже отшлепали их всех. Ну что ж, пойдем к твоим друзьям, а потом поедем

к маме…

— Считаешь, что эта мразь хотела сделать с ней именно то, о чем мы подумали? — Я в последний раз оглядываюсь на тело и подбираю Михайлова «земляка» с пола — руки русского заняты сейчас более ценной ношей.

— Глупый вопрос, —Эрик, — Михаил уже несет девочку к двери. — Надо думать, он тащил ее сюда не сказки рассказывать.

А снаружи в это время приближается топот тяжелых подкованных ботинок: братья, заслышав выстрел, несутся к нам со всех ног…

По негласным традициям Братства Охотников все командиры отрядов имеют свои прозвища: Мясник, Матадор, Голиаф, Кувалда, Змей, Ящерица и другие. В глаза нас, конечно, так никто не называет — правила элементарного уважения здесь незыблемы, — но все мы прекрасно знаем, кто из нас кто. Знаю и я свое — Стрелок.

Отбросив ложную скромность, скажу: да, я действительно считаюсь экспертом в вопросах стрелкового дела. Вот только от кого у меня этот дар — от Бога или от Дьявола, — затрудняюсь ответить. Стреляю я довольно неплохо из всех видов легкого огнестрельного оружия, но в чем настоящий специалист, так это в автоматических пистолетах, хотя в принципе револьверами тоже не брезгую.

Будучи ребенком, я, бывало, поражал сверстников тем, как быстро получалось у меня овладевать различными жонглерскими манипуляциями. В моих руках могли одновременно вращаться три, четыре и более камешков, яблок, бутылок, ложек и всего того, что так или иначе подходило по форме для жонглирования. Мать улыбалась и ласково трепала любимое дитя по волосам, а отец переживал, как бы его отпрыск не слинял из дому с каким -нибудь бродячим цирком. «Боевая Семинария отвадит тебя от этих глупостей!» — назидательно вещал он, глядя на мелькавшие перед его носом овощи, приготовленные матерью к обеденной похлебке.

Отец оказался прав лишь наполовину.

Когда наш инструктор по стрельбе брат Анджей понял, что посрамление его прыщавым отроком — не случайный факт, а вполне стабильная закономерность, он не разозлился. Напротив, прославленный ветеран Братства вознамерился довести дар своего юного обидчика до истинного совершенства. По соседству с нашим семинарским тиром находилось стрельбище для бойцов Корпуса, где

мой наставник успевал подрабатывать сторожем и оружейником. Там-то он и начал во время своих вечерних дежурств на нерасстрелянных при дневных стрельбах, но уже списанных патронах лепить из меня лишь одному ему известное произведение огневого ремесла.

Первым делом вместо маленького кадетского «вальтера» брат Анджей сунул мне в ладонь огромную «беретту». «А, черт с тобой, учиться так учиться, — махнул он рукой и извлек со стеллажа еще одну, точно такую же. — Нечего забывать про вторую руку. Пусть тоже работает…»

Поначалу обучение шло туговато, но вскоре надлежащая виртуозность пришла ко мне при выполнении всех задаваемых Анджеем упражнений. А уж опытом-то он обладал пребогатейшим.

Тренировки сменяли друг друга. Я стрелял стоя, с колена, лежа, на бегу, в падении, с разворота, в темноте на звук, из за и через препятствие. Стрелял как поочередно правой и левой, так и одновременно с двух рук. Я выхватывал пистолет на скорость, поражал две и более мишени, учился мгновенно уходить с линии огня и достигать должной точности в уничтожении скрытых на восемьдесят девяносто процентов целей. Я пробовал даже попадать в мишень с рикошета от твердой поверхности, но полностью этот прием так и не освоил.

По ходу учебного процесса брат Анджей начал применять некоторую садистскую методику, привязывая на кисти моих рук плоские двух трехкилограммовые камни. Когда же они снимались, килограммовая «беретта» казалась мне легче коробка спичек.

Иногда Анджея навещали его старые боевые товарищи, многие из которых еще находились на действительной службе в Корпусе. Наблюдая усердие молодого кадета, братья одобрительно кивали, что воспринималось мной как высшая форма похвалы. Они-то и рассказали обо мне Ящерице…

Фабио Петрелли долго беседовал с Анджеем, сидя в углу и щурясь на меня хитрыми зелеными глазами. Я же перед лицом столь высокого гостя выкладывался вовсю.

Подождав окончания канонады, Петрелли приблизился, похлопал меня по плечу (еще бы — результаты стрельбы были весьма неплохими даже для взрослого опытного бойца!) и без тени улыбки заявил:

«Сынок, когда через год ты окончишь Семинарию, не дай тебе Бог ляпнуть при распределении, что ты желаешь служить не у Фабио Петрелли. Тогда я лично найду и пристрелю тебя! Усек?»

Напоследок Ящерица немигающим взглядом просверлил мое польщенное лицо и степенно удалился, а я стоял, улыбаясь, как идиот. Голова кадета предпоследнего курса начинала кружиться от лежащих перед ним перспектив служебной карьеры.

Петрелли обо мне не забыл. Я сделал так, как он сказал, тем самым пополнив ряды Восьмого отряда молодым, но довольно амбициозным бойцом. По совету того же Ящерицы вскоре я поменял уже ставшую привычной «беретту» на более легкий, а следовательно, и более мобильный «глок», целую партию которых Оружейная Академия извлекла недавно из откопанного военного склада в Венской епархии. В будущем, когда карьера вынесла меня к должности командира Одиннадцатого, как лучший ученик отошедшего на покой Анджея я преподавал между рейдами курс стрельбы следующим поколениям кадетов своей альма матер. А делал я это по личной просьбе ее куратора магистра Людвига… Этот рейд был обычным рядовым рейдом. Мы возвращались из Будапешта, где вернули Господу души нескольких приверженцев секты Пожирателей Святой Плоти, члены которой продолжали баламутить народ несмотря на то, что магистр Аврелий и брат Бернард практически полностью ликвидировали ее ядро. В Равенне мой отряд повернул к югу и добрался до Перуджи, лежащей от Ватикана в каком-то полудне пути. Там-то все и началось…

Отправленные за водой для радиаторов братья Ральф и Дмитрий привели с собой местного управляющего — перуджийского пастора. На бедолагу было жалко смотреть: глаза покраснели и слезятся, плечи опущены, руки играют невидимыми кастаньетами. Совсем еще молодой мужчина походил на восьмидесятилетнего старика.

— Брат Эрик, вы… вас пос… Послал н нам Госп п п… — он поперхнулся собственными словами.

— Брат Ральф, позовите магистра Конрада и попросите у него стакан кагора для нашего гостя, — быть предельно деликатным даже с представителями низших правящих чинов меня обязывал Устав.

Коротышка магистр притащил два пустых стакана и целый графин вина. Его дьякон поставил в тени ближайшего дерева три

раскладных стула, но я попросил еще один для Михаила.

— Присаживайтесь, прошу вас, —пригласил Конрад пастора.

Винсент — так звали нашего посетителя — вцепился в стакан и, казалось, не знал, как себя вести.

— Ну с, милейший, выпейте это и расскажите нам, Служителям Господа, чем мы можем быть вам полезны, — и Конрад показал Винсенту пример, пригубив немного вина.

После трех, уничтоженных одна за другой, порций, к пастору наконец вернулся дар речи и исчезла колотившая его дрожь. Все еще заикаясь, он сумел обрисовать нам суть своей проблемы. Конрад, Михаил и я слушали Винсента молча, боясь сбить его с мысли.

Ситуация поражала не только местом действия — до Ватикана каких-то полторы сотни километров, — но и своей бессовестной наглостью. Вчера вечером в маленький поселок Перуджа с северо запада на двух крытых грузовиках ворвались тринадцать вооруженных арбалетами и дробовиками головорезов. Попытка двух Добровольцев Креста оказать им сопротивление ничего не дала и привела последних к скорой кончине. Все лица негодяев, кроме одного, скрывались под черными масками. Главарь же и не думал таиться. Длинное худое тело его венчала уродливо плоская голова с огромными наростами по краям лба. Согнав всех жителей в местную часовню, человек монстр заявил, что грядет эра тьмы и он ее предвестник, а посему падите ниц, ничтожные, и молите Князя Мрака о милосердии…

— Клянусь моими обожженными усами, Люцифер собственной персоной!.. Виноват, ваша честь, — вырвалось у Михаила, но Конрад, потрясенный только что услышанным, необратил на него внимания.

…После краткой речи чудовище приказало холуям взять всех детей, коих насчиталось восемь душ. Велев запуганным людям сидеть в часовне до утра, урод со свитой и детьми отбыл в неизвестном направлении. Ральф и Дмитрий застали отчаявшихся жителей рыдавшими на центральной площади Перуджи, когда явились туда сегодня утром, неся пустые канистры…

Пообещав разобраться, я отправил Винсента и с ним четверых бойцов на всякий случай обратно в Перуджу. Бедняга рвался помочь, предлагал людей, полуразбитый джип и много других ненужных мелочей. Ему вежливо отказали. Винсент удалился, поминутно

оглядываясь. Мои громилы предупредительно поддерживали его под руки.

— Разлюбезные мои, а не может это быть простой имитатор ? — озабоченно потер переносицу Конрад.

— Такой череп не подделаешь… Однако давненько про Люцифера ничего не было слышно, — ответил Михаил, поднимаясь со стула. — Второй отряд его по всей Европе гонял, только пару прихвостней схватил да и те на Троне крякнули, а информации с них надоили всего чуть.

— Ваша честь, времени у нас немного, — я тоже поднялся вслед за своим заместителем. — Эта тварь с жертвоприношениями долго не тянет. Завтра, вероятно, будет уже поздно, потому надо действовать прямо сейчас.

— Друзья мои, разумеется я даю вам «добро», но вот только где вы намерены его искать? — недоуменно спросил Конрад — на мысленный процесс магистра кагор влиял самым пагубным образом.

Люцифер, самое кровавое порождение отступничества последних лет, никогда не изменял своим традициям. Его действия следовали всегда единой схеме: налет на село, захват детей, краткая безумная проповедь забитым и униженным взрослым и, наконец, самое изуверское — орошение алтарей религиозных святынь невинной детской кровью. Густав Лар сен, командир Второго, кусал локти и выл как умалишенный над ещё теплыми маленькими тельцами, опоздав в последний раз к месту трагедии лишь на несколько часов — тогда выбор Люцифера пал на Кёльнский собор святого Петра. Всего таких трагедий насчитывалось пять. Со дня последней миновало десять месяцев. Но монстр не только не угомонился, как надеялись многие, а даже более того — он подбирался все ближе и ближе к Центру Мира, к Ватикану…

— Ассизи, ваша честь. Он будет там на горе Субази в церкви Санта Марии дельи Анджели, — ответил я магистру. — Более подходящего алтаря ему во всей округе осквернить не удастся… Михаил, построй братьев!..

…Когда-то ассизская гора Субази приютила на своих склонах самого знаменитого стигматика христианской веры — святого Франциска. Помеченный божьими знаками, неудавшийся рыцарь проповедовал здесь в тринадцатом веке идущим за ним

последователям. Вырубленные скальные гроты и построенные позже при них здания эрмитажа Карчери служили приютом первым францисканцам. Неподалеку оттуда находилась вышеупомянутая церковь, возведенная над скромной часовней, где святой Франциск окончил жизненный путь и был захоронен. Теперь же чистоте и святости Ассизской обители угрожал уродливый фанатик Люцифер…

Братья смотрели на меня и молча переминались с ноги на ногу. Благодаря Михаилу вводить их в курс событий не требовалось.

— Костас, как самочувствие? — первым делом подошел я к греку. Тот подхватил лихорадку, от самой Равенны валялся пластом и на построение приковылял, шатаясь и обливаясь потом. — Вижу — плохо. Остаешься вместе с финнами охранять магистра Конрада. Не пререкайся… Ярво и Самми, вы двое тоже — операция тихая, «трещотки» не нужны… В общем, как обычно. Князь Тьмы любит тьму, а потому раньше полуночи Люцифер детей не тронет. Делимся на две команды. Одна окружает церковь, но на штурм не идет, ждет вторую. Ею руководит… брат Вацлав. Вторая прочесывает эрмитаж — мы должны убедиться, что там чисто и никто не ударит нам в спину. Группой номер два руководит брат Михаил. Я как координатор иду со второй. Если что-то не так, сориентируемся по ходу действия. Вопросы?

— Я так понимаю, шестистволить не придется? — Голос разочарованного брата Энрико.

— Правильно понимаешь.. . Еще вопросы?

— Люцифера…

— …брать живым! Холуев не жалеть… Это все? Ну раз так, тогда по машинам!..

С наступлением вечера пришла долгожданная прохлада. Оставив технику в Ассизи на попечение финнов и грека, им же сдали «под опись» и Конрада с дьяконом. Порасспросив местных крестьян, удалось выяснить, что днем через поселок пронеслось два грузовика и вроде бы по направлению к горе Субази, что лишний раз подтверждало мои догадки.

В сгущающихся сумерках я напоследок оглядел еще не разделившийся отряд. Почему-то именно этот момент вспоминался мне впоследствии чаще других. Отменные бойцы, прекрасная команда.

Они верили мне? я безгранично доверял им. Наверняка те из них, кто жив до сих пор, считают меня предателем.

Я помню всех поименно. Помню, хотя прошло столько долгих лет с той поры. Помню и никого никогда не забуду…

Брат Михаил топчется рядом со мной и нервно покусывает кончики своих шикарных усов.

Брат Гюнтер, молчаливый великан германец, невозмутим как скала. Его помповый карабин «бенелли» покоится на сгибе массивной руки, дожидаясь, когда наступит время выплевывать любимую германцем крупную картечь. Безжалостное оружие, как, впрочем, и его хозяин.

Брат Ральф деловито вставляет ленту с патронами в «хеклер кох 21» — безотказный в любой тяжелой работе ручной пулемет.

Вацлав и Дмитрий — бывшие члены Варшавского отряда Михаила, перешедшие под мое командование вместе со своим пронырливым руководителем. Оба уже в годах, однако это не умаляет их профессионализма. Как и Михаил, могут заменить меня в любой момент.

Маленький круглолицый брат Тадеуш барабанит в волнении пальцами по цевью такого же маленького, как он, дробовичка «франчи». Его врожденный оптимизм всегда благотворно влияет на боевой дух нашего коллектива.

Братьям Саймону и Гансу оружие можно вообще не выдавать — парочка костоломов неплохо справляется и без него. Я сам свидетель. Жилистый худой Саймон и, напротив — упитанный крепыш Ганс — в совершенстве владели древним британским боксом в сочетании с немыслимыми по скорости ударами ногами и некоторыми наиболее действенными борцовскими приемами. В свободные минуты и тот, и другой охотно делились с нами своими знаниями. Кое что оттуда перенял и я в том числе.

Брат Свен и брат Адриано, как и брат Ральф, входили в группу огневой поддержки и являлись штатными снайперами Одиннадцатого. Вообще-то, иметь у себя в отряде двух снайперов было неразумным излишеством. Я даже знаю такие подразделения — тот же Первый, к примеру, — где снайперов не наблюдалось вовсе. «Старики», коих на командирских постах стояло две трети, настаивали на том, чтобы каждый боец шел в атаку плечом к плечу со своими товарищами, а

потому возлежание вдали от поля боя со снайперской винтовкой было для них чем-то сродни околачиванию груш. Но я пока к «старикам» не относился и на правах руководителя боевой группы, носящего в петлице три серебристых креста, вписал себе в штат двух дистанционных убийц, прекрасно понимая, что их крупнокалиберные дальнобойные «гепарды» прикроют наши задницы хоть из самого Ватикана. А на нарекания я просто не обращал внимания — и Свен, и Адриано не единожды доказали, что не зря получают свое высокое жалованье.

У чешущего лысину брата Фернандо огромное широколезвийное мачете гармонично дополняло штатную штурмовую винтовку, и история хранила молчание, чем данный живодер накрошил еретиков больше — холодным или огнестрельным оружием. Я подозревал, что у кровожадного португальца что-то не в порядке с психикой, хотя вопреки моим подозрениям ежегодную медкомиссию он проходил без каких -либо проблем.

Самый молодой боец моего отряда — брат Энрико. Он выпущен Боевой Семинарией всего полгода назад. Являясь сыном мадридского архиепископа (сдается мне, не самым любимым, раз так легко уговорил отца отправить себя в Корпус), Энрико мог запросто поступить в любую мирную Академию, но нет же — романтика, понимаешь, одолела! Ничем особенным он не выделялся — стандартный молодой боец с ярким, еще непотертым, крестом на плаще, — однако на периферию отправлен не был. Очевидно, сказалось папашино влияние. Куратор Боевой Семинарии, магистр Людвиг, персональным распоряжением зачислил юного идеалиста ко мне в отряд, наверное, посчитав, что из всех командиров я буду единственным, кто не станет особо допекать магистерского отпрыска. И правда — я его не допекал, но за меня этим занимался эксперт по сбиванию спеси с молодых кадетов брат Михаил, вышколивший Энрико как положено.

Ушедшие сопровождать пастора и оставленные мной для успокоения жителей Перуджи братья Матиас, Йозеф, Янущ и Марио, а также некстати заболевший Костас, являлись не лучшей частью Одиннадцатого, посему получили работу «полегче». Загонщики на «иерихондах», близнецы Ярво и Самми, тоже остались не удел. Эта парочка — предмет отдельной беседы. Помешанные на скоростной

технике водители универсалы, они, в отличие от прочих водителей Корпуса, не подкрепляли основной состав подразделения, а представляли собой отдельный моторизированный взвод. Тоже, кстати сказать, моя оригинальная разработка. Я надеялся, что со временем стану родоначальником нового усовершенствованного способа Охоты, напоминающего древний вариант травли жертвы борзыми собаками. Но к этим безумным финнам отморозкам я еще вернусь в своем повествовании подробнее, ибо именно они, а не кто-то другой, сказали решающее слово при взятии монастыря Ла Марвей, и они же едва не оставили меня гнить в лесных приграничных дебрях…

Стоя сейчас со мной у горы Субази, никто из братьев и не предполагал, что уже недалек тот день, когда командир лишит их всего: карьеры, безупречной репутации, уважения братьев из других отрядов, а некоторых даже более того… Хотелось бы попросить прощения перед всеми, но вот только вряд ли теперь оно кому -либо нужно. В том числе и мне…

Наконец густые невысокие деревья, облепившие склоны горы, слились в единую темно серую массу. Стрекотание цикад защекотало перепонки. Откуда-то сверху потянуло прохладным ветерком. Природа отходила ко сну, однако Зло, испоганившее своим присутствием эту идиллию, отдыхать не намеревалось.

Я снял берет, передал его Михаилу, после чего вынул из кармана плаща специальную резинку и стянул свои черные патлы в тугой «конский хвост». Этот своеобразный ритуал перед боем служил одновременно знаком для всех моих бойцов: «Командир готов — пора!»

Группа Вацлава некоторое время двигалась вместе с нашей, но возле приземистых зданий эрмитажа Карчери свернула влево, бесшумно растворившись в темноте.

Комплекс примыкавших к скальным гротам строений едва различался на фоне леса. Я передал руководство Михаилу, оставив себе лишь обязанности координатора, имеющего право в любой момент свернуть операцию или перекроить порядок ее проведения.

Рука дозорного Ганса взмыла вверх, и мы мгновенно рассредоточились за корявыми стволами деревьев. Михаил и я, пригнувшись, подкрались к нему.

— Двое у колодца. Вооружены, — полушепотом доложил Ганс. — Похоже на охранение. Вероятно, дети здесь, брат Эрик… А вон и грузовики!

Небольшой центральный дворик комплекса окружали шесть или семь каменных зданий высотой в один два этажа. На бордюре имевшегося здесь же колодца примостились двое мужчин, своей оживленной беседой заглушавшие стройный хор цикад. Видимость еще позволяла разглядеть прислоненные к бордюру взведенные арбалеты. Но самое главное — искомые нами крытые брезентом грузовые машины находились позади охранников, очевидно, проехав к эрмитажу по узенькой извилистой дороге.

— Фернандо! Гюнтер! — Михаил провел пальцем по кадыку, красноречивым жестом заменяя слова приказа.

Германец, несмотря на свои нешуточные габариты, начал без единого звука передвигаться вдоль каменных фасадов. Дышавший ему в затылок португалец плавно обнажил мачете. Но внезапно оба они замерли и вжались в неровности стены.

Послышался детский плач. На крыльцо примыкавшего к воротам строения вывалился третий ублюдок, таща за волосы ребенка лет восьми, по всей видимости — девочку.

— Заткнись, я сказал! — Люциферист споткнулся и дернул малышку сильнее, отчего та перешла на визг. — Закрой рот, мелкая тварь!

— Ты куда? — поднялся с бордюра один из охранников. — Церемония через сорок минут!

— Успею! — Тащивший девочку хрипло хохотнул и втолкнул ее в соседнюю дверь, зайдя следом и захлопнув щеколду.

Снова усесться на прохладный камень охраннику не удалось. Огромные ладони легли ему на затылок и лицо, после чего резко рванули вправо и назад. До нас долетел глухой хруст шейных позвонков.

Увидев, как его товарищ мешком плюхается в пыль, второй страж подпрыгнул кузнечиком и схватил арбалет. Но практикой доказано: нельзя хорошо прицелиться, если тело твое стоит на ногах, а голова при этом лежит на земле. Мачете брата Фернандо вновь подтвердило сию незыблемую аксиому.

Мы присоединились к германцу и расчленителю.

— Я и брат Эрик берем извращенца, — Михаил был предельно краток. — Гюнтер, Дмитрий, Тадеуш — прочешите ту сторону двора! Ганс, Фернандо — эту! Ни одной занюханной каморки не пропустить! Разбежались!..

Ударом ноги мой замком вынес хлипкую щеколду, и я проник в дверь, рыская стволом пистолета в поисках третьего засранца. Правда, тот оказался малость попроворней, но, к счастью, ненадолго…

Остальные семеро детей были в более или менее нормальном состоянии, за исключением того, что их так и не удосужились покормить. Действительно, зачем Люциферу утруждаться подобной проблемой, когда заранее знаешь участь своих маленьких жертв.

Оставив Дмитрия и Тадеуша нянчиться с ревущей оравой (в грузовиках мы обнаружили кое какие продукты, что вселило надежду немного успокоить перепутанных ребятишек), я, Михаил, Гюнтер, Ганс и Фернандо, стараясь не шуметь, легкий трусцой выдвинулись по направлению к маячившему на темном фоне неба силуэту шпиля церкви Санта Марии дельи Анджели, которую, по моим расчетам, уже должна была окружить группа Вацлава.

— В эрмитаже не было ни живых, ни мертвых монахов, швед. О чем тебе это говорит? — не снижая темпа, спросил Михаил.

— В том или ином виде, они будут там, — я указал на приближавшуюся громаду церковного сооружения. Судьба присматривающих за комплексом Слуг Господа мне тоже была небезразлична — их шансы выжить едва ли являлись высокими.

Из за дерева навстречу нам вынырнул брат Вацлав:

— Как у вас?

— Все в порядке. Дети живы. Трех люцифериков списали подчистую, — ответил я и увидел, как поляк удовлетворенно улыбнулся.

— Стреляли?

— Один раз. Неужели услыхали? Вроде бы далеко… — я слегка напрягся.

— Да нет. Там у них один на охране. Ходит кругами. Что-то учуял недавно, прошелся по дороге, прислушался, но ничего… Сейчас кемарит у главных ворот. Уверены сволочи, что здесь, кроме них, никого, а потому беспечны як цуцики…

От такой информации мне заметно полегчало:

— Что ж, придется поганцев разочаровать. Значит, внутри их вместе с Люцифером девять человек. Ладно, приступим…

— Я побеседую с вертухаем, — Михаил, не дожидаясь моего одобрения, вышел на дорогу и зашагал к церкви. Меня уже перестало удивлять его хроническое пренебрежение Уставом, и я лишь молча покачал ему вслед головой.

Нам с Вацлавом была хорошо заметна прислонившаяся к массивным воротам фигура в темном комбинезоне. Михаил, стараясь не попадать под тусклый свет освещенных изнутри свечами окон, громко закашлял. Человек встрепенулся:

— Это ты, Иштван? — и, отойдя от ворот, пошел Михаилу навстречу.

— Я… а кто же… еще? — не прекращая кашля, ответил русский. — Помоги, а то они брыкаются!..

— Ты рановато их привел. Люцифер прогневается, — охранник приближался. — Это… а выродки-то где, Иштван?…О, Дьявол, ты кто?!

— Тень святого Франциска! — Из рукава Михаила выскочил острый как бритва стилет. Расстояние до охранника он преодолел одним прыжком. Тот хотел было рвануться назад, но опоздал. Прижав люцифериста левой рукой, Михаил коротким ударом вогнал клинок ему под ребра и провернул. Хрипящий охранник, хватаясь пальцами за его плащ, сполз на дорогу. Мой заместитель брезгливо оттолкнул тело ногой.

Мы вышли из укрытия.

— Кто держит задний вход и окна? — спросил я.

— Ральф со снайперами.

— Отлично. Энрико, предупреди их — мы начинаем. Сам возвращайся и прикрывай нас с парадного входа.

Шустрый сын архиепископа скрылся за углом. Мы прислушались, стараясь определить, что происходит внутри. Монотонное бормотание доносилось сквозь толстенные ворота церкви — люцифериста читали на латыни свои заклинания. Я уловил лишь знакомое мне «…Аве Мария…», все остальное сливалось в одну непереводимую кашу.

Вернулся Энрико и молча кивнул. Гюнтер, ухватив дверную ручку, оттянул воротину на себя, пропустил нас по одному и

последним вошел сам, придержав тяжелую створку, чтобы та не хлопнула.

Пахло смрадом и сыростью. Единственное освещенное место было у алтаря, где горели десятка четыре свечей из черного воска. Весь пол вокруг покрывали корявые символы, написанные чем-то красным. Три обнаженных и вскрытых тела монахов объясняли это: кровью! До единого мелкого штришка, до самой ничтожной закорючки — только кровью!

Алтарь окружало восемь человек, прячущих лица под капюшонами иссиня черных балахонов. Девятый, длинный и сутулый, поднял голову, почуяв движение в проеме арки.

Люцифер действительно поражал своим уродством: надбровные дуги сплющенного черепа плавно перетекали в огромные рогообразные наросты по обе стороны выпуклого лба. Пронзительные глаза смотрели на нас, скрытых тенью, не щурясь и не моргая. Блики свечей мешали Люциферу разглядеть, кто вошел.

— Иштван, ты опять раньше времени! — мрачный загробный голос неплохо подходил к его инфернальному образу. — Тебе же сказали в полночь! Или ты снова забыл порядок церемонии?

Но едва я открыл рот для произнесения приказа о сдаче, как этот ни во что не ставящий старших по званию русский опять меня опередил:

— Именем Господа, Пророка и Апостолов приказываю тебе, Князь Тьмы или как тебя там: рога в землю, копыта вверх! Сопротивление бесполезно — церковь окружена!..

Уж кто кто, а отряд Охотников ночью в горном лесу явился для этой КОДЛЫ полной неожиданностью. На несколько секунд воцарилась тишина, а потом Люцифер закричал.

Крик его был жалок и полон отчаяния. Куда исчез весь этот мрачный показной пафос, словно аурой окружавший кровавого маньяка? Люцифер понял, что это конец, причем конец страшный и мучительный…

Продолжая кричать, чудовище выхватило из под балахона такой же кривой, как и у Иштвана, кинжал, а затем бросилось в нашу сторону. Первым среагировал на его атаку брат Саймон. Помня приказ о недопустимости гибели Люцифера, он выбежал ему навстречу, нырком увернулся от разящего лезвия, а после этого ткнул носком

ботинка Князю Тьмы между ног. Вой того перешел на более высокую октаву.

— Су у у у уки и и и и и!!! — вопил, сложившись пополам, черт переросток, разом забыв о заклинаниях и латыни. — У у у у уи и и и и…упх!!!

Тот же ботинок заехал ему по голове, заставив потерять сознание.

— А я ведь тебя как человека предупредил… — брезгливо поморщившись, подытожил Михаил, но подумав добавил: — Впрочем, какой ты кк чертовой матери человек!..

Но это был еще не конец. Внезапно оцепенение оставило остальных одетых в черное жрецов, до этого даже не пытавшихся хоть как-то отреагировать на происходящее. Восьмерка разделилась — четверо последовали примеру господина, остальные кинулись в угол к не замеченному нами арсеналу.

Маленькие скорострельные «хеклер кохи» Саймона и Ганса срезали квартет номер один за доли секунды, не дав тому миновать и половины разделявшего нас расстояния.

Оставшиеся попытались оказать более достойное сопротивление. Едва очереди моих бойцов смолкли, как из противоположного угла церкви раздался ответный выстрел дробовика. Заряд дроби снес лепной изразец над головой Вацлава, обдав того крошками разлетевшейся штукатурки.

Мы мгновенно рассыпались по гулкому залу, используя как укрытия алтарь, скамьи и прочие детали убранства. Первого ублюдка прикончил я, когда тот попытался произвести рекогносцировку поля боя. Он высунул из за склепа святого Франциска лишь половину лица, но для меня этого было вполне достаточно — я тут же всадил ему пулю в правый глаз.

Второй противник, укрывшись под ведущей к хорам ветхой лесенкой, в панике пускал наугад стальные арбалетные стрелы, иначе именуемые «болты». Один такой тяжелый болт, отрикошетив от стены, начал хаотичное вращение и съездил по затылку брата Фернандо. Оглушенный португалец рухнул пластом на каменные плиты пола.

— Ах ты, гнида! — Михаил перекатился в центральный проход и из положения лежа открыл огонь по врагу длинными очередями. Мощный «АКМ» пробил насквозь деревянное укрытие люцифериста и его самого.

Двое еще живых принялись пятиться к воротам черного хода. Гюнтер перебежал вперед, занял позицию у алтаря и, встав на одно колено, влепил заряд картечи в грудь ближайшего к нему сектанта. Того подбросило, и он, задрав ноги, отлетел назад, грохнувшись спиной о ворота, к которым так стремился.

Видя весьма незавидное для себя положение вещей, четвертый мерзавец совершил рывок к окну, прыгнул, пробил телом мозаичный витраж и очутился снаружи. Свобода, спасение, счастье были так близки и так ощутимы…

Раскатистый выстрел крупнокалиберного «гепарда» брата Адриано поставил точку в существовании последнего члена банды кровавого Люцифера.

Заработавший колоссальную шишку Фернандо да поймавший плечом пяток дробин Ганс — вот и все наши потери в этой операции. В одном из подсобных помещений мы нашли семерых связанных монахов. Их ждала скорбная и неблагодарная работа: захоронение мертвых, ремонт собора и возвращение атмосфере осквернённой святыни духовной чистоты своими молитвами.

Утром следующего дня детей вернули наполовину поседевшим родителям. Я не присутствовал при этом — магистр Конрад попросил меня помочь в проведении предварительного Очищения души нашего уродливоголового гостя, предоставив тому его законное право занять Трон Еретика.

Возвратившийся из Перуджи Михаил пребывал слегка навеселе и помимо аромата молодого виноградного вина источал также невероятную благостность. Собрав всех отсутствовавших на процедуре спасения детей, русский заплетающимся языком объявил им, что отныне все мы почетные граждане данной деревеньки и что именами Конрада фон Циммера и Одиннадцатого отряда Инквизиционного корпуса назовут две из трех имеющихся там улиц. Ко всему прочему, пастор Винсент собирался просить аудиенции у Пророка, дабы потребовать у того щедрой награды для сегодняшних героев. Все попытки растроганного до слез Михаила остудить радостный пыл властителя трех улиц разумными контрдоводами типа «всем нам просто очень повезло» и «мы всего лишь случайно оказались в нужном месте в нужное время» результата не возымели и были Винсентом проигнорированы.

— Ну и пускай просит, — сказал мне русский, когда наш кортеж уже узрел на горизонте подпирающую облака громаду Стального Креста. — Поставят на очередь, через полгодика, глядишь, допустят к Его Наисвятейшеству. Выслушает он Винса краем уха, да тут же и забудет. Так ведь у нас всегда… А я вот когда стану старой развалиной и уйду в отставку, перееду в Перуджу и куплю себе домик на улице магистра Конрада. Затем сойдусь с местной старушкой, проканителюсь еще десяток другой лет да и отброшу копыта под мандариновым деревом со стаканом дешевого портвейна в руке… Ну как тебе, Гроза Люциферов, перспективка, а?..

И Михаил, не дождавшись ответа, вздохнул, а после улыбнулся, шевельнув усами, то ли насмешливо, то ли печально.

Похоже, ботинок Саймона лишил и без того обиженную здравомыслием голову Люцифера последних остатков ума. Ни каяться, ни просить о милосердии изверг не желал, сколько Конрад ни увеличивал электронапряжение Трона. Только слова о неминуемо падущем на нас проклятии за издевательство над слугой истинного Повелителя Мира прорывались сквозь выступавшую на его губах пену. Так что радужные мечты малорослого магистра не сбылись — стать человеком, вернувшим Господу столь гнилую и черную душонку, ему не повезло. Не удалось это, надо заметить, и Главному магистрату, несмотря на сонмы великих развязывателей языков, что обитали за его неприступными стенами.

Человека, «мнящего себя Сатаной», сожгли у подножия Креста ровно через месяц медленным, самым мучительным огнем. Присутствующие на казни родители невинно убиенных, а точнее попросту растерзанных Люцифером на куски маленьких жертв долго после Очищения плевали в смрадный пепел и топтали его ногами…

— Ты знаешь, — сказал мне немного позже брат Михаил, когда после этой публичной экзекуции мы забрели с ним в наш, обслуживающий только членов Братства Охотников, бар, — а ведь голова у этого паскудника была что ни на есть натуральная, как говорится, от матушки природы. Его родили где-то на зараженных ядовитой энергией прошлого пустошах. Эта энергия вроде бы как и вылепила ему рога с прочими причиндалами.

— Очевидно, и до мозгов дотянулась, — добавил я. — Согласись — кого кого, но детей…

— Незадолго до начала дознания, — продолжал Михаил, — кому-то из палачей Главного тюкнуло по темечку подсунуть Люцику в клетку молодую голую ведьмочку из соседних казематов. Сам знаешь, там этого добра уйма…

— И что? — скептически хмыкнул я, по опыту зная, что русский и приврет — не дорого возьмет.

— А представь себе — ничего! — нисколько не смутился он. — Заныкался, значит, наш Князь Тьмы в угол, сжался комком и зарыдал, как до этого жертвы его. Больной никчемный субъект! Обиделся на весь мир, понимаешь, и давай уничтожать то, чего сам сделать был не в состоянии. И кодла его небось из таких же состояла.

— Где ты берешь свою информацию? — недоверчиво посмотрел я в бесстыжие глаза своего заместителя. — Признайся: поди сам только что сочинил!

— В отличие от тебя, испаноскандинав, — взгляд Михаила отражал лишь оскорбленную кристально прозрачную честность, — я черпаю факты не из газеты, а из более осведомленных источников противоположного пола. Кстати, да будет вам известно: одна такая просила меня познакомить ее с великим, как ошибочно многие считают, обламывателем люциферских рогов. Так что допивай пиво и пойдем поведаем кискам о наших подвигах — я ведь как никак пообещал…

5

" — Вот и вы! — воскликнул он. — А доктор еще вчера вечером прибыл из Лондона. Отлично! Теперь вся команда в сборе.

— О сэр, — закричал я, — когда же мы отплываем?

— Отплываем? — переспросил он. —Завтра".

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

Историки утверждают, что во времена Римской империи Ренн, стоявший на пересечении рек Иль и Вилен, носил другое название — Condate, что по латыни означало «слияние». Именно слияние отдельных боевых единиц в мощный кулак и происходило сейчас во дворе Рейнского епископата.

Матерый сарагосец — а Гонсалесу было уже под шестьдесят — практически не изменился со дня нашей последней встречи три года назад — сухощав и подтянут, как и подобает истинным потомкам гордых испанских грандов. Вот только седых волос добавилось на

когда-то бархатно черной шевелюре Карлоса, да пара тройка свежих морщин врезалась в смуглое лицо. Матадор стоял на пороге отставки, однако, судя по его крепкому рукопожатию, он о ней и не помышлял..

— А знаешь, сеньор Хенриксон, последнее время ты весьма знаменит, — произнес Карлос после приветствия. — Я подозревал, что брать Проклятого позовут тебя, а не парижан, хотя эти ленивые псы находились гораздо ближе… Скажи ка мне лучше, как здесь потчуют?

— Сносно, — ответил я. — Лучше, нежели в Орлеане, где мы загорали неделю.

— Это радует. — Гонсалес улыбнулся правой половиной рта, отчего улыбка его приобрела злорадный оттенок. — А вот в Бордо, откуда мы прибыли, было вовсе погано. Ублюдочный тамошний епископ накормил моих ребят какой-то гнилой дрянью! Пока ехали сюда, через каждые десять километров тормозили - то одному приспичит, то другому… Прижечь бы поганцу пятки за саботаж!..

— Милейшие мои, не соизволите ли подать руку смиренному Служителю Божьему, пока тот не навернулся прямо о твердь земную!..

— О, нет! Только не это! Второй год подряд! Снова он! Господи, за что твой верный раб Эрик Хенриксон вновь так жестоко наказан?

Из дверного проема магистерского отсека трейлера Пятого отряда высовывался руководитель моего прошлогоднего и такого успешного рейда — Божественный Судья Экзекутор, коротышка магистр, Конрад фон Циммер. Его толстенькая ножка тщетно ловила верхнюю ступеньку лесенки, а взгляд был исполнен ненаигранной мольбы о помощи.

Гонсалес закатил глаза к небу, после чего умоляюще посмотрел на меня. О, я его прекрасно понимал! Если магистр Конрад пробивал даже мой полунордический темперамент, то как же нелегко приходилось с ним горячему южанину!

Из уважения к более старшему на зов откликнулся я. Изобретатели походных трейлеров при всей своей образованности и представить себе не могли, что в природе существуют магистры столь миниатюрных комплекций. Вечным заложником их недальновидности как раз и являлся малорослый магистр Конрад. Взяв бедолагу под локти, я вернул его на грешную землю.

— Разлюбезнейший Эрик, я всегда знал, что вы мой самый лучший друг! Будь решающей не Божья воля, а моя, в рейды хаживал

бы исключительно с вами, — пролепетал благодарный коротышка.

Сегодняшнюю Божью волю я поддерживал на триста процентов, но, видать, недостаточно, раз Всевышний свел таки нас вновь…

— Благодарю вас, ваша честь, однако разве очередность вашей командировки уже подошла? — Я помнил, что Конраду оставалось «отдыхать» как минимум еще несколько месяцев.

— Магистр Джозеф — такая досада! — приболел в пути, — горько вздохнул он, отряхивая грязь со своего балахона. — Но я, покорно склонив голову, воспринял волю Апостола Инквизиции, когда он решил заменить его мной.

Это могло означать лишь одно — отношение к Конраду его коллег по Магистрату было аналогичным нашему, а потому при любых накладках в графике рейдов недомерок всегда становился крайним.

Церемония приветствия повторилась, правда, темп ее заметно упал — епископ Жан Батист стал тяжелее на целый, надо думать, нехилого объема, ужин. Вышел поприветствовать Конрада и магистр Виссарион, державшийся в своей обычной сдержанной манере. Украшение епископата — дочь Жан Батиста — на этот раз отсутствовала, вероятно, удостоив таки вниманием моего внештатного «ординарца».

Пятый отряд удалился ужинать. Я исключительно любопытства ради прошелся вдоль ряда его техники. Имеющее более привилегированный номер, подразделение Карлоса могло рассчитывать и на более дорогостоящее вооружение, как раз и представленное здесь занимавшими кузова «самсонов» солидными спаренными сорокамиллиметровыми автоматическими орудиями «МК 5». Оба они были некогда сняты с остовов боевых кораблей Древних и заново восстановлены дьяконами Оружейной Академии. Я ни разу не видел их в действии — своим-то тяжелым вооружением пользовались редко, да и то больше для устрашения. За расход боеприпасов к «вулканам» спрашивали со всей строгостью, а потому любимая забава моих бойцов обходилась мне горами отчетов о необходимости их применения.

Один из бойцов Матадора нес охранение возле орудий, прохаживаясь взад вперед да изредка попинывая массивные покрышки «самсонов». Увидев три командирских креста у меня на петлице, он

тут же принял уставную стойку, а затем отсалютовал мне четким и свойственным, по моему, лишь молодым Охотникам движением.

— Да брось ты,. — отмахнулся я и подошел поближе. — Недурственные у вас пушечки. Давно использовали?

— С месяц назад, — боец расслабился и дозволил себе прислониться к подножке «самсона». — Сектанты под Бордо общину сколотили, народ баламутили, про Господа небылицы всяческие пороли… Одним словом, наш клиент. Ну, окружили мы их, а там не община, а целый укрепрайон: стены с бойницами, насыпь, частокол… Долго уговаривали сдаться на Божью милость, минут пятнадцать. — Для стремительного Гонсалеса действительно — вечность! — А они нам — нет, дескать, умрем как один, но в ваши грязные лапы не пойдем, и баста! Задело это Мата… виноват — брата Карлоса. Ну, говорит, на нет и суда нет, только наказание. Развернули «эмкашки» да дунули из четырех стволов по частоколу. И как назло, первую клинит — затвор чего-то заерепенился, подлюка. Ну мы, правда, и одной ворота просверлили, внутрь зашли, оплеух прикладами надавали тому, кто помоложе да поглупей, а шишек их повязали всем скопом. Магистр Конрад в две смены работал, Трон не выключал. Все обратно к Богу вернулись, а то орали!.. Добрый он — магистр Конрад: из семерых только двоих Очищению предал, остальным ногти повыдирал да крестом раскаленным к языку приложился, чтоб Писание, сволочи, не хулили. Молитву над заблудшими душами прочел, а после отпустил с миром… Шибко уж добрый, нехорошо это… Вот только собрались «эмкашку» в Академию на ремонт везти, гонцы пожаловали. Оставим, наверное, здесь пока, чего таскать-то за собой. Но я вам так скажу…

Головорез был не прочь поговорить и подольше, но я слишком устал. Назначил караул, доплелся до своих нар и через минуту уже спал.

Стакан на столике дребезжал. Противный звон проникал в мозги, хочешь — не хочешь заставляя просыпаться. Солнце поднялось высоко, значит, скоро завтрак. Выспался я на славу, даже отлежал левую руку. Потянулся лежа, сел и принялся натягивать ботинки, ставшие за ночь холодными и неродными…

…Стакан! Странно, но дребезжание усилилось; того и гляди, мой стеклянный товарищ спрыгнет со столика и покончит с собой в это прекрасное утро! Что, черт побери, происходит?

В дверь моего командирского отсека раздался легкий стук. Получив разрешение войти, на пороге нарисовался брат Энрико.

— Брат Эрик, прибыли магистр Аврелий и брат Бернард. Похоже, дело и впрямь серьезное, вы только посмотрите, что они притащили с собой из Ватикана! — Энрико в нетерпении переводил взгляд с меня на нечто, грохотавшее во дворе, и обратно.

— Иду, — просипел я пересохшим за ночь горлом. Энрико ретировался из дверного проема, ослепив меня хлынувшим в него потоком яркого утреннего света.

Стакану и впрямь было с чего взбеситься. Во двор епископата, кроша булыжное покрытие стальными траками, влезало многотонное носатое чудовище, заставляя вибрировать, казалось, все мироздание, включая и его основы. Подкатив бронированное тело к рядам нашей техники, существо фыркнуло, испустило облако зловонного дыма, рывком дернулось вперед и затихло. Вслед за ним вполз остальной транспорт Бернарда: стандартная пара трейлеров, «хантер», «самсон», вместо автоматической пушки груженный какими-то ящиками, и приземистый бортовой грузовик, судя по звуку двигателя и ширине колес — невероятной мощности и грузоподъемности. Последний нес на себе скрытую под брезентом крупную конструкцию весьма приличного размера и веса.

Сзади, зевая, подошел Карлос.

— Карамба! Это интригует! Когда -нибудь имел с такими дело ? — И он указал в сторону длинноносого металлического зверя.

— Вообще-то нет, — я был заинтригован не меньше него. — Но кадетами нас водили на экскурсию в Оружейную Академию, где я и видел такую штуку первый и последний раз в жизни. По моему, напоминает гаубицу…

— Да, ты прав. Это самоходная гаубица «АС 90». Достанет до Мон Сен Мишеля не доезжая двадцати километров. Жуткая вещь… В чем дело? Уж не русские ли там окопались?..

Третий повтор ритуала приветствия Жан Батист отработал изящнее всего. Порхая вокруг магистра Аврелия этакой двенадцатипудовой бабочкой, епископ поминутно хватал того за рукав и без умолку сыпал любезностями.

Бернард вылез из «хантера», огляделся, кивнул Жану Батисту, но подходить к нему не стал. Лицо Мясника выражало открытое

презрение подобным лицемерным словоизлияниям. Однако через полминуты сдержанная улыбка озарила таки его — Бернард заметил нас с Карлосом.

Не знаю, как Матадор — Бернард был ему почти ровесник, — а я испытал настоящий мальчишеский трепет, когда мою руку пожимала рука живой легенды Братства Охотников.

— Брат Карлос! Брат Эрик! Приятно работать с уважаемыми людьми. Вы уже завтракали? Нет? Ну хорошо, показывайте, где здесь харчевня…

Широкоплечий крепыш среднего роста с ежиком коротко стриженных волос, Бернард Уильяме в свои пятьдесят полностью поседел. Зато на остальных фронтах немилосердная Старость потерпела сокрушительные поражения. Так что взглянув командиру Первого в глаза, я мог лицезреть лишь одно — силу, жесткую бескомпромиссную силу. Ту, что вела его от победы к победе, ценя человеческие жизни не дороже грязи под ногами. Это пугало и восхищало одновременно…

— Я вижу, у вас возникли кое какие вопросы, — не отрываясь от еды, Бернард посмотрел на нас с Гонсалесом. — Прошу вас, задавайте, не стесняйтесь,

В епископатской столовой для слуг мы сидели вшестером: брат Бернард, брат Карлос, я и наши заместители — брат Вольф, брат Марчелло и брат Михаил. И если Марчелло являлся, по сути, Охотником заурядным, то о Вольфе, имевшем прозвище Циклоп, следовало бы сказать особо. Именно этот человек занимал командирскую должность Одиннадцатого до того, как на нее был назначен я, из за чего мне пришлось уйти с поста замкома Ящерицы после двух лет пребывания на нем.

Особенно ярко выделялся Вольф внешностью. Двухметровый Гюнтер — единственный из старожилов Одиннадцатого, кому довелось послужить под командованием брата Вольфа, — поставленный рядом со своим бывшим командиром, проигрывал ему едва ли не полторы головы в росте и почти целый локоть в плечах. Ходили слухи, что столь нечеловеческими габаритами гигант был обязан все той же ядовитой и невидимой энергии Древних, которой, по всей очевидности, когда-то заразились его родители. Когда эта гороподобная махина нависала над вами, пусть даже мирно при этом

беседуя, вы испытывали естественное желание скрыться куда -нибудь, а потом долго долго оттуда не высовываться. Дополнение к портрету Вольфа вносила бритая до зеркального блеска голова и единственный сохранившийся глаз, злобно сверкающий из под правой надбровной дуги. Глазница же левого прикрывалась черным кожаным пятачком, удерживаемым вокруг лысой макушки тонкой тесьмой.

Насчет утраты гигантом второго органа зрения хаживало множество красивых легенд. Лично мне более всего импонировала та, в которой глаз Вольфу высосала какая-то сумасшедшая старуха ведьма, но я точно знал, что всему виной была банальная пистолетная пружина, некстати соскочившая во время чистки Вольфом оружия.

Циклоп восхищался Бернардом Уильямсом настолько, что, когда Мясник, пораженный при встрече этой неординарной личностью, предложил командиру Одиннадцатого занять у него более низкую по рангу должность замкома, тот с превеликой радостью согласился, чем поспособствовал и моему продвижению по службе. Наверное, следовало его за это поблагодарить, да вот только приближаться лишний раз к Циклопу не хотелось — могло и не подфартить, как когда-то Одиссею…

— Брат Бернард, — опередил меня с вопросом Гонсалес, — к чему такие калибры? Я думал, там и трем отрядам работы не будет. Всего делов-то: врывайся да вяжи Проклятого как пожелаешь.

— Так оно и должно было быть, — кивнул Мясник. — Но только все обстоит куда сложнее, чем вы думаете. Вы знаете, что я прибыл маршем из самого Ватикана. За несколько дней до получения мной приказа о начале операции Защитники Веры из Брюсселя привезли в Главный магистрат искателя, приторговывавшего найденным огнестрельным оружием. Хоть это, говорят, и не ваш профиль, но вы должны его выслушать. Сами понимаете, как только он увидел Трон, то стал колоться как грецкий орех под рукояткой пистолета. И что же выясняется: оказывается, за месяц до этого на его территории раскопок неопознанная группа вскрыла хранилище военной базы Древних. Торгаша обидел не сам факт, а то, что он всю жизнь прокопался там и даже не подозревал о ней. Само собой, пустился в погоню, но не догнал, однако угадайте, куда вывел его след?

— Мон Сен Мишель! —догадался Карлос.

— Вот именно!

— И что же они нарыли в том складе? — настала моя очередь задавать вопросы.

— Наш искатель обнаружил уйму полуистлевшей документации на всяческие разновидности гранатометов: «Карл Густавы», «панцер фаусты», «фольгоре», даже «стингеры», которые Оружейная Академия так и не смогла восстановить.

Наступила длинная пауза.

— Разрешите? — подал голос брат Михаил. Бернард кивнул.

— Я думаю, шансы на то, что подобные штуки сработают, невелики. Ведь из того количества, которое свозилось в Академию, были реставрированы лишь единицы. По моему мнению, можно особо не переживать…

Мясник поморщился — уверенность Михаила пришлась ему явно не по душе:

— Может, оно и так. Но нам известно, что захвачено было приличное количество этих огнеплюющих труб. Да и склад, как утверждает эта сволочь контрабандист, находился в добротном состоянии. Делай выводы.

— Каждым удачным выстрелом, — добавил Матадор, — они способны лишить нас единицы техники, не говоря уже о людях. Представляешь, если осколочная граната ударит в толпу? Брат Бернард, вы считаете, Проклятый готовит восстание? Зачем ему подобные вещи? Раньше все бегал, прятался…

— Главный магистрат предполагает, оружие готовится для того, кого эти типы ожидают на острове. Как плата за определенные услуги, скажем, перевоз самого Иуды или же его детей… Что-то в этом духе. — Бернард щелкнул пальцами, и подбежавший слуга унес его тарелки. — Ко всему прочему, мы не знаем, имеет ли он другое вооружение — вполне вероятно, что да, — так что готовимся к серьезному отпору. Именно по этой причине Пророк и распорядился выделить нам ящик ручных гранат, гаубицу и «мириад»…

Михаил ошарашено присвистнул:

— А я думал, что «мириад» — плод буйных фантазий кадетов младших курсов! Клянусь моими обожженными усами!..

Мясник резко повернул голову и уставился ему прямо в глаза. Передернуло не только Михаила, но и меня.

— Ты слишком много думаешь для представителя низшего командного звена, не замечал? — Бернард даже не повысил голоса. — Думаю здесь я, брат Карлос и твой командир.А тебе положено лишь в понятной форме доводить наши приказы до личного состава. Или ты подзабыл Устав ? Могу напомнить.

Беспрецедентный случай — мой замком покраснел, кашлянул и смог еле слышно выдавить себе под нос только одно:

— Виноват…

Сидевший напротив Михаила Циклоп криво ухмыльнулся, очевидно, находя это забавным.

Бернард Уильяме закончил трапезу, поднялся, отряхнул крошки и уже официальным тоном произнес:

— Отлично. Через полчаса жду вас всех в епископате.

Прошу не опаздывать.

И покинул столовую. Брат Вольф последовал его примеру, одарив оставшихся за столом загадочной улыбкой изуродованной Джоконды. Остаток завтрака прошел при полном молчании.

Во дворе тем временем бойцы Первого отряда занимались чисткой от дорожной пыли таинственного «мириада». Конструкция его напоминала спаренный «вулкан» с теми же вместительными коробчатыми емкостями под патроны, системой электрической их подачи и вращающимися блоками стволов, правда, калибр был слегка побольше, чем у Шестиствола. Судя по скупой информации («мириад» считался орудием засекреченным) данный агрегат мог выпускать из двух пушек одновременно свыше полутора сотен снарядов за секунду — скорострельность просто бешеная. Только сейчас ощутил я всю серьезность грядущей операции.

Все еще мрачный Михаил прошелся вокруг, поцокал языком, после чего встал напротив «мириада», скрестив руки на груди.

— Ну, что скажешь? — нарушил я ход его мыслей.

— Выстриги волосы из ушей, брат Хенриксон, — буркнул он. — Ты не в курсе: мне только что запретили шевелить мозгами…

— Да такое просто физически невозможно! — усмехнулся я — обиженный русский чем-то напоминал большого ребенка. — Твои мозги давным давно скрипят автономно от всего остального. Своего рода хроническое заболевание. Если бы Бернард знал об этом, он наверняка бы посочувствовал.

— Нужно мне его сочувствие как архангелу свисток! Но раз уж ты спросил, что я думаю, то я отвечу: поверь моему чутью — впереди нас ждет великое дерьмо! Карлос и Бернард — «старики», а ты для них салага, потому вся грязная и позорная работа ляжет на наш горб. Кончились, Эрик, беззаботные дни, Когда твой Одиннадцатый сверкал серебряными доспехами, гоняя всяких мелких выродков. Иуда не головорез, он виноват лишь в том, что позволил сказать Пророку: «Извини, батя, но я задолбался расхлебывать твою кашу и хочу домой!», а того, видите ли, это задело. Так что все, чем мы теперь занимаемся — чистой воды политика и пророческие амбиции. И забудь теперь о своей незапятнанной репутации. Коли работаешь бок о бок с Мясником, будь готов сам запачкать руки по локоть кровью… Как чувствовал, что рано или поздно что -нибудь этакое с нами случится!

— Однако крепко он тебя зацепил, — я постарался придать голосу соболезнующую интонацию.

— Переживу, — пробурчал Михаил, после чего тяжко вздохнул. — Эх, скорее бы в отставку, что ли…

— Наш гостеприимный хозяин, епископ Жан Батист, сделал широкий жест — отдал нам под тактическое совещание свой рабочий кабинет, обставленный на удивление скромно и со вкусом. Брат Вольф расстелил на столе ветхую карту острова Мон Сен Мишель, найденную магистром Аврелием в бог весть каких закромах.

Когда я еще находился при отряде Фабио Петрелли, мне довелось побывать там проездом. Наикрасивейшее место! Остров представлял собой коническую скалу, удаленную от нормандского побережья на полтора километра и имеющую в окружности у основания порядка девятисот метров. По легенде, где-то здесь была сокрыта гробница Юлия Цезаря, захороненного в золотом гробу и в золотых сандалиях. Тогда стоявший на морском берегу каменистый холм использовали для ритуальных нужд кельты и друиды, именуя его Могильной горой.

Позже остров облюбовали монахи отшельники, соорудившие там часовню, а затем местный епископ Обер начал на нем строительство монастыря. Как утверждал сам епископ, идеи о монастыре ему настойчиво подбрасывал не кто -либо из смертных, а непосредственно архангел Михаил, сопровождая сей процесс различными божественными видениями (самым ярким из видений Обер почему-то

считал постукивание архангельского пальца ему по лбу). Отсюда и родилось название острова — Мон Сен Мишель. Постепенно остров соединила с материком насыпная дамба, тем самым исключив проблему попадания на него той части верующих, которые в силу ряда причин не могли ходить по воде аки по суху.

В течение нескольких веков святые стены возводились, разрушались и снова возводились, являясь жертвами политических интриг тех лет. И вот к середине тринадцатого века вершину скалы наконец оседлали неприступные, выполненные в монументальном романском стиле здания монастыря Ла Марвей, причудливо сочетаясь с готическими остроконечными башнями центрального строения комплекса — пронзившей зенит своим шпилем церкви. Бронзовая фигура архангела Михаила венчала шпиль и была видна с огромного расстояния.

Мон Сен Мишель переживал подъемы и спады, отбивал штурмы и выдерживал осады, служил тюрьмой при Наполеоне, а незадолго перед Каменным Дождем стал местом паломничества туристов.

Пережил он и Дождь. Приливная волна снесла часть заградительной стены и наиболее приближенные к морю постройки, оставив сам Ла Марвей в неприкосновенности. Новая эра часто заставляла монастырь менять хозяев благодаря его выгодному стратегическому расположению, пока парижский архиепископ, следуя волеизъявлению Пророка, не организовал там детский приют дело в высшей степени богоугодное. Однако теперь опять же волею судеб многострадальный остров перерождался в боевую цитадель, готовую уничтожить любого, покусившегося на тысячелетние стены…

Магистры заняли принесенные им кресла. Мы же остались стоять вокруг карты — так ее было удобнее рассматривать. Собственно говоря, совещание не было совещанием как таковым: Бернард излагал свои стратегические наработки, а я и Карлос только кивали, запоминая порядок действий.

— Выступаем в полночь, — при этих словах Мясник положил пред нами свой золотой, подаренный самим Пророком, хронометр, дабы мы могли выставить по нему собственные, гораздо более скромные. — Наша скорость зависит от скорости гаубицы, а она невелика. Проклятый тягач, волочивший ее от Ватикана, посадил себе движок под Ле Маном — хвала Господу, что не раньше! — а потому

теперь ей приходится ползать самостоятельно. В половине четвертого — крайний срок! — мы должны быть на месте. Светает сейчас около пяти — самое время для атаки. Исходим из расчета, что противник хорошо вооружен, а потому работаем исключительно осторожно. Не будь вокруг острова этой оборонительной стены, мы бы, конечно, высадились туда с моторных лодок, что на порядок упростило бы нашу задачу, но выбирать не приходится, потому остается лишь дамба. Проникать на объект придется через нее. Гаубица прикрывает нас с берега по правую руку и держит восточный и юго восточный сектора острова… — карандаш Бернарда принялся чертить на карте тупоконечные стрелы, — …"мириад" по левую — соответственно запад — юго запад. Половина моих людей в пути тренировалась в обслуживании этой техники, надеюсь, не подведут. Теперь о неприятном, касательно ваших бойцов, брат Эрик…

Я заметил сощуренный взгляд Михаила: «Что я намедни тебе, командирская морда, говорил!»

— Я понимаю, что все они горят желанием идти на штурм, но оба ваших «самсона» потребуются мне для охраны орудий и тыла. Они будут патрулировать побережье, чтобы какие -нибудь отступники не ударили нам в спину и не уничтожили не только нас на узкой и хорошо простреливаемой дамбе, но и не сожгли из гранатометов бесценную технику. А иначе мне и магистру Аврелию придется отвечать за нее по всей строгости.

Аврелий, сидевший рядом, согласно кивнул, качнув окладистой черной бородой — ну просто древнегреческий стратег Фемистокл, бюст которого украшал холл Афинского магистрата. Лишь огромная родинка на левой щеке магистра нарушала их полное сходство.

Брат Бернард продолжал:

— Экипажи ваших патрулей по пять человек. Бойцов отберете сами. Оставшиеся ваши десять лучших вояк, вместе с вами разумеется, а также восемь моих и Пятый в полном составе образуют ударно штурмовую группу. Теперь о наших прямых задачах. Как я уже говорил, идем по дамбе. Дамба — наиболее опасный участок, поскольку на ней мы как на ладони для стрелков со стен береговых бастионов и Ла Марвея. — Бернард обвел на карте по отдельности каждую из башен невысокой, но абсолютно непреодолимой с наскока оборонительной стены вдоль периметра острова. — Поэтому

совершаем рывок под прикрытием «самсонов» и «эмкашек» брата Карлоса, пока не окажемся у острова. Там нам помогут дома рыбаков, плюс ко всему это уже мертвая зона для стрелков из монастыря. Вы что-то хотели сказать, брат Карлос ?

— Прошу разрешения вас перебить, брат Бернард, — испанец чувствовал себя слегка неуверенно, — но одна моя пушка издохла и на нее нельзя рассчитывать.

— Та а ак, непорядок… — Бернард выпрямился и постучал карандашом по ладони. — Брат Карлос, ну вы же опытный Охотник! Надо было почаще контролировать тех, кто обязан следить за ее состоянием, чистить, смазывать… Что прикажете теперь предпринять?

К чести Карлоса Гонсалеса, он воспринял критику так, как и подобает представителю гордого народа: губы сжаты, осанка величественна, взор холоден… Но нетрудно было догадаться, какие страсти кипят сейчас внутри у темпераментного сарагосца.

Лицо Циклопа вновь скривила ухмылка — похоже, он боготворил своего командира в такие моменты. Михайловы усы тоже поползли вверх — ведь приятно осознавать, что не на тебя одного валятся все шишки.

— Брат Бернард, — вступился я не столько за Матадора, сколько за своих незаслуженно выставленных в арьергард бойцов, — разрешите моему «самсону» заменить «самсон» брата Карлоса?

— Отставить, брат Эрик, — отрезал Мясник. — Ослаблять тылы я не стану ни при каких условиях. Поступим так: брат Карлос, демонтируйте орудие и возьмите дополнительный ручник у моего пулеметчика, он все равно задействован на гаубице. Думаю, что одной «эмкашки» и трех ручных пулеметов должно хватить для прорыва. Я разгружу свой «самсон» и тоже прихвачу его с нами — дополнительная броня не помешает. Поставим пулеметчиков в кузова и пусть работают с колес… Да, уверен: этого хватит. Тем более с нашими калибрами огневой поддержки. И, брат Карлос, поторопитесь со снятием вашей поломанной пушки; монстромобиль должен быть полностью готов. Так что не обессудьте — я хотел дать отбой до одиннадцати, но к вам теперь это не относится…

Карлос без промедления указал своему замкому Марчелло на дверь, и тот убежал доводить приказ главнокомандующего до личного состава Пятого отряда.

— На остров проникаем через Королевский вход в оборонительной стене, — вернулся к основной теме брат Бернард. — Войдем, как говорится, по королевски, — он попытался сострить, но никто не оценил, кроме молча ощерившегося брата Вольфа. — Поднимаемся по главной улице до ворот монастыря. Если ублюдки засядут в домах рыбаков, вышибаем их оттуда. На этом этапе пленных разрешаю не брать — все основные фигуры, я уверен, будут скрываться за стенами Ла Марвея. Закрепляемся возле ворот и ждем подхода двенадцати моих бойцов с орудием прикрытия. Ваши, брат Эрик, само собой, продолжают патрулирование. Затем вышибаем ворота «эмкашкой» и приступаем к зачистке. Кстати, заместителям командиров: получить у брата Вольфа для своих отрядов ручные гранаты из расчета две единицы в одни руки.

— Брат Бернард, — поднял ладонь магистр Аврелий, — заострите внимание на последующих, оговоренных нами, деталях.

— Разумеется, ваша честь… Внутри Ла Марвея и церкви действуем десятью группами по пять человек. Чистим все: от подвала до каморки под шпилем колокольни. И вот здесь самое основное! — Бернард сделал паузу, обязанную подчеркнуть важность следующей информации. — Отступников стараемся брать только живыми! Пророк лично пообещал щедрую награду тому Охотнику, который спеленает Иуду.

В глазах моего замкома появился неподдельный интерес. «Какую награду? Ну скажите, мистер Уильяме, я все прощу!» — умолял взгляд Михаила, но рот благоразумно оставался закрытым — горький опыт, знаете ли… Бернард остался глух к его пантомиме и не стал особо останавливаться на этом вопросе.

— Порядок операции ясен? — Глаза Мясника по очереди задержались на каждом из окружавших карту. — А теперь вопросы.

— Как вы считаете, кого они ждут? — спросил я нашего главнокомандующего, поскольку на данную тему он еще не высказывался. Но ответил не Бернард, а фемистоклоподобный Аврелий:

— Точно неизвестно, брат Эрик, однако и Скандинавия, и Россия очень хотели бы получить этот неиссякаемый источник секретов Святой Европы. Понятное дело, флот они не пошлют, но то количество оружия, которое, вероятно, скопилось сейчас под крышами Ла Марвея,

может послужить хорошей приманкой любому корсару, согласившемуся переправить Проклятого на север или восток.

— Спасибо, ваша честь. — Я лишь получил от Аврелия подтверждение своим догадкам. — Разрешите тогда еще вопрос: у нас намечается поддержка с моря на тот случай, если отступник надумает скрыться на лодке? Бернард кивнул.

— Добровольцы Креста из Авранша перекроют сегодня ночью все подступы к острову от залива Сен Мало. Даже если предположить невероятное — что Проклятый Иуда прорвется через них, — от гаубицы он далеко не уйдет. Жаль, что-тогда придется его уничтожить, но это на самый крайний случай. Ну а теперь что касается общей связи, координации действий и распорядка сегодняшнего дня…

Возле трейлера казармы ко мне подошел магистр Виссарион. Лицо его выражало нешуточную озабоченность.

— Брат Эрик, вы не видели моего Джерома? Со вчерашнего вечера от него ни слуху ни духу…

— Нет, ваша честь, — солгал я, — не видел. Может быть, он на хоздворе стирает свой балахон? Сами знаете, он у него не маленький.

Виссарион кисло улыбнулся шутке.

— Запер трейлер и пропал. А там печать, документы… Раньше за ним такого не замечалось.

Магистр потоптался немного рядом со мной и побрел назад в епископат, где кагор, к его глубокому сожалению, подавали только к еде, а не вместо воды, как он привык.

Брат Михаил собрал моих вояк перед «самсонами». Разрешив братьям не строиться, я подробно обрисовал им план операции, уже предчувствуя общее недовольство. Так и вышло.

Добровольцев в патрули, естественно, не нашлось, потому пришлось невежливо показать пальцем на десятерых ворчащих бойцов, загодя почуявших нутром свою участь. Громче всех неистовствовали ветераны Дмитрий и Вацлав, которых я — самый несправедливый командир за всю историю Корпуса — сделал старшими экипажей.

Пока я выслушивал их брюзжание, Михаил отоварился у Циклопа ручными гранатами, которые принес в холщовом мешке, словно картошку.

— Подходи, разбирай, — объявил русский и раздал в протянутые руки стальные рифленые картофелины.

Ящики из «самсона» Мясника преподнесли нам еще один сюрприз — компактные рации на аккумуляторных батареях, действующие в коротковолновом диапазоне и выдаваемые братом Вольфом по штуке на каждую пятерку бойцов. Подарок Апостола Связи Инквизиционному корпусу пришелся как никогда кстати. Распределив и их, Михаил погрозил кулаком брату Гюнтеру, пытавшемуся неуклюжим пальцем сковырнуть микроскопический тумблер:

— Поаккуратней, малыш! Не сломай погремушку! Клянусь обожженными усами, одноглазому дяде это не понравится.

Гюнтер, еще со времен Новой Праги не испытывавший к Михаилу особой симпатии (габариты и немногословие германца постоянно служили русскому поводом для шуток), смерил того презрительным взглядом, но попыток не прекратил. Наконец прибор коротко пискнул и включился.

— Знаешь, человек домкрат, — проговорил Михаил, явно нарываясь на очередную порцию молчаливого презрения великана, — пока ты надумаешь, что пробурчать в эту говорилку, у нее батарея успеет сесть…

Дав по распоряжению Бернарда всем отбой до одиннадцати, я наказал патрульным в последний раз проверить механику «вулканов», а сам побрел к себе в отсек. Восемь моих штурмовиков — Гюнтер, Ральф, Фернандо, Матиас, Януш, Саймон и мотоциклисты загонщики Ярво и Самми, которые по задумке главнокомандующего должны были осуществлять курьерскую связь между нами и оцеплением из не имевших раций Добровольцев Креста, — подались следом за мной выполнять самый любимый приказ Братства — спать.

Прежде чем вкарабкаться в отсек, я сочувственно посмотрел на суетившихся вокруг своего «самсона» бойцов Пятого — те демонтировали подпортившую репутацию их командира злосчастную «МК 5».

Только расслабился, закрывая глаза, как скрипнула дверь, продемонстрировав в проеме усатую физиономию Михаила.

— Не спится? — Он втиснулся весь, откинул складное сиденье и устало плюхнулся на него. — Есть одно проверенное средство от

бессонницы…

— Ты когда научишься стучать в дверь? — Я снова закрыл глаза, стараясь игнорировать докучливого посетителя, хотя прекрасно знал, что это тщетно.

— Зачем стучать, раз все равно не спишь? — недоуменно поднял брови Михаил, после чего зажег примус и поставил чайник на огонь. — К тому же, сколько тебя помню, ты всегда был рад моему приходу. —

Я молчал, показывая, что не желаю вступать в беседу, однако намеков Михаил не понимал категорически.

— Значит, прикрываем задницы Первому? — Он ополоснул стакан и выплеснул воду через приоткрытое окно, даже не выглянув, есть ли кто снаружи или нет.

— Значит, прикрываем, —лениво проговорил я.

—Я как всегда прав!

—Ты как всегда прав!

— Дмитрий настоятельно просил покапать тебе на мозги. Он считает, что их с Вацлавом место…

— Да плевать мне, что он считает! — Сегодня точка моего кипения оказалась ниже, чем у сипящего на примусе чайника. Впрочем, ничего удивительного — просто мне давно осточертело расшаркиваться перед каждым по поводу собственных приказов. — Его место там, куда я его определил, и пора бы уже усвоить — я не меняю своих решений! А иначе какой из меня к чертовой матери командир? Я не сестра Услады Духа, чтобы потакать всем подряд! — И, выплеснув накопившиеся эмоции, более миролюбиво добавил: — Я доверяю им подобную работу не потому, что не уважаю, а, наоборот — потому, что они из лучших. Пропустим гранатометчика диверсанта, Мясник нас самих на котлеты порубит и Циклопу скормит…

— Примерно так я Дмитрию и ответил, — нисколько не придав значения моему негодованию, проговорил Михаил. Он открыл шкафчик, извлек оттуда пачку травяного чая и

сунул в нее нос. — Предупреждаю — заварка кончается! Надо будет позаимствовать на кухне пачку другую, а то зайдешь к тебе на огонек и угоститься нечем… Кстати, слыхал — Джером пропал?

— В курсе. Он на спецзадании. Сочетает полезное с приятным.

— Значит, это его довольную рожу я засек в окне епископского дома. Решил — почудилось, ан нет! Закадрил какую -нибудь дьяконшу?

— Бери выше.

— Куда уж для него выше? А… О о о о о! Матерь Божия! Ты серьезно? Да ведь если просечет епископ, Виссарион лично дьякону причиндалы клещами оттяпает!..

Вскипел чайник. Волей неволей пришлось поддерживать навязанную замкомом процедуру чаепития.

— Как считаешь, какое из моих желаний исполнит Пророк, когда великий Охотник Михаил принесет ему на блюде голову Проклятого Иуды? — Очевидно, этот вопрос и мешал беспокойному русскому уснуть.

— Заметь: живую и говорящую голову. За мертвую, пожалуй, есть шанс потерять и свою, — я отхлебнул ароматного кипятка. — Ну… наверное, запрет тебя на недельку у сестер в личном гареме или подарит позолоченный «АКМ» с бриллиантовой мушкой и прикладом из ценных пород дерева взамен твоей троекратно пережившей срок службы реликвии.

— Не наезжай на «земляка», поклонник маломощных пукалок! Он еще нас с тобой переживет… А гарем Пророка я видел — ничего особенного, обыкновенные грымзы вчерашней свежести. А, чуть не забыл: на ка получи, а то нашел себе оруженосца…

Михаил извлек из кармана плаща пять циклоповских гранат, две передал мне, а остальные выстроил на поверхности стола.

— Вот те раз! — я недоуменно посмотрел поверх них в бессовестные глаза своего заместителя. — По братски, называется! Опять Гюнтера обделил?

— Никого не обделял, — успокоил меня Михаил. — Сие есть компенсация от Бернарда за моральный ущерб моей кристально чистой репутации!

— Что-то подсказывает мне, что Мясник об этом не знает!

— Но если бы знал, то наверняка ничего против не имел бы!

— Конечно, ворочается сейчас, не может уснуть! Совесть замучила — незаслуженно обидел хорошего человека! —проворчал я. — Ну а если серьезно ?

— А если серьезно, то Циклоп он и есть Циклоп! Пока каждую нашу гранату пальцем ткнул, типа пересчитал; пока лысину почесал, типа подумал; потом все заново… Педант полный, а то и похлеще… И вот занимается он, короче, этим своим педантизмом, сопит, а я в это время шасть к ящику да одну штучку чисто автоматически и скомпенсировал…

— Нет, вы посмотрите на него — какой молодец! — Я так и знал, что Михаил подстроит Бернарду какую -нибудь пакость — необидчивость русского-тоже имела свои пределы.

— Молодец не молодец, а на душе полегчало. А вот пускай теперь оба понервничают, пускай Циклоп Бернарду доложит, что накладные не совпадают, пускай Мясник наорет на него как следует. А то ишь ты — я краснею, потею, всякие гадости в свой адрес выслушиваю! За какие такие заслуги, спрашивается? Зато теперь как по Писанию: «… Оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту».

— Весьма своеобразная трактовка Ветхого Завета, — заметил я. — Жаль, Виссарион не слышит, а то бы он со своим обещанным рапортом о богохульстве не канителился. А что ты змей библейский, я понял еще в Новой Праге.

— Что есть, то есть, — согласился Михаил. — А веришь, нет: те мои предки, что из России, действительно яблоками на базаре торговали! Ну ладно, пойду ка я выброшу эту заразу в выгребную яму; не дай Бог найдут, и получим мы с тобой по длинному длинному отпуску на африканское побережье. Ну я-то выживу, мне с арабами спеться, что шнурки завязать, а вот тебя жалко — пропадешь ведь без книжек своих…

Михаил допил чай, пожелал мне приятных сновидений («Да узри во сне отряд сестер Услады Духа, сын мой…») и вышел, громыхнув железной дверью.

Проворочавшись некоторое время, я все же задремал. Во сне мерещилась всякая чушь: Виссарион и Жан Батист, благословляющие брак Джерома и епископской дочери; Циклоп, в поисках утерянной гранаты трясущий дико хохочущего Михаила за ноги; Конрад, гоняющий на «самсоне» по отмелям близ Мон Сен Мишеля Бернарда Уильямса, причем Мясник умолял меня помочь ему, крича во все горло: «Ну что же ты, брат Эрик, Стрелок, мать твою! Вставай,

останови гада, продырявь ему плешивую башку! Вставай, ну, кому говорю, вставай!»

— …Брат Эрик, вставайте! Пора, время уже! — Брат Энрико, казалось, вот вот расплачется.

— Отставить трясти брата Эрика, брат Энрико! — позади него вновь нарисовалась фигура вечного моего проклятия —брата Михаила. — Задание выполнено! Корпус вами доволен! Я считаю до трех, и вас здесь больше не наблюдается! Раз!..

Шустрый малый поспешно метнулся к двери и выскочил наружу, напоследок споткнувшись о порог и чуть не загремев с подножки трейлера.

— Глянь ка! Ручаюсь — такого ты еще не видел! — Михаил указал пальцем на что-то сквозь поцарапанное трейлерное окно.

Снаружи уже стемнело, и двор епископата был освещен тусклыми электрофонарями. В воздухе витал сизый дым прогревающихся моторов; повсеместно суетились занятые последними приготовлениями бойцы трех отрядов.

Возле запертой дьяконом двери виссарионовского фургона нервно пританцовывал сам магистр, и по движениям его губ становилось понятно, что декламирует он отнюдь не Псалтырь. Божественный Судья Экзекутор выглядел жалким и потрепанным даже несмотря на те сутки, что он провел в комфорте гостевых залов епископата.

— Бедняга! «… Стою пред закрытою дверью и молвлю любимой: открой!» — пропел начисто лишенный музыкального слуха русский. — Ну ладно, пойдем перекусим. Бернард объявил построение через час.

Стараясь не улыбаться, мы прошли мимо стервенеющего магистра на последний для нашего отряда рейнский ужин.

6

«Я тоже отправляюсь в море! Я отправляюсь в море на шхуне с боцманом, играющим на дудке, с матросами, которые носят косички и поют песни! Я отправляюсь в море, я поплыву к неведомому острову искать зарытые в землю сокровища!»

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

Шестьдесят форменных плащей наполнили двор епископата бликующей под лучами фонарей черной движущейся массой, сразу сделав тот тесным и неуютным.

— Становись! — перекрыл общий шум голос Мясника.

— Становись! — продублировали команду Вольф, Карлос и я.

Братья засуетились и выстроились по отрядам.

По правую руку от брата Бернарда стояли наши магистры: коренастый бородач Аврелий, толстенький коротышка Конрад и крысоподобный Виссарион, из свирепости взгляда которого можно было сделать вывод о том, что дьякон его все еще пребывал в самовольной отлучке. Чуть позади, возле самой стены, скромно притулился епископ Жан Батист, очевидно, в глубине своей необъятной души радующийся тому факту, что эта беспокойная орава проваливает наконец восвояси.

Выдержав, как и подобает, паузу, Бернард произнес хрестоматийно короткую, однако обязанную воодушевить нас на богоугодное дело речь.

— Братья Охотники! Воины Всевышнего! Опора великого ордена Инквизиции Святой Европы! — Мясник неспешно обвел взглядом замершие перед ним шеренги бойцов. — Сегодня как никогда все мысли Пророка направлены на вас, на единственную его надежду в борьбе с мерзким порождением Преисподней — гнуснейшим изменником и богохульником Проклятым Иудой! Пять дней назад, принимая меня и магистра Аврелия в своей обители, Его Наисвятейшество не скрывал слез, благословляя нас на эту святую миссию! — Бернард наверняка не преувеличивал — Пророки во все времена были великолепными артистами и могли пустить слезу ради усугубления драматизма. — Миссию, предназначенную вернуть в истинную Веру эту заблудшую черную душу! Ведь принадлежит она не Иуде, принадлежит она тому, кто создал ее — Всевышнему! А он уповает на верных сыновей своих — на нас с вами! Так вырвем же из когтей Сатаны, — Мясник плавно повысил голос, доведя его до крика, — то, что ему не принадлежит! Вернем на путь праведный тех, кто еще не уничтожил в себе зерна великой Веры — им всегда будет дан шанс на искупление! Ну, а тех, чьи души потеряны безвозвратно, покараем! Такова воля Пророка, а значит, такова воля Бога! И да пребудет на вас его высочайшее благословение! За дело!

Ропот одобрения прошел по шеренгам. Верил сам Бернард в то, что сейчас говорил, или нет — неизвестно, но братьев пламенный призыв легендарного командира завел. Даже мои мрачные от

перспективы остаться в стороне патрульные и те приободрились, расправив поникшие плечи.

Карлос и Вольф вышли перед строем своих бойцов и начали отдавать последние инструкции. Я сделал то же самое.

— Всем понятен приказ? Повторяю: головной «самсон» следует за замыкающим Пятого, остальные согласно походному порядку! По машинам — разойдись!

Бойцы разошлись каждый на положенное ему место. Мы с Михаилом направились к нашему «хантеру», но прежде чем включить зажигание, Михаил указал мне на крадущуюся к фургону Виссариона массивную тень, без сомнения принадлежавшую беглому дьякону Джерому.

— Вернулось блудное дитя! — проговорил Михаил. — Однако не уверен, что наш магистр радостно обнимет его и закатит по этому поводу пирушку. Бедный толстяк, лучше бы вообще не возвращался…

Едва различимые проселки, петляя в свете фар, вели нашу колонну на север к нормандскому побережью. Гаубица делала чуть более тридцати километров в час, разрывая ночь лязгом стальных траков. Когда до цели оставалась четверть пути, наша рация издала слабый писк и голосом Бернарда приказала остановиться. Мы повиновались.

Я и Карлос подошли к машине главнокомандующего. Бернард уже ждал нас снаружи, прохаживаясь взад вперед и разминая затекшую поясницу.

— Дальше идти с фарами опасно — засекут, — Мясник поглядел в сторону едва едва порозовевшего востока. — Дождемся более сносной видимости. Время позволяет, да и гаубице остыть надо. Брат Эрик, вы на «хантере» поезжайте вперед, только выставьте затемнители. Через полтора два десятка километров вас должны встретить Добровольцы, которые с вечера обязаны были перекрыть периметр. Их старшина ждет нашу группу. Узнайте обстановку и доложите мне по рации.

Я прихватил с собой помимо Михаила также Гюнтера и Януша, заставив их смотреть по сторонам с заднего сиденья джипа. Объехав колонну справа, мы ринулись в предрассветные сумерки.

— Гюнтер, я видел, как перед построением ты разговаривал с братом Вольфом, — Михаил, успевая следить за дорогой, развернулся

вполоборота к германцу. — Что-то твой бывший командир не больно весел. Уж не приболел ли случаем?

— Брат Бернард… устроил ему нагоняй, — ответил Гюнтер в своей обычной манере, задумчиво и нехотя, при этом не сводя взгляда с правой обочины. — Недостача одной гранаты. Говорит, что… в Ватикане сам несколько раз все пересчитал. Прямо мистика… какая-то.

Усатая мистика посмотрела на меня и довольно осклабилась:

— Да а а, трагедия. И что ему светит?

— Месяц карцера… по приезде в Ватикан.

— Глупо, — продолжая улыбаться, заметил Михаил. —Будь на его месте я, то наверняка не спалился бы так по детски. Что от Вольфа требовалось, так это просто доложить как на бумаге…

Гюнтер оторвался от окна:

— Соврать командиру… что ли?

— Это ты, человек домкрат, врешь, а я лишь кое чего не договариваю. Усвой раз и навсегда!

— Когда это я врал? — возмутился германец. — Если у тебя есть… доказательство, то предъяви… хоть одно!

— А а а, забудь! — нервно отмахнулся Михаил. — Я не про то!.. В общем, доложил бы так, а после заварухи никто и не вспомнит, было одним бабахом больше или меньше. И никто не идет в карцер, и все довольны… Элементарно!

— Все равно, — не унимался Гюнтер, — это грубое нарушение Устава!

— Тихо вы! Тормози! — Я внезапно увидел в бледном свете затемненных фар три выросшие как из под земли фигуры в угловатых фуражках Добровольцев Креста. Все они держали нас на прицеле дробовиков. Михаил тут же ударил по тормозам, дождался, пока «хантер» замрет, и выключил зажигание.

Я открыл дверцу. Дробовики продолжали смотреть дулами в нашем направлении. Один из целившихся поднял руку и отчетливо произнес:

— Я старшина авраншских Добровольцев Креста Этьен Френе! Назовите себя!

— Я Эрик Хенриксон, командир Одиннадцатого отряда Инквизиционного корпуса. Еду на встречу с вами! — Я вышел из

машины и продемонстрировал, что у меня нет оружия. Дробовики опустились.

— Извините, брат Эрик, — старшина подошел поближе. — Темно, сами понимаете…

Я протянул ему руку. Этьен аккуратно пожал ее.

— Вы одни ? — спросил он.

— Основные силы на подходе. Доложите обстановку.

Задняя дверца «хантера» распахнулась, и наружу выбрался крупногабаритный брат Гюнтер, державший в руке свой помповый «бенелли». Старшина Добровольцев смерил коротко стриженного амбала почтительным взглядом и принялся сбивчиво тараторить:

— Ничего нового, брат Эрик. Вчера несколько «гостей» из монастыря прошлись по берегу, но вернулись. Наши ребята с лодок постоянно наблюдают какие-то подозрительные блики на колокольне церкви — очевидно, оттуда следят за морем в бинокль или подзорную трубу.

«Или прицел гранатомета», — мрачно подумал я.

— В начале дамбы трое под видом рыбаков жгут костер. Наверняка наблюдатели — наших-то местных мы почти всех знаем, а эти и на рыбаков не похожи. Что еще ?..

— Достаточно, — прервал его я. — Что в монастыре?

— В монастырь, брат Эрик, никого не пускают, даже торговцев. Выходят, рассчитываются, берут продукты и снова ворота на запор.

— Чем объясняют?

— Дескать, карантин. Дети болеют. А мы у нашего доктора спросили, к нему никто и не обращался, только рыбак из Мон Сен Мишеля с простудой. Сразу понятно, что нечисто тут!

— Отлично, — кивнул я и вдруг почувствовал лицом свежий морской ветерок. — А далеко до побережья?

— Да сразу за тем холмом. Метров пятьсот…

Я велел Михаилу связаться с Бернардом, а сам, захватив Гюнтера, поднялся на вершину поросшего низким кустарником берегового холма. Чтобы не засветиться, мы легли на траву и осмотрели место предстоящего боя.

Монументальная громада Ла Марвея, словно шапка, надетая на скалистую макушку острова, была уже довольно четко различима в утренних сумерках. И хоть я видел его во второй раз, Ла Марвей все

равно потряс меня своим величием и чистотой архитектурных линий. Его гигантские стены, карнизы и башни, а также монолитные бастионы оборонительного периметра казались абсолютно неприступными. Кое где окна монастыря испускали тусклое свечение. Слишком много людей бодрствует в детском приюте в этот предрассветный час — это о чем-то говорит…

Рядом опустился на траву старшина.

— Посмотрите, брат Эрик: вот они, у дамбы, — он указал на тлеющие угли костра, возле которых дремал, уронив голову на грудь, человек. Рядом с ним стояла вытащенная на берег лодка, в которой на свернутых сетях спали еще двое. — Видите, брат Эрик: сети совершенно сухие. Какие они к чертям собачьим… виноват… рыбаки?

— Так или нет, но рыбачить здесь сегодня точно никому не придется, — заметил я, а затем отполз назад и стал спускаться по склону обратно к джипу. Гюнтер последовал за мной, оставив Добровольцев продолжать наблюдение.

Михаил стоял возле «хантера» с «земляком» наготове.

— Колонна движется сюда, — доложил он. — Через пятнадцать минут обещали быть.

Прибыли они немного позже. Бернард, выпрыгнув из машины, начал с места в карьер:

— Командиры и замкомы ко мне!

Мы подбежали к нему — ходить пешком в данный момент ни один бы не рискнул.

— Гаубица и «мириад» — на позиции! Брат Эрик — патрули на территорию! Брат Карлос — «самсоны» штурмовики на линию! Пятый отряд и все остальные — строиться за ними! Брат Эрик!

Я, уже было метнувшийся выполнять приказание, остановился.

— Передайте своим патрулям, чтобы удвоили… нет — утроили бдительность! И пусть присматривают за магистрами! Выполняйте!

Три магистерских трейлера и три трейлера казармы встали в ряд на площадке у подножия самого крупного в округе холма. Пробегая мимо них, я заметил вышедшего на охранение Джерома и двух других секретарей экзекуторов. Проштрафившийся дьякон держался особняком ото всех и прижимал к левому глазу холодный ствол дробовика, пытаясь предотвратить разрастание заметного даже в

утренних сумерках лилово багрового синяка. «Что ж, легко отделался, верный ординарец», — подумал я.

Вскоре всеобщую суету сменило напряженное затишье. Мы выстроились в колонну по двое за каждым из трех «самсонов». Пулеметчики в кузовах разматывали пулеметные ленты. Мои временно переведенные Мясником в курьеры Ярво и Самми, вместе с незаведенными «иерихондами», пристроились к самому хвосту боевого порядка. Эти небритые черти приторочили к седлам байков скорострельные «скорпионы» и невероятных очертаний кавалеристские сабли, предпочитая быть во всеоружии на тот случай, если и им вдруг предстоит столкнуться с противником.

Братья внимательно наблюдали, как «АС 90» и грузовик с «мириадом» взбирались на отделявший нас от моря холм. Я тоже не сводил взгляд с этой картины, сжимая в ладони рукоять взятого у брата Ганса, стрелка одного из «вулканов», пистолета пулемета «хеклер кох МП».

— Готовы? — обратился брат Бернард к водителям монстромобилей. Те подтвердили. — Тогда вперед!..

…Первые лучи восходящего солнца озарили залив Сен Мало, обещая приятный погожий денек. Легкие волны разбивались о скалы Мон Сен Мишеля, лизали каменистые бока связывающей берег и остров дамбы и с шуршанием набегами на прибрежный песок. Обитель покоя и безмятежности…

Человек, дремавший у погасшего костра на выходе из дамбы, проснулся и поднял голову — чуждый шум нарушал царившую окрест идиллию. За спиной у него творилось нечто странное.

Человек оглянулся и уставился спросонок на разбудившее его стальное чудовище с вытянутым вперед длинным носом. Оно скребло гусеницами в трехстах шагах к востоку от дамбы и со свистом вращалось вокруг собственной оси, утаптывая для себя ровную площадку.

Но раздумья наблюдателя продлились недолго. Забыв о спящих товарищах, уже через секунду он сломя голову несся по дамбе и во все горло орал:

— Они здесь! Они здесь!.. Тревога! Охотники здесь!

Часть 3

7

«— Иди же, мой друг, — продолжал капитан, — не заставляй нас терять время даром. Каждая секунда промедления грозит смертью и мне, и этим джентльменам».

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

Тяжелая пуля «гепарда» ударила бегущего человека в спину, перебив ему позвоночник и разворотив грудную клетку. Сделав по инерции еще несколько шагов, тот упал, прокатился по камням и, замерев, растянулся на дороге. Так кто-то из моих патрульных снайперов пустил первую кровь сегодняшнего, ставшего очень длинным для всех нас дня.

Спавшие в лодке два других наблюдателя успели таки проснуться и повыхватывать из под свернутых сетей дробовики, но и они были изрешечены огнем моей патрульной команды.

Все пока шло по плану. Гаубица и зверская спаренная пушка «мириад» заняли позиции с востока и запада дамбы, развернув свои стволы по направлению к Мон Сен Мишелю. Патрульные «самсоны» принялись прочесывать прилегающую к побережью заросшую травой и кустарником территорию. Настал наш черед.

— Подержи ка, — я передал берет Михаилу, когда мы поднимались на прибрежный холм. Восемь моих головорезов снова пронаблюдали, как их командир, оставаясь верным традиции, сооружает у себя на голове из косматой гривы практичный «конский хвост».

«Самсоны», спускаясь с холма к дамбе, прибавили скорости, и мы припустили за ними легкой трусцой. Мясник отбежал вбок, поднес к глазам висевший на шее бинокль и, водя им то вправо, то влево, осмотрел объект атаки.

— Суетятся, гады, — сообщил он, вернувшись в строй. — Окна пооткрывали, бегают… А у Королевского входа вообще что-то исключительно поганое происходит…

И невооруженным глазом было заметно, как по окаймлявшей остров стене оборонительного периметра с приземистыми башнями

снуют люди, перенося на себе что-то громоздкое. Округлые, выступающие вперед бастионные башенки, как я помнил из карты Бернарда, имели каждая определенное название. Ближайшие к дамбе — Габриэля, Аркадия, Свободы и Бассе — готовились сейчас использоваться по прямому назначению, а именно: отбивать натиск супостатов в лице наших персон.

Три «самсона» один за другим въехали на неширокую дамбу и, прикрывая идущих быстрым шагом братьев, ринулись вперед. Бернард, маячивший сбоку от меня, проорал в рацию:

— Гаубица, «мириад», внимание! Боевая готовность! Цель — башни ограждения! Повторяю — башни ограждения! Огонь по моей команде! Как поняли? Прием!

Сквозь треск помех голоса старших групп прикрытия подтвердили готовность. Мясник отключил рацию, сунул ее в карман плаща и, улыбаясь по дружески, но сдержанно, приблизился ко мне. Михаил, продолжавший питать к главнокомандующему вполне обоснованную неприязнь, как бы ненароком поотстал.

— Брат Эрик, мы с вами еще толком незнакомы, — заговорил брат Бернард, а сам при этом не сводил глаз с приближавшегося острова. — Но ваши старшие коллеги — те, которые знают вас чуть получше, — утверждают, что вы один из самых перспективных молодых командиров Братства: достаточно хитры, мыслите нестандартно и в какой-то степени можете предсказывать развитие ситуации. Что ж, когда-то и я был таким…

Бернард Уильяме получил должность командира отряда в двадцать два года (я — в двадцать четыре). Напористый, бескомпромиссный и безусловно талантливый Охотник, он уже при жизни успел попасть на страницы кадетских учебников. Признаю, мне польстила его осведомленность об обыкновенном командире обыкновенного отряда из второго десятка.

— Жаль, что в Новой Праге мы с вами так прискорбно разминулись, — продолжал главнокомандующий. — Ведь если говорить начистоту — но только это между нами! — магистр Жерар был просто напросто тупым амбициозным кретином: подставил вас, угробил себя и людей, опозорил Корпус… К счастью, мы были недалеко и вовремя успели предотвратить дальнейшую эскалацию

конфликта. Надеюсь, вы согласитесь, что там я не мог поступить иначе?

— Вы поступили именно так, как того требовала обстановка, брат Бернард, — ответил я, хотя это и не соответствовало моему настоящему мнению. — Еретики получили то, на что напросились.

— Рад, что вы понимаете меня, — удовлетворенно кивнул Мясник. — Кстати, как вы посмотрите на то, чтобы поработать со мной при зачистке в одной пятерке?

Что, интересно, я мог сказать? Ну не «нет, извините» же в самом деле?

— Вот и отлично, — проговорил брат Бернард, услыхав мое «буду весьма польщен». — Вы, я, брат Вольф и двое ваших людей на выбор почистим кое какие закоулки этого рассадника ереси и богохульства.

Бернард отошел на другой фланг колонны, и Михаил снова догнал меня. Любопытство из него так и перло:

— Ну, и о чем поболтал с самим Сатаной?

— Тебя это обрадует. Он и Циклоп работают с нами в одной группе внутри монастыря.

— Не шути с этим…

— Даже и не думал. А что-то не так?

— Все теперь не так… — Кончики усов брата Михаила дернулись и печально повисли. — В общем, огромное тебе, батенька, человеческое спасибо! Только соберешься разгуляться на широкую ногу, как на тебе! Почему из сорока человек Первого и Пятого именно они?

— Не желаешь в нашу компанию — поменяйся вон… с Саймоном, — игнорируя недовольство русского, ответил я. — Короче, уважаемый, даю тебе право на выбор в приказном порядке.

— Ну уж дудки! Да чтобы величайший ловец проклятых иуд в истории цивилизации брат Михаил испугался и убежал от каких-то… — он понизил голос и воровато огляделся, убедившись, что эти самые «какие-то» находятся вне предела его слышимости, — …занюханных мясников и циклопов? Не дождетесь, любезнейший, как сказал бы Конрад. Я не за тем сюда…

По перепонкам ударил глухой тяжелый грохот. Все инстинктивно присели, озираясь по сторонам. Что-то мелькнуло над нашими

головами, и в сотне метров слева из воды поднялся веерообразный, рассыпавшийся радужными брызгами, фонтан.

— Мне говорили, — Михаил напряженно созерцал концентрические круги, оставшиеся от приводнения гранатометной болванки, — что они должны славно детонировать, а я вижу лишь простой плюх.

—либо не сработала, либо не сорвали предохранитель запала. У меня затрепетало сердце. Бернард оказался прав — Иуда готов был сопротивляться словно крыса, угодившая в ловушку. Зная, что скоро сапог крысолова выдавит ей кишки, крыса верещала и бросалась на него с яростью отчаяния.

— Кто засек, откуда били? — Бернард в ярости оглядел бойцов. — Кто, я вас спрашиваю?

— Оттуда, брат Бернард! — Мой пулеметчик Ральф, сидевший в кузове идущего вторым «самсона», указывал на угловую башню справа от дамбы. — Это прилетело оттуда!

— Молодец, Охотник! — похвалил его Мясник и поднес ко рту рацию. — Гаубица, внимание! Цель — башня Свободы! Огонь!

Шарахнуло так, что дрогнул бутовый камень дамбы под нашими ногами и, хотя возможно мне и почудилось, качнулся шпиль церкви Ла Марвея. Вокруг гаубицы поднялись тучи песчаной пыли. А я-то гадал, зачем бойцы из команд огневой поддержки плавили во дворе рейнского епископата свечной воск в пустой консервной банке! Небось позалепили сейчас им уши до самого мозга, чтобы не одуреть от грохота…

Снаряд просвистел гораздо выше башни Свободы и ударил в скалу у подножия стен монастыря. Взрывом выщербило множество каменной крошки и осколков, которые плотным серым облаком взлетели над домами рыбаков, после чего, падая вниз, градом застучали по черепичным крышам. С острова послышались испуганные крики.

Снова ухнул гранатомет, но теперь огрызалась башня перед дамбой — если мне не изменяла память, башня Аркадия. Граната прошла почти впритирку с крышами кабин монстромобилей и врезалась в землю за нами. Все снова сжались, однако разрыва опять не произошло. Болванка, вспахав грунт, отрикошетила по направлению к берегу. Неосведомленность врага об устройстве взрывателя гранаты

вызывала недоумение, но успокаивала слабо, так как и в качестве простого метательного снаряда граната была отнюдь не безобидна.

— Эй там, на «эмкашке»! Подавить очаг сопротивления на двенадцать часов! — Похоже, Бернарда начинали раздражать наглые укусы противника. — Гаубица, почему я еще наблюдаю башню Свободы? Стереть ее немедленно или я вас сам…

«АС 90» тряхнула воздух повторно, а потом загрохотали стволы «МК 5», усыпая потоками стрелянных гильз пол кузова переднего «самсона».

Гигантский столб воды, втрое превышающий по высоте угловую башню, вырвался из моря у ее основания и опустился обратно, наверняка окатив солеными брызгами засевших там отступников. И снова чреватый гневом главнокомандующего досадный промах, на этот раз недолет!

«Эмкашке» повезло больше. Град сорокамиллиметровых снарядов осыпал башню Аркадия, вырывая куски камня из доисторической кладки. Участь ее защитников оказалась весьма печальной — огненный шар окутал верхушку бастиона, раскидывая во все стороны горящие остатки не то людей, не то деревянных перекрытий. Вероятно, от попадания снаряда сдетонировал боекомплект незадачливых гранатометчиков. Черный дым окутал пространство у Королевского входа.

Стрелок Гонсалеса прекратил канонаду и ликующе воздел руки к небу. Но долго наслаждаться победой ему не довелось — следующий выстрел отступников угодил точнехонько в турель «МК 5». Страшной силы удар и грянувший вслед за ним взрыв выдернули с мясом кронштейны креплений «эмкашки» и выбросили ее вместе с сидевшим за ней пулеметчиком из кузова. Взрывная волна бросила искореженную боевую технику на торчащие рядом с дамбой глыбы щебня, попутно оторвав голову уже мертвому, посеченному осколками, бойцу.

— Сообразили, суки, почему раньше не шандарахало. — Михаил глядел, как Карлос подбегает к обезглавленному телу, будто надеясь, что оно сейчас поднимется, отряхнется и двинет дальше. — Теперь, братцы Охотнички, молитесь!

Матадор с нескрываемой злобой осмотрел погибшего бойца и останки «эмкашки», а потом, наплевав на все уставы, разразился

потоками грязной брани.

— Собаки ответят за это! — закончил он тираду. — Обещаю тебе, брат Хуан!

Шедший первым и получивший такую оплеуху «самсон» резко затормозил. Колонна тоже замешкалась и встала.

— Не стоять! Во имя всех святых, не стоять! — Неистовствовавший Бернард схватился за поручни и вскарабкался на изуродованный кузов. — Эй ты, за рулем: вперед!.. Пошел, кому говорю! — Главнокомандующий пнул по кабине и, качнувшись от рывка вновь тронувшегося «самсона», проорал в рацию: — Гаубица! Всех на месяц в карцер, если сейчас же не накроете это гнездо!

Мы снова устремились к Королевскому входу. Лица у всех были напряжены и предельно сосредоточены. Братья только и ждали, когда противник обретет материальные черты и его разрешат кромсать сколько вздумается.

Наверное, гнев Мясника пробудил таки у артиллеристов спавшую до этого меткость, потому что третий залп «АС 90» получился удачным. Немного позже я узнал, что использованная ими методика прицеливания именуется «вилка». И вот наконец один из зубцов этой так называемой «вилки» угодил в ускользающую от нее по тарелке Мон Сен Мишеля скользкую горошину, именуемую башней Свободы.

Башни просто не стало. Пламя взвилось ввысь, обломки бывшего укрепления падали в залив и рушили жилища рыбаков на берегу, а части прилегающей к башне стены осыпались грудами дробленого камня.

— Давно бы так! — глядя на причиненные гаубицей разрушения, удовлетворенно произнес Бернард.

Мы приближались к острову, пройдя по дамбе уже около трех четвертей пути. Все отчетливей были видны снующие по стенам крепости люди, все чаще и чаще рассерженные братья высовывались из за колес «самсонов» в поисках подходящих целей. Дистанция между нами и Королевским входом мало помалу сокращалась…

Тут-то и начались неприятности.

Соратники Иуды недолго пребывали в растерянности. Мало того — они были готовы к нашему появлению, и, надо заметить, готовы основательно. То, что не давало Бернарду покоя у Королевского входа, оказалось широкими бревенчатыми щитами, обитыми пластинами из

толстого железа. Из проделанных в них узких бойниц по нам ударил плотный огонь автоматических винтовок и ручного пулемета. Также заработали несколько огневых точек с оборонительной стены между входом и башней Габриэля, находившихся левее свежевыстроенного укрепления.

Водитель переднего монстромобиля погиб мгновенно, так и не успев выбраться из машины. Двое бойцов Гонсалеса и один Мясника, оказавшиеся в момент залпа не под защитой колес «самсонов», попадали как подкошенные. Боец Бернарда, теряя остатки сил, попытался было доползти до спасительного укрытия, но еще несколько пуль ударили ему в спину. И самое страшное — брат Ральф, начавший ответный огонь пулеметными очередями из кузова, отшатнулся назад и упал, перевалившись через борт грузовика, на дорогу. Четыре отверстия в его груди не оставляли никаких надежд на то, что он выживет. Бойцы, управлявшие средним и замыкающим «самсонами», повинуясь не приказу, а инстинкту самосохранения, вывернули баранки и перекрыли монстромобилями дамбу поперек, а затем повыпрыгивали из них с непростреливаемой стороны. Все прочие братья залегли за колесами и обильно торчащими у воды большими бутовыми камнями, сыпля в адрес врага нехарактерными для Божьих Слуг выражениями. Бернард, тоже прытко ретировавшийся из кузова, плюхнулся на землю возле сжимавшего помповый карабин Карлоса. Видеть главнокомандующего валяющимся в дорожной пыли было дико.

— Брат Бернард, прикажите гаубице разнести баррикаду! — Испанец, потерявший за десять минут боя четверых, был вне себя. — Черт побери их вонючие задницы! Слышите? Прикажите!..

— Спокойно, командир! Я сказал: спокойно! — рявкнул, на него Бернард и поднял оброненную рацию. — Мы слишком близко от их цели! Артиллеристы, пока попадут в нее, угробят всех нас. Даже с оптикой это достаточно тяжело — не было у нас ни времени, ни боезапаса, чтобы пристрелять эту, проклятую гаубицу. Хоть дотащили ее, и то ладно…

Брат Гюнтер, дотянувшись до ворота плаща Ральфа, подтащил того к себе за укрытие, пощупал пульс, проверил дыхание, после чего посмотрел на меня и отрицательно помотал головой. Я отвел глаза жаль, отличный был боец…

Между тем пули ударяли в бока «самсонов», выбивали стекла кабин, впивались в протекторы шин и дырявили радиаторы, заставляя горячую воду бежать на головы залегших под монстромобилями Охотников. Брат Януш, отшатнувшись от обжигающей струи, получил заряд свинца в плечо и зарычал от боли.

— Как он? — окликнул я бросившегося ему на помощь Фернандо.

— Выживет, — отозвался португалец, разрывая зубами пакет с марлей. — Но сегодня уже не вояка.

Имея удобные позиции и более дальнобойное оружие, некоторые братья принялись отстреливаться. Пулеметчик Карлоса лупил не переставая откуда-то из под первого монстромобиля — он, как и Бернард, вместе со своим ручником успел таки в последний момент покинуть кузов. Однако бронированные заграждения этим было не пробить. Все догадывались о тщетности подобной стратегии, но куда-то же нужно было девать избыток ненависти ?

— «Мириад»! «Мириад»! Приказываю обработать Королевский вход! Прием! — Прислонившийся к колесу брат Бернард брызгал слюной, терзая передатчик. — Как не достанете? Почему?.. Дьявол!

Любопытство вынудило меня высунуть нос из укрытия и осмотреться. Действительно, на траектории полета снарядов скорострельной пушки располагался выступающий к морю угол стены, надежно оберегающий баррикады с фланга. Смена же орудием позиции к востоку приближала траекторию к дамбе, что было, учитывая плотность огня «мириада», весьма опасно для нас.

— Хорошо, отставить вход! Очистите стену до башни Габриэля! Как поняли?.. Давайте!

Людям доподлинно неизвестно, какие звуки издавали сказочные драконы, хотя не менее сказочная для большинства Охотников установка ураганного свинцоплюйства «мириад», вероятно, точнее всего отвечала на этот вопрос.

Ее рев сотряс атмосферу. В отличие от разового удара гаубицы эта какофония уничтожала наши уши своей нескончаемостью. И ведь десять секунд — всего каких-то коротких десять секунд! — длился залп «мириада», но они показались мне самыми невыносимыми десятью секундами за день.

Два потока пламени плеснули из синхронно завращавшихся двух семиствольных блоков в сторону башни Габриэля и примыкающего к

ней отрезка оборонительной стены. Миг — и стены захлестнул свинцовый вихрь, титаническим наждаком стирающий каменный парапет и прячущихся за ним стрелков. Со строений, что прилепились к обрывистым склонам скалы позади бастионов, сорвало крыши. От осколков фасады зданий стали похожими на лица больных тяжелой формой оспы.

Огонь отступников заметно ослаб. Отбрехивались только бойницы заграждения Королевского входа. Стена же и башня, в одно мгновение лишившиеся защитников, молча роняли в море оставшиеся кое где жалкие сегменты парапета. Дракон, спев свою песню, тоже притих.

Хорошо организованная оборона отступников вынудила нас ввязаться в позиционный бой, затягивание которого явно не способствовало сохранению нашего личного состава, но все таки эта тактика была пока разумнее лобовой атаки. Ну, а об отступлении Бернард даже не заикался — мы прекрасно осознавали, что он способен положить нас всех до единого, лишь бы только никто потом не сказал, будто бы Бернард Уильяме — легендарный Мясник, лучший командир лучшего отряда Корпуса — сдрейфил и показал спину Проклятому Иуде. Дело Чести, Вопрос Принципа или что-то похожее, губившее во все времена толпы далеко не худших людей.

Наверное, после восстания еретиков Новой Праги Братство еще не теряло столько техники за одну Охоту (о бойцах молчим — их жизни всегда ценились гораздо ниже, нежели бездушные агрегаты). Колеса «самсонов» шипели, как клубки змей, и травили воздух из многочисленных пробоин, плавно опуская монстромобили к земле и в конце концов заставив их опереться на тяжелые литые диски. Помпезно черные, обтекаемых линий, кузова и кабины этих грузовиков напоминали сейчас поварской дуршлаг, изготовленный для очень толстых спагетти в стельку пьяным штамповщиком. Но ерунда — если только брат Бернард приволочет Ордену Иуду, ему спишут и не такое…

Вырубивший когда-то Люцифера брат Саймон совершил героический бросок к упавшему пулемету Ральфа, а затем, откатившись под первый «самсон», поддержал огнем пулеметчика брата Карлоса, продолжавшего обрабатывать непрошибаемые железные пластины баррикад.

Были ранены еще двое: бойцу Пятого зацепили бедро, а другому, из Первого, навылет прострелили шею. Он хрипел, выплевывая потоки крови, и Мясник, лично осмотревший его, только горестно вздохнул и потрепал пострадавшего по плечу, словно извиняясь.

— Брат Эрик!.. — Бернард поманил меня рукой.

Я, перекатившись по земле, пристроился рядом с главнокомандующим:

— Ваш человек серьезно ранен, брат Бернард?

— Да, похоже, не жилец: артерия перебита. Потерял много крови… — Он помолчал немного, а после проговорил: — Ну— ка подбросьте мне, брат Эрик, какую -нибудь стоящую идейку. Я хотел направить сюда «АС 90» и под ее броней прорываться дальше, но видите, — Мясник стукнул по дороге, — дамба размыта донельзя, и эта сорокатонная махина канет на дно залива, как только на нее въедет. «Мириад» легче, но с тягачом тоже весит немало. Вызовем патрульных — оголим тылы. Что бы вы предприняли на моем месте, а? Не хотелось бы сегодня подохнуть на пороге этого гадюшника как побитая собака…

Идея у меня родилась давно, однако я опасался отправлять людей на верную гибель. Хотя теперь, когда шквал поутих, появился смысл послать кое кого в прорыв. Тем более, я был уверен, они и сами хотят отличиться.

— Ярво, ко мне! — крикнул я, обернувшись назад.

— Ярво, к командиру! — кто-то из братьев передал приказ дальше.

Перебегая от колеса к колесу, брат Ярво очень скоро очутился возле нас, проелозив последние метры на животе:

— Вызывали, брат Эрик? …Брат Бернард?

— Ярво, байки в порядке? — спросил я и вздрогнул, когда очередная свинцовая оса впилась в крыло «самсона» где-то над моей головой.

— В полном, брат Эрик. Мы с Самми оставили их вон за теми камнями. — И вдруг глаза финна, до этого тусклые, как воды залива в ненастье, вспыхнули азартом. — Вы хотите дать нам работу?

— А ты как думал? Но у меня к тебе один вопрос: сработает ли тут ваша система, которую вы применили при разгроме форта Христопотрошителей?..

Я вообще-то мог и не спрашивать — берясь за дело, братья готовы на своих трещотках снести врата Ада.

— Должна, брат Эрик. Самми уже думал об этом. Тогда, правда, ворота были потоньше, но теперь-то у нас есть гранаты! Попробуем…

— Сынок, слушай сюда, — Бернард упер в грудь Ярво указательный палец. — Признаюсь: я в отличие от брата Эрика не поклонник этой вашей двухколесной дребедени и никогда не держал у себя в отряде лишних пожирателей бензина, но если ты и твой братец впустите нас на остров, я выполню любое ваше желание.

Похоже, что от перевозбуждения брат Ярво окончательно рехнулся, потому что он заявил Мяснику:

— Согласен, брат Бернард. Сначала я хочу, чтобы вы публично извинились перед «иерихондой» Стальной Жеребец. Он достоин уважения, его надо любить. И еще: после всего нам наверняка потребуются новые передние вилки и амортизаторы. Достаньте, будьте добры, пару комплектов, а то Транспортная Академия твердит, что мы выбрали весь лимит запчастей на несколько лет вперед, и больше не дает…

Я невольно сжался — история знавала факты, когда Мясник портил людям жизнь и карьеру и за меньшее. «Ну все: не видать тебе больше, наглая твоя морда, ни Стального твоего Жеребца, ни сумасшедшего братца Самми. Молись!..» — мелькнуло у меня в мыслях при виде того, как медленно сжимаются костистые кулаки Бернарда.

— Брат Ярво, вы забываетесь! — Я просто обязан был это сказать. — Перед вами старший по званию…

Но внезапно кулаки главнокомандующего разжались, и он, несмотря на звучащую вокруг канонаду, громко рассмеялся:

— А ты смелый малый! Поглядим, чего ты стоишь в деле. Запомни: не разочаруешь Бернарда Уильямса — и я дам тебе и твоему брату две абсолютно новые, еще в масле «иерихонды». Ну, а разочаруете… — глаза Мясника снова обрели металлический блеск, означавший, что шутки кончились, — живыми не возвращайтесь, ибо излишнее бахвальство я без взыскания не оставлю! Действуйте!

И Бернард демонстративно отвернулся, намекая, что совещание окончено.

— Ярво! — обратился я к финну, и он перевел взгляд на меня. — Внимательно слушайте их пулемет! Палят они без остановки, видать, патронов полно. Но периодически он перегревается, и пока эти уроды меняют ему ствол и ленту, у вас будет в запасе секунд тридцать сорок. И постарайтесь поаккуратней — хватит нам на сегодня трупов.

— Не впервой! — Ярво попытался успокоить меня своей безумной улыбкой, но только добавил сомнений в успехе мероприятия. — Разрешите идти?

— Не забудь, что я сказал! — Я уже начинал сожалеть обо всем этом, однако отступать было поздно. — Валяй!

Он скрылся. Я переместился к другому колесу, из за которого Михаил, прикусив губу, сосредоточенно всаживал короткие очереди в бойницы крепости.

— Бесполезно! — прекратив это неблагодарное занятие, он вернулся за укрытие. — Я смотрю, ты собрался натравить на них наших долбанутых близнецов ?

— Должно выгореть! — больше всего на свете я хотел сейчас уверовать в это. — Да и попробуй их удержи…

— Если доберутся до щитов, выгорит, клянусь моими обожженными усами, — обнадежил меня Михаил, заменяя пустой магазин полным. — А вот метров двести пятьдесят — триста под огнем — это и впрямь проблема. Что ж, я так понимаю, надо готовиться к рывку…

Внезапно бок переднего, самого изрешеченного «самсона» объяло яркое пламя — загорелся пробитый и протекающий бензобак. Боец Карлоса и Саймон, пятясь, отступили к нам. Пулеметы они волочили следом.

Волосы Саймона были опалены, плащ дымился. Пулеметчик Матадора выглядел гораздо хуже: с правой руки капала на землю кровь, половина лица пузырилась свежим ожогом. Он распластался в грязи и, хрипло кашляя, переводил дыхание.

Я протянул Саймону фляжку с водой. Он сделал десяток лихорадочных глотков, отер рот рукавом и передал воду едва дышавшему обожженному товарищу.

— Брат Эрик, дело дрянь! — заметил Саймон, отирая пот подкладкой плаща. — Нам не пробежать эту дистанцию! Похоже, Господь занят сегодня чем-то более важным, если запамятовал о нас!

— Сейчас узнаем, — проговорил я, закручивая крышку вернувшейся фляжке. — Финны сказали, что пройдут через Королевский вход как Моисей через Красное море.

— Неплохо бы…

Снова раздался гранатометный удар, но в этот раз откуда-то издали. И тут рвануло и полыхнуло так, что нахлынувшая волна жара чуть не лишила нас растительности на головах. Прищурившись, я узрел неутешительную картину: многострадальный передний «самсон» лежал перебитый пополам; все четыре его колеса, два из которых были оторваны, горели, испуская чадящую копоть.

— Вовремя слиняли, — перекрестился Саймон, закладывая в гнездо пулемета новую ленту. — Истинный крест, вовремя…

Подскочивший Бернард заставил его почтительно потесниться.

— Брат Эрик, ну где эти ваши ангелы истребители, а то нас тут уже… — тут Мясника отвлекла запищавшая рация. — Что, гаубица? Повторите! Откуда бьют? С колокольни? Прекрасно, слушайте все! Общий приказ гаубице и «мириаду»: снести колокольню ко всем чертям! Как поняли?

Ответом ему стал такой грохот с обоих флангов, что волей неволей я и остальные братья позатыкали уши пальцами. Сквозь черный дым горящего остова монстромобиля видимость была отвратительная, однако не нулевая, и мы сумели насладиться представлением, разыгранным нашими группами прикрытия.

По уже сложившейся традиции первым выстрелом «АС 90» промахнулась и несущий гибель всему живому многокилограммовый снаряд ушел далеко в морские просторы. «Мириад» совершил пристрелочный залп, обстриг часть крыши одной из пристроек Ла Марвея, после чего, увеличив угол наклона стволов к горизонту, стал долбить короткими залпами колокольню снизу вверх, стараясь дотянуться до смотровой площадки под шпилем, где и должен был засесть гранатометчик.

Обломки застучали по крышам строений монастыря. От колокольни откалывались целые куски и падали вниз, поднимая облака пыли. В перерывах между залпами слышался треск ломающихся стропил и звон лопающихся стекол. Средняя опорная колонна, поддерживающая шпиль, обрушилась с верхотуры и, вращаясь, словно жонглерская булава, вмяла несколько пролетов перекрытий основного

здания церкви. Не знаю почему, но мне вспомнились строки Паоло Бертучи: «…Здания разваливались как игрушечные пирамидки, задетые неосторожной рукой ребенка».

Вопреки ожиданию, во второй раз гаубица порадовала нас филигранной точностью. Свистящее конусообразное тело снаряда попало аккурат под перекрытие, служившее полом для смотровой площадки. Сила взрыва разметала эту часть колокольни, засыпав обломками всю северо западную территорию Мон Сен Мишеля вплоть до прибрежных морских вод. И вот теперь-то мне действительно не почудилось: сорокаметровая игла шпиля дрогнула и начала заваливаться в нашу сторону, неумолимо отклоняясь от вертикальной оси.

Внезапно, как это иногда бывает после всеобщей паники, настала гробовая тишина. Хотя «гробовая» не совсем то слово: от стен колокольни продолжали отваливаться куски; на острове раздавались людские крики; кое где трещало пламя загоревшихся строений. Однако ни единого выстрела не прогремело ни с вражеской, ни с нашей стороны. И мы, и защитники Проклятого Иуды наблюдали за набиравшим скорость падением железной конструкции. Экипажи огневой поддержки, явно перевыполнив свою задачу, наверняка занимались тем же самым.

Венец монастырской церкви рушился примерно треть минуты, но зато с каким изяществом! Нижний толстый конец шпиля зацепился за край отвесной стены Ла Марвея, в то время как верхний, продолжая падение, гигантской плеткой хлестнул по склону скалы, обратив подвернувшуюся пару рыбацких хижин в кучи строительного мусора. Сорвавшаяся с его верхушки бронзовая скульптура архангела Михаила, как выяснилось позже, вонзилась крыльями и мечом в мощенную булыжником мостовую вблизи тех отступников, что обороняли Королевский вход, словно стремясь покарать не угодных Пророку.

Высунувшийся из за колеса Бернард озабоченно вглядывался в изменившиеся контуры монастыря.

— Надеюсь, они надежно укрыли детей, — мрачно проговорил он. — Я и без того по горло в крови, и мне не хватает только душ невинно убиенных младенцев…

Сам того не подозревая, экипаж гаубицы произвел удачнейший отвлекающий маневр, позволивший решить исход противостояния в нашу пользу. Вражеские бойницы хранили молчание — похоже, когда тебе на голову, пусть и обреченную, но пока еще целую, падает многотонная громадина, невольно забываешь про другую, более отдаленную опасность.

А она приблизилась, как и положено настоящей опасности — молниеносно и неотвратимо, под пронзительный треск байков "эндуро" и гортанные вопли финнов самоубийц.

Бернард, хмуро созерцавший результаты артналета, отшатнулся от промчавшихся в шаге от него оседланных улюлюкающими Ярво и Самми «иерихонд». И он, и все братья с нескрываемой надеждой смотрели им вслед, хотя — я уверен — все они, подобно мне, считали их рывок лишь отчаянным бахвальством, а не здравой стратегией.

Самми несся первым, пригнувшись к рулю и равномерно ускоряясь по избитой поверхности дамбы. Отстав от него на четыре пять метров, тоже вжавшись в бензобак, летел его братец. Оба привстали с сидений и, заваливая байки то на один бок, то на другой, не позволяли противнику взять их на прицел.

На их счастье, тот поздно отошел от шока, пережитого в связи с падением карающего Бича Господня в образе стального шпиля и впервые за всю мировую историю промазавшего архангела Михаила, пускай и бронзового. Высунувшийся из бойницы пулеметный ствол дал непродолжительную очередь, а затем умолк, очевидно, изжевав порцию патронов на пулеметной ленте. Перезарядить его отступники уже не успели.

Сбросив чуть чуть газ перед оборонительными сооружениями и пройдя полсотни метров накатом, финны снова до упора выжали дроссельные рукояти, после чего, задрав передние колеса, поставили байки на дыбы.

Бронированные щиты для лучшего отражения пуль стояли не вертикально, а под углом. Наклон их поддерживали деревянные подпорки, упиравшиеся в каменные выступы коридора за Королевским входом.

Балансируя на ведущих колесах, Самми и Ярво с интервалом в полсекунды ударили в плоскость щита передними, а затем, погасив инерцию, подали байки назад, отталкиваясь ногами от булыжного

покрытия. Крен бревенчато стальной конструкции по отношению к дороге увеличился — подпорки треснули, но выдержали.

Подогнав «эндуро» вплотную к заграждению, Самми извлек из кобуры миниатюрный пистолет пулемет «скорпион», засунул его ствол в щель бойницы и наугад выпустил весь магазин. Ярво тем временем сковырнул предохранительные чеки у своей пары гранат и перебросил их за щиты.

Ретировались финны похожим маневром — пригибаясь и виляя байками, отчего сделались похожими на удиравших от рыбацкой сети вертких рыбешек. Кто-то из отступников пальнул им вслед из автомата, но слившиеся в один два взрыва и мелькнувшая за баррикадами вспышка оборвали очередь.

Взрыв послужил финнам сигналом к развороту для начала второй — решающей — атаки. Теперь Ярво отстал подальше, начав разгон лишь тогда, когда Самми поднял для повторного тарана переднее колесо мотоцикла.

Этого толчка надломленные подпорки выдержать уже не смогли. Громоздкое бронированное сооружение повалилось внутрь коридора. Самми, съехав с него, оперативно сменил

магазин и полоснул в образовавшийся проем из «скорпиона», расчищая путь брату.

Наклон щита после повторной атаки составлял около тридцати градусов, что позволило Ярво воспользоваться им как трамплином, который подбросил его байк на несколько метров вверх. Развернувшись в полете, еще не коснувшись колесами булыжника, финский ангел истребитель выхватил свой пистолет пулемет и принялся расстреливать из него тех, кто продолжал подавать признаки жизни у бойниц укреплений. Приземлившись и уравновесив «эндуро» выставленными ногами, Ярво дострелял магазин и поднял вверх большой палец, означавший лишь одно: «Чисто! Проход открыт!» или, если угодно, «Мясник, с тебя причитается!».

Главнокомандующий, явно восхищенный лихостью и мастерством финнов, уже без опаски встал во весь рост и зычно гаркнул:

— А ну хватит разлеживаться! Идти братья Ярво и Самми только что принесли нам ключи от острова! Вперед, Божья Кара, возьмем нечестивцев тепленькими! — И, неожиданно хлопнув меня по плечу,

сказал: — Брат Эрик, насколько мне известно, таким трюкам не обучают в Боевой Семинарии. Где вы раскопали этих типов?

— Взрастили в своих рядах, брат Бернард, — ответил я, взводя «хеклер кох» и ожидая, пока подтянется арьергард. — Эти отморозки разбили уйму байков, спалили тонны горючего, на самих целого места нет — ломаны переломаны. Но без преувеличения, шкуру Одиннадцатого они спасали несметное количество раз.

— А отныне также шкуры Первого и Пятого! Все слыхали? — обратился Бернард к приближающимся братьям. — чтобы в Ватикане каждый поставил брату Ярво и брату Самми по кружечке самого лучшего пива! Это мой приказ и обсуждению он не подлежит! — И уже тише, наклонившись ко мне, произнес: — Далеко пойдете, брат Эрик, помяните мои слова, потому что это говорит вам не кто -нибудь, а сам Бернард Уильяме…

Не знаю, делал ли еще в своей жизни Мясник предсказания и сбывались ли они, но это его пророчество оказалось стопроцентно верным, хотя он наверняка вкладывал в него противоположный смысл…

8

«— Им придется здорово побегать, — возразил капитан. — А моряки не отличаются проворством на суше. Не их я боюсь, а пушки».

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

Расстояние в триста шагов мы преодолели стремительным рывком, добежав до острова практически на одном дыхании. Королевский вход был больше похож на врата Ада: трупы отступников валялись тут и там. Ярво и Самми были здесь же, держа под прицелом неширокую улицу, застроенную убогими рыбацкими хижинами. Она петляла, опоясывая скалу с запада на восток, и поднималась все выше и выше, упираясь дальним концом прямо в высокую лестницу у ворот Ла Марвея.

Подбегая к разгромленным баррикадам, мы снова услыхали уханье гранатомета, но теперь от его выстрелов группу прикрывали выступ скалы и одноэтажные постройки. Остов среднего «самсона», в который угодила граната, разлетелся по дамбе, а одно из его мощных колес, еще пять минут назад скрывавшие меня, Бернарда, Саймона и Михаила от пуль, подпрыгивая и дымя горящей резиной, покатилось в воды залива.

— Погоди, я до тебя доберусь! — Бернард погрозил кулаком огрызавшемуся Ла Марвею и прислонился к фасаду крайнего дома, вместе с остальными переводя дыхание. — А ну ка, двухколесные герои, живо оба ко мне!

Уступив позиции братьям Пятого, Ярво и Самми подрулили к главнокомандующему и заглушили двигатели. Отделались они при атаке довольно легко: у Ярво кровоточило задетое вскользь левое плечо, а Самми осколок разбитой пулей фары рассек щеку.

— Недурно, братцы! Очень даже недурно! — Мясник похлопал стоявшие перед ним байки по шипастым протекторам передних колес. — Пожалуй, я соглашусь с тобой, брат Ярво, —ваша кавалерия сегодня сработала на славу. Но все таки уважьте старика — падать на колени и умолять ваших Стальных Коней о прощении и не подумаю, однако лично вам скажу: я переменил свое мнение о них в положительную сторону. Это сойдет за извинение?

Растянув физиономии в довольных улыбках, братья синхронно закивали. Не сделай они этого или ляпни опять что -нибудь дерзкое, я их, засранцев, точно бы поубивал — не кого-то, а самого Бернарда Уильямса заставили перед собой расшаркиваться, мало ли, что заслужили!

— Ну а насчет второго обещания, так это сразу по приезде домой. Я свое слово держу — что заработали, то заработали… Так, внимание! — Мясник выпрямился и хлопнул в ладоши. — Нечего рассиживаться, дело не закончено! Слушай мой приказ: двумя колоннами продвигаемся вдоль улицы. Если хоть какая -либо тварь косо посмотрит — уничтожать на месте! Пусть знают, что в их рассадник порока пришла истинная власть Господня! У лестницы занимаем оборону и дожидаемся моих людей с орудий. А вы двое, — он вновь обратился к финнам, — остаетесь здесь сторожить эту дыру, чтобы ни одна душонка не выбралась наружу. Также оставляю на ваше попечение раненых. Задача ясна? Тогда тронулись!

К чести нашего противника надо сказать, что он не стал втравливать местных жителей в конфликт. Устрой отступники линию обороны здесь, под прикрытием лепящихся друг к другу домишек, пришлось бы клещами вырывать их оттуда, завязнув на неопределенный срок. К тому же отступники, похоже, догадывались, что Охотники, добираясь до цели, способны стереть в порошок все

поселение, не разбираясь при этом, кто прав, кто виноват. И Иуда решил быть милосердным. Сами же аборигены Мон Сен Мишеля не желали содействовать никому. Наружные двери и ставни их домов были закрыты наглухо, как бы показывая: наше дело маленькое, свое дерьмо разгребайте сами.

Но полностью отстраниться от происходящего им не удалось. Проходя мимо, кое где на огороженных крохотных двориках мы могли наблюдать копошащихся людей, разбиравших произведенные гаубицей разрушения. Завидя нас, они бросали все и в испуге прятались кто куда. На западной оконечности острова — там, куда рухнул церковный шпиль, — поднимались столбы черного дыма. Не исключено, что имелись и человеческие жертвы.

— Согласись, в другой ситуации это выглядело бы забавным, — Михаил указал на торчащую посреди улицы перевернутую скульптуру совершившего свой прощальный полет одноименного с ним архангела. Точнее, из земли высовывались только нижняя половина туловища и голые, в блеклых потеках сошедшей позолоты, пятки Божьего Воителя. Действительно, архангельский меч не дотянул до отступнических баррикад всего какую-то полусотню метров.

Бросок до ворот Ла Марвея не отнял много сил и обошелся без происшествий. Мы проследовали вдоль всей улицы, вслушиваясь в звуки за каждой запертой дверью, но не встретили даже намека на сопротивление.

У подножия крутой лестницы, пристроенной к колоссальным монастырским воротам, наш отряд остановился. Рассредоточившись за высоким парапетом, дабы какой -нибудь прицельный выстрел из многочисленных окон и окошечек, что усеивали стену поверх ворот, не наделал беды, мы внимали тому, как Бернард вызывает своих людей:

— Гаубица, «мириад»: конец первой фазы операций! Перелайте охрану орудий патрулям и выдвигайтесь к месту сбора! Как поняли? Выполняйте!..

Рация что-то прокашляла в ответ. Бернард не разобрал, что именно, и переспросил:

— Не понял, гаубица! Повторите четче!..

Я тоже настроил передатчик на отдельный патрульный канал и связался со своими «самсонами». Вацлав и Дмитрий доложили, что все относительно спокойно, после чего поинтересовались, как наши дела.

— Что ж, отвоевался, — печально вымолвил Дмитрий, узнав о гибели Ральфа. — Надеюсь, на небесах ему будет хорошо… Какие будут приказания, брат Эрик?

— Слушайте оба: где-то в Ла Марвее засел еще один или несколько гранатометчиков. Они постараются потрепать бойцов брата Бернарда на пути к острову. Наилучшие места для позиций — крыши монастыря и церкви. Прикажите Свену и Адриано расчехлить «гепарды» и снять этих мерзавцев. Как поняли?

— Уже сделано. Что -нибудь еще?

— Находитесь на связи и докладывайте подробно о том, что видите.

Бернард, подслушавший концовку моих переговоров, одобрительно заметил:

— Весьма своевременно, брат Эрик. Мои ребята именно их и опасаются. Вы опередили мой приказ — это похвально. Что ж, будем ждать…

Через некоторый промежуток времени моя рация вновь ожила.

— Они на дамбе, — доложил Вацлав. — Проделали около трети расстояния. Снайперы заняли позиции. Говорят, видимость исключительная, так что если что-то шевельнется…

Надежды на удачу не сбылись: шевельнулось, причем сразу в двух точках, по всем правилам кинжального огня. Одна из точек, судя по звуку, находилась прямо над нами. На дамбе вновь загрохотали разрывы.

— Бойцы Первого идут короткими перебежками! Вроде бы все целы. Секунду, брат Эрик… да, Свен засек ублюдка с вашего фланга! Прямо над вами, вон в тех готических башенках! Как только покажется…

Далекое эхо «гепардовского» выстрела докатилось до нас гулким раскатом.

— Есть! — возликовал Вацлав. — Он его уложил!

Над входом что-то загрохотало по черепичной крыше. Железная труба гранатомета «Карл Густав» звякнула о бордюр и поскакала вниз, выбивая искры из лестничных ступенек. Следом за ней шмякнулось мертвое тело гранатометчика, застыв перед воротами на залитых солнцем булыжниках в неестественной позе.

— Что со вторым? — предвидя вопрос Бернарда, спросил я.

— Он с противоположной стороны. Адриано ищет его… Проклятье! — Вацлав, как и мы, услыхал очередной гранатометный залп. Воздух опять содрогнулся.

— Э э э э, брат Эрик… — вклинился в радиоэфир неуверенный голос Дмитрия. — Передайте брату Бернарду: один его человек погиб, один, похоже, сильно ранен… Да, точно, ему оторвало ногу…

Мое счастье, что Мясник сидел тут же и слушал донесения патрулей вместе со мной, а иначе я бы и представить не мог, каким образом доведу до него эту информацию. Главнокомандующий просто закипел от негодования. Он вырвал у меня передатчик и хрипло заорал в него:

— Говорит брат Бернард! Рекомендую вам побыстрей разобраться с этой проблемой, брат Дмитрий! Настоятельно рекомендую! А не то ответите по всей строгости Устав за халатное несение службы, я вам это гарантирую! Как поняли?

— В вас п понял, брат Б бернард! — Старый вояка Дмитрий был чертовски напуган. Напуган до не наблюдавшегося у него ранее заикания. — Д делаем все в возможное!

— И даже больше, брат Дмитрий! — продолжал Мясник давить на ветерана авторитетом.

— И даже б больше, брат Б бернард! Обязательно разберемся, брат Б бернард!..

— Тогда почему, боец, ты еще скулишь мне в ухо? Работай!

— Виноват, брат Б бернард! До… до… до связи, брат Б бернард…

Главнокомандующий повернул тумблер, перебросил рацию мне и, смяв в руке берет, отвернулся, расстроенный новыми потерями.

Меня в какой-то мере угрозы Мясника тоже касались, ведь вместе с Дмитрием перед Трибуналом Главного магистрата обязан буду предстать и я как его непосредственный командир. Хотя выбор вообще-то имелся — взять Иуду. В противном случае брат Бернард закопает и меня, и Гонсалеса, и остальных братьев, вменив им в вину даже то, чего не было и в помине.

Дмитрий, похоже, сорвал злость на Адриано, потому что его «гепард» пролаял несколько раз кряду, пытаясь вслепую прощупать укромные уголки крыши. Я покосился на ссутулившуюся спину главнокомандующего и снова включил передатчик:

— Это брат Эрик. Докладывайте.

— Братья Первого рассеялись по дамбе, чтобы не создавать групповой цели, — Дмитрий описывал ситуацию словно приговоренный к смерти, что в какой-то степени было правдой. — Эта мразь шикарно маскируется. Бьет с чердака в какое-то из слуховых окон, сам же постоянно вне поля зрения. Засечь то мы его засечем, но вот прикончить…

Удар — секундная пауза — и взрыв на дамбе прогремел заново. Я молчал, ожидая от патруля дурных вестей. Бернард подошел и тоже слушал. Пульсирующие желваки на его скулах заставляли меня ощущать себя прогулявшим псалмопение семинаристом, пойманным наставником у конфетных прилавков ярмарки.

— Он поразил третий «самсон». На психику, гад, действует, — голос Дмитрия звучал немного бодрее, чем минуту назад. — Все живы, но движутся очень медленно, ползком. Зато мы точно выяснили, где его огневая точка. Брат Эрик… это… я прошу разрешения брата Бернарда воспользоваться «мириадом»…

— Ты рехнулся?! — От такого заявления я аж присел. — Вы же не бельмеса в ней…

— Йозеф утверждает, — настаивал Дмитрий, — что это примерно как спаренный Шестиствольный, только малость поболее.

Мясник сделал мне знак, и я передал рацию ему.

— Слушай, боец, — главнокомандующий взял тот же тон, что и при разговоре с Ярво, — даю «добро», понял? Однако не забывай, что в двухстах метрах восточнее находимся мы! И еще: у тебя есть пистолет?

— Что есть, брат Бернард? Повторите, пожалуйста! — не понял Дмитрий. — Пистолет?

— Совершенно верно, боец! Пистолет! Обычный пистолет! — Бернард отчетливо произнес это в микрофон.

— У меня нет, но… у брата Энрико есть «стар». А зачем он вам?

— Не нам, а тебе, брат Дмитрий! Пистолет понадобится тебе, когда вы испортите, поломаете, заклините или черт побери, утопите «мириад» в заливе! Дошло? Пояснения нужны?

Старший патруля помолчал, не зная, что сказать, а потом, собравшись с духом, выпалил:

— Не волнуйтесь, брат Бернард! Все будет в порядке! Я ручаюсь за Йозефа, он опытный спец по «вулканам»! Уверен, мы вас не

подведем! Разрешите действовать?

— Действуй!

Бернард одарил меня таким взглядом, что я сразу просек — вопрос о пистолете в равной степени касался и моей персоны.

Вот так мои ребятишки вместо детского самоката получили настоящий взрослый велосипед, а я не знал, радовать мне или огорчаться. Представил, как квадратное рыло глок упирается в висок, затем округлый кусочек свинца дробит кость и раскидывает мозги окрест расколовшейся головы. Я невольно поежился. Наверное, впервые после Новой Праги захотелось бросить все и уйти, наплевав на Братство Охотников и остальную Инквизицию вместе взятые.

Издалека ревущий шквал «мириада» не обладал той внушительностью, хотя и здесь, пред вратами Ла Марвея, братья вздрогнули, когда дьявольская установка повторила уже выполненную ею ранее серенаду.

Дмитрий со товарищи — я готов был горланить в их честь самые помпезные псалмы! не вынудили меня краснеть перед Мясником. На совесть выверив прицел, они угодили в крышу с первого же залпа. К сожалению, увидеть результат их стрельбы мы не могли, зато услышали треск стропил, а также стук разлетающейся черепицы с западной стороны Ла Марвея.

Едва смолкли звуки выстрела, как вновь встрепенулась рация. Дмитрий, обрадованный не столько удачно произведенным выстрелом, сколько тем, что не придется просить у Энрико пистолет, сообщал:

— Готово, брат Эрик! Навряд ли кто-то выжил. Адриано видит в прицел чьи-то останки. Вы знаете, насилу остановил Йозефа! Уж больно по сердцу пришлась ему эта машинка! Хотел еще пару башенок обкромсать, но я сказал, что вы будете сильно ругаться…

«Еще бы, конечно буду! — подумал я. — Вам-то что, а у меня — вон он, Бернард, в затылок сопит!»

Но на самом деле Мясник не сопел, а поднимал по рации застрявших в тех же камнях, что некогда и мы, выживших бойцов своего отряда.

Я облегченно вздохнул. Ежели и придется когда брату Эрику застрелиться, то, по крайней мере, не сегодня.

Изрядно поредевшая группа наконец собралась для решающей фазы операции. Насчитывалось девять погибших; четверо у Мясника,

четверо у Матадора и мой Ральф. Трое мучились ранениями средней тяжести, а легко задетым или поцарапанным был каждый пятый из оставшихся в строю. Не считая стерегущих Королевский вход финнов, перед вратами проклятой цитадели нас стояло теперь тридцать шесть человек. Тридцать шесть усталых и жаждущих упиться отступнической кровью братьев Охотников. И спасти Иуду могло только вмешательство самого Господа Бога. Но как выяснилось, сегодня Всевышний благоволил тем, кто смел утверждать, что послан от его имени.

9

Годы Боевой Семинарии

Продолжение

«— Тридцать лет я плавал по морям, — сказал он. — Видел и плохое и хорошее, и штили, и штормы, и голод, и поножовщину, и мало ли что еще, но поверь мне: ни разу не видел я, чтобы добродетель приносила человеку хоть какую -нибудь пользу. Прав тот, кто ударит первый. Мертвые не кусаются. Вот и вся моя вера. Аминь!»

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

Не хочу показаться занудой, но раз уж я принялся в самом начале книги излагать историю возникновения нашего мира от Каменного Дождя, то глупо было бы бросать ее на полдороге, не доведя непосредственно до сегодняшних дней. Все это задумано мной не праздного любопытства ради (хотя, каюсь, что и не без этого), а исключительно с целью показать, как вообще могла появиться на свет та кровавая химера, тот карательный механизм на службе «Светлых Сил Добра и Справедливости», шестерней которого мне довелось когда-то быть. Само собой, я имею в виду Инквизиционный корпус.

А в защиту «новой истории по Хенриксону» могу сказать лишь то, что идет она даже не от меня, а от тех документальных источников, хранимых в недоступных простому смертному библиотечных залах Главного магистрата, которые мне посчастливилось проштудировать во времена любознательной кадетской молодости. И, как я уже упоминал, это не потребовало от меня совершать кражу со взломом, а стоило лишь половины ежемесячной стипендии, регулярно жертвуемой смотрителю кадетского зала Ватиканской библиотеки дьякону Захарию. Не знаю, что стало впоследствии с этим стариком —

погорел ли он на своих подпольно коммерческих махинациях или жил себе безбедно за счет таких же, как я, до самой смерти, — но на тот момент оба мы были весьма довольны столь плодотворными и для него, и для меня деловыми отношениями.

Век Хаоса — век тотального безвластия и кровавых междоусобиц — сменяла новая эпоха, в которой вечные надежды человечества на божественную справедливость и долгожданный порядок наконец должны были исполниться.

Так зарождался современный мир.

Так наступала Эпоха Стального Креста.

Обретя новых хозяев, Ватикан, он же Центр Мира и Божественная Цитадель, стал разрастаться. Со всех концов старой Европы тянулись к нему обездоленные люди, желая быть как можно ближе к объявившим себя святыми стенам. Присылались ходоки за достоверными сведениями об этом явлении мирового масштаба, прибывали различные пророки рангом помельче, стараясь узаконить свой статус благословением более пронырливого собрата. Естественно, за ними следовала и их верная паства, потому постепенно временные пристанища этих пришлых толп превращались в постоянные, загромождая все новые и новые территории Ватикана трущобами и неизбежными при подобной перенаселенности помойками.

Центр Мира стал задыхаться от отходов человеческой жизнедеятельности. По его улицам слонялись толпы безработных, наравне со всеми хотевших и пить, и есть. Немыслимо возросла преступность, процветало воровство и вымогательство. Маркус Крюгер, прощенный Пророком Витторио грабитель и мародер, а ныне лидер Братства Защитников Веры, хоть и увеличил контингент своих бойцов в три раза, все равно не успевал карать убийц и насильников. Престиж Божественной Цитадели находился под угрозой…

Тогда-то и прозвучал Великий Призыв Пророка Витторио, ознаменовавший начало Нового Исхода.

Пророк, принимавший у себя послов из различных регионов, имел представление об обстановке, царившей на староевропейских просторах: народ раздроблен, запуган и как никогда нуждается в объединении. Заблаговременно собрав до Призыва всех лидеров новоявленных городских группировок, он четко обрисовал им сложившуюся в Ватикане ситуацию, а затем вынес свой вердикт.

Пригрозив проклятием тому, кто ослушается (а проклинать Витторио умел как никто другой, тем более имея за плечами верные отряды из Защитников Веры), Пророк вышел на следующий день к подножию Креста, страстно затряс руками и возвысил свой голос, распаляя душевный энтузиазм молившейся на него паствы. Говорил он о вновь сошедшей на него божественной воле; о том, что Господь раскрыл ему глаза, дав узреть в полной мере те необъятные просторы, где люди вопиют от отчаяния, а потому горячо желают перейти под власть Бога Единого, разумеется, в лице самого Пророка и других повелителей Центра Мира.

«На вас, братия по Вере, через уста мои возлагает он миссию великую, дланью своей освященную! Ибо суждено вам совершить Новый Исход, но уже не в поисках Земли Обетованной, а, наоборот — привести к ней всех заблудших рабов Отца нашего, указать им, слепцам, власть истинную, а посему вечную и незыблемую! Так внемлите же: ты, брат Роланд, и ты, брат Жан Луи, ведете паству свою в земли былой Франции; ты, брат Петр, и ты, брат Яцек, — на земли города Варшавы; ты, брат Хосе, и ты, брат Рамиро…»

Пророк Витторио распределял миссии до тех пор, пока не объял отеческой заботой все известные ему территории, а они заканчивались для него на север, запад и юг морями, а на восток — берегами реки Днепр. Из за них почему-то ни гонцов, ни пророков не появлялось, что выразительно указывало на то, в каком невежестве проживают там русские племена и как стремятся они выйти из мрака к Источнику Истинного Света — к Ватикану.

Через неделю улицы Ватикана вздохнули облегченно — свежеиспеченные моисеи увели за собой три четверти пришлого населения, но что самое интересное — с ними отправилась и немалая часть коренных граждан города, до глубины души вдохновленная прогрессивными целями Нового Исхода.

В последующие несколько лет Европа опять потеряла покой. Орды вооруженных чем попало пилигримов входили в города, брали под свой контроль власть, ремесленные предприятия, продовольственные и топливные склады, электростанции и средства транспорта. Надо заметить, что вся эта вакханалия протекала практически бескровно — перед лицом столь грозной, да еще и имеющей благие цели силы, большая часть населенных пунктов

капитулировала вообще без боя, признавая над собой власть Пророка и Апостолов «на веки вечные». «Разумеется, так будет только лучше!» — говорили уставшие от убийств и погромов люди.

Непокорные же города, кои все таки имелись в наличии, брались в осаду, однако не штурмовались, дабы доказать всем заперевшимся за городскими стенами подлинную миролюбивость новых хозяев (безусловно, подобное решение сыграло репутации Пророка Витторио исключительно на пользу). В общем, так или иначе, но ключи от этих строптивых поселений оказывались в руках пророческих миссионеров. И текли посланники со всех краев Европы к Центру Мира с сообщениями об успехах богоугодного мероприятия, окрещенного Пророком Новым Исходом.

Потерпели фиаско лишь две миссии, забравшиеся дальше остальных. Дьякон Захарий, питавший мои литературно исторические аппетиты, долго колебался по поводу, казалось, бы невзрачных серых брошюрок с копиями отчетов о них. Совесть дьякона тяготили красные оттиски на каждой из брошюр: «Карается с особой строгостью за обнародование!» Эта загвоздка и лишала его желания продолжать взаимовыгодное для нас обоих сотрудничество. Но в итоге Желтый Дьявол в образе звенящих монет как всегда одержал победу, и всего лишь на одну ночь я стал обладателем ценнейших документов, речь в которых шла о событиях, большинству граждан Святой Европы неизвестных.

Первая миссия, ведомая датчанином братом Ларсом, попыталась на конфискованных у рыбаков моторных суденышках перебраться через пролив Каттегат к берегам нелюдимой Скандинавии. Но миссионеры не только не ступили на берег— им не дали даже причалить. Гордые потомки кровожадных викингов еще на подходе расстреляли утлые скорлупки из неизвестно где добытых артиллерийских орудий. Уцелеть смогли только те, кто не пылал особой страстью приобщить Властелинов Севера к новым религиозным порядкам и держался в хвосте десанта. Непонятно почему, но среди них оказался и лидер миссии брат Ларе. Так что Глас Господень не слышен в этих краях и по сию пору.

Вторая группа новоисходцев, одиссее которых была посвящена следующая брошюра, переправилась через Днепр и затерялась на просторах Среднерусской возвышенности — территории, подвластной

русским князьям. Выйдя одним прекрасным утром к небольшому, но хорошо укрепленному городу Воронеж, полторы тысячи желающих только добра миссионеров были вероломно атакованы ревущей громче труб Иерихона стальной птицей. Спикировав, птица плюнула огнем, и треть слуг Пророка просто напросто испарилась, оставив после себя огромную дымящуюся воронку. Остальные в испуге попадали ниц, хотя кое кто пытался сбить адскую тварь из дробовиков.

Птица совершила еще заход, снова плюнула, однако, к всеобщей радости, промахнулась. Прижатые к земле божьи люди решили больше не искушать судьбу и применили самое могучее оружие, которое только имели в запасе — святую молитву Господню. И поди ж ты — подействовало! Услыхав ее сквозь собственный рев, чудовище покачало крыльями и улетело за горизонт. Радости выживших не было предела, однако, как показало время, все произошедшее являлось лишь прелюдией.

Ликуя и славя Господа за то, что он поспособствовал им в изгнании жуткой твари, миссионеры даже не заметили, как оказались в окружении нескольких сотен бородатых и мрачных русских, компенсирующих свое отставание в живой силе наличием бронетехники. Калибр установленных на бронированных монстрах орудий во много раз превышал калибр дробовиков божьего воинства, а их длинные стволы в упор смотрели в лица пришельцев. Чем чем, но гостеприимством — одной из основных черт славянского характера — здесь и не пахло.

У брата Александра, духовного лидера пилигримов, забрезжила было слабая надежда на то, что русские прислушаются к его «Господним требованиям», когда он увидел на шее вышедшего к нему крепыша золотой крест на солидной, в два пальца толщиной, золотой цепи. Однако крепыш почему-то вместо приветствия послал посланцев к их матери, а также в некоторые малопривлекательные места человеческого организма.

Брат Александр все же сумел настоять на том, чтобы его выслушали. Но аргументы лидера миссии на фоне пушек воронежцев звучали как-то неубедительно, а потому никакой реакции, кроме зевоты, у воронежского князя (носитель золотого креста именно им и оказался) не вызвали.

«Вот что, скоморох, — ответил князь Александру. — Усвой ка раз и навсегда и передай это своему Пророку: кто с крестом к нам придет, тот крестом и получит! У вас своя Вера, а у нас своя, вот пусть так и остается… А посему вали отсюда со своей кодлой подобру поздорову: мы хоть люди мирные, но для вас можем сделать исключение…»

Оплеванным с ног до головы миссионерам ничего не оставалось, как сложить оружие и форсировать Днепр обратно. Милейшие люди русские гостеприимно проводили их до реки, показав более короткую дорогу и обеспечивая безопасность гостей стаями свирепых сторожевых волкодавов.

Расстроенный этими неудачами, Витторио сразу же бросился на укрепление северных и восточных границ, объявив свои приграничные города «зонами особого статуса», а жителей их приравнял к Защитникам Веры, тем самым обязав зорко следить за рубежами в обмен на значительное уменьшение налогов.

В будущем и со Скандинавией, и с Россией были установлены в меру дружеские дипломатические и торговые отношения. Святая Европа даже принимала к себе на жительство верующих эмигрантов этих стран, которых не устраивали внутренние порядки собственных отечеств. Наивные, они и вправду надеялись обрести у нас Землю Обетованную! Именно из за этого очутились здесь мой отец и отец Михаила. Моему повезло — он женился на пасторской дочери и сумел пробиться в— люди. Разочаровавшемуся же отцу русского, как, впрочем, и многим другим, вернуться на родину не позволили. По мнению Пророка и Апостолов, это подрывало авторитет святоевропейского института власти…

Окончательное закрепление границ произошло в прибалтийском Таллине — одним из последних занятым ватиканскими миссионерами. Собравшиеся там представители Российских Княжеств, Скандинавии и наших объединенных земель после острых дискуссий на грани открытых угроз все таки смогли выработать устраивающие всех договоренности. Завизированный трехсторонний итоговый документ стал именоваться Таллинской Пограничной Конвенцией. Именно на его незыблемых постулатах и основываются современные международные отношения.

Четко обозначив границы подчинившихся территорий, Пророк и Апостолы придумали новому государству название — Святая Европа.

В него также вступили в свое время изрядно потрепанные Дождем Великобритания и Ирландия.

Мне следует поподробней остановиться на самой пограничной линии, поскольку в дальнейшем я буду часто о ней упоминать. Половины старой Дании и острова Зеландия, описанных Бертуччи, больше нет, и там, через расширившийся пролив Каттегат и далее по Балтийскому морю вплоть до выхода из Финского залива пролегает морская граница со Скандинавией. Затем на юг по Чудскому озеру, реке Фисон (у русских — Великая), Днепру и заканчиваясь на берегах Черного моря находятся святоевропейско российские рубежи. По правде говоря, от Черного моря сейчас осталось одно название, так как представляет оно собой лишь северную оконечность Средиземного. Виноваты в этом вулканы Малой Азии, одновременно разбуженные Каменным Дождем. Некогда довольно узкие проливы Босфор и Дарданеллы имеют ширину в шестьсот с лишним километров. Восточный их берег непроходим и безлюден, как, впрочем, и далее побережье всего Средиземного моря по Ближнему Востоку (исторической родины современной Веры) и Африки аж до самого Гибралтара, тоже сильно расширившегося и похоронившего свои знаменитые Геркулесовы Столбы под толщей океанской воды.

И все же абсолютно безлюдными эти земли назвать нельзя. Несмотря на их бесплодие, там обитают редкие кочевые племена арабов и еще более редкие племена уроженцев африканских песков — чернокожих дикарей идолопоклонников. О дикарях я осведомлен скупо, но об арабах «Хроники Паоло Бертуччи» содержали некоторую информацию. Отважные воины и великие завоеватели прошлого, арабы кочевники уже не представляли той грозной силы, как в первом тысячелетии Нашей Эры, так что безопасность Святой Европы на южных направлениях обеспечивали лишь небольшая флотилия патрульных ботов да несколько поселений Защитников Веры, занимавшие не сгинувшие в пучине крупные острова.

Все попытки заново открыть Новый Свет так ни к чему и не привели. Изредка собранные по винтику корабли, до краев загруженные топливом и провиантом, уходили на запад и больше их никто никогда не видел. Восстановленная радиостанция Ватикана и ее филиалы в крупнейших городах прощупывали эфир на предмет хоть какого -нибудь намека на присутствие за Атлантическим океаном

жизни, но, увы — Америка хранила молчание. Грандиозный, судя по книгам, материк представлял и представляет собой величайшую загадку современности…

Наконец смута Нового Исхода поутихла, и Витторио со своими Апостолами взялся за организацию института управления молодым государством. Схема его была довольно простой. Господь Бог венчал пирамиду власти, озвучивая голосом Пророка свои требования, которые Глас Божий обязан был обстоятельно формулировать стоящим на ступеньку ниже этой неразлучной парочки Апостолам. У каждого из двенадцати Апостолов имелась в подчинении какая -либо отрасль государственной жизнедеятельности и каждый отвечал за нее непосредственно перед самим Пророком. Именовались они также под стать личным обязанностям: Апостол Налогов, Апостол Науки, Апостол Защитников Веры, Апостол Святого Писания и так далее.

Дабы облегчить себе бремя централизованного правления, Витторио разделил Святую Европу на несколько епархий, приблизительно по границам некогда входящих в Европейское Сообщество стран. Посадив в столицу каждой из них по персонально отобранному архиепископу, Пророк доверил тем назначить по их усмотрению епископов в города поменьше, бывшие уже столицами входящих в епархию округов. Епископы же, в свою очередь, определили представителей власти в общинах и в деревнях — пасторов. И всем этим великим и малым ставленникам Гласа Божия придавался в услужение огромный штат помощников, советников и секретарей, именуемых по простому дьяконами, а также приведенные к присяге группы местных жителей — так называемые Добровольцы Креста. Они олицетворяли собой охрану, силовую поддержку и при необходимости судебных приставов при правящем и вершившем гражданский и уголовный суды субъекте.

А уже непосредственная обязанность блюсти Закон легла на плечи разросшегося до умопомрачительных размеров Братства Маркуса Крюгера — Защитников Веры. В их подчинение входило все: функции жандармерии, функции госбезопасности (шпионаж и контршпионаж) и как основное — функции регулярных войсковых подразделений. Отныне бывший разоритель городов держал в своем кулаке не отдельную мелкую область, а целую, раскинувшуюся от Атлантики до Российских Княжеств и от Средиземного моря до Балтийского, страну.

Небось раньше такое не снилось Маркусу и в самом фантастическом сне.

Спорно утверждение летописцев о том, что ему же принадлежит и проект тотального контроля над огнестрельным оружием. Да, он являлся непосредственным исполнителем сей инициативы, но шла она скорее всего от самого Пророка, ибо, как показывает анализ деятельности правителей той поры, подавляющее большинство перспективно грамотных указов сошло с пера именно Гласа Божия. Тем не менее указ этот помог предотвратить достаточно крупные и мелкие кровопролития, а следовательно, сберечь государству множество необходимых ему жизней потенциальных налогоплательщиков.

В кратчайшие сроки со дня опубликования данного указа все огнестрельное оружие было изъято у нижних и средних классов нашего общества, кроме Добровольцев Креста. Банды, отказывающиеся следовать примеру покаявшегося Крюгера, уничтожались тем с хладнокровной безжалостностью. Правда, совсем уж впадать в крайность Маркус не стал и на холодное оружие, к безумной радости народных кустарей оружейников, мораторий введен не был. Самым востребованным изделием, выпускаемым этой категорией лиц, являлись арбалеты из стальных рессор автомобилей Древних, — гниющих остовов машин было навалом во всех концах Святой Европы. Арбалеты отличались друг от друга по мощности, дальнобойности и размеру и, представляя собой довольно недорогой вид самозащиты, имелись почти в каждой семье ремесленника, крестьянина либо искателя.

И страна зашагала вперед, топча свою персональную тропинку на густо заросшем травой общей неопределенности поле Новой Истории.

Великий Пророк Витторио умер тихо и без страданий через двадцать с небольшим лет после образования своего любимого детища. Само собой, он был вознесен на небо, где и занял одно из почетных мест одесную Создателя. Процедура передачи власти тоже прошла без каких -либо эксцессов. Во время закрытого молебна Апостолам, по их утверждениям, вновь было явлено Великое Знамение и Господь указал следующего Пророка из их числа. Не забыл он напомнить и о том, кто займет освободившуюся в рядах Святой Дюжины вакансию. Счастливчиком оказался наиболее лояльный во

всех отношениях архиепископ, который незамедлительно был представлен пред ликом Господа и вскоре появился на людях, сверкая еще не зарубцевавшимся крестообразным ожогом посреди лба. Система управления государством со столь нетипичной для мировой истории властью функционировала как надо…

Святая Европа просуществовала до массового отступничества около ста двадцати лет. Наверное, эти годы следует считать самыми счастливыми за всю ее постдождливую историю. Несмотря на тотальное религиозно идеологическое давление верхами низов, было открыто множество Академий, где наиболее образованные представители правящих кругов пытались воссоздать при помощи дьяконов инженеров некоторые технологии старого мира. Перетрясались тонны извлеченных из под развалин чертежей; разбирались и изучались тысячи механизмов, которые так или иначе могли пролить свет на тайны XX XXI веков. Курировались Академии Апостолом Науки, ежегодно докладывавшим об успехах головасгых дьяконов Пророку. А успехи действительно были.

Благодаря активной научно исследовательской деятельности в нижних слоях общества родился абсолютно новый класс — искатели. Эти люди зарабатывали на жизнь раскопками старинных заводов, лабораторий, средств транспорта и других интересных с точки зрения науки объектов. Епископаты скупали у них по дешевке более или менее ценные экземпляры, тем самым не давая умереть с голоду искательским семьям. Сами же епископы перепродавали находки Академиям в три четыре раза дороже. Молчаливое попустительство этому безобразию Пророка, а следовательно и Всевышнего, только поощряло епископов на сем поприще.

Одним из наиболее востребованных объектов поиска оставалась и остается пластмасса. Ее, практически не подверженную разложению, верхние слои почвы хранят в таком количестве, что проще считается переплавлять найденное, чем пытаться получить свежее сырье.

Величайшее богатство нашей эпохи — электричество. Приравнять его производство к объемам Древних пока не удалось. Сложнейшие, требующие огромного количества дорогостоящих деталей технологии до сих пор нам не по зубам. Большие города продолжают питаться от архаичных водяных электростанций; периферия пользуется топливными генераторами для зданий власть

имущих и аккумуляторами для всех остальных. Стоят аккумуляторные батареи баснословно дорого, дорога и их перезарядка — епископаты дерут за эту услугу семь шкур. Поэтому большинство крестьянских лачуг и в наши дни излучают тусклое мерцание свечей и жировых светильников.

С топливом дела обстоят ничуть не лучше. Оно объявлено Пророком стратегическим сырьем, а значит, все немногочисленные нефтедобывающие скважины и перегонные предприятия принадлежат Ватикану. Апостол Топлива чутко следит за функционированием данной индустрии. В принципе и бензин, и керосин, и солярку можно приобрести свободно, но литр этих продуктов равен по цене ста литрам молока, а потому, несмотря на наличие у многих фермеров исправной сельхозтехники, поля Святой Европы обрабатываются преимущественно гужевым способом. Тем же способом осуществляются и товароперевозки мелких торговцев.

В Век Подъема (не помню, кто из историков первым применил это название для данного отрезка времени) появились первые автомобили, собранные в ремесленных цехах Транспортной Академии. Выходили оттуда поначалу лишь внедорожники да грузовики для нужд управляющих структур и Защитников Веры. Вся сборка и доводка техники до ума осуществлялись в отличие от полностью механизированных предприятий Древних исключительно вручную. На первых порах автомобили кроили из всего, что-только ни попадалось под руку искателям транспортникам, но потом, выработав с годами некую концепцию производства, дьяконы Транспортной Академии научились создавать похожие друг на друга формой и содержанием модели. В их арсенале имелись как универсальные разновидности («сант ровер» — стандартный внедорожник для неограниченного применения), так и специализированные образцы («самсон» — сконструированный специально для установки в кузове крупного стрелкового вооружения полуджип полугрузовик, а попросту — монстромобиль).

Выпускает Транспортная Академия и единственную модель мотоцикла. Древние, у которых похожая двухколесная техника относилась к классу «эндуро», нарекли ее ничего не говорящим людям нашей эпохи именем «хонда». Вероятнее всего, это и было оригинальное название байка, но дьяконы Транспортной Академии

посчитали, что первые буквы из него просто напросто утеряны, и переименовали «хонду» в более соответствующее святоевропейской эстетике «иерихонду». Трудно поддающаяся на первых порах укрощению «иерихонда» однако покорилась, прижилась и стала исправно служить своим хозяевам — Защитникам Веры и Почтовому Департаменту, в особенности снискав себе славу на доставке различного рода курьерской корреспонденции.

Топливо для поддержания своего автопарка в дееспособном состоянии государство выделяло без ограничений.

Но особым расположением Пророков тех лет пользовалась все же не Транспортная Академия, а Оружейная. Все найденное искателями огнестрельное оружие под страхом смертной казни сдавалось в ее филиалы при епископатах (позднее Ватикан организовал искательские группы из наиболее опытных представителей этого сословия, которые специализировались только на поисках данного вида военной продукции прошлого). Далее происходила его сортировка: изношенные или истлевшие от времени образцы либо уничтожались, либо разбирались на запчасти; остальное так или иначе годное к эксплуатации вооружение тщательно доводилось до кондиции и пополняло арсеналы государственных силовых структур. Вершиной прогресса в этой отрасли на данный момент считается восстановление производства всех разновидностей патронов: от малокалиберных пистолетных до крупнокалиберных для больших станковых пулеметов.

Наиболее секретные исследования велись в области реставрации старой боевой техники и орудий огневого обеспечения: скорострельные автоматические пушки, гранатометы, минометы, легкая артиллерия. Здесь результаты были не ахти какие. Хотя разрытые арсеналы Древних хранили в своих недрах достаточное количество подобного добра, Ее Величество Коррозия добралась до них раньше академических искателей. Так что из всего вышеперечисленного восстанавливались лишь единицы, а боекомплекты к ним ценились едва ли не на вес золота.

Надо думать, к огромной радости русских, напрочь провалились все попытки поднять в воздух обнаруженные кое где в ангарах летающие боевые машины. Запущенный с грехом пополам колоссально оборотистый двигатель одной из них потоком воздуха размазал о скалу зазевавшегося дьякона, после чего заглох, спалив за

одну минуту столько чистого бензина, сколько курьерская служба Почтового Департамента расходует за неделю. Восточные соседи информацией делиться отказались, свято храня секреты самого мощного козыря своей независимости. Мало того — специфический славянский юмор заставлял их издеваться над нами, периодически запугивая наши пограничные поселения низколетящими и ревущими валькириями со звездами на крыльях. И только крайнее миролюбие россиян удерживало этот народ от желания поспорить за право называться Центром Мира. Да, именно то снисходительное миролюбие, которое они могли себе позволить, имея такую дубину под полой своего национального тулупа…

Хоть это время и было названо Веком Подъема, но рождаемость святоевропейцев оставляла желать лучшего и приблизительно равнялась смертности. Выходцы из Медицинской Академии — дьяконы медики — худо бедно поддерживали этот баланс, заново изобретая некоторые виды лекарств, а также проводя элементарные хирургические операции, половина из которых, правда, заканчивалась летальным исходом.

Жизнь сама собой вошла в спокойное русло, бежала с постоянной скоростью и легко поддавалась прогнозам. Нельзя было и предположить, что беда придет оттуда, откуда ее никто не ожидал…

Многие ремесленники, ученые, врачи, педагоги и даже некоторые продвинутые крестьяне хоть на словах и верили в Бога и Пророка, склад ума имели пытливый. Постоянно навязываемая сверху идея о Господе как о Повелителе всего сущего, всех наших помыслов и деяний, не давала покоя кипящему разуму этих энергичных личностей. Наконец настала пора и Святому Писанию пройти проверку спорами.

Сначала в приватных, а затем и в открытых дискуссиях стали зарождаться быстро созревающие плоды сомнений в непогрешимости божественных истин. Стоя на площадях, новоиспеченные философы с пеной у рта били друг друга аргументами «за» и «против», приводя разумные и не очень доводы в защиту своих позиций. Когда словесные аргументы заканчивались, в ход шло все, что-только имелось под рукой: палки, камни, ножи, топоры, арбалеты… Начались первые столкновения на религиозной почве, кое где переросшие даже в локальные конфликты.

Местами вспыхивающие подобно пороху новые, а потому притягивающие к себе множество сторонников идеи отступничества принимали совсем жуткие формы. Из глубин прошлого были извлечены изрядно поблекшие, но довольно зловещие фигуры: Сатана, демоны, ведьмы, божки альтернативных мистических верований. Отдельные группы и вовсе вернулись к глухому язычеству, выстругивая себе деревянных идолов и совершая кровавые, иногда даже человеческие жертвоприношения, чередующиеся с безумными оргиями вокруг огромных ритуальных костров.

Бедного миролюбивого мученика Иисуса Христа интерпретировали кто во что горазд. Несостоявшемуся плотнику стало приписываться авторство даже того, до чего он при всем желании никогда бы не додумался. Секты под символом Распятия плодились словно грибы и, конечно же, стремились уничтожить друг друга в конкурентной борьбе.

Самая радикально настроенная часть отступников, недовольная политикой Пророка и Апостолов как таковой, организовывала разнообразные протестантские движения наподобие средневекового лютеранства. Лидеры этих группировок, имея языки, подвешенные не хуже, чем у самого Пророка, баламутили граждан призывами к насильному свержению существующей власти.

На фоне этого тотального безумия появление на дорогах «рожденных быть свободными» байкеров смотрелось как безобидное детское увлечение. Байкеры, возводившие в ранг иконы не идолов и святых, а вполне конкретное механическое существо — Стального Жеребца или попросту мотоцикл, — ненавидели и протестантов, и сектантов, и сатанистов, и тем более надоевшую до изжоги государственную религию. Но данный подвид отступничества помимо ярко выраженного бунтарства имел характер все же более материалистический, скорее даже созидательный. Свободолюбивое сообщество байкеров выпестовало в своих рядах таких технарей уникумов, каких не воспитывала даже Транспортная Академия. Собранные ими мотоциклы на порядок превосходили по качеству грохочущую и недолговечную «иерихонду», что лишний раз доказывало, насколько чтят они сотворенных себе стальных кумиров.

Никто не мог здраво объяснить, что происходит в благополучной на первый взгляд стране. А истерия с каждым днем нарастала. Разброд

затронул даже ряды Добровольцев Креста, усугубляемый находящимся у них на руках большим количеством огнестрельного оружия.

Защитники Веры просто не успевали вмешиваться в религиозно мировоззренческие распри, охватившие страну после стольких лет мирного существования. И хотя вооруженные до зубов головорезы Защитников весьма сурово усмиряли противостоящие стороны, после их ухода конфликты обычно вспыхивали вновь. Пророческо апостольский авторитет норовил вот вот рухнуть.

Новый Хаос опять дышал в лицо Святой Европе смрадным гнилым дыханием… Бывший на тот момент ответственным за науку Апостол Хоаким первым сделал инъекцию, разбудившую Монстра. Как человек, который обязан много читать, он откопал в древних книгах информацию о подобных, уже имевших место в истории европейского континента, проблемах. В том же источнике описывался и рецепт их «хирургического» уничтожения. Со своими наработками Хоаким ознакомил главу государства той поры Пророка Андрония.

Андроний, уже уставший взывать к Господу об успокоении мятежных душ своих подданных, загорелся этой идеей с энтузиазмом молодого кадета Боевой Семинарии, впервые получившего в руки настоящее оружие и теперь торопящего наставника к вожделенному стрельбищу.

Вскоре все епископы и архиепископы, кто умел поддерживать закон и порядок у себя в епархиях, были срочно вызваны Ватиканом. А поскольку им сразу же назначалась постоянная замена, они догадались, что назад уже не вернутся. Так и случилось.

Одновременно на пограничных землях развернулись стихийные военные лагеря, куда рекрутировались наиболее развитые идеологически, морально и физически дети пасторов, дьяконов и прочих граждан среднего сословия. Минимальный возраст для рекрутов составлял двадцать лет. Все они стали проходить ускоренную боевую подготовку у лучших бойцов Защитников Веры, произведенных по такому случаю в инструкторов военного дела.

По прошествии отведенного срока окрепших духом и телом рекрутов привезли в Ватикан, где новоявленные братья только что образованного боевого Братства принесли присягу на Святом Писании перед лицом самого Пророка Андрония. После этой церемонии их представили людям, одетым в одинаковые серые балахоны наподобие

тех, что когда-то носили члены Доминиканского и Францисканского орденов. Люди эти являлись членами нового Ордена и именовались магистрами ордена Инквизиции Святой Европы. В лицах магистров многие присягнувшие на Писании братья узнали некогда бывших своих епископов и архиепископов.

Отныне все они — и члены Братства, и магистры Ордена, — составляли Инквизиционный корпус — единый отлаженный механизм, пришедший на смену хаотичной и зачастую безрезультатной тактике борьбы с отступничеством, практикуемой Защитниками Веры. Курировал Корпус занимающий нововведенную должность Апостол Инквизиции. Нет, конечно, Апостолов после этого не стала «чертова дюжина» и ни один тысячелетний канон не был попран. Просто ради такой эпохальной реформы, как образование Инквизиционного корпуса, Пророк Андроний устранил должность Апостола Культуры, заведовавшего до сегодня народными театрами, картинной галереей, музеем Пути Святой Веры и Ватиканской библиотекой. Какая горькая ирония!

В столицах епархий спешно создавались магистраты, укомплектованные несколькими магистрами и одним вверенным им отрядом Братства Охотников, ставшего таковым с легкой руки Пророка: «…Нарекаю братьев сих Ловцами Душ Заблудших, отважными Охотниками за подручными Нечистого…» Охотники взяли на себя обязанности своих средневековых прообразов — фамильяров и альгвасилов, — осуществлявших доставку инквизиторской клиентуры до места назначения и оберегавших самого инквизитора. Главный же Магистрат размещался в Ватикане и имел помимо широкого штата высшего магистерского руководства подразделение, состоявшее из двадцати одного отряда Охотников, возглавляемых работающими по сменному графику полевыми магистрами — основной действующей силой Корпуса. Охотники и полевые магистры Главного магистрата совершали рейды по Святой Европе, занимаясь делами государственного масштаба, к каким относилось всякое зафиксированное массовое либо кровавое отступничество.

Магистр — и полевой, и обычный — являлся одновременно дознавателем, судьей и палачом (здесь фантазии Апостола Хоакима превзошли скупое воображение его средневековых единомышленников, опасавшихся лично карать еретиков из за

нежелания быть замаранными в грехе смертоубийства и предоставлявшими это право светским властям). Инквизитор проводил разбор ситуации (где-то дотошно, а где-то довольно поверхностно — все зависело от весомости дела), обязательный допрос, включавший в себя помимо методов пристрастного дознания также предложение о покаянии, а уж затем решал, насколько испытуемый правдив и искренен. Когда же в подобном возникали хоть малейшие сомнения, магистр применял к лицемеру последнее средство — Очищение Огнем, так называемое аутодафе, — запирая того в тесной железной клетке, где можно было находиться лишь стоя, и сжигая отступника из огнемета быстрым — щадящим — или медленным — самым мучительным — пламенем. Однако и этому имелась альтернатива — обреченному на смерть еретику могли заменить сожжение повешением — за какую -либо ценную информацию и активное сотрудничество с Корпусом.

Но вся эта система возврата Господу его беглых рабов была абсолютно неприменима, когда в руки членов Ордена попадал не простой, совершивший грех отступничества по глупости ремесленник или крестьянин, а пропитанный жесточайшей ересью до мозга костей махровый богохульник (к примеру, кровавый изверг Люцифер; ярый адепт секты Пожирателей Святой Плоти Грегори де Граншан; взбаламутивший некогда половину пограничной общины в Киеве чернокнижник Тарас Максюта; протестант ортодокс Серджио Стефанини; Апостол отступник Жан Пьер де Люка, наконец) . В подобных случаях его участь была известна заранее, и как бы ни клялся кто -либо из них на Троне Еретика в том, что он «прозрел и готов пасть на колени перед Пророком, моля того о Полном прощении», огненная клеть в финале его жизненного пути висела с неотвратимостью Дамоклова меча. Но прежде чем переступить ее порог, все предшествующие Очищению Огнем коллизии — Трон, кровопускание, прижигание, пытка водой, скальпирование и тому подобное — монстр богоотступничества проходил в двойном, а иногда и в тройном объеме. И неудивительно, что не менее жестокое, но зато уж окончательное аутодафе эти посетители Комнаты Правды, бывало, ждали словно манны небесной.

В истории Инквизиционного корпуса остались слова первого Апостола Инквизиции Альваро Чавеса, которые он произнес, отвечая

на вопрос «А не будет ли накладно для казны тратить столь драгоценное топливо еще и на оступившихся рабов Божиих?». "А что же вы предлагаете? —ответил тогда Апостол Альваро. — Вкапывать столб, изыскивать у населения дрова, подгадывать погоду, а потом все это убирай, подметай? Полноте! Да так ведь, как у нас, проще, быстрее, а главное — экономичнее! Мы же с вами цивилизованные люди и должны поступать по цивилизованному, так что зачем нам все эти средневековые пережитки, правильно? "

Наконец Защитники Веры вздохнули облегченно, сбросив с плеч такую гору проблем, и вернулись обратно к своим непосредственным обязанностям — поддержанию внешней и внутренней государственной безопасности. А по всей территории Святой Европы уже ревели мощные моторы автомобилей Инквизиционного корпуса, грохотали выстрелы инквизиторских фамильяров Охотников и неудержимо рвалось вверх очистительное пламя, зажигаемое Божественными Судьями Экзекуторами. Повелители анклава Господа на Земле отсекали инквизиционным скальпелем от рядов своих подданных больные наросты богохульства, инакомыслия, сектантства, протестантства, идолопоклонничества, сатанизма и колдовства. Возродившаяся из руин и пепла Каменного Дождя цивилизация выходила на очередной, как она считала — прогрессивный, — этап своего развития…

Часть 4

10

«— Отлично, — сказал капитан. — А теперь послушайте меня. Если вы все придете ко мне сюда безоружные поодиночке, я обязуюсь заковать вас в кандалы, отвезти в Англию и предать справедливому суду. Но если вы не явитесь, то помните, что зовут меня Александр Смоллетт, что я стою под этим флагом и что я всех отправлю к дьяволу…»

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

Проклятый Иуда не являлся ни талантливым полководцем, ни каким -либо военным деятелем вообще. Его сподвижники — люди, примкнувшие к нему во время опалы, — тоже были далеки от понятий грамотного построения обороны. Зная приблизительный боекомплект отряда Охотников, все они рассчитывали (на тот случай, если мы появимся), что им хватит сил удержать нас на дамбе с помощью сторожевых башен и плотного огня. Отступники и не догадывались, с какой серьезностью Пророк отнесся к их поимке и какие мощности выделил для этого.

Именно так стоит объяснять из рук вон плохо разработанную систему защиты самого Ла Марвея. Потеряв на прибрежных бастионах своих лучших людей и вооружение, Проклятый просто не смог дать должный отпор оставшимися разрозненными группками сторонников, даже имея в распоряжении неприступный монастырь. Стены же его, изначально призванные оберегать доверившихся им беглецов, стали теперь для них западней…

Разбившись на шесть пятерок и одну шестерку, в которую вошли я, Михаил, Гюнтер, Бернард, Вольф и выбранный главнокомандующим боец Первого отряда брат Николас, мы, с опаской глядя в темные проемы монастырских окон, готовились к штурму. Поскольку все надежды на пробиваемость «эмкашки» почили в бозе вместе с ней, Бернард одобрил «отмычку», предложенную замкомом Гонсалеса, скромнягой Марчелло. Связав пучком пяток гранат и сцепив их предохранительные кольца стальной проволокой, он, как автор полезной идеи, получил право и на ее осуществление. Дабы не дать

противнику спокойно расстрелять бегущего по лестнице бойца, наши стволы открыли заградительный огонь, прощупавший каждое способное скрывать опасность окно. Ответные хлопки дробовиков известили нас о том, что нашу группу уже ждали, но боялись раньше времени раскрыться. Однако вступившие в перепалку ручные пулеметы заставили оборонявшихся поискать в Ла Марвее более безопасные углы.

Перепрыгивая через две ступеньки, Марчелло заскочил на квадратную площадку перед входом — место, куда обычно торговцы рыбой и другими продуктами стаскивали необходимый детскому приюту товар. Зацепив плод собственной фантазии за дверной молоток, Марчелло дернул проволоку, вырвав все предохранительные чеки, а затем, заткнув уши пальцами, юркнул в заранее присмотренную им стенную нишу.

Пятикратной мощности гранат хватило с избытком. Левую створку ворот переломило пополам и, сорвав с петель, швырнуло внутрь. Правая, измочаленная в щепки, удержалась, но деревянный каркас дал трещину, перекосив ее плоскость. Покореженный дверной молоток и куски прочных досок загремели вниз по лестнице, доскакав аж до скрывающего нас бордюра. Марчелло, высунувшись из ниши, запустил в открытый взрывом проход еще два рифленых яйца, тут же осыпавшими коридор осколками своей железной скорлупы.

Бернард извлек из под плаща огромную автоматическую «беретгу» и, передернув затвор, произнес:

— Ну что, санитары Веры, начнем дезинфекцию!

Мы еще раз прощупали окна, после чего начали подъем по лестнице, стараясь держаться ее каменных перил, за которыми, ежели что, можно было сразу схорониться. Замыкали группу пулеметчики, ведущие огонь с рук и не позволявшие противнику оторвать головы от пола. Полминуты — и Ла Марвей поглотил всех нас как чрево кита ветхозаветного Иону…

События последующего часа напоминали самую настоящую охоту на лис: отступники прятались по «норам» — мы их оттуда выкуривали. Наша шестерка взялась за верхний этаж западного крыла монастыря, состоящего из галереи со множеством колонн и открытой террасы, нависавшей над отвесной скалой. Первый противник попался

нам уже на лестнице. Отступник палил наугад, засев за завалами неказистой приютской мебели.

— Покайся, грешник, — следуя инструкциям Главного магистрата, прокричал ему Бернард, — и будешь прощен тогда Господом, Небесным Отцом твоим! Бросай оружие и выходи к посланцам его, заблудшая душа!

— Пошел в задницу! — прохрипел голос с той стороны завала, и заряд дроби разбил лестничное окно над нашими головами. — Вы такие же посланцы Бога, как я — Мария Магдалина!

Похоже, Бернард другого и не ожидал:

— И не совестно тебе, богохульник, поминать всуе святейшие имена? Так и скажи, что нет! Ну, а посему не обессудь!

Он подал нам знак, после которого я, Циклоп и Михаил плотным огнем саданули по скрывающему человека препятствию. Дерево — неважное укрытие от пуль среднего калибра. Дикий крик, перешедший в стон, полетел по лестничным пролетам.

Бернард, перевалив через баррикаду впереди всех, перевернул ногой на спину скрючившегося и державшегося за окровавленный бок парня лет двадцати.

— Где Иуда? — При этих словах Мясник наступил на рану отступника ботинком. — Говори, отродье Сатаны!

— Пошел ты… урод! — сквозь нечленораздельное мычание выдавил тот.

«Беретта» Мясника лаконично выплюнула три пули в сердце бедолаги…

— Мелкая сошка, — как бы в оправдание своего поступка подытожил главнокомандующий. — Да и все равно идти бы не смог…

Где-то со двора у церкви послышались выстрелы. Потом еще, но уже из другого конца монастыря. Шарахнула граната. А затем канонада загрохотала не переставая — чистка продолжалась…

Вольф и Гюнтер совместными усилиями высадили дверь в просторную галерею, и мы, просочившись внутрь, стали перебегать от колонны к колонне, стараясь свыкнуться с царившим здесь полумраком. У противоположной стены замельтешили какие-то силуэты.

— На пол!!! Лицом вниз!!! Не двигаться!!! Руки на затылок! !! — заорали мы, перебивая друг друга и целясь стволами в неясные

очертания.

Крайняя фигура выбросила руку вперед. На пистолетный щелчок, последовавший за этим, ответил грохотом «АКМ» Михаила. Промазавшего, к нашему счастью, человека отбросило к стене, и он сполз по ней вниз, плавно заваливаясь на бок.

— Не стреляйте, не надо! — Жалобное блеяние с пола выдало нам другого, исполнившего приказание, отступника. — Пощадите, умоляю! Не надо стрелять!..

Упав, как от него и требовали — лицом вниз и сложив руки на затылке, — он замер, стараясь не производить резких движений — довольно рослый мужик в годах, но напуганный до полусмерти.

Брат Николас уперся коленом ему между лопаток и, оттянув голову пленника за волосы, приставил нож к его горлу. Бернард, присев перед ними на корточки, нарочито миролюбиво спросил задержанного:

— Сколько вас тут? Советую отвечать не мешкая.

— Пять… Пятеро было! Тьерри, Морис и Кэтрин побежали… туда! — трясущийся указательный палец отступника вытянулся в сторону растворенного окна, выходящего на плоскую террасу, которая помимо этого служила также крышей для помещений среднего яруса западного монастырского крыла.

Мясник обернулся к нам:

— Брат Эрик, займитесь! Вольф, помоги им!

Перешагнув подоконник, мы огляделись. Три стороны террасы обрывались вниз отвесными стенами, плавно переходящими в скальные обрывы, что, в свою очередь, нависали над поселком рыбаков. Справа слышались шум и возня: трое молодых людей — два парня и одна девушка — пытались по обломкам снесенной «мириад» крыши взобраться на разрушенный чердак. Оттуда они, вероятно, планировали перескочить в окно церкви, подходящее почти вплотную к дальнему чердачному карнизу. Девушка, уже находившаяся на чердаке, протягивала руку первому парню, стараясь подтянуть его к себе наверх. Второй ее товарищ, держа наготове автомат, их прикрывал.

— Эй ты, бросай оружие! — крикнул ему Михаил. —Бросай, кому говорю!..

Очередь вспорола штукатурку над головами, осыпав нас едкой шершавой крошкой. Гюнтер ответил стрелявшему зарядом картечи, сбившим того с ног будто резиновый мяч плюшевого медведя. Оброненный убитым автомат забряцал к самому краю террасы.

— Беги, Кэтрин! Беги, спасайся!.. — Карабкавшийся по обломкам молодой отступник выпустил руку девушки, отчего та, не ожидавшая подобного, плюхнулась задом на перекрытия чердака.

— Тьерри, не надо, слышишь? — пронзительно закричала отступница вслед кинувшемуся к автомату другу.

Громила Вольф, несмотря на свои верные сто восемьдесят с лишним килограммов, гигантскими скачками догнал желавшего заполучить оружие, затем ухватил его поперек туловища и придавил собственным весом.

— Беги, Кэтрин! Беги! — продолжал напутствовать девушку прижатый Циклопом Тьерри и умолк, заработав от великана сокрушительную оплеуху.

Оставшаяся в полном одиночестве Кэтрин недолго думая развернулась и помчалась через лишенный кровли чердак, грациозно перепрыгивая уцелевшие кое где стропила.

— Гюнтер, помоги! — Я сделал знак германцу, чтобы он подбросил и меня туда же. Упершись широченной спиной в стену, старожил Одиннадцатого сцепил пальцы возле паха, а затем, поймав мой ботинок, подтолкнул меня наверх с немыслимой для обычного человека легкостью.

Оглянувшись и заметив бегущего следом меня, Кэтрин припустила еще быстрее, обнаружив отличную для хрупкой девушки физическую форму. Но я все равно настигал беглянку — рывки на короткие дистанции всегда давались мне проще, чем выматывающие марафонские забеги. Вот уже совсем рукой подать до развевающейся гривы огненно рыжих волос и ритмично двигающихся (как можно такое не заметить!), обтянутых узкими кожаными брюками, крепких ягодиц молодой отступницы.

— Стой, мерзавка! Стой, кому говорю! Стой, там же обрыв! — постарался я воззвать к ее рассудку, правда, без особой на то надежды.

— Отвали, козел! — Не оборачиваясь, Кэтрин приравняла мою гордую испаноскандинавскую натуру к парнокопытному.

До открытого церковного окна было всего ничего, но с чердаком их разделяла четырехметровая по ширине и весьма глубокая пропасть, оканчивающаяся булыжниками внутреннего двора Ла Марвея. Я вскинул гансовский «хеклер кох» и буквально рявкнул ей в спину:

— Стой, стрелять буду, идиотка!

А затем, направив ствол в небо, дал короткую очередь.

И это не подействовало. Девушка же, совершив три размашистых скачка, оттолкнулась от карниза и сиганула к заветному окну, взмыв над бездной словно элегантная ласточка.

У меня перехватило дыхание — еще секунда, и пронзительный визг унесется вниз, где и завершится глухим ударом тела о мостовую. Резко сбавив темп, я затормозил у края чердака и при этом сам едва не перекувыркнулся через карниз.

Нет, ну не кончать же мне вслед за Кэтрин жизнь самоубийством, в самом деле!

Однако мрачные предчувствия не оправдались. Рыжая действительно совершила невозможное: она висела, вцепившись мертвой хваткой в подоконник, и извивалась всем телом в стремлении подтянуться.

Я наклонился вперед и, упершись руками в колени, шумно вдыхал выдыхал воздух натруженными незапланированной пробежкой легкими.

— Что, козел, обломилось? — Кряхтя от натуги и елозя по каменной стене носками ботинок, Кэтрин постепенно втягивала свой весомый, но в то же время компактный бюст внутрь. — Такой же слабак, как и все ваше мерзкое отродье!

Даже назови она меня не просто козлом, а горным козлом, навряд ли бы я воспроизвел подобный акробатический пируэт, а потому оставалось лишь прикусить губу и угрожать ей отсюда пистолетом пулеметом.

— Ну, стреляй! Чего телишься как старая корова! — Кэтрин уже сидела на подоконнике и трясла уставшие кисти рук. Ее светло серые глаза, поразительно контрастирующие и в то же время чудесно гармонирующие с пламенем огненных локонов, смотрели прямо в мои вызывающе презрительно.

Я никогда не стрелял в женщин и начинать со столь великолепного создания не собирался, будь оно проклято Пророком

хоть десятикратно.

— Ну и что ты, милочка, выиграла? — прокричал я ей, опуская ствол «хеклер коха». — Долбанутая, наши люди уже повсюду, а с минуты на минуту будут и в церкви!

— Я же сказала: слабак! Сла бак! Ни что жест во! —Пропустив мои аргументы мимо своих ушек, Кэтрин залилась уничтожающе звонким, но каким-то натянутым смехом.

Вообще-то я человек спокойный — как никак командир отряда, — но эта рыжая бестия вывела таки меня из себя. Закипев в бессильной злобе, я пнул в сердцах по карнизу, а потом, заметив сбоку от себя обвалившийся лист деревянной обрешетки, разрядил в него остаток магазина.

Кэтрин засмеялась еще звонче, после чего, эффектно перекинув стройную ножку через подоконник вовнутрь, выставила перед собой кулак с разогнутым средним пальцем — древнейший оскорбительный жест.

—Пока, слизняк! — закончила она мое моральное уничтожение. — Надеюсь, больше никогда не увижу твою отвратительную рожу!

И полутьма церкви скрыла ее от меня.

Я все еще продолжал выпускать пар, пиная по чердаку куски черепицы (моя горячая испанская половина иногда давала себя знать), когда сзади неспешной рысью подбежал Михаил, ставший невольным свидетелем столь яркого финала опозоривания в моем лице всего Братства Охотников.

— Я все видел — ты намеренно дал ей уйти! — Уж кто кто, но он-то точно был доволен представлением. — О, только не говори, что рука твоя дрогнула и ты промахнулся!

— Слушай мой приказ: заткнись, пожалуйста! — малость охладил я его и, развернувшись на каблуках, зашагал обратно к террасе. Михаил, уступая мне дорогу, проворно отскочил в сторону, а затем, затрусив следом, тут же нарушил распоряжение командира.

— Мне кажется, испаноскандинав, я только что нащупал твое слабое звено! — умозаключил он с уверенностью дьякона медика при диагностике открытого перелома. — Когда -нибудь стерва вроде этой вскружит тебе башку и ты натворишь массу глупостей. Можешь поверить моему опыту…

Стрельба в монастыре тем временем сходила на нет и вскоре утихла совсем.

Я, Михаил, Гюнтер и Циклоп со связанным Тьерри возвратились в галерею. Шмякнув захваченного об пол, гигант тем самым заставил его очнуться.

— А!.. Что?.. Где я?.. — Взгляд Тьерри испуганно забегал и замер на Мяснике. — Вы кто? О, Господи! О, нет! Только не это! Кэтрин! Ты здесь?

— Теперь поздно взывать к Господу, грешная твоя душа, — Бернард назидательно постучал ему по темечку рукояткой «беретты», после чего обратился к нам. — А что с остальными?

— Один мертв, а девка ушла, — просипел брат Вольф и выпучил свой единственный глаз на меня — непосредственного виновника этой оплошности.

— Как ушла? Куда можно уйти с крыши? — Главнокомандующий с недовольным видом проследил за взглядом Циклопа.

— Брат Эрик, поясните!

— Моя вина, брат Бернард, — ответил я, хотя виноватым себя не ощущал, скорее всего — злым и униженным. — Сиганула в окно церкви с чердака. К сожалению, я опоздал.

Странно, но Бернард не только не рассердился, но и наоборот — громко загоготал:

— Куда сиганула? В церковь? Ну не дура ли? Что ж, пускай. Церковь уже окружают! Вы пока не в курсе, а вот этот приятель, — он указал на взятого первым отступника, — пожелал оказать нам содействие и тем самым миновать Очищение. Ну ка, Жан Жак, повтори!

Жан Жак судорожно сглотнул и забубнил:

— Все так, как я и сказал! Истинная правда! Иуда и его ближайшее окружение забаррикадировались в церкви. А детей своих он спрятал среди воспитанников приюта. Как только вы начали атаку, их всех спустили в подвал…

Тьерри начал гневно брыкаться, пытаясь добраться до своего чересчур разоткровенничавшегося соратника:

— Предатель! Скотина! Дай только срок, я тебя…

— Потише, молодой человек, — Бернард склонился над бьющимся как рыба на льду парнем. — И вы бы мне все рассказали,

уж поверьте на слово. Нас, кажется, еще не представили? Да, верно… Вы, я знаю благодаря Жан Жаку, — Тьерри! Очень приятно. А я — Бернард. Бернард Уильяме. Слыхали о таком? Как нет? Не может того быть! Ваши товарищи еще кличут меня Мясником…

Сложилось впечатление, что Тьерри узрел самого Дьявола. Прекратив бесплодные телодвижения, он как-то сразу обмяк и ни с того ни с сего громко захлюпал носом и заскулил.

— Вот видите! — Мясник по отечески погладил его по голове. — А говорили — не знаете! Короче: на правах вашего нового друга советую вам тоже принять предложение о сотрудничестве. Я вас уверяю: петля куда как приятнее горящего бензина… Ну что, согласны?

Тьерри заскулил громче, однако ни «да» ни «нет» не произнес.

Рация Мясника, лежавшая рядом с ним на полу, издала требовательный писк.

— После договорим, хорошо? — учтиво закончил Бернард беседу с пленником и, подняв рацию, щелкнул тумблером. — Брат Бернард на связи!

— Это брат Карлос. Зачистка Ла Марвея практически завершена! — Матадор докладывал бодро и уверенно, успев, надо думать, поквитаться за своих погибших братьев сполна. — Все пятерки собираются по периметру церкви, как вы и приказали, за исключением той, что прочесывает подвал. Как поняли, прием?

— Вас понял, брат Карлос. Тоже выдвигаемся к вам…

И наша шестерка поплелась обратно вниз: Вольф и Гюнтер волокли связанных отступников; Бернард и Николас шли впереди; я и Михаил прикрывали тыл…

Окруженный огромными монастырскими строениями, с церковью посередине, внутренний двор Ла Марвея напоминал колоссальный колодец. Солнечный свет проникал сюда лишь в полдень, и отовсюду несло подвальной затхлостью. Не слишком приятные воспоминания о детстве должны были оставаться в памяти местных воспитанников.

Сбоку, у стены, лежали лицами вниз семеро взятых живыми иудиных сподвижников. Убежден: их могло быть гораздо больше, если бы братья не были так озлоблены затяжной и кровавой атакой на дамбе. Да и те, кто вдыхал сейчас пыль неубранной мостовой, наверняка сдались добровольно — лично в моих представлениях не

укладывался Карлос Гонсалес, потерявший четверых своих бойцов и после этого милосердно дарующий жизнь сопротивляющемуся врагу.

У нас тоже не обошлось без потерь: по двое раненых из Первого и Пятого отрядов, все разной степени тяжести, но не смертельно, что здорово утешало.

Суровые великаны конвоиры приобщили Жан Жака и Тьерри к их единомышленникам, неаккуратно бросив арестованных на землю.

Держа карабин на плече, Карлос приблизился ко мне и Бернарду:

— Чем вы раскололи этих ублюдков, брат Бернард? Я пристрелил двоих, но не выдавил из остальных ни слова о Проклятом…

Мясник, одарив сарагосца снисходительным взглядом ответил:

— Своей репутацией, брат Карлос. Исключительно своей репутацией… Итак, что мы имеем?

— Церковь заперта изнутри. Задний вход чем-то завален. Единственно возможное место проникновения, — Матадор ткнул стволом карабина в сторону полусгнивших, но еще довольно прочных церковных ворот, — здесь. Прикажете тоже разнести их гранатами?

— А вот этого, командир, как раз делать не надо! — предостерегающе напомнил ему Бернард. — Не забывайте, что вся начинка сего пирожка нужна нашему Пророку свежая и непокусанная, — а затем, пройдя мимо Карлоса, он повернулся к церкви и закричал: — Жан Пьер де Люка, я знаю, ты меня слышишь! Предлагаю тебе и твоим прихлебателям сдаться Слугам Господа и тем самым спасти свои души! Времени на раздумье не дам; у тебя и так было на это целое утро!

Из открытого настежь окна одной из церковных башенок до нас донесся приглушенный высотой голос:

— Я узнал вас, Бернард Уильяме! Вам ли приписывать себя к Божьим Слугам, кровавый Мясник! На вашей совести сотни трупов!..

Главнокомандующий обернулся к нам, явно гордясь своей мрачной известностью, а потом, задрав голову кверху, ответил:

— Да будет тебе известно, что этим меня не зацепишь! На совести ангелов истребителей жизней куда больше, но в их принадлежности к Господнему Воинству никто не сомневается! А проклятый Пророком здесь, между прочим, только один и он сидит где-то надо мной да еще теологические дискуссии пытается вести! Не уходи от темы, Жан Пьер, и слушай: я пришел помочь тебе вернуться к Свету…

— Помочь?!! — взорвалось негодованием окно. — Нет, Бернард, нам ваша помощь не потребуется! А теперь слушайте вы: как только хоть одна ваша нога переступит порог церкви, и я, и мои дети, и все — слышишь: все! — сожжем себя и эту церковь дотла керосином! Мне и детям терять отныне нечего!

Карлос весь этот период переговоров держал рацию возле уха и раз за разом кивал в подтверждение получаемой информации.

— Вас понял. Ведите всех сюда, — распорядился испанец, после чего, отдав передатчик Марчелло, подошел к Мяснику и принялся что-то негромко ему докладывать. Бернард разулыбался — видимо, новости оказались для него весьма своевременными, — а затем, цинично расхохотавшись так, чтобы его услыхали в церкви, вернулся к переговорам:

— Жан Пьер, Жан Пьер! Ну кого ты хотел перехитрить, а? Думаешь, я поверю в то, что ты способен убить собственных детей? Думаешь, что я решу, будто бы они сгорели вместе с тобой и никогда их не найду? Наивный, да я ведь знаю о тебе гораздо больше, чем ты и предполагаешь! Не тебя ли днями и ночами видели у постели больной дочери в Медицинской Академии, когда она подхватила какую-то неизвестную заразу? Не ты ли самолично, игнорируя даже государственные дела, возил на кресле каталке в школу своего старшего сына Поля, когда он сломал себе ногу? Ты слишком любишь их, Жан Пьер! Безусловно, в этом твоя сила, но, к сожалению, и твоя слабость! Я ведь старый битый пес, и когда мне лгут, чую прекрасно! Твои дети не с тобой, ты их спрятал! Однако не так хорошо, как думаешь! Ты проиграл, Жан Пьер, и сейчас в этом убедишься! Кстати, а вот и наши маленькие друзья!

Во двор тем временем входила весьма своеобразная процессия. Пятеро бойцов Гонсалеса окружили и вели большую пеструю группу: примерно около сотни детей и подростков в возрасте от пяти до тринадцати четырнадцати лет, сопровождаемые напуганными женщинами воспитателями, а также несколькими хозработниками и бледным, как газетная бумага, пожилым наставником приюта. Головорезы Матадора, надо отдать им должное, проявили по отношению к детям достаточную тактичность, не орали на них и не понукали, несмотря на ту жажду убийств, что бурлила внутри каждого из братьев. Дети тоже вели себя очень смирно; лишь кое где

слышались звуки тихого плача, да и то не от угроз или какой -либо жестокости, а скорее всего от обилия незнакомых сердитых людей. Гонсалес, встретив группу, распахнул перед ними двери занимавшей весь первый этаж западного крыла кладовой и загнал заложников туда, во избежание непредсказуемых эксцессов подперев на всякий случай выход доской.

Из башенки раздался захлебывающийся от бессильной! ярости вопль:

— Мясник, тварь!!! Если ты тронешь хоть кончик кого -либо из них, то я клянусь…

— То что ты сделаешь? — Бернард откровенно наслаждался процессом сламливания Иудиного духа. — Плюнешь на меня со своей колокольни? Успокойся, папаша, я Охотник, а не Ирод, и убиваю только отступников, а не тех, кто в связи с возрастом и о Боге-то понятия грамотного не имеет! Однако это не значит, что я не воспользуюсь твоими чадушками для выманивания тебя из твоей норы! Каким образом — это уже второй вопрос! Фантазия у меня богатая! Правда, есть одна проблема — мы не знаем, которые из этих детей твои! Но Господь на нашей стороне и сегодня он одарил нас теми, кто готов помочь!

Бернард кивнул Вольфу на Тьерри, и тот выволок сучившего ногами отступника на центр двора так, чтобы его можно было наблюдать и из церковной башенки. Положив ладонь на плечо поставленного на колени парня, главнокомандующий продолжал:

— Ты слышишь, Жан Пьер? Кое кто из твоих людей с радостью готов вернуться на путь Покаяния! Вот, к примеру, юный Тьерри! Двадцать минут назад я имел с ним беседу, и ты знаешь — всего лишь силой слова вселил в него желание очиститься от всей той скверны, что ты туда занес! Так ведь, Тьерри? Ведь мы же правильно поняли друг друга в галерее? А надо нам от тебя всего ничего ты должен указать Посланцам Пророка трех отроков Проклятого Иуды. И будь уверен: Господь сразу же простит тебя…

— Не делай этого, Тьерри! — раздался из церкви уже знакомый мне голос рыжеволосой Кэтрин. — Не верь убийцам и не надейся на легкую смерть — они все равно сожгут тебя! Ты всегда был замечательным человеком и хорошим товарищем, так умри же достойно, не пачкайся в инквизиторском дерьме!

— Это еще кто? — оторопел Бернард. — А а а, понял! Я имею честь услыхать ту самую ведьму, что упорхнула от моих людей по воздуху! До вас, мисс, очередь еще дойдет, а теперь я бы попросил не отвлекать от покаяния вернувшегося в лоно Веры ее блудного сына! Ну так я весь внимание: твое слово, Тьерри?

Тьерри заколотила крупная дрожь, и он, зажмурившись, с трудом выдавил из себя:

— Да будь ты проклят…

Похоже, Мясник подобного никак не ожидал:

— Извини, Тьерри, я, по моему, тебя не расслышал. Ну ка повтори!

— Будь ты проклят!!! — гаркнул теперь Тьерри что было мочи. — Будьте прокляты вы все: пророки, иуды, мясники!!! Все!!! Осточертело! Как мне все это осточертело.

Истеричный всплеск отступника перерос в безнадежные всхлипывания. Бернард хмыкнул, убрал руку с его плеча, горестно вздохнул и, приставив ствол «беретты» к трясущемуся затылку парня, вымолвил:

— Как знаешь. Однако не пристало Господу унижаться и просить о покаянии дважды.

Эхо выстрела заметалось по колодцу монастырского двора. Тьерри, дернув головой, упал лицом вперед и забился в предсмертных конвульсиях. Черная кровь потекла у него из развороченного пулей лба. Двое бойцов Первого, повинуясь немой команде главнокомандующего, тут же отволокли тело в дальний угол двора.

Мясник отер платком выступивший на шее пот.

— А ты страшный человек, Жан Пьер! — осуждающе прокричал он. — Сколько же ереси вложил ты в эти молодые души; сколько же терпения потребуется для того, чтобы ее оттуда выскоблить! Веришь нет, но мне было жаль беднягу Тьерри! Ну чего молчишь? — Он прислушался к безмолвствующей церкви. — Думаешь? Думай! Ну а мы пока спросим другого. Где-то здесь был мой давний знакомый Жан Жак…

Циклоп ухватил за шиворот «давнего знакомого» и заботливо помог тому приблизиться к Мяснику. Особо не церемонясь, Бернард уронил Жан Жака коленями прямо в разлившуюся на мостовой лужу крови и участливо поинтересовался у него:

— А ты, грешник, готов искупить вину перед вскормившей тебя Святой Европой и Верой в единого нашего Создателя?

— Готов, брат Бернард! Видит Бог, готов как никто другой! — ни секунды не раздумывая, залепетал Жан Жак.

— Во первых, я тебе не брат, запомни это! — и как бы в подтверждение своих слов Бернард брезгливо от него отстранился. — Однако я рад, что ты такой сговорчивый. Ты знаешь, что от тебя требуется?

— Да, брат… ой, извините, мистер Бернард! Я приведу вам его детей, мистер Бернард! Всех до одного приведу! Видит Бог, я готов к покаянию…

— Брат Вольф? — обратился Мясник к заместителю. — Помогите этому, бесспорно, разумному человеку оправдать себя в глазах Всевышнего!

— Что ты делаешь, Жан Жак? — Словно воплощение самой совести по двору вновь разлетелся звонкий голос Кэтрин. — Не ты ли клялся на днях, что готов умереть за своего кумира? Не ты ли уверял Жан Пьера, что грудью встанешь на защиту его детей? Подонок, а он ведь так тебе верил!

— Заткнись, ведьма! — нервно взвизгнул влекомый Циклопом по направлению к заложникам Жан Жак. — Это ты и Иуда ввергли меня во грех отступничества! Вы завлекли в ваши мерзкие сети мою душу! Но теперь-то я прозрел! Воистину прозрел! Идемте, мистер Вольф, я покажу, какие из тех детей дети Проклятого!..

И они скрылись в воротах кладовой.

— Эй, Жан Пьер! — Бернард потер затекшую от постоянного задирания головы вверх шею. — Слушай сюда, Жан Пьер! Я предлагаю только один раз, учти! У вас три пути. Первый: продолжаете упорствовать и тянете драгоценное время. В этом случае, де Люка, я прямо на глазах твоих детей перережу глотки всем твоим друзьям. Медленно и зверски. Убежден: твои отпрыски никогда в жизни еще не видели столько крови. Вариант второй: вы сжигаете себя. Тогда я делаю то же самое и плюс ко всему по прибытии в Ватикан брошу твоих детей в подвалы Главного магистрата. Ты отлично понимаешь, что это такое колдуны, сатанисты, больные сектанты… И, наконец, третий: ты и твое окружение сдаются на суд ордена Инквизиции. А вот тогда — я могу дать тебе Слово Командира!

— дети твои попадут в самый привилегированный приют, откуда их со временем, возможно, даже усыновят лучшие семьи Святой Европы… Так что ты выбираешь?

Молчание со стороны Иуды продлилась долго. И вот наконец, как мне показалось, смертельно уставший Проклятый спросил:

— Почему я должен верить вашему слову?

— А потому, что в свое время я, — Бернард выразительно ткнул себя большим пальцем в грудь, — дал такое же Слово Командира Пророку, что возьму тебя живым!

Вновь воцарилось тягостное молчание. В этой тишине скрипнули ворота кладовой, и оттуда неуверенными шажками вышли два мальчика и одна девочка. Старшему сыну Жан Пьера было лет двенадцать. За его тонкую мальчишескую руку держался младший — карапуз лет пяти шести. Девочка — очевидно, средний ребенок в семье де Люка— семенила за спинами мальчишек. Она испуганно косилась на идущего рядом Вольфа, по всей видимости представлявшегося ей каким-то сказочным, но отнюдь не положительным персонажем. Встав посреди двора, они тесно прижались друг к другу и принялись обеспокоено озираться. На счастье детей, те даже и не подозревали, что вступили ботиночками в наполовину вытертое коленями Жан Жака кровавое пятно, оставшееся на камнях после казни Тьерри. Младший засунул в рот палец и готов был вот вот разреветься.

Весьма своеобразно раскаявшийся Жан Жак, стараясь не глядеть в глаза своих бывших единомышленников, понуро проследовал к стене и сел, прислонившись лопатками к холодным камням. Лицо его не выражало ничего, кроме тупой отрешенности.

Неспешно обойдя стайку нахохлившихся ребятишек, Бернард, прямо как заправский родитель, вынул пальчик малыша из его слюнявых губ, потрепал кучерявую головку девочки и похлопал по плечу старшего, а сам при этом не сводил пристального взора с продолжавшей отмалчиваться церкви. Хитрый старый пес знал, что уже победил, а теперь давал и противнику свыкнуться с неизбежным.

Иуда нарушил напряженное молчание спустя пять минут:

— Бернард Уильяме, вы меня слышите?

— Спросил бы лучше: «Вы еще здесь?» — пробормотал себе под нос Михаил, но тут же осекся, поняв по моей пасмурной физиономии,

что ситуация никоим образом не располагала к шуткам.

— Само собой, Жан Пьер, само собой! — встрепенулся Мясник. — Знаешь, а у тебя замечательные дети! Надеюсь, что ты принял правильное решение, ведь так?

— Не стреляйте! Мы выходим… — наверное, Проклятый совсем упал духом, поскольку его последние слова едва едва донеслись до нас.

Активность вновь захлестнула Мясника:

— Брат Карлос! Брат Эрик! Организуйте конвой по обе стороны двора! Наручники готовы? Следите, чтобы пленные не выкинули какой -нибудь фокус!

Матадор и я построили оставшихся в строю братьев по обе стороны мостовой у церкви. Все хорошо осознавали ответственность момента, а потому были предельно сосредоточены.

Загремел отпираемый засов. Створки церковных ворот распахнулись, и злейший внутренний враг Святой Европы, заклейменный проклятьем предатель и богохульник предстал пред нами во всем своем великолепии, а точнее в том, что от него осталось. А осталось немного.

Силы окончательно покинули его. Жан Пьер еле перебирал ногами, ведомый под руки Кэтрин и одним из своих приближенных. Одетый в засаленную куртку и грубые рыбацкие штаны, этот тщедушный сорокалетний человечек с недельной щетиной на лице никак не вязался с образом подручного Сатаны, каким преподносили его все святоевропейские газеты.

Однако не это первым бросилось мне в глаза. Сначала я увидел крест. Да да, тот самый выжженный на лбу четырехпалый шрам в форме креста, бывший отличительным знаком пророческо апостольского высшего крута и наносимый не иначе как самой божественной дланью. Он коряво краснел на положенном ему месте, как и в бытность Иуды еще Апостолом Святого Писания. Это казалось очень странным и нелогичным — ведь, если вдуматься, Бог просто обязан был каким-то образом снять дарованную им же самим за исключительные заслуги в деле укрепления Веры печать. Но не снял, вновь оправдавшись неисповедимостью своих путей.

За Иудой и его проводниками плелся еще один сподвижник Проклятого. Бернард, дождавшись, пока все они покинут церковь,

вышел навстречу и останавливающе вытянул вперед ладонь:

— Стойте! Вы, двое — отойдите от него!

Девушка со вторым помощником переглянулись и нехотя повиновались. Жан Пьер покачнулся, но устоял.

Мясник вальяжной походкой победителя приблизился к Проклятому.

— А ты изменился, — главнокомандующий смерил Иуду взглядом с ног до головы. — Однако же мантия Апостола была тебе более к лицу… Предатель!

Внезапно лицо Мясника перекосила ярость, и он без предупреждения коротким боковым ударом заехал Иуде под левый глаз. Тот упал на одно колено, но тут же через силу поднялся, держась за ушибленное место, а затем, расправив костлявые плечи, принял горделивую стойку, дабы неизвестно кому доказать неизвестно что. Все это показалось мне глуповатым, однако со стороны такое новозаветное «подставление второй щеки» выглядело довольно эффектно.

— Это тебе за всех погибших и раненых братьев, сволочь! — гневно прошипел Бернард и потер костяшки, но повторно бить явно намеренно искушающего его Иуду не стал. — Взять их!

— Папа! Папа! — сразу заголосили дети нестройной капеллой. — Пустите нас! Не трогайте папу!..

Бойцы Гонсалеса удержали маленьких заложников, помешав им прийти на выручку отцу — тому уже заламывали руки и надевали стальные браслеты. Та же участь постигла и остальных сдавшихся, для которых не делалось исключений ни по возрасту, ни по половой принадлежности. Когда мимо меня Гюнтер волочил скованную наручниками Кэтрин, наши с ней глаза встретились. Наверное, весь мой вид выражал лишь одно: «И что я вам, красавица писаная, намедни говорил?», потому как она наградила меня таким убийственным взглядом из под упавших на ее лицо огненных локонов, что я моментально почувствовал себя мерзким раздавленным тараканом.

Напоследок Мясник открыл кладовую, подозвал онемевшего от ужаса всего происходящего настоятеля монастыря приюта и популярно разъяснил ему его дальнейшую судьбу.

— Я просто обязан забрать с собой и вас тоже, однако этого не сделаю — скажите спасибо вашим подопечным. Но Корпус с вами не прощается. Скоро к вам прибудут представители Ордена и Апостол Святого Писания. Разбор ситуации намечается придирчивый, так что советую вам подготовиться основательно. А пока поступаете под охрану авраншских Добровольцев Креста. Короче, в двух словах: возвращайтесь к прежней жизни, и не Дай вам Бог в дальнейшем допустить что -либо подобное. Вы меня поняли?

Невнятное бормотание настоятеля он счел за утвердительный ответ…

11

«— Что за несчастный корабль эта „Испаньола“, Джим, — продолжал он, подмигнув. — Сколько людей убито на этой „Испаньоле“ и сколько бедных моряков погибло с тех пор, как мы с тобой покинули Бристоль!»

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

На обратном пути возле Королевского входа я достал рацию, намереваясь вызвать один из своих патрульных «самсонов», чтобы тот забрал убитых и раненых. Но едва мой палец потянулся к тумблеру, как где-то за холмами, в районе стоянки наших трейлеров, прогремел взрыв.

— Проклятье, что это? — Бернард уставился на черное облако дыма, выросшее из за покрывающего возвышенности кустарника, и, ухватив Иуду за лацкан куртки, прокричал тому в лицо: — Твоя шайка орудует? Признавайся!

— Все мои друзья, которых ты не убил, в твоих лапах, — брезгливо отвернулся Жан Пьер. — Или что, Мясник, у тебя в Святой Европе перевелись все враги?

С берега послышалась беспорядочная стрельба. Вдали, в просветах между холмами, мелькнули черные тени несущихся во весь опор к лагерю монстромобилей. Я давил на кнопку вызова, но никто не отзывался; лишь усилившаяся плотность огня известила нас о том, что происходит что-то весьма и весьма нехорошее.

— Самми! Ярво! — окликнул я своих мотоциклистов. — Заводите трещотки!

Закинув «хеклер кох» за спину, я пристроился на узком сиденье позади готового рвануться в бой Ярво.

— Я с вами! — последовал моему примеру Михаил, запрыгивая на байк к Самми.

— Брат Эрик, немедленно доложите по выяснению обстоятельств! — бросил нам вслед Бернард.

Финны стремительно рванули с места. Уже миновав обглоданные огнем остовы «самсонов» Первого и Пятого, сквозь тарахтение банков мы различили далекий рев Шестистволого, что лишний раз убелило меня в серьезности происходящего в лагере…

К тому времени, как наши Стальные Жеребцы ворвались в лагерь, все уже завершилось. Выскочив из седла, я перебросил пистолет пулемет в руку но применить его так и не успел — скоротечная стычка предстала передо мной лишь своими последствиями. А они оказались довольно печальными.

Мой трейлер казарма горел и выглядел как развороченная консервная банка. Возле какого-то бесформенного дымящегося предмета, валявшегося неподалеку, метался, махая руками, дьякон Джером, весь покрытый свежими кровоподтеками. Один «самсон» стоял тут же, и Вацлав с тремя членами своей патрульной группы и несколькими авранщцами закидывал землей найденными в других трейлерах лопатами полыхавший огонь. В это время второй «самсон», видимо, закончив преследование неизвестного противника, выезжал из за поворота дороги.

— Матерь Божия! — воскликнул Михаил и кинулся к пожарищу вслед за финнами.

Завидя командира, Вацлав перестал орудовать лопатой, всучил ее подскочившему Самми и торопливо зашагал ко мне, весь взмокший и перепачканный сажей.

— Дрянь наши дела, брат Эрик! Какие-то засранцы, — он сглотнул пересохшим горлом и указал на дорогу, по которой сейчас возвращался второй «самсон», — вырулили оттуда и столкнулись с Добровольцами. Авранщцы хотели узнать, кто они такие, но те открыли огонь. Кто-то из нападавших метнул гранату и вот… — Вацлав обвел рукой погрузившийся в хаос лагерь. — Когда мы появились — благо были неподалеку — те, само собой, наутек. Дмитрий помчался в погоню, а мы, сами видите…

— Где магистры? — Я ощущал, как дурные предчувствия все сильней и сильней разрывают меня изнутри.

— Брат Эрик… — и без того стушевавшийся Вацлав стал еще угрюмее, — Виссарион сгорел…

— Как сгорел? — До меня вдруг дошло, почему Джером голосит будто наседка, потерявшая цыплят. — Вот Дьявол! Каким образом?

— Говорят, стоял прямо перед нашей казармой…

— А Конрад и Аврелий?

— Вроде, должны сидеть у себя…

Но не эти новости оказались для меня самыми страшными. Нет, разумеется, гибель магистра — случай экстраординарный и на моей практике еще никогда не происходивший. И доберись я после этого рейда до Ватикана, долгие недели разбирательств, обвинений в халатности, слушаний дела Трибуналом — все свалилось бы мне на голову, как альпийская снежная лавина. Однако все последующее отодвинуло смерть Виссариона и потерю трейлера на второй план…

Подъехавший «самсон» затормозил, качнувшись на рессорах. За рулем его находился Ганс, а Марио наверху у «вулкана» яростно лупил ногами что-то, лежащее на полу кузова. Держась за стволы Шестистволого, он бил и бил ухающую и хрюкающую жертву, твердя на каждом выдохе:

— Мразь! Паскуда! Сволочь! Получай! За всех получай!.. Только сейчас я заметил в его ослепленных ненавистью глазах слезы.

— Отставить! Брат Марио — отставить! — Пытаясь до него докричаться, я чуть не сорвал себе голос. — Немедленно прекратить! Это приказ!

— Они убили их, брат Эрик! — Кое как расслышав меня, Марио остановился и, тяжело задышав, сел на борт кузова. — Пристрелили из засады…

Ганс распахнул дверцу и буквально вывалился из кабины. Голову его украшала глубокая кровоточащая ссадина, но он вроде бы про нее и не думал, а лишь, шатаясь, молча пялился в землю.

— Брат Ганс, где остальные? Черт вас побери, да доложите же наконец, что произошло!

Мой полуофициальный тон вывел таки его из прострации:

— Костас и Дмитрий, брат Эрик… Они погибли… — Ганс провел ладонью по виску и увидел текущую кровь. — А, черт, зацепило… Мы погнались за этими ублюдками, но у них там был пулемет и… Я сидел за Свинцоплюем, пока развернулись, пока туда сюда… Дмитрий вел

машину, и Костас рядом с ним… В общем, они были уже мертвы. Но эти мерзавцы не ушли! Клянусь небесами, не ушли! Я размазал их кишки по всей округе… А Марио… Марио просто герой, брат Эрик! Он взял одного живьем. Взгляните!

Стоявший рядом с нами Вацлав, услыхав о Дмитрии, с шумом втянул воздух, но так и не сумел удержать слезу, скатившуюся по черной от сажи щеке.

— Пойду скажу Михаилу, — буркнул он и, вжав голову в плечи, двинулся к затухающему трейлеру.

Брат Марио подал мне руку, и я вскарабкался в кузов монстромобиля.

Большеносый грек Костас и еще утром получающий от Бернарда нагоняи Дмитрий лежали теперь на чехле от «вулкана» возле левого борта. Их побледневшие лица не выражали ни боли, ни страдания, а лишь источали, казалось, наконец-то обретенное вечное спокойствие. Брезентовый чехол под телами погибших был пропитан кровью из их многочисленных ран. Вся эта картина отдавала чем-то абсолютно нереальным, и на секунду я решил, что мне снится кошмар, просто обязанный вот вот прекратиться. Многое бы отдал, если это было бы так…

То, что приткнулось к ногам Марио, напоминало скорее не человека, а незаконченный образец его первичной модели в мастерской Создателя: на лице отсутствовали и глаза, и нос, и рот, исчезнувшие под одним лилово багровым волдырем; руки с торчащими вразнобой сломанными пальцами; выбитые и выплюнутые тут же среди сгустков кровавой слизи зубы. Дыхание существа постоянно срывалось на кашель, видимо, из за перебитых ребер. Обезумевший от потери товарищей брат Марио обработал пленника похлеще экспертов по экзекуциям Главного магистрата.

— Он может говорить? — У меня возникли сомнения в целесообразности сохранения пленнику жизни — какой прок мог быть от бессловесного куска избитой плоти.

— Лопочет будь здоров! — ответил Марио и толкнул ботинком скрюченного налетчика. — Я не трогал ему челюсть, брат Эрик, я же все понимаю. А иначе выйдет, что они, — кивок в направлении тел Костаса и Дмитрия, — погибли зазря. Только я не пойму, что эта сволочь несет. Тарабарщина какая-то…

— Разберемся, — я слез с монстромобиля и обратился к Гансу. — Иди, Добровольцы тебя перевяжут.

И где вообще наши магистры? Неужели так крепко спят?

За всеобщей суетой поначалу никто и не обратил внимания, как отворились двери магистерского трейлера Первого и оттуда в прямом смысле слова выпали две фигуры в серых инквизиторских балахонах. Одна была коренастая и бородатая, а вторая маленькая и кругленькая, при этом каждая сжимала в руках по автомату. Нализавшиеся кагора в честь будущего успеха предприятия, пьяные до чертиков Аврелий и Конрад вышли (правда, с некоторым опозданием) карать посягнувших на лагерь отступников…

Я был слишком раздавлен гибелью своих бойцов и магистра, чтобы по достоинству оценить их идиотское поведение, и взирал на происходящее словно сквозь туманную пелену.

— Ваша и честь, вы и видите вра и га? — ныряя болотной жабой в грязь и передергивая затвор автомата, окликнул коллегу по Ордену икающий от перепития Конрад.

— Пыркырсно вж жу, вш ша чес сть! — заплетающимся языком отозвался Аврелий после аналогичного принятия горизонтального положения сбоку от коротышки. — Вын он, ж ж жет н шу техн нку, пыд длец!

— То-и-гда огонь по не-и-му!..

— Пыл-ч-чай, мырз-завец!..

В отчетах Главного магистрата о захвате Проклятого Иуды наверняка имеется список всех погибших при проведении операции. Одним из пунктов в нем должны значиться двое авраншских Добровольцев Креста, застреленных якобы при перестрелке в лагере (сам я по понятным далее причинам видеть сей список не мог никоим образом). Так вот, я — Эрик Хенриксон, действующее лицо и свидетель всех этапов операции захвата Жан Пьера де Люки, — заявляю: от рук тех, кого называли отступниками, не погибло ни одного постороннего Корпусу человека, в том числе и в вышеупомянутой последней перестрелке. Добровольцы же Стефан и Андре пали смертью храбрых при тушении пожара от пуль, выпущенных нашими перепившимися магистрами.

— Я и подстрели и ил одного, ваша че и сть! — по ребячески ликовал Конрад, вылупившись на наверняка двоящуюся для него

мушку автомата.

— Ятож же, вш ша ч честь! Врыг повырж жын и бж жит! —" отозвался Аврелий, поливая и поливая очередями шарахающихся кто куда Охотников и Добровольцев Креста.

Несчастных жертв могло быть гораздо больше, не иссякни у магистров патроны, а запасные магазины эти каратели захватить даже и не догадались.

— Вацлав!!! Михаил!!! — заорал я на весь попрятавшийся лагерь. — Скрутить магистров!!! Только аккуратно, черт вас подери!..

Сроду не отдавал столь невероятного приказа! Но ни страха, ни колебаний не испытывал, только безысходное раздражение, появляющееся, когда уже не можешь повлиять на случившееся.

Аккуратно не получилось. Авранщцы все еще ныкались по укрытиям, когда мои братья, подобно саранче, накинулись на продолжавших давить спусковые крючки экзекуторов, мысливших примерно в таком роде: "А чего это она раньше та та та, а теперь лишь чик чик? " С Аврелием, благодаря его повышенному статусу, обошлись нежнее — стянули кисти и лодыжки поясными ремнями и словно вязанку штакетника бросили в трейлер. Протестующее мычание и хрюканье было проигнорировано — магистр пребывал не в той кондиции, чтобы его распоряжения беспрекословно выполнялись.

Конрад катался на спине, брыкался всеми конечностями и попробовал даже укусить Михаила, но лишь надорвал ему рукав плаща.

— Не следует выводить меня из себя, разлюбезнейший! — Русский уже знал о смерти друга, потому был откровенно недружелюбен. — Не хотите по хорошему, извольте альтернативный вариант…

Крепкие руки моего замкома будто ребенка перевернули магистра.

Все было тихо, потом из трейлера стали обрушиваться шедевры святоевропейского фольклора наподобие «Крепкозадая Эльза» или «Мы с тобой на сеновале в „Догони Меня“ играли». Именно в это время и почувствовал магистр Виссарион естественную потребность к освобождению внутреннего резервуара своего тела под новую порцию вина. Нелегкая — а кроме нее больше некому! — вынесла и поставила его аккурат возле колеса нашего трейлера казармы. Тут-то и столкнулись Добровольцы Креста, охранявшие подходы к Мон Сен

Мишелю с загадочным противником, имеющим в арсенале гранатомет (Вацлав ошибся: ручная граната не превратила бы наш фургон в груду оплавленного металлолома). Гранатометная болванка вспорола трейлер и разорвалась в метре от метившего территорию Виссариона. Несчастному было суждено сгореть в весьма несолидном для Божественного Судьи Экзекутора положении…

Через полчаса прибыл Бернард с конвоем. Настроение Мясника было приподнятым, и он сквозь пальцы смотрел на все произошедшие в лагере неприятности, переведя их в разряд неизбежных боевых потерь. Вопреки ожиданию, я даже удостоился скромной похвалы за умеренно деликатное разрешение инцидента с перебравшими магистрами.

— Снимаю с вас, брат Эрик, всю ответственность за это, бесспорно позорящее Корпус безобразие, — сказал Мясник, провожая глазами уносимые тела убитых Аврелием и Конрадом Добровольцев, — и беру ее на себя. Вы поступили абсолютно верно.

— Прикажете их развязать? — предложил я.

— Не стоит, — многозначно ухмыльнувшись, пресек мою попытку Бернард. — Пара тройка часов карцера — это лишь мизерное наказание за то, что они натворили. Пускай проспятся, там разберемся. И, брат Эрик: сожалею о ваших бойцах и магистре.

— Взаимно, брат Бернард, — я не нашелся, что ответить, а потому просто ограничился банальной фразой. — И ваши, и мои, и бойцы брата Карлоса погибли не напрасно.

— Разумеется, брат Эрик… Чего, однако, я не могу сказать о магистре Виссарионе! Но сегодня мы выдрали самый больной зуб изо рта нашего Пророка, а это, поверьте, немало… Кстати, где ваш захваченный?

Скинутый из кузова, тот лежал возле колеса монстромобиля под наблюдением все того же брата Марио.

— Только не говори мне, сынок, что он споткнулся и упал, — поцокав языком, заметил Бернард моему бойцу. — Мой младший брат, выпавший в детстве из седла лошади на полном скаку, выглядел и то привлекательней.

Марио подскочил и вытянулся по Уставу, но ничего в свое оправдание так и не придумал. Впрочем, Мясник тут же про него забыл, переключив внимание на обработанного ботинками пленника:

— Кто ты такой и сколько ваших еще шатается в округе? Тот прекрасно понимал, что в руках Охотников строить из себя немого не в его интересах, а потому принялся оживленно о чем-то лопотать, шикая и пуская пузыри через дыры выбитых зубов.

— Что он сказал? — Главнокомандующий повернулся ко мне, но я, как и он, также не разобрал ни слова. — Абракадабра какая-то… Испанец ?

Кликнули Гонсалеса.

Но и Карлос ничем помочь не смог. Почесав свою маленькую испанскую бородку, он лишь хмыкнул и сделал предположение, что нечестивцу отбили мозги.

Внезапно в бормотании пленника мне показались знакомыми некоторые слова. Так или нет, но, по моему, их частенько использовал в своих разухабистых славянских песнях брат Михаил, обычно компенсировавший отсутствие у себя музыкального слуха количеством выпитого пива.

— Марио, позови Михаила! — приказал я и обратился к избитому. — Русский?

Он затряс головой и часто часто стал повторять одно и тоже: «Да!»

Пригрезилось это мне или нет, но я заметил, как Бернард испытал нечто похожее на испуг:

— Брат Эрик! Брат Карлос! Немедленно выставьте дозорных на все прилегающие к лагерю холмы! Всем находиться в постоянной боевой готовности! Час от часу не легче…

Угрюмый как никогда Михаил поднялся от тела Дмитрия, надел берет и подошел к нам.

— Сочувствую по поводу гибели вашего друга, брат Михаил, — довольно тактично начал Бернард, — но сейчас нам нужна ваша консультация по весьма щепетильному вопросу…

В потускневших глазах моего замкома появились огоньки неподдельного любопытства — надо же, сам Мясник нуждается в его консультации! Он весь сосредоточился и обратился в слух.

— Вы говорите по русски? — спросил главнокомандующий очнувшегося от апатии бойца.

— Клянусь моими обожженными усами, превосходно, брат Бернард, — скромностью Михаил отродясь не страдал. — Моя мать

родилась под Курском, а отец родом из восточной Украины. Я усвоил этот язык еще в детстве, когда они частенько бранились на нем между собой.

— Очень хорошо. Тогда переведите нам, о чем-толкует этот человек…

Услыхав родную речь, пленник оживился сильнее и пятнадцать минут без остановки отвечал на вопросы Мясника, озвучиваемые для него нашим новоявленным переводчиком…

…Их судно вышло неделю назад из Петербурга — столицы северного российского княжества. О целях рейда им — рядовым матросам — не сообщили, но по тому, что все они имели военную подготовку, шли в пограничных водах близ берегов Святой Европы и везли в трюмах массу оружия, было ясно — миссия носила разведывательный характер с высокой вероятностью контакта с пограничными патрулями. Также поговаривали, что придется эвакуировать одну важную опальную персону. Многие из команды были в курсе царящих у западного соседа коллизий, а потому без труда догадались, что человек этот не кто иной, как бывший Апостол Святого Писания Жан Пьер де Люка, судя по официальной святоевропейской хронике — отъявленный негодяй.

Вчера они подошли к Нормандским островам и сегодня вечером должны были встать на якорь в паре морских миль от Мон Сен Мишеля, спустить шлюпки и высадиться у часовни святого Обера, что находилась на северо западной оконечности острова. Там требовалось забрать Жан Пьера, его детей и соратников, груз оружия в качестве оплаты капитану и возвращаться назад, после чего проследовать по маршруту в обратном направлении.

Но утром, когда уже был виден шпиль церкви Ла Марвея, до них донеслась отдаленная канонада и впередсмотрящий доложил об окутывающих Мон Сен Мишель облаках черного дыма, а также о перекрывающей залив цепи моторных лодок. Судно легло в дрейф, и капитан после недолгого размышления отправил легкий катер на запад, чтобы тот, не пересекая оцепления, высадил разведгруппу на побережье. Разведчики должны были попытаться под прикрытием береговых холмов и кустарника провести хотя бы примерную рекогносцировку. Этот план почти удался, однако, боясь оказаться обнаруженной, группа удалилась от берега и банальнейшим образом

заблудилась среди сильно пересеченной местности. Да и как назло, церковный шпиль — прекрасный ориентир для всей округи — уже отсутствовал на утреннем небосклоне. Что произошло далее, всем нам было известно…

Пленный русский утверждал, что высадилось их восемь человек. Посланный на место гибели патрульных Вацлав насчитал пять вражеских трупов. Значит, в пылу ненависти Ганс двоих таки упустил.

— Проклятье, пока мы известим пограничников, они уже будут в нейтральных водах! — разочарованно посмотрел на хронометр Бернард. — Жаль — в дополнение к Иуде был бы ощутимый довесок…

Но и этот матрос представлял собой некоторую ценность. Защитники Веры будут очень благодарны за ответный жест вежливости (напомню, что именно они снабдили нас сведениями о наличии у Проклятого гранатометов) — пленник, безусловно, являл собой источник информации о северных гаванях русских. Поэтому после оказания медицинской помощи его отволокли к восьмерым сподвижникам Проклятого.

— Брат Бернард, — обратился я к главнокомандующему, дабы тот разрешил судьбу осиротевшего Одиннадцатого отряда. — Наш магистр погиб. Вы как непосредственный руководитель операции вправе определить дальнейшее подчинение моего подразделения.

— Я знаю, брат Эрик, — не медля ни секунды ответил Мясник. — После вашего радиодоклада я все определил еще в пути. Думаю, магистр Аврелий, как придет в себя, тоже меня поддержит. Слушайте приказ, брат Эрик!..

Как того и требовал Устав, я принял стойку «смирно» и замер не дыша.

— Оставшиеся в строю пятнадцать человек вашего отряда во главе с вами поступают под мое командование и образуют второй взвод Первого отряда. Вы остаетесь его командиром, но имеете право отдавать приказы, только согласуя их со мной. Командир первого взвода — брат Вольф. По прибытии в Ватикан ваш прежний статус, естественно, восстанавливается. Вопросы есть, командир второго взвода?

— По этому нет, брат Бернард. Благодарю вас за оказанное доверие! Разрешите по общим?

— Разрешаю.

— Что будет с ранеными?

— Этим занимается замком Пятого брат Марчелло. Я отдал ему все «хантеры», в том числе и ваш. Раненых отвезут в Авранш. Местный дьякон медик будет оказывать им помощь до прибытия лекарей из Парижа…

Я удовлетворенно кивнул — за здоровье брата Януша, получившего пулю в плечо, можно было не опасаться.

— Что касается дальнейшего плана действий, он таков: мы остаемся здесь на неопределенное время; может быть, на несколько дней…

Я удивленно взглянул на главнокомандующего — ведь существовал приказ о скорейшей доставке Проклятого в Ватикан после его поимки…

— Понимаю ваше удивление, брат Эрик, но это распоряжение магистра Аврелия. Он бы хотел самолично вернуть Господу черную душу Иуды…

Ну конечно же, теперь пришла очередь и Аврелия решать дело своей чести! Бернард взял Проклятого. Взял целым и невредимым. С семьей и ближайшим окружением. Его долг выполнен. А если же Аврелию удастся вырвать у Проклятого покаяние до того, пока какая-нибудь кабинетная крыса из Главного не умылась вместо него славой, то имя полевого магистра Первого отряда займет достойнейшее место не только в истории ордена Инквизиции, но и в истории Святой Европы. А уж выдумать оправдание своей задержки в прибрежных холмах Нормандии для этих тертых субъектов будет раз плюнуть…

— …Вы как боевой командир, надеюсь, поймете его, — подтвердил Бернард мою недалекую от истины теорию. — Это лишь слегка отступает от инструкций, данных нам Главным магистратом. Пять шесть дней ничего не решат — Проклятый уже наш со всеми потрохами. Зато так будет справедливо: мы его скрутили — мы его и раскололи. Вы согласны?

— Абсолютно, брат Бернард! — Перечить своему отныне непосредственному командиру мне запрещал Устав. — Каковы тогда будут задачи на эти пять шесть дней для второго взвода?

— Задачи я распределил следующим образом. Пятый отряд отвечает за охрану периметра: дозоры, наблюдение, патрули. Наш

первый взвод — боевой резерв: полный обыск острова на предмет остатков вооружения, уход за техникой, постоянная боеготовность. Ну а на вашем, брат Эрик — уж не обессудьте, — самая ответственная работа: вы отвечаете за безопасность и сохранность наших гостей. Забирайте трейлеры, распределяйте отступников, несите караул, помогайте магистру Конраду в проведении Очищений — магистр Аврелий думает, что нет смысла тащить в Ватикан всю эту кодлу целиком. Но пока не забыл — одно условие: Иуда должен содержаться в Комнате Правды магистра Аврелия и без детей… Приступайте к своим обязанностям немедленно; вечером доложите…

За ширмой сухих приказных слов главнокомандующего все выглядело примерно так. Постоянные бойцы Первого занимались самой ненапряженной деятельностью (как же было Мяснику не уважить своих!). Пятому досталась работенка поскучнее, но тоже в принципе нетяжелая — вряд ли кто -нибудь еще в округе задумает покуситься на наш лагерь. И только я, как и предсказывал мой штатный отрядный провидец, вляпался по самые уши в непонятно чье дерьмо! «Похоже, Господь крупно невзлюбил меня, коли заставил расхлебывать самую неблагодарную часть этого эпохального мероприятия Братства», — было первое, что пришло мне в голову.

Уже предвкушая пинки и в мою черную гриву, и в отсутствующий хвост за какую -нибудь занозу, которую Иуда загонит себе под ноготь, или за его жалобы на, дескать, несвоевременное выведение по нужде, я просто кипел от негодования. «Нянчиться с еретиками — что может быть хуже!» — думал я тогда и даже не подозревал, что это распускались первые цветочки, переродившиеся через четыре дня в весьма кровавые и горькие ягодки грядущего бедлама.

Михаил, очень недовольный хоть и временным, но все же понижением в должности с замкомотряда до замкомвзвода, собрал по территории лагеря мою поредевшую за день группу («Вот и сбылась твоя мечта, викинг!» — съязвил русский. — Радуйся — теперь ты боец Великого Первого!"). Не было лишь Адриано и Свена — они продолжали стеречь стоявшие на берегу «АС 90» и «мириад». Все бойцы, так же как и я, едва держались на ногах от усталости, однако на отдых рассчитывать и не приходилось. Я обрисовал им наш новый статус, выслушал несколько недовольных реплик, а после произвел раздачу нарядов на ближайшие сутки…

Время до темноты мы провели в заботах по устройству жилья для пленных отступников. Выбирать особенно было не из чего. Три трейлера с Комнатами Правды имели по одному отсеку на восьмерых еретиков каждый. Клетка Конрада забилась под завязку рядовыми подручными Иуды. К ним же определили пленного русского матроса. Там моментально стало тесно и душно. Я мог утешить арестантов словами о том, что в ближайшее время здесь станет попросторней, но промолчал — нечего накалять и без того напряженную атмосферу ожидания Очищения. Да и подобные «шутки» мне претили — всегда считал, что искупление вины — дело серьезное. Даже самый отъявленный зубоскал Братства Михаил и тот проявлял со мной солидарность в этом вопросе. Он обожал доводить до белого каления молодого Охотника Энрико или невозмутимого Гюнтера, но к посетителям Комнаты Правды относился всегда предельно корректно.

— А что ты намерен делать с детьми? — спросил меня Михаил, глядя на сидевших рядом с Жан Пьером ребятишек. — Тоже запрешь в клетке?

— Будь моя воля, отпустил бы, — ответил я вполголоса.

Жан Пьер тем не менее расслышал это и удивленно поднял глаза. — Поселим их в нашем оставшемся трейлере.

— Но там, знаешь ли, интерьер, — русский скорчил выразительную гримасу.

Я понял, на что он намекал, и, не дав ему закончить, добавил:

— Возьми Энрико и Йозефа; поснимайте со стен все развязыватели языков, клещи, удавки, клейма, ошейники и все остальное; попрячьте их по ящикам. Попроси у Марчелло чехол от «эмкашки»— им он теперь за ненадобностью, — и хорошенько накройте им Трон Еретика. У Добровольцев Креста раздобудь три…

Тут я поймал себя на том, что не свожу глаз с Кэтрин и — пропади все пропадом! — мне вдруг стало ее нестерпимо жаль. Как представил себе это симпатичное личико, искривленное судорогой от электроразрядов Трона, так всего просто передернуло. Некоторые считают меня сентиментальным; возможно, это так и есть…

— …Раздобудь три… Нет, постой — четыре комплекта матрасов, теплых одеял и подушек. Выполняй! — Я уже решил, как хотя бы на некоторое время избавить Кэтрин от общения с инквизиторами и

надеялся, что Бернард одобрит мое решение, раз уж он дал Слово Командира довезти детей до Ватикана.

— Слушаюсь, господин надзиратель, — Михаил лукаво подмигнул, разумеется, прочтя все мои мысли наперед, и поплелся на поиски требуемого. — Эй, Марчелло, поди ка сюда!..

Проклятый Иуда смотрел на меня не отрываясь: так, как будто он не видел меня много много лет и вдруг узнал своего старого доброго знакомого. С ним сидели на траве его дети, двое собиравшихся поддержать его самосожжение приближенных и почему-то разжалобившая мой полунордический нрав рыжеволосая «ведьма», вероятно, сожалевшая о том, что моя «уродливая рожа» вновь маячила перед ее глазами.

— Простите, командир, как ваше имя? — при этих словах Жан Пьер попытался подняться, но ладонь стоящего сзади Гюнтера усадила его на место.

— Меня зовут Эрик Хенриксон, — представился я и по очереди оглядел всех сидевших передо мной арестантов. — Не могу позволить вам называть меня «брат», сами знаете почему. Называйте меня… — я хотел сказать «мистер Хенриксон», но передумал — звучало как-то натянуто. — Называйте меня «господин надзиратель». Отныне все вопросы будете адресовать мне или моему заместителю. Вам, Жан Пьер, к сожалению, придется расстаться с детьми. Им запрещено находиться с вами в одной камере, надеюсь, понимаете, о чем я…

Он кивнул, осознавая, что с ним станут делать завтра утром, и как-то сразу весь съежился.

— Ваших детей разместят в другом трейлере на противоположном конце лагеря, — я также не хотел, чтобы они слышали крики своего отца и других посаженных на Трон Еретика. Он вновь кивнул и опустил глаза. — Ну, а поскольку в Братстве Охотников нет штатных нянек, то ты, Кэтрин, будешь находиться вместе с ними…

От моего первого обращения к ней по имени рыжеволосую аж подбросило, но явно не от восторга.

— Я останусь с Жан Пьером, понял ты, крысиная твоя… — договорить комплимент девушка не успела, потому что брат Гюнтер посредством легкого подзатыльника дал ей усвоить, что не следует путать господина надзирателя с амбарным грызуном, по крайней мере, в его присутствии.

— Отставить, брат Гюнтер, — я позволил себе проявить к темпераменту гостьи некоторую терпимость. — А дебатов по этому поводу не будет.

Жан Пьер покосился на маячившего над ними германца, а затем обнял Кэтрин за плечи и тихо тихо произнес:

— Ты знаешь, Кэти, я никогда ничего вам не приказывал, а только просил. Попрошу и сейчас, наверное в… — он хотел сказать «в последний раз», но осекся, заметив внимательно слушающего его старшего сына Поля. — Присмотри за ними, ладно? Присмотри, сколько… сколько получится. Сделаешь это для меня?

— А как же ты? — Голос Кэтрин дрогнул. — Кто присмотрит за тобой ?

Жан Пьер замолчал, но тут заговорил сидевший чуть впереди всех пожилой отступник:

— Разрешите, господин надзиратель? — и, получив мое добро, продолжил — Жан Пьер сильно болен, и мы с Лаврентием хотели бы остаться вместе с ним.

Я подумал и согласился. Все равно свободных камер больше не было, а Бернард строго наказал лишь насчет детей. Ладно, пусть присматривают, если хотят.

…Эх, знал бы я, чем обернется для меня эта гуманность, наверное, ни за что бы не принял подобного решения! Но Господь в тот момент только ехидно посмеивался и продолжал заводить пружину моих грядущих несчастий, выбрав себе очередного Иова для забавы…

Пронаблюдав, как Энрико и Йозеф вытащили ящики с пыточным оборудованием, а внутрь заволокли добытые Михаилом матрасы и все остальное, я указал на Кэтрин и детей: нам пора!

Девушка поцеловала Жан Пьера в щеку и что-то прошептала ему на ухо. Он коснулся ее волос и ответил:

— Спасибо, Кэти. И тебе того же самого.

А после чего легонько подмигнул ей: «Прощай!» И, прижав к себе по очереди каждого из ребятишек, неумело наигранно улыбнулся им всем:

— Идите с тетей Кэти. Скоро увидимся. Вот поговорим завтра с Божьими Слугами и обязательно увидимся. Ведите себя хорошо! Обещаете?

Маленькие головки дружно закивали. Кэтрин взяла младших за руки и понуро поплелась за мной. Поль, постоянно оглядываясь на отца, тоже зашагал следом…

Гюнтер рассказал мне позже, что Жан Пьер крепился, пока мы не удалились, а потом закрыл лицо руками и затрясся в безмолвных рыданиях…

Михаил сделал все так, как я и велел: нары были накрыты толстыми крестьянскими матрасами с подушками и одеялами; неуклюжий Трон покоился под плотным брезентом; стены голы. Более того, русский даже дозволил себе небольшую вольность — из осиротевшего кабинета Виссариона он принес широкомасштабную репродукцию «Тайная Вечеря», любезно пожертвованную скорбящим в одиночестве у бочки кагора дьяконом Джеромом. Присобачив картину поверх оставшихся от предыдущих гостей Комнаты Правды кровавых потеков, Михаил оценивающе прищурился и выровнял по горизонтали резную раму репродукции.

— Конечно, пейзаж с природой оказался бы гораздо уместнее, — с видом знатока живописи произнес он, — но и тринадцать бородатых мужиков все лучше, чем голые крюки да остатки еретических мозгов…

Дети прошли внутрь клетки и робко расселись по матрасам. Михаил, отвязавшись наконец от картины, удалился, оставив меня наедине с моими подопечными.

— Прослежу, чтобы вас кормили магистерской кухней, — уведомил я начавшую взбивать детям подушки Кэтрин. — Кипятильник и котелок сейчас принесут. Вода в углу. Электрогенератор будет включаться на час утром, в обед и вечером. Что -нибудь еще ?

Рыжая подала мне знак рукой, предлагая отойти в сторону. Я проследовал в заднюю часть трейлера и остановился, ожидая ее.

— Ты, ублюдок!.. — приблизившись вплотную, зашипела она, и до меня долетел немного терпкий от суматошного дня, но все равно привлекательный аромат ее кожи.

— Господин надзиратель! — поправил я девушку.

— Господин надзиратель, ублюдок! Ты бы мог с таким же успехом оставить с детьми Эркюля (Кэтрин имела в виду пожилого, напросившегося ухаживать за Иудой отступника)! Он бы тоже

справился с обязанностями няньки! Так вот, предупреждаю: если у тебя есть на меня какие-то мерзкие — сам знаешь какие! планы, то уверяю!..

Это явилось последней каплей, переполнившей мое сегодняшнее терпение. Я едва не позеленел от ярости, но, очевидно, присутствие детей удержало меня от настоящего гневного взрыва. А посему оставалось лишь уподобиться этой ведьме и зашипеть ей в ответ:

— Слушай ты, психованная! Я сегодня по вашей вине потерял уйму друзей, так что не стоит сейчас обвинять меня в том, что ты себе вообразила, ради твоего же блага! Этого не произойдет, так что и не мечтай! Усекла? А теперь ползи к недомеркам, пой им колыбельные и рассказывай сказки, а не желаешь, тогда уткнись в подушку и шипи в нее! Кругом марш на место!

Кэтрин захватала ртом воздух, наверняка порываясь смешать меня с грязью своим, я не сомневался, богатейшим арсеналом ругательств. Однако, видя мой воистину свирепый взгляд, все таки предпочла благоразумно промолчать. Вместо ответа она развернулась и, возбужденно размахивая руками, возвратилась в клетку, бурча невысказанное себе под нос. Я снова уловил уже знакомое «козел».

— И еще раз назовешь меня козлом, — немного поостыв, крикнул я ей в спину, — лично обстригу тебе волосы и продам их на парик какому -нибудь клоуну из бродячего цирка!

Железная кружка, брошенная в сердцах не желающей лысеть отступницей, пролетела над моим плечом и угодила точно в лоб апостолу Петру, пирующему с Христом на картине сразу за мной.

Я поддел носком ботинка звякнувшее об пол орудие женского возмездия и катнул кружку обратно к порогу клетки, после чего, совершенно успокоившись, добавил:

— Ужин через час. И помой посуду — она у тебя по всем углам разбросана. Что это за бардак на вверенной тебе территории?

И, не закрывая клетки (все равно деваться им было некуда, а все колюще режущие предметы Михаил из фургона вынес), я покинул трейлер, попутно наказав заступившему на пост брату Тадеушу бдительно следить за пленниками…

Бернард принял меня у себя отсеке, когда все свободные от несения нарядов братья уже крепко спали. Главнокомандующий в целом остался доволен моим докладом и учтиво предложил чаю.

— Насчет няньки, брат Эрик, это неплохо придумано, — заметил Бернард, протягивая мне стакан с круто заваренным кипятком. — Пускай доберется до Ватикана в этом качестве, а там, глядишь, одумается и искупит грехи более приятным, нежели Очищение, способом. К женщинам еретичкам орден относится мягче; кто знает, а вдруг ей еще предстоит сделать карьеру сестры Услады Духа? А девка симпатичная и, по виду, довольно горячая. Постарается, такой и протекцию окажут… Я собрался было идти спать, как распахнулась дверь и внутрь бернардовского отсека ввалился смурной от тяжелейшего похмелья выпущенный на свободу магистр Аврелий. Он намеревался что-то сказать Мяснику, но, узрев меня, так и замер с открытым ртом. Правда, оцепенение сошло с него почти сразу же.

— Брат Эрик, что вы себе позволяете! Я требую немедленных объяснений! — Гнев магистра набирал обороты, как двигатель джипа перед крутым подъемом. — Кто позволил вам поднять руку на Божественных Судей Экзекуторов, я вас спрашиваю?..

Я подскочил и вытянулся в стойку — Устав есть Устав; и благодарности, и нагоняи должны приниматься Охотником с одинаково невозмутимым видом.

— Он выполнял мой приказ, ваша честь, — вступившись за меня, солгал Бернард.

— Ваш приказ?! Но как?!

— Совершенно верно, — Мясник не испытывал передолжностной персоной вообще никакого трепета. — Вы абсолютно не отдавали себе отчета в своих поступках и убили двух Добровольцев Креста. Корпус не одобряет, когда его члены и из инквизиторов, и из Охотников вытворяют подобные вещи.

— Да, я… знаю, — Аврелий потупился и опустился на откидное сиденье. — Вы, безусловно, правы. Мы с магистром Конрадом и впрямь немного… Извините, брат Эрик, садитесь. Завтра, брат Бернард, вызовите ко мне их старшину, попробуем утрясти инцидент без привлечения дознавателей Главного магистрата… Брат Эрик, у вас все готово к процедуре?

— Да, ваша честь. Иуда в вашей Комнате Правды, — ответил я.

— Ну и лады, — Аврелий удовлетворенно погладил бороду. — Я тут планирую все предельно ускорить — использую его детей в

качестве рычага. Я сломаю Проклятого в три раза быстрее, если буду вырывать ногти не у него, а у молокососов.

Я, признаться, погрузился в легкий шок, поскольку не ожидал услышать подобное от столь известной на всю страну личности, как магистр Аврелий, и в крайнем недоумении посмотрел на Бернарда — что же он ответит…

— Исключено, ваша честь, — отозвался тот, ничуть не изменившись в лице ("Неужели для Аврелия подобная практика в порядке вещей? " — подумал я с чувством непонятного душевного дискомфорта. Лично мне за столько лет службы в Корпусе еще не доводилось работать с подобными хладнокровно жестокими магистрами). — Я дал Слово Командира, что с ними ничего не случится взамен на его сдачу.

— Вот это вы зря! — Аврелий, словно бы смутившись чего-то, отвел глаза в сторону. — Видит Бог, зря… Другого выхода не было?

— Нет. Они не шутили — в церкви оказалось полно керосина.

— Что ж, тогда буду работать как обычно: Трон, клещи, огонь…

— Его люди утверждают, что он сильно болен, — предупредил я.

Магистр наморщил лоб и потрогал огромную родинку на левой щеке — видимо, в глубокой задумчивости, — а после чего спросил:

— Дьякон Виссариона, брат Эрик… Он хороший медик?

— Как и все помощники магистров, ваша честь. Не Авиценна, но и не коновал, — охарактеризовал я профессионализм Джерома.

—… А то мой и магистра Конрада отправились с ранеными в Авранш и пробудут там до приезда парижан. Пригласите его завтра ко мне; будет приводить Иуду в чувство, когда это потребуется… Ну ладно, если у брата Бернарда к вам больше нет вопросов, то можете идти.

12

"— Пророческая картинка, — заметил доктор, трогая пальцем изображение виселицы. — А теперь, сударь Билли Бонс, если вас действительно так зовут, мы посмотрим, какого цвета ваша кровь… Джим, — обратился он ко мне, — ты не боишься крови ?

— Нет, сэр, — сказал я.

— Отлично, — проговорил доктор. — Тогда держи так".

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

Ночью пошел дождь. Не закончился он и к утру — это был один из тех унылых затяжных дождей, которые символизируют финал теплого, но короткого лета и начало долгой промозглой осени. Никто и не вспомнил вчера, что она вот вот наступит…

Я лежал на мягких магистерских нарах покойного Виссариона и слушал, как капли барабанят по железной крыше трейлера. Джером, напоминавшийся с вечера хозяина до поросячьего визга, постанывал сейчас на своем, месте, отвернувшись к стене и конвульсивно дергая во сне ногой. Михаил же и прочие братья моего теперь уже взвода позанимали нары погибших и раненых бойцов Первого и Пятого отрядов. Было еще рано, но сон мой пропал, и я решил подниматься.

Выйдя наружу после скудного завтрака, я заметил стоявшего на пороге своего трейлера магистра Конрада. Он пялился в небо, подставляя горячий похмельный лоб под прохладные струи дождя. Коротышка окинул меня печальным взглядом старой клячи, покачал головой и, морщась, потер ушибленную Михаилом поясницу. Все его телодвижения демонстрировали мне только одно: «Что ж вы так, брат Эрик, со своим лучшим другом! Что ж вы так…»

Фернандо в накинутой плащ палатке, промокший и взъерошенный, доложил у порога Иудиной тюрьмы, что все в порядке.

— Михаил там? — спросил я, поднимаясь по ступенькам.

— Там, — ответил португалец. — Еще не выходил. Михаил же, дежуривший согласно жребию первую ночь

у камеры главных отступников, сидел в кресле Аврелия и, уронив голову на пульт Трона, бессовестным образом спал. Покажись здесь сейчас сам хозяин Комнаты Правды, русский, наверное, больше и не проснулся бы.

— Превелико прошу извинить, что нарушаю ваше отдохновение… —тряся его за плечо, съязвил я.

— Проклятье! — воскликнул Михаил, поднимаясь из кресла. — Даже и не заметил, как прикемарил! Клиентура-то хоть на месте?

— Это ты, находясь на посту, у меня спрашиваешь? — Я хотел разозлиться, но не получилось. — Ладно, я тебя меняю, иди завтракай. После обеда пришлешь Вацлава…

Жан Пьер, в отличие от своих беспокойно ворочавшихся во сне друзей, не спал, а ходил по клетке из угла в угол, как медведь в ватиканском зоопарке. Кто-то из Древних изрек: «Ожидание боли хуже

самой боли». Видимо, человек тот никогда не имел дело с истинными специалистами по ее причинению, иначе бы он никогда такого не написал. И ожидание боли, и сама боль навсегда отбивают охоту философствовать на эту тему.

Подойдя к прутьям клетки, Проклятый еле слышно позвал меня:

— Извините, господин надзиратель, можно вас спросить?

— Спрашивайте, Жан Пьер, — приблизился я к его камере и, предчувствуя очевидный вопрос отступника тут же ответил — Дети ваши в порядке, Кэтрин тоже; сейчас завтракают.

— Спасибо вам, — при упоминании детей глаза Жан Пьера, до этого потухшие, прояснились и подобрели.

Я кисло усмехнулся:

— За что, Жан Пьер?

Он понял, что ляпнул глупость, и усмехнулся мне в ответ, только еще печальнее. И действительно, за что благодарить? Ведь не сидят же они сейчас на солнечной полянке, а я не угощаю их свежезажаренными на огне сардельками…

— Скажите, это и впрямь так больно, как говорят? — Жан Пьер перевел взгляд на Трон Еретика.

— Не знаю, не пробовал, — честно ответил я. — И по правде сказать, не собираюсь.

Руки Проклятого отпустили стальные прутья, и он отошел в тот угол клетки, где сквозь зарешеченное окно был виден край затянутого тучами неба…

Почему-то я не испытывал злости по отношению к этому человеку. Может быть, потому, что он не походил на воплощение зла, может быть потому, что и так был обречен… Кто знает? Не было в нем дикого безумия Люцифера; не было брызжущей слюной ненависти на всех и вся, как у сатанистов; не было тупой жестокости Пожирателей Святой Плоти и непрошибаемой упертости протестантов. А была лишь глубочайшая усталость, которая, даже учитывая то, что вчера его люди убивали моих бойцов, не могла разжечь во мне гнева…

Вся «кавалерия» прискакала сразу после завтрака. Кроме Аврелия и Джерома, поприсутствовать при первом запуске Трона соизволили также Бернард и Карлос. Чтобы сокамерники Иуды — Лаврентий и Эркюль — не вопили в защиту своего лидера, их приковали к нарам и заткнули рты кляпами, оставив того и другого наблюдать за действом,

в скором времени ожидающем и их. Самого Жан Пьера, однако, силой тащить не пришлось — он вышел к Трону Еретика хоть и на подгибающихся ногах, но без посторонней помощи.

— Весьма похвально, Жан Пьер, — изрек Аврелий, наблюдая, как Проклятый самостоятельно усаживается на Трон и кладет запястья в специальные контактные зажимы. — Вижу, ты на правильном пути. Будешь покладистым — облегчишь себе участь и сэкономишь нам время.

— Давайте, ваша честь, и вовсе не будем терять его понапрасну, — откидываясь на жесткую спинку Трона, сказал Иуда. Я отнюдь не герой и чертовски боюсь боли. Вам надо, чтобы моя душа перед Очищением вернулась в лоно покровителя ее Господа Бога? Прекрасно, я готов подписать все нужные бумаги и публично признать это где угодно. Можете с чистой совестью доложить Пророку, что именно вы титаническими усилиями добились моего покаяния — я засвидетельствую и такое. Только, умоляю, не заводите ваш агрегат, а везите меня в Ватикан и сжигайте как можно быстрее, раз уж, я так понимаю, мечтать о петле мне заказано. Боюсь, что подохну тут от боли. Аврелий слегка оторопел от такой беззастенчивой простоты, но он уже настроился на любимое занятие и сходить с этой тропы был не намерен.

— Однако вы посмотрите на него! Каков хитрец, а? — Он подошел и лично проверил закрепленные Джеромом зажимы. — Нет, это твоими устами говорит сидящий в тебе Сатана! Он, конечно же, страшится Очищения, а потому согласен на любой компромисс. Но он лжив и живуч, Жан Пьер! Посуди, ну разве так на самом деле возвращаются к Богу? Ты ведь просто хочешь обхитрить своего судью и ввести его во грех искушения. И лишь в полной мере пройдя через боль и страдания…

— Вы сами-то верите во всю эту чушь? — оборвал его Иуда. — Я слишком долго вращался в ваших кругах, чтобы понять, как действительно вы почитаете своего Бога! Вы хоть помните его заповеди? Да, конкретно вы, магистр Аврелий?

Я не буду далеко ходить за примером: не ваше ли дело рассматривал Апостол Инквизиции незадолго до моей, назовем ее так, отставки ? Вы в пьяном виде изнасиловали дочь дьякона Оружейной Академии! И каков же был вердикт Пророка? Человек, совершивший

смертный грех, оказался слишком ценен для него, а потому несчастную девушку признали совратившей Господнего Слугу ведьмой, и сожгли вместе с так и не согласившимся с этим приговором отцом! Ну, а что же ваш Господь? А он отвернулся и промолчал как всегда!..

Стоявший за спиной инквизитора Бернард усмехнулся — похоже, он знал эту историю, хотя ни я, ни Карлос, судя по его реакции, никогда не слышали о подобном. Аврелий же взвился и сорвался на крик:

— Ложь!!! Наглое очернение члена Ордена!!! Очередная твоя ересь, прихлебатель Дьявола!!! Ну ничего, сейчас ты запоешь по другому!…

И он схватился за рукоятку на пульте, после чего принялся увеличивать напряжение электричества на Троне. Вопль Иуды огласил Комнату Правды, звоном отражаясь от ее железных стен. Тело его забилось в зажимах, а на шее вздулись лиловые вены.

— Ну как, ощущаешь прилив божьей благодати? — злорадствовал Аврелий, возвращая рукоятку на «ноль». — К обеду будешь петь псалмы не хуже юного семинариста!

Иуда же отдышался и с трудом вымолвил:

— Что ж, каков Бог, такая и благодать. На большее я и не рассчитывал.

Процедура повторилась. Я не любитель подобных зрелищ, но сегодня служба заставляла неотлучно находиться в этом пропитанном страхом и болью помещении.

На этот раз Жан Пьер приходил в себя дольше. Пот градом катил ему на лицо из под так называемой «короны» — опоясывающего голову верхнего контактного зажима. Дыхание его стало чаще и тяжелее, ногти побелели.

— Крепко засел в тебе Сатана, — говорил Аврелий, раскладывая перед собой служебные бумаги. — Очень крепко. Представляешь: беру я у тебя подписи под всеми документами, а в Ватикане ты возьми да и отрекись от них! Да еще и ляпнешь что -нибудь этакое об Отце нашем Небесном, как сейчас, например! И кто я буду после такой твоей выходки, а?

— Нет, Жан Пьер, магистр Аврелий себя опозорить не даст и только ему дозволено судить, воистину ли ты готов предстать перед

Создателем или просто прикидываешься.

— Клянусь вам… — Иуда все еще не мог отдышаться. — Клянусь, что ничего такого не скажу! Перестаньте, прошу вас!

— А знаешь, как я определяю, когда человек искренне желает возвращения? — продолжал инквизитор, пропуская просьбу отступника мимо ушей. — Тебе интересно? Я расскажу: по глазам! Глаза, Жан Пьер, — самый точный, самый проверенный индикатор души. На данный момент они у тебя испуганные, но за страхом я вижу то, чего Господь никогда не одобрял в своих подданных — непокорность! Настоящую, хорошо сокрытую тобой непокорность души! И эту непокорность нам и предстоит теперь искоренять.

— Не думаю, ваша честь, что есть такая сила, что способна заставить мою душу вернуться обратно к этому Богу, — Иуда, кажется, начинал понимать, что так просто ему от Аврелия не отделаться. — Я видел, какие мерзости он позволяет творить своим ближайшим слугам. Моя душа не вернется, а вы просто напросто сломаете и унизите меня, но не более того. И я ничуть не сомневаюсь в том, что вам это удастся. Очень скоро я начну ползать по полу и лизать вашу обувь, только чтобы вы прекратили причинять мне боль. Вот тогда-то в моих глазах вы и прочтете желаемое раболепие и так ценимую вами овечью кротость. Но до души, ваша честь, вы никогда не доберетесь, ибо никому во веки веков не узнать, что же она собой представляет.

— Посмотрим, Жан Пьер, — магистр снова взялся за рычаги пульта. — Времени у нас не так и много, но будь уверен — когда ты узришь Пророка, то без лишних напоминаний и уж точно безо всяких сюрпризов, а исключительно повелению сердца падешь перед Его Наисвятейшеством на колени и будешь слезно умолять его простить твою, как ты правильно выразился — неизведанную, — а посему, значит, темную душу. Однако продолжим проливать на нее через страдания познавательный свет…

После третьего электрического удара Иуде уже потребовалась помощь Джерома, давшего ему понюхать нашатыря. Жан Пьер очнулся, но пребывал в полубредовом состоянии: глаза закрыты; губы сжаты; правая щека подергивается. И несмотря на это, первым заговорил все же он, заговорил с горькой иронией:

— А что же вы, ваша честь, не спрашиваете о том, на каких условиях Дьявол заключил со мной контракт; почему я не поменял

свой лобовой крест на пентаграмму и где стоит на привязи мое помело?

В ответ на это Аврелий взял исписанный лист гербовой бумаги, встал из за стола и, тыча указательным пальцем в строки документа, подошел к Жан Пьеру:

— Потому и не спрашиваю, богоненавистник, что в списке твоих грехов колдовство отсутствует. Но зато есть вещи гораздо серьезнее, а именно — цитирую: «…Измена Господу при нахождении у него на службе; прилюдное богохульство; совращение законопослушных граждан протестантскими взглядами; еретические проповеди в общественных местах…», ну и как было доказано вчера, «…измена Святой Европе путем сговора с ее потенциальным противником, а также незаконная добыча и торговля оружием». И хоть по последним пунктам окончательно разбираться будут Защитники Веры, но тем не менее это тот же грех, а грехи твои, Жан Пьер — наша юрисдикция. Ну а сегодня перед завтраком на десерт я вписал сюда еще и «сопротивление аресту, повлекшее многочисленные жертвы среди Слуг Божиих и гражданских лиц». Очищению Огнем подлежит каждое из твоих мерзких деяний, однако заметь: насколько же милосерден Пророк, коли так печется о твоей ничтожной душе.

— Я не изменял Святой Европе как своему государству! — В голосе Иуды зазвенели стальные нотки негодования. — Я просто спасал жизни своих детей и мою в том числе! И если эта страна пожелала уничтожить нас, я вправе поискать себе другую, разве не так? А поскольку по доброму вы бы меня все равно не выпустили, пришлось бежать и нанимать пирата, и так уж получилось, что, кроме оружия, заплатить нам ему было нечем!

— И ты не называешь это предательством! — вскричал магистр. — Да тут и доказывать ничего не надо!

— Думайте как хотите, — Жан Пьер опять вернулся к своему спокойно безнадежному тону и закрыл глаза, отгородившись тем самым от всех присутствующих в Комнате Правды. — Мне пришлось выбирать — либо жизни моих близких, либо это. На тот момент я выбрал верно. И, ваша честь… я не буду ни спорить с вами, ни оправдываться в чем бы то ни было. Вы привели меня на этот стул с проводами не беседы вести, а наказывать. Так давайте же поскорее завершим вашу работу!

— С превеликим удовольствием, Жан Пьер! — ответил Аврелий. — Однако, как я вижу, «поскорее» навряд ли получится…

И магистр вернулся за пульт…

Проклятый Иуда пробыл на Троне Еретика до обеда. Он безудержно вопил, метался в зажимах от нечеловеческой боли. Он стонал и плакал, умоляя магистра прекратить дознание, но тот, довольно ерзая, только прибавлял напряжение. Джером несколько раз выводил отступника из бессознательного состояния, делая это все с большим и большим трудом. При последнем включении Трона у Жан Пьера пошла изо рта пена, и Аврелий, поняв, что перегнул палку, вырубил питание, после чего, довольный собой как никогда, потянулся в своем кресле, разминая затекшие суставы:

— На сегодня достаточно. После обеда займемся этими двумя. Опыт подсказывает мне, что они будут малость посговорчивее…

И, пронаблюдав, как недвижимого Иуду отволокли обратно в клетку, Аврелий отправился мыть вспотевшие от напряженной работы руки…

Вацлав пришел менять меня сразу же, как только все присутствующие на процедуре удалились. Видимо, окончательно смирившись со смертью старого боевого товарища, он находился в нормальном для себя настроении меланхолично спокойной задумчивости.

— Идите перекусите, брат Эрик, — сказал поляк, усаживаясь на мое место. — Добровольцы прикатили полевую кухню и привели неплохого повара. Единственная радость за прошедшие пару суток…

Но не от полевой кухни витал по лагерю запах жареного мяса — магистр Конрад на вершине ближайшего холма проводил первое Очищение Огнем. Напоминая в безразмерной плащ палатке растолстевшую летучую мышь, коротышка прыгал вокруг бушующего пламени, поминутно добавляя очередную порцию горящей струи из переносного огнемета. Правда, сжигал он не живого человека. За оказанные ордену Инквизиции неоценимые услуги один из друзей Проклятого — выдавший нам его детей Жан Жак — удостоился своего законного права миновать Трон Еретика и, прежде чем принять Очищение Огнем, самым гуманным образом быть удавленным веревочной петлей. А дабы никто из нас не тратил и без того недостающее время на сооружение виселицы, обязанности штатного

висельника любезно принял на себя брат Вольф, чьи сверхмогучие руки выполняли подобную работу быстро и эффективно. Так что Корпус сдержал данное Жан Жаку слово — в отличие от всех остальных он вошел во врата Рая, минуя обычное мучительное дознание.

После и впрямь недурного обеда я решил прогуляться и проверить несение службы моим вторым взводом. На пороге трейлера казармы Пятого отряда мне попался на глаза скучающий замком Гонсалеса Марчелло, который сидел и читал затертую толстую книгу.

— Можешь не напрягаться, — остановил я собравшегося было встать при виде трех моих крестов бойца. — Получается, что по должности ты сейчас старше меня… Что читаешь?

— Да черт его знает. Взял у брата Карлоса в его походной библиотеке, — Марчелло захлопнул книгу и протянул ее мне. — Корка вылиняла, а титульный лист вырван. Короче, там про одного матроса, как он на остров попал, а на том острове одни шибздики ростом с автоматный патрон обитали…

— Понятно. «Приключения Гулливера».

— Во, точно! Так этого матроса и звали. Знакомая байка, да?

— Довелось по молодости почитать, — я собрался было идти дальше, но внезапно был остановлен стукнувшей по мозгам мыслью. — Как ты считаешь, Марчелло, а брат Карлос не будет возражать, если я возьму у него что -нибудь на несколько дней?

— Думаю, нет. Он у нас щедрый в этом вопросе. А что вам принести?

— А что там еще есть?

— Ну, «Робинзон Крузо», потом этот, земляк брата Карлоса, «Дон Кихот». Что еще? Про рыцарей пара книг и еще с десяток всяких разных. Одну только не рекомендует нам читать; говорит, шибко там все в алчности погрязшие, режут друг друга из за золота да еще пацана сопливого за собой таскают. Полный кошмар, одним словом. И называется соответственно: «Остров Сокровищ». Хотя, если хотите, можете ради интереса пролистать…

— Неси «Робинзона…», про рыцарей и про пацана тоже. Буду возвращать по одной. Идет?

— Да без проблем…

Кэтрин, угрюмая и неприветливая (уж было с чего!), покосилась на водруженную перед ней на стол увесистую стопку книг.

— Господин надзиратель, — не глядя на меня, она, казалось, разговаривает с «Тайной Вечерей», — сегодня прохладно. Как можно скорее распорядитесь включить генератор. Без электричества обогреватели не работают, а мне еще хотелось бы искупать ребят и постирать их одежду…

Три пары детских глазенок не отрываясь смотрели на меня из под укутавшего всех их вместе теплого одеяла.

— Да, конечно, — я почувствовал себя неловко от такого пристального внимания. — Немедленно устрою. Можешь взять для стирки и купания вон тот… вон то корыто.

Пустой бак, используемый когда-то Виссарионом для одной из мучительнейших пыток — пытки водой — был реквизирован рыжеволосой на нужды ее детского сада. Пока я снаружи запускал генератор, она закатала рукава и принялась наполнять водой громоздкую посудину. Вернувшись в помещение, я поймал себя на мысли, что в какой-то степени любуюсь, как Кэтрин занимается своими делами: морщит носик от попадающих ей на лицо брызг, вытирает их полотенцем и, сосредоточенно прикусив нижнюю губку, неуклюже набирает следующий ковш. Что ни говори, а роль няньки, хоть и не совсем подходила к ее элегантному облику, но была куда предпочтительней, чем роль гостьи Комнаты Правды Аврелия.

Я сел за стол и, перелистав страницы первой попавшейся книги, поинтересовался:

— Ты умеешь читать?

— Еще спрашиваете! — обиженно фыркнула она, не прекращая переливать воду. — Я училась в Медицинской Академии!

— Наверное, не очень успешно, раз очутилась в таком окружении, — хотел продолжить я едва начатую беседу, но, оказалось, неудачно.

— Не лезь ко мне в душу, понял… господин надзиратель! — вспыхнула она в своей обычной манере и, отложив ковш гневно булькнула кипятильником по воде.

— Да я вообще-то и не думал, — я отложил книгу и поднялся, намереваясь покинуть их милую компанию. — Вот, почитаешь детям кое что, когда освободишься. Потребуется какая -либо помощь, кликнешь Тадеуша. Он снаружи…

Кэтрин догнала меня уже у двери трейлера.

— Господин надзиратель, погодите! — Она обернулась на детей, после чего вполголоса спросила: — Как там Жан Пьер?

— Да как он может быть, — ответил я. — Готов без промедления под всем подписаться, но ты же понимаешь — пока Аврелий не превратит его в забитую овцу, дела его будут не ахти, — до меня вдруг дошло, что я как-то чересчур уж разоткровенничался, а потому пришлось поспешно закругляться. — Держится. За ним приглядывает дьякон медик, так что…

Я не стал договаривать «умереть ему не дадут», а просто вышел под дождь, прикрыв за собой дверь.

Церемония Прощания состоялась ближе к вечеру. Тела одиннадцати погибших уложили на сооруженный специально для этого деревянный помост и кремировали, как и предписывают Устав и законы Братства. Перед кремированием Бернард произнес приличествующую случаю речь и самолично поднес факел к сырым, а потому обильно пропитанным бензином дровам. Огонь отражался от мокрых из за непрекращающегося дождя лиц построенных в каре Охотников и уносил к небесам вместе с дымом души павших смертью храбрых братьев. Никто из магистров, с головой поглощенных своей неотложной работой, проститься с подчиненными бойцами так и не вышел…

Михаил уже взбирался в трейлер Проклятого, намереваясь сменить сидящего там с обеда Вацлава, когда я окликнул его на пороге:

— Не спеши. Иди ка отдохни до утра. Буду писать отчет об операции, объяснительную о гибели Виссариона да еще надо подготовить три извещения о смерти, — я потряс у него перед носом толстой кипой форменных бланков. — Днем-то, видишь, не до этого.

— Как скажете, ваша взводная милость! — Довольный Михаил развернулся и побежал обыгрывать в запрещенные лишь на бумаге Устава карты своих соседей по новой казарме — те, плохо зная моего заместителя, еще не догадывались, с каким шулером имеют дело.

Эркюль и Лаврентий — послеобеденные клиенты Аврелия — лежали на своих нарах и тихо постанывали в полузабытье. В фургоне витал резкий запах мочи — очевидно, не все стоически реагировали на причиняемые Троном страдания. Джером заканчивал уборку, протирая

сухой тряпкой только что вымытый пол. В кабинете Виссариона, ставшего со вчерашнего дня и моим тоже, его уже заждалась боевая подруга — недопитая бочка кагора. Забросив тряпки, ведро и швабру в стенную нишу, он устало взглянул на меня и заковылял прочь от осточертевшей ему за день Комнаты Правды.

Жан Пьер, немного оклемавшись от утренней экзекуции, сидел на нарах возле стены, поджав колени под небритый подбородок. Лицо этого тщедушного человека при свете тусклой лампочки отливало нездоровой восковой бледностью, а глаза не моргая смотрели прямо перед собой.

— Вы в порядке? — проверил я на всякий случай его самочувствие.

— Ну если считать порядком то, что еще не умер, тогда — да, — не произведя ни единого телодвижения, отозвался он одними губами.

«Ну и ладно, раз огрызаешься», — подумал я и, обложившись документами, взялся за жутко нелюбимую мной нудную бумажную работу. И, скрипя чернильным пером, даже не подозревал, что через несколько минут произойдет тот самый момент, который и переломит всю мою дальнейшую жизнь…

«Любопытство сгубило кошку» — гласит одна из присказок брата Михаила. Нечто подобное случилось и со мной. То, что-толкало меня читать между строк Святого Писания; то, заставляло прятать в обшивке семинарских стен крамольные труды Паоло Бертуччи; то, что еще до сих пор тратило часть моих денег на мало мальски достоверную историческую литературу, теперь нанесло свой решающий и коварный удар в спину. Да, командира Одиннадцатого отряда, как и ту пресловутую кошку, сгубило чисто человеческое любопытство! Проигнорируй я тогда затеявшего со мной беседу Проклятого Иуду, заставь его заткнуться своим правом тюремщика и пошли, наконец, мерзкого еретика к чертовой матери, и поживать мне в старости (если бы дожил, конечно) где -нибудь под Ватиканом, наслаждаясь законной отставкой. Но я не сделал всего этого. А коли так, то к чему теперь жалеть? Что было, то было, а чего не было, то и Дьявол его побери!

Иуда что-то проговорил себе под нос. Я, не разобрав, от рвался от писанины и переспросил:

— Вы что-то хотели, Жан Пьер?

— Я говорю: так, наверное, всегда бывает — как ни готовься к встрече с болью, как ни крепись, а она все равно оказывается сильнее, чем ожидаешь…

И он со стоном вздохнул.

Я не нашелся, что ответить, и вернулся к отчету.

— Извините, господин надзиратель, я вас вчера правильно расслышал? — Проклятый, кряхтя, придвинулся по нарам в моем направлении настолько, что если бы захотел, то мог бы легко дотянуться через клетку до края моего стола. — Вас зовут Эрик Хенриксон? Тот самый Эрик Хенриксон?

Я опять оторвался от бумаг:

— В каком смысле «тот самый» ?

— Ведь это же вы чуть больше года назад обезвредили это чудовище — Люцифера? Вся Святая Европа твердила об этом.

— Да, это сделал мой отряд, — отложив перо в сторону и потерев уставшие глаза, сознался я. — Ив том числе те три бойца, чей пепел был сегодня развеян над заливом… Только не вздумайте говорить мне, что сожалеете. Не поверю.

— Не скажу, — он замялся, — они же все таки убивали моих друзей… Но, господин надзиратель, мне действительно очень жаль, что все так получилось. Я не желал проливать ничью кровь.

— Возможно, если то, что говорят о вас люди — правда. Однако факты, Жан Пьер, — они твердят об обратном. Вы просто могли сдаться вчера без боя.

— Я именно так и собирался поступить, но… — Иуда разочарованно развел перебинтованными запястьями. — Мои друзья поклялись защищать меня до самой смерти, а отговорить их я не сумел.

— Странно, не правда ли? —Я уже полностью наплевал на кодекс отношений «тюремщик заключенный» и вступил с арестантом в дискуссию. — Вы считались их лидером, а они вас не послушались.

— Это трудно понять… Да, они видели во мне лидера, хотя я никогда и не претендовал на это. У них сложились на меня определенные взгляды, а я… я не разрушал их. Скорее даже потакал им, ведь в окружении этих людей мы с семьей чувствовали себя в безопасности. Отплатить им за это я не успел… Все вышло как-то само собой. В начале нашего бегства мы с Магдой и детьми… — он

вдруг осекся. — Простите, господин надзиратель, но я вроде бы не должен с вами общаться, мне за это…

— Ладно уж, валяйте, раз начали, — я отодвинулся от стола и, приставив стул к стене, сел поудобней. — Только не думайте, что уболтаете меня, как та леди Винтер своего вертухая, и я вас выпущу. Бесполезно! И слез с вами проливать не буду, хоть и сентиментален, к своему глубокому сожалению.

— Вы знакомы с Дюма? Невероятно!

— Я много с кем знаком, а вот теперь еще и с вами. Однако отнюдь не польщен этим, уж извините.

— Нет, не обижайтесь, я без задней мысли. Просто мне хотелось… — он недоговорил, чего ему хотелось, и вернулся к начатой истории. — Так вот, господин надзиратель, мы колесили по всей стране, останавливались в глухих деревнях на постоялых дворах, чтобы кто -нибудь, не дай Бог, не узнал нас. Мне приходилось постоянно бинтовать голову, скрывая свой шрам; прикидываться то больным, то сумасшедшим. Но Пророк уже развесил везде мои портреты, и однажды это таки случилось. Группа молодых людей окружила нас в таверне близ Штутгарта, и их вожак бросил передо мной на стол инквизиторскую листовку с моей наполовину придуманной подноготной. Я понял, что это конец. Дети испугались, а Магда заплакала, но вожак компании улыбнулся и протянул мне руку. «Рад знакомству с великим человеком, Жан Пьер, сказал он. — Я — Алонзо, старший этой искательской общины. Мы с друзьями восхищены вашим мужественным поступком. Очень вас прошу быть гостями нашего поселения в паре километров отсюда». Деваться нам было некуда, и мы разумеется, согласились. Эти искатели оказались замечательными людьми и, к слову сказать, весьма образованными. Они подолгу расспрашивали меня обо всем, а я, благодарный за хлеб, воду и кров, охотно делился с ними мыслями, взглядами, идеями… Даже не подозревал, как те повлияют на их привязанность ко мне!.. Алонзо и почти все его друзья погибли вчера на оборонительных башнях, господин надзиратель. Погибли, защищая меня и моих детей.

Иуда опустил голову и замолк. Я тоже сидел, слушая тишину, нарушенную только однажды перевернувшимся в боку на бок Лаврентием. Вскоре Жан Пьер продолжил:

— Потом на нас вышли местные инквизиторы и вновь пришлось убегать. Но искатели уже не покидали меня, оберегая от всяческих опасностей и лишений. По пути к нам присоединялись другие гонимые властью протестанты, такие, как вот Эркюль и Лаврентий…

— А Кэтрин? — сам не зная почему спросил я.

— Кэтрин? …Кэтрин появилась недавно. Магда — моя жена — сильно заболела в дороге. Это было уже в парижской епархии. Кэтрин служила дъяконшей медиком в деревушке близ Реймса. Мои друзья приволокли ее к нам с мешком на голове и связанную. Когда она узнала меня, то сказала, что мне достаточно было бы просто попросить о помощи. А потом, — Жан Пьер хило улыбнулся, — взяла да свернула нос слишком уж отличившемуся в ее пленении Морису…

«Надо будет приглядывать за своим», — рефлекторно почесав переносицу, запомнил я.

— …который тут же и вправила ему на место, — Жан Пьер снова сделал длинную паузу. — К сожалению, Магда умирала, и Кэтрин уже ничем ей помочь не могла… Добрейшая, заботливая Кэтрин — ведь она не отходила от постели моей жены до самой ее смерти. А после осталась с нами, найдя наше общество наиболее подходящим для своего бунтарского характера… Господин надзиратель, а можно мне воды?

Я взял у него кружку и наполнил ее из своего графина, а не из арестантского бака, где, по моему, уже плавали стайки маленьких лягушат. «Пришлю завтра Энрико, пусть вычистит», — наказал сам себе я.

— Благодарю вас, — Жан Пьер приложился к кружке и, не допив, поставил ее рядом с собой, после чего продолжил ностальгические воспоминания. — Когда мы сговорились с русскими — ну не было это предательством, клянусь вам! — нам потребовалось место на побережье, чтобы дождаться нанятого ими пирата. Настоятель Ла Марвея дьякон Олаф был моим хорошим знакомым и согласился приютить нас при условии, что мы не навлечем на него беду. Я пообещал… И я солгал, господин надзиратель! Заботясь лишь о себе, я погубил множество ни в чем не повинных людей: искатели, торговцы, служители приюта… Но как ни горько признавать это, первой я подставил под удар свою семью…

— Вот здесь я с вами, Жан Пьер, абсолютно солидарен, — мое любопытство достигло апогея, и я наконец-то задал ему вопрос, который и не давал мне покоя долгое время. — И чего вам не сиделось в Ватикане — на этой, так сказать, вершине мира? У вас ведь было все, о чем-только можно мечтать: положение, деньги, слуги, роскошный дом, слава, в конце концов. Что за бзик тюкнул вас по вашему крещеному лбу?

Он зачем-то потрогал свой крестообразный шрам и уставился в пол, как будто бы я застукал его за неким постыдным занятием.

— Не уверен, что смогу вам это объяснить, но постараюсь, — Жан Пьер говорил размеренно, обдумывая каждую последующую фразу. — В молодости я фанатично был предан нашей религии и Вере. Предан настолько, что каждую ночь засыпал с мыслью, а не нарушил ли я сегодня какую -нибудь из десяти божьих заповедей. Собственно говоря, я и до самого верха смог добраться лишь потому, что никогда не сомневался в приказах вышестоящих; искренне считал, будто исходят они от самого Господа Бога. Мое служебное рвение той поры восхищало всех руководивших мной, и, если бы кому потребовался пример для подражания, я бы мог как никто другой выполнить эту роль, честное слово… Первые сомнения посетили меня, когда я дослужился до епископа и узнал, насколько то, о чем проповедовали мои коллеги, отличается от поведения их же самих. Быть пастором проще — сидишь в своей деревеньке, высунешь нос в центр округа пару раз в год и все, а вот епископ — совсем иное. Уже высший свет как никак. Однако несмотря ни на что я продолжал истово служить Ватикану, считая, что это сам Дьявол очерняет в моих глазах всех моих соседей — честнейших и преданейших Слуг Всевышнего. Так или иначе, но со временем я стал архиепископом, а вскорости — вы, пожалуй, помните тот год, когда практически одновременно скончались четверо Апостолов? — был избран Пророком и на свою последнюю должность…

…Разумеется, я прекрасно помнил то, о чем упоминал Жан Пьер. Пророк плакался тогда народу: дескать, Господь забирает из рядов его приближенных лучших из лучших, дабы на их освященные места пришли другие, более молодые, но не менее достойные служители Веры. Страна очень долго пребывала в трауре…

— …Те четверо скончались от некой жуткой формы сифилиса, так как сообща пользовались услугами выловленной пограничниками на побережье Африки чернокожей блудницы. Но это я выяснил гораздо позже… В общем, попал я в Ватикан довольно таки молодым. И уж тут-то, думаю, послужу небесному Отцу своему в полную силу! Но первое тяжелейшее потрясение испытал сразу же на церемонии Введения В Избранные… Скажите, господин надзиратель, вы верите в чудеса?

— Я, Жан Пьер, верю в то, во что мне положено верить по службе, — уклончиво ответил я.

— А я верил! Действительно верил, хотя за всю жизнь так и не увидал ни одного. Верил скупым чернильным строкам: вознесение Илии, говорящая ослица, иерихонские трубы, сверхсила Самсона, фокусы Моисея и Христа… Верил, а ведь живу за сотни и сотни лет от той эпохи, в которую якобы все это происходило.

— Я не иллюзионист и за Моисея не отвечу, но с позиции командира отряда могу сказать с полной уверенностью: истории о Самсоне уж больно попахивают детскими сказками, — сам того не желая, поддакнул я Жан Пьеру и поежился, вспомнив, как палка наставника Семинарии хаживала по моей спине за такие своевольные комментарии Ветхого Завета. — Есть у меня среди бойцов пара тройка, которые уложат в одиночку пятерых противников за раз, но тысячу!… Да Самсона бы просто затоптала эта толпа, и кастет из ослиной челюсти не помог бы. И про возраст разорванного им льва говорится: «молодой». Кто теперь пояснит, насколько молодой, может, всего пару недель от роду…

— Да да, вы, безусловно, правы, — согласно закивал Жан Пьер. — Когда начинаешь дотошно рыться в этих вещах, некоторые чудеса моментально перестают таковыми являться!.. Но всерьез задумываться о подобном я стал, только заработав вот это, — он указал на свою апостольскую метку над переносицей. — Вы небось читали про древний Иерусалим, Гроб Господень, Благодатный Огонь?..

— Еще бы! Это есть во всех семинаристских хрестоматиях.

— А вы никогда не задумывались, почему процесс его появления окутан столь суровой тайной? Ведь это же настоящее чудо; его должны наблюдать тысячи людей; от этого их Вера бы только укрепилась!

— Чересчур задумываться, Жан Пьер, в Братстве Охотников не принято, а вообще, — я пожал плечами, — не знаю. Может быть, он не выходил при посторонних. Стеснялся по своему.

— Да чтобы Господь стеснялся являть чудеса своим рабам? — Жан Пьер снисходительно посмотрел мне в глаза. — Надеюсь, вы шутите? Нет, просто никакого чуда, господин надзиратель, там не было, вот и вся причина тайны. Заходил Господний Служитель внутрь гробницы, доставал из складок рясы коробок спичек и зажигал светоч, а мнение толп собравшихся вокруг храма верующих превращало банальный светильник в благодатный огонь!

— Так, значит, и ваш апостольский знак тоже никакое не чудо?

— Именно к этому я и веду! А знак мой, напротив, является символом того, что никаких чудес не бывает. Любые чудеса, если изучить их со всех сторон, имеют под собой прозаическую основу. Вот тогда-то, с церемонии Введения и началось мое, как бы это магистр Аврелий назвал, падение в отступничество. Сейчас смешно вспоминать, а вот в тот день… Ведут меня Апостолы по коридору, молитвы разные мне читают, а сами поглядывают так хитро хитро. Ну а я естественно, готовлюсь: сейчас разверзнутся небеса и длань Создателя своим огненным перстом осенит мое чело! Благоговею перед Великим Таинством… И что же вижу? Кузницу! Обыкновенную кузницу, где здоровенный амбал накаливает в горниле бычье тавро в форме креста! И пока я допетрил, что к чему, Апостолы похватали меня за руки — за ноги, а этот исполняющий обязанности господнего перста живодер припечатал клеймо аккурат к моему лбу! Ужас: боль, крики, слезы, вонь… Очнулся, а передо мной уже Пророк сидит. «Добро пожаловать, — говорит, — верный мой слуга в наше высшее общество! Вы более чем славно послужили мне у себя в епархии, будем надеяться, не ударите в грязь лицом и здесь. Но само собой, ни слова никому, что тут было, а то вот этот херувим может так же легко затворить ваши уста посредством вырывания языка. А это в отличие от Валаама никак не станет для вас временным неудобством…».

В принципе я не удивился тому, о чем рассказывал Жан Пьер, но все равно, когда слышишь такое от человека, еще недавно стоящего у руководства государством, прикасавшегося к его секретам и видевшего святая святых ватиканской элиты, волей неволей ощущаешь сильное головокружение. Такое, которое всегда возникает от соприкосновения

с правдой; такое, какое должны были, по всей видимости, испытывать Адам и Ева при вкушении запретного плода познания Добра и Зла.

Жан Пьера же было не остановить. Человек знал, что вот вот умрет мучительной смертью, и взахлеб выговаривался первому (а точнее сказать — последнему), кто не стал измываться над ним, а проявил лишь малую толику внимания и терпимости. Щеки его раскраснелись, и даже в глазах появился некий жизнерадостный блеск. Вернее, там было ровно столько блеска, сколько и оставалось ему радоваться в своей истекающей жизни…

— Делать нечего: работаю, по стране болтаюсь, проверяю приюты, школы и прочие образовательные учреждения. А у самого все идеалы внутри рушатся, когда вижу, что творится в новом моем окружении. Вы не поверите: все десять заповедей коту под хвост! Среди Апостолов разврат, пьянство, забавы идиотские. Глумятся по черному в подвалах Главного магистрата. Представляете: даже «не убий» и ту не соблюдают — по живым мишеням из оружия там упражняются! Гляжу я на это, а сам от такого Содома еле ноги передвигаю, особняком держусь, все больше стараюсь по командировкам да по инспекциям. На периферии нравы попроще, подобрее как-то… Ну и, понятное дело, прослыл среди своих «белой вороной». Смеются мне в спину, смотрят косо. Даже Пророк на это внимание обратил! «Не надо строить из себя архиправедника. Семья семьей, а служба службой. Радуйтесь жизни, старость не за горами», — его слова. В конце концов не сдержался, сорвался, как Каин на Авеля…

Этот момент из биографии Проклятого я знал. Все было так, как и информировали Михаила его внештатные сотрудники, а следовательно, Иуда лишний раз доказал их действительно высокую компетентность.

Жан Пьер допил воду и отставил кружку в сторону. Я заметил, что рассказ отнял у него немало сил. Но он не сдавался:

— Я ж ничего плохого не хотел: вернуться к себе, жить с семьей в уединении от мирской суеты, выращивать урожай, преподавать — я же люблю детей! А Пророка это взбесило. Не смог, видимо, пережить такого, посчитал за бунт, за протестантство какое-то… Вот и получилось у меня — хотел как лучше, а в действительности навлек на самых близких мне людей такую беду, что и вспоминать не хочется.

Стыдно перед ними — перед Магдой покойной, перед детьми, друзьями… И все вот это, — он показал обожженные запястья, — теперь считаю карой за глупость и эгоизм свой. Да да, самый элементарный эгоизм! Не мог смириться, стерпеть, промолчать и теперь пожинаю урожай этих горьких посевов…

Жан Пьер замолчал и лег на нары, закрыв глаза. Похоже, усталость взяла таки над ним верх. Я было подумал, что он уснул, поскольку дыхание его стало глубоким и ровным, но только снова придвинулся к бумагам, как он опять заговорил, глядя уже не на меня, а в потолок:

— Но знаете, Эрик (я даже поначалу и не заметил, как он стал называть меня по имени — слишком много мыслей роилось в моей голове), Господа я не предавал. Во мне просто угасла Вера, и тот Бог, которого я представлял себе раньше — добрый, честный, справедливый, — умер вместе с ней. Нет, конечно я не отрицаю существования высших сил. Они есть — это безусловно. Но не нам судить о них, уж коли считать, что они нас создали. Каким бы обширным ни было наше представление об этих материях, все равно оно останется лишь домыслами и фантазиями. Есть, правда, надежда, что смерть разрешит все вопросы, однако мертвые не говорят, их бесполезно спрашивать о загробном мире. А история умалчивает, рассказал ли Лазарь Христу о виденном им за те четыре дня, пока он был умершим. Вполне вероятно, что нечего было рассказывать, когда возвращаешься из пустоты. Но самое, глупое, Эрик, я считаю умолять и спрашивать о чем-то сами высшие силы. Они не понимают нас, как мы не понимаем насекомых. Они глядят на человечество примерно так же, как мы глядим на муравьев. Захотим — раздавим, а захотим — и поможем выбраться из ручья, но доходили до вас молитвы хотя бы одного муравья? Вот так и с высшими силами. Коли соизволят, то вмешиваются с каким-то своим высшим расчетом, ну а коли нет, то бесполезно расшибать лоб в молитвах. Наверное, этим и можно объяснить их чудовищную порой несправедливость. И весь пресловутый Высший Суд похож скорее не на суд, а на ту запрещенную игру, как бишь ее?..

— Рулетку? подсказал я.

— Ага, на рулетку! А разве это суд? Это игра. И фишки на ней мы! Фишки, а не слуги и рабы! Они-то по крайней мере понимают

своих хозяев, а мы только фантазируем, что наши создатели имели в виду под тем или иным своим намеком. Да и какие они вообще создатели? Так, более совершенный вид жизни во Вселенной. А до настоящего Создателя, боюсь, совсем не докричишься, если до этих «творцов» такая пропасть…

— То есть вы утверждаете, — я догадывался, к чему он клонит, и захотел побыстрее это услышать, — что Пророк…

— Да, Эрик, — не дал мне доформулировать вопрос Жан Пьер, — Пророк не является Гласом Господним. Все то, что он вещает, лишь плод его богатого воображения. И те, кто когда -либо говорил от имени Бога или видел нечто необъяснимое, приписанное потом ему, тоже великие фантазеры. Так уж мы устроены, Эрик. Фантазии — второй мир человека, более благородный и более привлекательный, чем-тот, где обречен он жить. И миры эти неразрывно связаны между собой через наш мозг…

У меня внутри все похолодело: застукай нас за этой беседой Аврелий или Бернард, и Эрик Хенриксон тут же займет очередь к Трону сразу за Эркюлем, как тот, чьи мозги нуждаются в срочной дезинфекции. Я опасливо взглянул на дверь — не подслушивает ли кто? Но все было тихо и безмятежно.

Искать требовалось в другом месте. Слушая Проклятого, я и не обращал внимания на соседние нары, где-только притворялся спящим его близкий друг Лаврентий…

—…Но самая наивысшая и действенная форма фантазии — религия. Вкупе с животным страхом человека перед наказанием свыше религия является грозной силой удержания в повиновении огромной массы людей. И кто способен обуздать ее, тот и пребывал испокон веков у вершин власти. Наш первый Пророк Витторио был умнейший человек. Он додумался, как включить этот сложный механизм, который и по сию пору функционирует довольно исправно…

— А вы предлагаете сломать его и заменить на новый ?

— Вы знаете, как бы ни парадоксально это от меня звучало, но — нет! Ведь наступят времена похлеще Века Хаоса и первых лет Отступничества. Будет такая резня, какой еще не видывали после Каменного Дождя. Мы еще не сталкивались с так называемой «гражданской войной», но Древним она была знакома очень хорошо.

— А Новая Прага?

— Новая Прага на ее фоне будет казаться безобидной кабацкой дракой. Вы представьте: люди начнут убивать знакомых, друзей, соседей, даже родственников только за то, что у тех представление о Светлом Будущем расходится с их собственным. Это реально, Эрик, и это внушает страх… А теперь у нас более менее стабильный порядок, войн нет, народ в массе своей трудится и не голодает. Да, есть, конечно, перекосы, и притом довольно жуткие — ведь ни русские, ни скандинавы людей за их убеждения не сжигают! — но так ведь и в Раю, как известно, водятся змеи, куда же без них? Да и кто скажет, а будет ли новая система лучше старой? Никто. Вот пусть так и остается.

— Но наша система растоптала вашу жизнь! Разве вы не держите на нее зла?

— Эх, Эрик, Эрик… Я лишь обыкновенный человек и кому еще интересны мои обиды, как не мне же самому? Вам они нужны? Нет. Даже детям моим они навряд ли покажутся достойными внимания. А вы неправильно выразились: не система растоптала меня, а я не смог ужиться с ней. Это моя личная трагедия и переживать ее в первую очередь опять же мне.

— Но тем не менее эта ваша трагедия наплодила множество трагедий для других людей!

Проклятый Иуда оторвал голову от подушки и, взглянув мои глаза мягко и умиротворенно, произнес:

— Да, Эрик! И вот теперь я рассчитываюсь за это в полной мере, согласны?

И, закрыв глаза, уронил голову обратно.

Совсем истратив остаток сил, Жан Пьер впал в состояние полудремы. Я же сидел и размышлял над тем, что он сказал. Можно было спорить с ним до самого утра, если бы не изнеможение. Вот только навряд ли спор этот обнаружит какую -либо истину — о точном местонахождении сей неуловимой особы ведал лишь магистр Аврелий, ищущий ее помощи своих рабочих инструментов.

— Скажите, Эрик, — Жан Пьер говорил глухо и невнятно. — Второй раз будет то же самое, или меня ждет иное?

— По правилам инквизиционного дознания, — ответил я, — нельзя, чтобы грешник привыкал к боли. Пытки должны сменяться как

можно чаще. Наверное, утром к вам применят прижигание или пытку водой.

— Только бы не сойти с ума, — Жан Пьер уже перестал обращать на меня внимание, бормоча, похоже, лишь для одного себя. — Хотя сумасшедшему было бы легче… Как я хочу, чтобы подольше не наступало завтра…

Я машинально взглянул на свой хронометр — уже целый час, как это «завтра» перешло в «сегодня»…

Часть 5

13

«…Вы не забудете сделанного мною добра, хотя, разумеется, и зла не забудете. Я отхожу в сторону, видите, и оставляю вас наедине с Джимом. Это тоже вы зачтете мне в заслугу, не правда ли?»

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

— Вставай, викинг! — Рука Михаила трясла мое плечо, словно игривый щенок тапочку своего хозяина. — Должен довести до вашей взводности приказ нашего нового командира.

— Сколько времени? — Я нехотя открыл глаза и зашарил в поисках хронометра.

— Обед проспал, но не расстраивайся — до ужина уже недалеко, — Михаил протянул мне мои часы. — Ты в порядке? Какой-то бледноватый…

…Остаток ночи я просидел над отчетами, но не написал ни строчки. Чрезмерно откровенное общение с Проклятым буквально выбило меня из колеи. Еще ни с одним посетителем Комнаты Правды мне не доводилось беседовать в столь непринужденной манере, и от этого душу терзало чувство вины: как никак, нарушение Устава, грех, способный опозорить любого командира отряда Охотников… Передав утром пост Михаилу, я доплелся до нашего с Джеромом отсека и, вопреки ожиданиям, сразу же провалился в глубокий, но беспокойный сон…

— О каком приказе ты говоришь? — недоуменно спросил я, зашнуровывая ботинки.

— Если вы соизволите опочивать, это не значит, что события стоят на месте, — ответил Михаил, усаживаясь на пустые нары Джерома. — Тут у нас намечается небольшой скандальчик…

— Опять попался со своими картами!

— Какие карты, о чем ты говоришь! Я в завязке уже полгода!.. Нет, все гораздо веселей. В Авранш прибыл сам парижский архиепископ и с ним шишки местного отделения Защитников Веры. Все злые, как неспарившиеся лоси, копытами топают, ревут: «Это что за войну устроил здесь Корпус, а нам ни словом не обмолвился! А

подать сюда заправилу этой банды!» Наши как всегда с секретностью перемудрили, чтобы на «хвост» больше никто не упал — кроме Жана Батиста Рейнского и местного пастора никому ни слова, — а авраншец, дабы зад свой прикрыть, на всякий случай отстучал таки наверх о позавчерашней заварухе. Вот этот табун сюда и прискакал. Узнать то они хоть как бы узнали, но нас уже к тому времени здесь бы ни сном ни духом, а так…

— И что теперь?

— Теперь о главном. Аврелий и Бернард едут вилять перед ними хвостами и в качестве компенсации за моральный ущерб отдают Защитникам русского матроса, чтобы те вроде как при делах себя посчитали. А тебе велели передать, что забирают меня в качестве переводчика.

— Надолго?

— Отцы командиры — до завтра, а я на три четыре дня, пока дядю этого полностью наизнанку не вывернут.

— Дьявол их поимей! — Отвлечение моих людей на сторонние мероприятия мне совсем не нравилось. — Кто сейчас у Иуды?

— Вацлав. А вместо себя я поставил Саймона. Не возражаешь?

— Нет, конечно… Как, кстати, там наш Проклятый?

— Аврелий сегодня в ударе. Только явился с утра, так сразу с порога и начал; Джером едва успел инструменты продезинфицировать. Сначала толстые иглы под ногти Иуде вгонял, потом ногти эти клещами все и повырвал. «Читай псалмы, мерзавец!» — орет на него. Иуда старается, сквозь вопли пытается что-то процитировать, но куда там — лишь голосит на всю Комнату «а а а» да «а а а». А Аврелий недоволен: «Недостаточно искренне! Где, лицемер, твое вдохновение, где возвышенный стиль, где пафос?..» И обрезок трубы давай ему на пальцы рук надевать и до самого обеда суставы на тех пальцах выламывал. Ты меня знаешь, я парень небрезгливый, но клянусь моими обожженными усами — едва не стошнило, — Михаил поморщился. — До сих пор в ушах этот хруст стоит. В общем, когда Гюнтер и Адриано Проклятого на место уволокли, он, по моему, даже и не дышал, поскуливал только уж больно жалобно. Так и пролежал до прихода Вацлава.

— Что Аврелий говорит?

— Говорит: еще пару дней, и он будет готов предстать перед Пророком кротким кающимся агнцем. По другому, послезавтра Жан Пьер станет похож на студень: мягкий, молчаливый, трясущийся… Но если честно, я сомневаюсь, что он протянет два дня. Джером предупреждает, что у нашего главного клиента сердчишко ни к черту. Однако диагноз Аврелия — симулянт, — а он, разумеется, обсуждению не подлежит… Ну ладно, не скучай! Поеду я… И смотри, не вляпайся тут без меня в неприятности — что-то все же вид у тебя нездоровый…

— Постараюсь, дядя Миша, — бросил я ему вслед. — Поставишь в угол по приезде, ежели что…

Аврелий и Бернард с Михаилом за рулем и связанным русским в кузове «хантера» покинули лагерь под вечер. Неприветливые лица командования говорили о том, насколько желанным был прибывший в Авранш высокий гость…

Дождь не прекратился, но шел теперь с перерывами, во время которых можно было наблюдать края голубого, скрытого тучами, неба. Я передернул плечами — погода соответствовала моему настроению, мерзкому и полусонному.

Из за угла трейлера навстречу мне вырулил магистр Конрад и помогающий ему в проведении Очищения мой боец — брат Матиас. Плащ палатки обоих также, как и их лица, были в саже и грязи. Разверзнувшиеся хляби небесные ничуть не мешали коротышке трудиться на своем неблагодарном поприще…

— Как вы себя чувствуете, ваша честь? — с наигранной заботой спросил я. — Нигде не болит, не колет?

— Слава Богу, прекрасно, милейший, — улыбнулся Конрад, давая понять, что все обиды в прошлом. — Истинное блаженство проникает в меня, когда возвращаю я Господу очищенные от скверны души. На сегодня это была уже третья — время поджимает, знаете ли… И даруй нам Всевышний ночное светило, какое, говорят, имели предки наши, я работал бы круглые сутки…

«И того хватило более чем», — подумал я, а вслух поинтересовался:

— Жалобы на несение службы моими братьями есть?

— Что вы, что вы! — замахал ручонками Конрад. — Какие жалобы могут быть на этих разлюбезнейших людей! Все просто

замечательно!..

Вацлав встретил меня хмурым и обеспокоенным.

— Брат Эрик, — покосившись на клетку, доложил он. — Иуда с обеда так ни разу и не пошевелился. Я докладывал магистру Аврелию, но он лишь смеется и говорит, чтобы я не поднимал понапрасну паники…

Сокамерники Жан Пьера сидели рядом с его нарами и молчали. Сам Проклятый, поджав ноги, лежал лицом к стене без единого движения и, казалось, вправду не дышал.

— Он жив ? — спросил я Эркюля. Тот кивнул.

— Джером осмотрел его после дознания и сказал, что пульс учащен, добавил Вацлав. Но так ведь всегда бывает.

— Ладно, иди. Разберемся…

Я снова засел за отчеты, изредка поглядывая на Лаврентия и Эркюля — их реакция первой подскажет мне, если что-то будет не так. Пока же они помалкивали, лишь иногда обмениваясь негромкими короткими фразами. Довольно бодрое самочувствие этих двоих объяснялось тем, что после обеда Аврелий утрясал вопросы с приездом архиепископа, дав таким образом приближенным Иуды передышку. Те, естественно, не возражали…

Время перевалило за полночь. Я исписал уже чертову уйму бумаг и стал ощущать первые признаки усталости: клевание носом, слипающиеся веки, тяжесть в конечностях… Все указывало на то, что вахта будет спокойнее некуда…

Как бы не так!

Внезапно Жан Пьер застонал и попытался перевернуться на другой бок. Дремавший подле Лаврентий подскочил ж помог ему сделать это. Эркюль тоже обеспокоено засуетился.

— Эрик! — позвал меня полуживой Апостол богохульник.

Я приблизился и только теперь обратил внимание на его руки. Слой бинтов, едва ли не толще боксерских перчаток Саймона, местами уже обильно пропитанный кровью, покрывал изуродованные кисти Иуды. Теперь ему не то, что ложку не удержать — ребенка по голове не погладить…

— Эрик, — вновь проговорил он измученным голосом, — я бы хотел попросить вас об одном одолжении…

— Я сделаю только то, что дозволено и в моих силах, Жан Пьер, — я не стал напоминать ему про «господина надзирателя», поскольку об этом следовало подумать еще вчера.

— Не уверен, что это вам дозволено, Эрик… — Иуда кивнул друзьям, и те подсобили ему сесть, — но тут нет ничего предосудительного… Я бы хотел увидеться со своими детьми.

Чтоб его раньше времени черти побрали! Я отвернулся от еретиков и задумался. Присутствуй сейчас командование в лагере, мой отказ был бы скор и категоричен, да и получить от Аврелия «добро» на такое свидание было абсолютно нереально, но он и Бернард держали ответ перед парижанами, а потому… Что случится, если папаша часок другой пообщается со своими отпрысками? Да ничего. Глядишь, и настроение себе поднимет, а то не иначе как помирать собрался…

— Они не нападут ни на кого и не убегут, Эрик. Они всего лишь маленькие и безобидные дети. К сожалению, ничего не могу предложить вам в качестве оплаты, — Жан Пьер разочарованно вздохнул, — но уж коли вы скажете «нет», я пойму.

Хитрый ублюдок помнил, что я сам признавался в своей сентиментальности, а потому давил именно на нее и в конце концов одержал победу.

— Хорошо, Жан Пьер, но предупреждаю, — я вытянул в его сторону указательный палец, — выкинете со своими друзьями какую -нибудь глупость — прострелю всем вам коленные чашечки! Это хоть и не из арсенала инквизиторов, но заверяю — боль просто адская…

Я завел давно заглушенный генератор трейлера — детского сада и зашел внутрь, успев заметить удивленный взгляд стоявшего на посту Тадеуша.

Кэтрин оторвала голову от подушки и бессмысленно оглядела меня сонными глазами.

— Расслабься, — успокоил я ее, — а то опять вообразишь себе невесть какую ерунду.

— Что же тогда угодно вам посреди ночи ? — Она попыталась выказать негодование, но испуг все еще заставлял ее голос дрожать.

— Разбуди ребят. Отец хочет увидеться с ними.

— Простите ?.. — никак не доходило до Кэтрин.

— Делай, что говорят. Времени у нас в обрез, да и мне за это благодарность не светит.

Она растолкала детей и принялась надевать на младшего ботиночки, пока старшие справлялись с этим сами. Аргумент «идем к папе» пресек на корню все капризы.

— Чем же он заплатил вам за эту услугу, господин надзиратель? — издевательски поинтересовалась рыжая. — Ведь ваш Пророк лишил его всего, даже надежды.

— Гусары денег не берут! — процитировал я брата Михаила, хотя понятия не имел, кто такие эти гусары и с чего они вдруг настолько гордые.

— Кем кем вы себя обозвали? — Кэтрин, как и я, тоже была далека от древнерусского фольклора.

— Не отвлекайся. Готовы? Тогда идем; только тише воды ниже травы…

Тадеуш недоверчиво осмотрел нашу группу полуночных скитальцев:

— Брат Эрик, вы…

— Все в порядке, брат Тадеуш, все под контролем. Заглуши генератор и оставайся на месте. Появится командование — сразу бегом ко мне в трейлер Иуды. Понял? — Я проследил, как он кивнул, и повел своих подопечных по ночному лагерю, стараясь избегать отблесков сторожевых костров, возле которых маячили фигуры часовых Гонсалеса.

Стоявший у входа в Комнату Правды Гюнтер уступил нам дорогу, ничего не спросив и вообще никак не отреагировав на появление перед ним столь странного коллектива во главе со мной. Я подсадил ребятишек в дверь фургона и собирался помочь взобраться туда Кэтрин, но она отказалась, очевидно, не желая, чтобы мои кровавые лапы Охотника дотрагивались до ее благородной отступнической попки.

Жан Пьеру стоило немалых усилий, чтобы придать себе — покалеченному и больному — жизнерадостный вид. Кэтрин это, конечно, не провело, но дети по крайней мере ничего не заподозрили; лишь спросили, а что у папы с руками.

— Приболел немного, — ласково улыбаясь сквозь слезы, отвечал им Жан Пьер, а у самого лицо передернулось, когда девочка ненароком ухватила его за забинтованный палец. — Лежу, как видите, лечусь. Вот поправлюсь, и поедем с вами домой, в Ватикан.

— У вас есть аптечка? — обратилась ко мне Кэтрин. — Я хотела бы его осмотреть.

Я принес ей медицинский ящик Джерома, но сначала открыл его и изъял оттуда все колюще режущие инструменты: ножницы, скальпель, ланцет и прочие.

— Господин надзиратель, оставьте один шприц. Вероятно, мне придется ввести анальгетик, — попросила рыжеволосая.

— Я итак уже…

— Ну я вас прошу! — настаивала Кэтрин. — Жан Пьера мучают сильные боли.

Я отобрал экземпляр с самой тонкой иглой и протянул его заботливой медсестре. Кэтрин кивнула и явно с большой неохотой проговорила:

— Благодарю вас…

— Жан Пьер! — окликнул я ничего не соображавшего от счастья отца, и он посмотрел на меня поверх детских голов. — У вас полтора часа, Жан Пьер. Не забудьте!

Я установил хронометр на стол циферблатом к нему, запер двери клетки и, зная, что сейчас и вовсе совершаю грубейшее нарушение, вышел из трейлера — просто не хотелось смущать своим присутствием и без того взволнованную компанию друзей и родственников.

Усевшись на подножку, я задумчиво вслушивался в звуки ночи, ставшие различимыми из за прекратившегося дождя: шум листвы, треск костров и далекое бормотание часовых. Сбоку абсолютно беззвучно выросла массивная тень брата Гюнтера.

— Извините, брат Эрик, но не думаю, что магистр одобрил бы это, — проговорил он, оперевшись о карабин. — Вы рискуете навлечь на себя… его гнев.

— Если тебя так заботит эта моя своевольность, Гюнтер, — ответил я, задрав голову вверх, но темнота мешала разглядеть мне его лицо, — то будет тебе известно, что Аврелий сам нарушил инструкции, заставив нас торчать на побережье, тогда как завтра… нет, уже сегодня к обеду мы должны были прибыть в Ватикан. Как видишь, не только я нарушаю здесь Устав…

Молчун великан отозвался на удивление быстро:

— Вообще все не так в этом рейде, брат Эрик. Сплошные недомолвки и неувязки… Разрешите вопрос, брат Эрик?

— Разумеется, Гюнтер.

— Скажите, вам как командирам уже довели приказ об уничтожении детей Проклятого?

— О чем это ты таком говоришь? — Я аж подскочил с трейлерной подножки. — Конечно, нет! Да и не может быть такого приказа! Никто не собирается их убивать! Ты же слышал, что сказал Бернард! Он дал Слово Командира!

— Бернард их и не убьет, — продолжал Гюнтер в своем унылом тоне. — Слово есть Слово… Убьет кто -нибудь другой…

— С чего ты вообще это взял?

— Все же очень просто, брат Эрик! Они чересчур взрослые, чтобы забыть, как погиб их отец и кто… его убил. А вдруг в будущем… они вознамерятся отомстить? Зачем Пророку выращивать у себя под боком… потенциальную угрозу? Для него было бы проще… решить проблему прямо здесь.

— Ну ты прямо… Даже не знаю… Выдумаешь тоже… — Я растерялся и никак не мог подобрать слова. — Уверен: ты заблуждаешься… Да, конечно, Гюнтер — именно заблуждаешься!

— И я надеюсь на это, брат Эрик. Однако сами рассудите: зачем вдруг нашему Пророку быть милосердным… с детьми своего злейшего врага? Ведь на одну его поимку затрачено столько… средств и жизней. Может быть, другой Пророк… в другие времена и поступил бы так, но… только не наш. Вы помните, когда наш… был с кем -нибудь милосердным?

Лично я не помнил. Сотни проклятий; десятки Очищений у подножия Креста, а несколько из них проводимых им самим (наверняка и ожидание Иуды заставляло его нетерпеливо потирать руки). Но милосердие? Я даже не представлял Пророка произносящим это слово, ну разве что с приставкой «не ». Мне стало как-то не по себе…

— Никто из Охотников не пойдет на это, я уверен. Да и магистры не отдадут подобного приказа, — утешил я не столько Гюнтера, сколько себя, так как у меня в памяти еще свежо было воспоминание: Аврелий собирается сломать Проклятого, проводя дознание с его детьми и ни единый мускул не дрожит на его лице… Неужели все это

происходило в реальности? Или, может быть, приснилось после тяжелого дня?

— Они не станут позорить Орден, беря на душу такой грех, Гюнтер, — продолжал я, а у самого, что называется, «скребли на душе кошки». — Корпус не занимается детоубийством. В нашей практике отсутствуют прецеденты.

— Но и Апостолы раньше… не становились протестантами, — вполне резонно оппонировал германец.

— Да, это так. Но ведь мы постоянно ловим детей колдунов, сатанистов и прочей мрази и всех всегда отправляем в приюты.

— А вы убеждены, что всех и всегда?

Гюнтер был прав я не мог быть в этом уверенным. Я вообще ни разу не задумывался над данной проблемой — не в моей компетенции. И правда, кто их разберет, куда деваются они после аутодафе над родителями.

— Гюнтер, — ответил я вопросом на вопрос, — а почему тебя волнуют какие-то дети какого-то отступника ?

— Дети — это дети, брат Эрик, — подобно кузнечному горну шумно вздохнул германец. — Они не враги и не злодеи, чьи бы ни были. Если дети и желают кому -нибудь зла, то только по наущению взрослых. Когда Корпус поднимет руку… на ребенка, я перестану быть его бойцом… Я не бессердечное животное, хоть и тугомыслящий амбал, как брат Михаил считает…

— Каким образом перестанешь? — Иногда моя дотошность бесила даже меня. — В твоем возрасте Корпус покидают либо вперед ногами, либо потеряв одну из них.

— Не знаю, брат Эрик, и не хочу пока об этом думать…

Беседа с великаном не улучшила мне настроения, добавив и без того печальной картине в моей голове несколько темно грязных мазков. Я погрузился в раздумья и не заметил, как снова пошел дождь. И только когда с промокших волос на лицо побежали холодные струйки воды, я опомнился и спросил у Гюнтера время. Получалось, что пленники провели вместе лишних двадцать минут. Пора было снова идти играть роль злодея…

Расставание прошло мирно, без слез и стенаний. Дети помахали отцу на прощанье, и он, заметно приободренный радостью встречи и уколом морфия, поднял им в ответ свою марлевую культю.

— До свидания, до свидания! — попрощался Жан Пьер, понимая, что вероятность такого свидания равна нулю. Но, похоже, для его ребятишек существовал другой расклад, и он не стал их разубеждать, подарив тем самым надежду на следующую встречу.

Я проводил маленьких арестантов и няню до их «детского сада». Кэтрин уложила уставших ребятишек на матрасы и подошла ко мне, все еще стоявшему здесь и наблюдавшему, как она это делает.

— Господин надзиратель, — произнесла она заговорщицким полушепотом, — мне надо срочно поговорить с магистром Аврелием. У Жан Пьера, очевидно, был сердечный приступ и еще одна такая пытка…

— Его нет сейчас в лагере, — ответил я, — но когда он вернется, сделаю так, как ты просишь. Но скажу тебе честно — навряд ли он будет слушать твои аргументы.

— Тогда послушайте вы! — Шепот рыжеволосой вновь стал гневным. — Жан Пьер практически при смерти, и если он умрет, я считаю, Пророк здорово пропесочит чьи-то инквизиторские, а возможно, даже и охотницкие задницы! Хоть это вас убеждает?

Я не стал огрызаться ей в ответ.

— Меня-то вполне, но не мое мнение здесь решающее. Попробуем, но ничего не обещаю.

— И еще, господин надзиратель, — при этих словах Кэтрин отвела взгляд в сторону. — Жан Пьер сказал, что вы единственный, кто отнесся тут к нему по человечески. И хоть я ненавижу вас всех, но все равно — спасибо вам от меня за него и за эту встречу.

— Не за что, Кэтрин, — ответил я. — Я лишь не делаю с ним того, что вытворяют другие, вот и все. А жертвам не принято благодарить палачей.

— Вы не палач, хоть и служите им, — теперь Кэтрин смотрела мне прямо в глаза, а возможно, даже и глубже. — Судьба забросила вас не в вашу стихию и вы просто напросто принимаете все как есть.

— Тебе-то откуда знать? — Настала очередь отводить взгляд и мне. — Я угрохал уйму народа, и, если не угрохают самого, еще немало угрохаю в жизни. Так что ты не права — я такой же палач, как и все мое окружение.

— Как вам будет угодно, — вздохнула Кэтрин, после чего отвернулась от меня и направилась к нарам…

Проклятый Иуда лежал на спине, сложив обмотанные кровавыми бинтами руки на груди будто покойник, кем, собственно говоря, он заочно и являлся. Лежал расслабленно и без стонов — сказывалось действие обезболивающего. Слегка повернув голову на подушке, он лихорадочно блестевшими глазами (судя по всему, на дозу Кэтрин не поскупилась) наблюдал, как я усаживаюсь за стол и сортирую разбросанные сквозняком бумаги.

— Благодарю вас, Эрик, — промолвил он умиротворенно. — Для Охотника вы на редкость любезны.

— Спасибо, Жан Пьер. Но можете не напрягаться — уже поблагодарили.

Он еле еле улыбнулся:

— А вы знаете, Кэтрин редко кого благодарит. Не хочу сказать, что она дурно воспитана, нет, но… просто такой она человек. Так что сегодня вы наблюдали редчайшее явление.

— Чудо?

— Да, действительно, — улыбка Жан Пьера стала еще шире, — самое настоящее чудо.

— А кто-то вчера утверждал, что чудес не бывает, — подловил я Иуду на слове.

— Именно так, — вновь подтвердил он. — Не бывает. Ищите причины ее поступка в себе.

— У меня, Жан Пьер, хватает других забот, чтобы еще и в душе копаться.

— Многие так утверждают, а когда приходится это делать, то видишь, что некоторых ошибок можно было избежать, если слушать зов собственной души…

— Вот вы и последовали однажды!

— …А некоторых и нет. Их, наоборот, приходится избегать, идя вопреки этому. Но чтобы различать, какие когда, все равно нужно часто задумываться над тем, что ты делаешь.

— Древние, Жан Пьер, назвали бы вас философом и печатали бы ваши книги…

— …А современники, — печально вздохнул он, — кличут еретиком и собираются сжечь. Так кто же из них древнее?

— Может быть, история повернула вспять?

— История, Эрик, развивается так, как ей и положено. Прошли времена Древних — пришли наши. Пройдут наши — придут другие, возможно, лучшие, а возможно, и такие, по сравнению с которыми наши покажутся Раем на Земле. Хотелось бы, конечно, чтобы дети мои жили в более привлекательном мире, но боюсь, что выбирать им, как и мне, не придется…

Упомянув о детях, он прекратил витать в своих рассуждениях и угрюмо притих, после чего задал совсем уж приземленный вопрос:

— Как вы считаете, Бернард Уильяме сдержит свое слово ?

— Слово Командира, Жан Пьер, в Братстве — дорогого стоит, а потому им просто так не бросаются, — обнадежил его я. — Бернард уже сдержал его, когда Аврелий хотел сломать вас, пытая ваших детей, и он неукоснительно будет выполнять Слово и дальше; не сомневайтесь по этому поводу.

Однако мне пришел на ум разговор с Гюнтером, и я подумал: «Сожалею, Жан Пьер, что никто, кроме Мясника, не дал тебе обещания позаботиться о них, и будущее твоих ребятишек по прежнему под угрозой…»

— Знаете, Эрик, я вам верю, — Жан Пьер удовлетворенно кивнул. — Серьезно — верю. И, наверное, вы будете последним, кому я поверю в своей жизни. Не возражаете?

— Ну даете! Вы бы еще попросили исповедать вас…

— А почему бы и нет? Вы терпеливо слушали две ночи мою болтовню, выслушаете и исповедь.

— На кой черт она вам сдалась? Вы же вроде бы как… я изобразил рукой нечто обозначающее «ни туда ни сюда». — Или вконец окосели от морфия?

— Да, Кэтрин меня здорово выручила. Почти как новый! — для убедительности Иуда повертел кистями рук. — Нет, просто дело в том, что жизнь моя подошла к своему финалу, потому настала пора подвести кое какие ее итоги. А кто способен дать им должную оценку? Сам я, конечно же, отпадаю. Друзья? — Он поглядел на дремлющих сокамерников. — Тоже отпадают — мне нужно не сочувствие, а трезвое мнение. Дети еще малы, им не понять. Аврелий? — Жан Пьер хохотнул. — Ему и подавно не надо. Остаетесь вы!

— Но я не священник!

— А я теперь и не верующий. Но я только что произнес, что доверяю вам. Для моей исповеди большего и не надо.

— Ну попробуйте, раз хотите.

Он на мгновение призадумался и, откашлявшись, довольно дерзко начал:

Исповедь моя будет короткой, поскольку ни возвращаться назад к этому Богу, ни просить у него прощения я не намерен. Каюсь лишь в одном — я принес страдания своей жене, детям и тем, кто видел во мне больше, чем сбежавшего от Оплота Греха и Порока труса. Каюсь и сожалею об этом. Остальные грехи я оставлю на своей совести. И Ад, и Рай — плоды фантазий, а Вечной Пустоте, что поглотит меня после смерти, наплевать, кто я такой. Собственно говоря, Эрик, мне нужно услыхать от вас резюме моей жизни, и на этом все. Исключительно ради любопытства. Попробуйте уложить все кратко, вроде бы как на надгробии. Приблизительно так: «Жан Пьер де Люка хотел всем и себе только добра, а принес лишь смерть, горе и разочарование». Годится такая эпитафия?

— Добавьте еще… — я закатил глаза к потолку, формулируя концовку: — «…и заплатил за это в полном объеме». Так-точнее.

— Да, пожалуй… И что вы обо всем этом думаете?

— Что думаю? — Я почесал лоб. — Обижайтесь — не обижайтесь, но буду откровенен: мир знавал злодеев и похлеще, не обольщайтесь своей исключительностью. Не являйся вы в прошлом Апостолом, потянули бы на протестанта среднего пошиба, а ваши сподвижники на простых торговцев оружием. Ваша слава чрезмерно раздута обидой Пророка. А что насчет вашей жизни, так эпитет, который вы только что изрекли, подойдет в той или иной степени к любому неудачнику. Никакое вы не чудовище, Жан Пьер, и не враг государства. Вы самый обыкновенный неудачник. Жертва своей и чужой глупости. Но не расстраивайтесь: таких, как вы, большинство на нашей планете.

— Правда, сжигают не каждого, — добавил Иуда. — Но все равно спасибо за прямоту. Довольно неприятно, зато объективно.

— Однако в одном, Жан Пьер, вам повезло, — подсластил я ему эту горькую пилюлю. — Бернард прав — дети у вас и впрямь замечательные. Можете ими гордиться.

— А, я и горжусь! — расцвел в улыбке опьяненный морфием Проклятый. — Кстати, это здорово, что вы принесли им книги. Признаюсь: я редко читал для них вслух. Мой, знаете ли, отцовский просчет… Ну что ж, раз неудачник, значит, неудачник. .. Однако пользу я еще в своей жизни могу принести!

— Не понимаю, — удивился я. — Кому?

— Не «кому», а чему, Эрик. Мой пепел послужит удобрением для сочной травы у подножия Креста, а она будет радовать глаз всем жителям Ватикана. Или вы думаете, что прах грешника чем-то отличается от праха праведника?

И мы улыбнулись друг другу: я ему вежливо и снисходительно, а он мне легко и по дружески…

14

«— Что происходит? — угрюмо повторил один из пиратов. — Много бы я дал, чтобы понять, что тут у нас происходит».

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

Жан Пьер де Люка — в прошлом Апостол Святого Писания, а ныне богохульник и предатель всех и вся, являвшийся также отцом троих детей, — умер на Троне Еретика во время, третьего дня пыток. Его сердце остановилось еще до того, как магистр Аврелий раскалил в горниле железные клейма, дабы провести процедуру прижигания…

Командование прибыло под утро, получив от архиепископа приличный нагоняй, а потому находилось в скверном настроении. Бернарда я не видел — скорее всего он сразу же завалился спать, — а Аврелий, видимо успевший подремать на заднем сиденье «хантера», направился прямиком к столовой, разбудил повара и, заставив того разогреть остатки вчерашнего ужина, принялся с аппетитом завтракать.

Я послал за Саймоном и, дождавшись, пока он меня сменит, подошел к обгладывающему телячьи ребрышки магистру.

— Извините, ваша честь, что отвлекаю вас, — обратился я к нему, — но не могли бы вы после завтрака уделить мне несколько минут?

— И что у вас за вопрос ? — поинтересовался Аврелий, не вынимая кости изо рта.

— Отступница Кэтрин хотела бы поговорить с вами по поводу Проклятого.

— Ну что ж, ведите…

Когда я вернулся в сопровождении девушки, Аврелий, закончив трапезу, пил чай, громко швыркая кипятком сквозь губы.

— А а а, так ты и есть та самая ведьма Кэтрин! — Магистр отставил кружку и во все глаза вылупился на мою привлекательную спутницу. — Премного наслышан о тебе, но вот лицезреть твою дьявольскую красоту еще не доводилось. Весьма прискорбно, что ты попала в такую компанию, милая.

— Ваша честь, — обратилась Кэтрин к лапающему ее взглядом инквизитору, — я умоляю вас прекратить пытать Жан Пьера. Его сердце в очень плохом состоянии, и я, как медик, уверяю вас, что такие методы смертельно опасны для него. Зачем все это? Он же готов подписать покаяние и без пыток!

— И эта туда же! — Аврелий драматически воздел глаза к небу. — Ваш Жан Пьер здоров как бык, а приступы симулирует, потому что страшится Очищения. Гарантирую: ничего с ним не произойдет — сколько таких мерзавцев уже прошло через мои руки…

— Ваша честь, подумайте о том, что скажет Магистрат, если вы убьете его! — не сдавалась Кэтрин. — Подумайте о тех неприятностях, что будут вам тогда грозить!

Аврелий расхохотался ей в лицо, и его кудрявая борода с неживописными вкраплениями застрявших хлебных крошек и осколков костей заходила ходуном:

— Девочка, да я и есть тот самый Магистрат, которым ты меня так пугаешь! И я делаю свою неблагодарную работу, копаясь в грязи ваших душ не ради ордена, а ради самого Господа Бога и Гласа его — Великого Пророка!

— Но ведь и Пророк!.. — Глаза девушки просяще глядели прямо в заспанные глаза магистра. — Ведь ему тоже!..

— Не тебе, грешница, судить о воле Пророка, — оборвал ее Аврелий, после чего сытно рыгнул и, отряхнув бороду, отер рот рукавом. — И хватит об этом! А тебе я рекомендовал бы лучше подумать о собственной душе. Скажу по правде как большой специалист по Очищению: у тебя весьма неплохие шансы пройти его безболезненно ну и… в какой-то степени даже приятно.

Кэтрин, до этого момента лишь униженно умолявшая, мгновенно вспыхнула огнем возмущения.

— Ваша честь! — вскричала она, отчего магистр даже отпрянул назад. — Я не требую к себе особых привилегий и желаю пройти эту процедуру как все, без скидок на то, что я женщина!..

— О, этот пылкий романтизм! — Божественный Судья Экзекутор вновь рассмеялся, но уже гораздо тише. — «Умрет за идею…», «Все как один…», «Ни шагу назад…»! И куда пропадает он при знакомстве с Троном? Не знаете? И я не знаю. Короче, не вьпендривайся, а рассуди трезво: ваша песенка спета, а тебе предлагают сохранить жизнь в обмен на немногое — то, чем щедро одарил тебя Господь, но нахально присвоил Дьявол. Настоятельно советую подумай! Или давай лучше так: я загляну к тебе вечерком, и мы обсудим это в более приватной обстановке… Ну а теперь прошу простить — мне некогда. Дела, понимаешь ли. Весьма ценю твою заботу о Проклятом и обо мне, в частности, но… До вечера, милая! Брат Эрик, уведите ее…

Меня почему-то последние слова магистра задели даже больше, чем Кэтрин, для которой и предназначались. Определенно, эта рыжеволосая особа чем-то зацепила комвзвода Первого отряда, и очень крепко, надо сказать, зацепила… Я шел вслед за ней и, переживая эти нетипичные для меня ощущения, решал, каким образом наложить на «детский сад» карантин из за, предположим, заразной ангины, наглухо опечатав его вместе с Кэтрин (требовалось взывать о помощи к моему «верному ординарцу» Джерому, дабы тот по старой дружбе как медик подтвердил карантин документально). Кэтрин же гневно вышагивала впереди и вполголоса костерила Корпус на чем свет стоит:

— Сволочи! Самые натуральные сволочи! Ублюдки! Чертовы Божьи Слуги! Если и есть на свете ваш Господь, то-то вы завопите, когда он пинками погонит ваше похотливое племя прямиком в Ад!

Я намеревался войти следом за ней внутрь трейлера, но захлопнувшаяся прямо перед моим носом железная дверь прозрачно намекнула на нежелательное присутствие господина надзирателя в стенах вверенного ему учреждения…

Вечерний визит Аврелия к заблудшей душе, обладающей довольно таки эффектной оболочкой, не состоялся и без введения мной стихийного карантина. Ему было попросту не до этого: последующие события завертелись ураганом, начало которому как раз и положило нежелание магистра прислушаться к голосу разума

Прошло полчаса, и я еще не лег подремать после дежурства, когда Саймон буквально вломился ко мне в отсек:

— Неприятности, брат Эрик! Идемте скорее!..

Скрюченное тело Иуды лежало на полу Комнаты Правды. Лицо отступника было серым, а раскрытые навыкате глаза, казалось, были сделаны из стекла. Возле него в явной растерянности маячил Аврелий, нетерпеливо нукающий сидевшему близ покойника Джерому. Дьякон бесплодно пытался реанимировать мертвого Иуду приемами искусственного дыхания. За всем этим угрюмо наблюдал замеревший рядом брат Гюнтер.

Наконец дьякон поднялся на ноги и беспомощно развел руками:

— Бесполезно. Он мертв. Никаких признаков жизнедеятельности.

— Вот гад! — рявкнул Аврелий и в гневе пнул труп по ноге, после чего ухватил дьякона за грудки. — А ты куда смотрел, жирный урод? Где ты шлялся, когда он крякнулся?

Невнятно оправдывающийся Джером был испуган настолько, что и сам готов был пасть замертво подле Иуды.

На пороге появился также вызванный Саймоном заспанный Бернард.

— Да, плохи наши дела, — хмуро произнес он, почесав подбородок. — Кто еще в курсе помимо присутствующих?

— Все, кто знает, здесь, брат Бернард! — выпалил Саймон.

— Уже лучше… Закрой ка дверь, боец, — Мясник подошел к мертвому телу и в задумчивости застыл над ним.

Я обратил внимание, как Аврелий и Бернард обменялись красноречивыми взглядами, смысл которых сводился к одному — доигрались!

— Вы что-то можете предложить, брат Бернард? — первым нарушил молчание Аврелий.

— Да, ваша честь, ответил он, — однако мне нужно ваше одобрение, скажем так, на кое какие неправомерные действия..

— Насколько неправомерные?

— Ровно настолько, чтобы соорудить для вас и для всех нас как можно более реалистичную легенду.

— Делайте то, что сочтете нужным. Только, брат Бернард,.

— Да, ваша честь?

— Не переусердствуйте!

— Разумеется, ваша честь… Так, малыш, и ты тоже… — обратился Мясник к Гюнтеру и Саймону, после чего указал на скованных в клетке Эркюля и Лаврентия, — этих двоих в центр комнаты! Живо!

Мои бойцы исполнили приказание. Старик Эркюль рыдал, и крупные слезы текли по его впалым щекам. Лаврентий не то подвывал, не то поскуливал и весь прямо таки ходил ходуном от колотившей его дрожи. Оба они, удерживаемые конвоирами, не сводили глаз со своего мертвого лидера.

Мясник отошел от тела и поднял руку, прося нашего внимания.

— Слушайте все и вы тоже, ваша честь, уж извините грубость, — начал он. — Я — Бернард Уильяме — довожу до вашего сведения о необходимости умолчания о реальных обстоятельствах смерти Проклятого Иуды. Начиная с этого момента официальной версией будет считаться та, которую сейчас в вашем присутствии и выработаю. Несогласные есть?

Несогласных не было — не появился до сих пор в Братстве Охотников человек, способный без ущерба для себя переть поперек легендарного Мясника.

— Хорошо. Итак, начнем, — Бернард приблизился к Джерому. — Дьякон Джером, дайте ка мне моток бинта.

Он взял протянутый рулончик у ничего не понимающего — как и все мы, дьякона, отмотал и оторвал с него метр марли я, зажав ту в руках, накрутил ее концы на кулаки.

— Сегодня в… — Мясник глянул на свой позолоченный хронометр, — …в восемь двадцать наш штатный медик вошел в камеру к Иуде сделать перевязку, а этот негодяй напал на него.

Произошедшее далее случилось настолько неожиданно, что мы все просто оторопели и позамирали с открытыми ртами.

Без всякого предупреждения Бернард что было сил нанес Джерому удар ногой по коленной чашечке. Дьякон заверещал и свалился на пол, держась за согнутую в колене конечность. Мясник же, прыжком оседлал его и, опутав бинтом заплывшую жиром шею бедолаги, стал душить того совершенно натуральным образом. Медик захрипел и заерзал под Бернардом этакой перевернутой на спину гигантской черепахой.

— Вы рехнулись! — заорал Аврелий. — Прекратить немедленно!

— Все в порядке, ваша честь, — невозмутимым тоном отозвался Бернард, при этом удерживая бедрами елозившего Джерома. — Подлинность телесных повреждений дьякона обеспечена!

Нога «жертвы Иуды» задергалась в конвульсии. Бернард, заметив это, сорвал с его шеи удавку, после чего резко двинул кулаком по носу только только задышавшего полной грудью Джерома. Голова того ударилась об пол, а из обеих ноздрей хлынула кровь, от частого дыхания недодушенного тут же разлетевшаяся мелкими брызгами.

Главнокомандующий поднялся на ноги, сорвал с рук ставший ненужным бинт и, скомкав его, брезгливо отер со штанов капли перемешанной со слюной крови медика.

— Какая мразь, этот Проклятый, не правда ли, дьякон? — издевательски поинтересовался он у бедного толстяка. — Запомните то, что он с вами сделал, и расскажете это дознавателям Главного магистрата! Ваша честь, теперь требуется усугубить картину преступления. Следующей жертвой я бы попросил стать вас.

— Меня вы тоже так отделаете? — опешил Аврелий.

— Упаси Господь! — ответил Мясник. — Но я буду крайне признателен, если вы хотя бы порежете скальпелем на себе одежду.

— Отличная идея, брат Бернард! — поддержал его магистр и, покосившись на всех присутствующих, извлек из стола маленький коротколезвийный нож для резки бумаги. — Однако я сделаю гораздо лучше!

Зажав правой рукой нож лезвием вниз, магистр несколько раз шумно вдохнул и выдохнул, собираясь с силами, и следом за этим тремя молниеносными ударами вонзил его себе в левую руку возле самого плеча, после чего застонал и опустился в кресло. Кровь пропитала рукав его балахона и: с пальцев повисшей словно плеть раненой конечности, стекая пульт Трона Еретика.

— Ваша честь, вы… — Бернард во все глаза пялился на руку иквизитора самоистязателя. — Вы просто гениально придумали!.

— Что дальше, брат Бернард? — скрипя зубами от боли, спросил тот.

— А дальше… — Мясник повернулся ко мне. — Ваше оружие, брат Эрик!

Повинуясь приказу, я извлек одного из своих «близнецов» и, взяв его за ствол, протянул Бернарду. Бернард взвел пистолет, после чего

ботинком перевернул тело Иуды с бока на спину.

— Дальше брат Эрик, спасая вам жизнь, ваша честь, застрелил негодяя!

Мой «глок» в руке Бернарда выпустил в сердце Иуды три пули, уничтожая все доказательства сердечного приступа! Прошив тело насквозь, свинец гулко ударил о железный пол.

— Поздравляю вас, брат Эрик! Прекрасный выстрел! —кивнул Бернард, возвращая мне пистолет, а затем обратился к Гюнтеру. — А теперь быстро твой карабин, малыш.

Огромный «бенелли» германца перекочевал к Мяснику, который, взвесив в руке солидное оружие, продолжил свой спектакль:

— Бывшие тут же друзья Проклятого кинулись ему на помощь, однако брат Гюнтер не растерялся и…

Грохот карабина в тесном помещении шибанул по ушам; Дрожащий при виде всего этого театра абсурда Эркюль, получив заряд картечи в грудь, отлетел назад и сбил с ног стоящего чуть поодаль Лаврентия.

— …и уложил одного, — Бернард передернул цевье помпового карабина, загоняя в патронник новый патрон, — а затем и второго…

И тут Лаврентий ящерицей выполз из под агонизирующего тела Эркюля и, упав на колени, заблажил нечеловеческим голосом:

— Ваша честь, ваша честь, выслушайте меня! Умоляю, не убивайте! У меня для вас очень важные сведения!..

Все еще крививший лицо от нанесенных самому себе ран, Аврелий поднял неповрежденную руку, останавливая уже вскинувшего карабин Бернарда.

— Погодите ка, брат Бернард! И о чем же таком важном ты бы хотел нам поведать, нечестивец?

— Это правда, ваша честь, — Лаврентий полз к магистру по залитому кровью полу, будто нашкодившая шавка, — что Главный магистрат амнистирует еретиков за очень ценную информацию?

— Да, имеется такой пунктик в Правилах Очищения, — подтвердил Аврелий. — Но учти, ублюдок: только за действительно ценную! А иначе будешь до вечера умирать с простреленным животом.

— У меня как раз именно такая, ваша честь! — протараторил Лаврентий, после чего почему-то покосился в моем направлении. — В ваших рядах страшная измена, клянусь! — И он снова зыркнул на

меня. — Это сущая правда, и я хотел бы побеседовать с вами и мистером Бернардом с глазу на глаз!

— Ну ка повтори, что ты там несешь? — держась за раненое плечо, склонился магистр к отступнику. — Какая такая измена?

— Только наедине, ваша честь! — настаивал Лаврентий, а сам уже и вовсе не сводил с меня испуганных глаз.

Я впервые ощутил отзвуки грядущей беды: Лаврентий собирался купить себе жизнь в обмен на то, что выложит Аврелию все о моих ночных нарушениях Устава. Слово «измена» принялось вкручиваться мне в мозг раскаленным штопором. Однако я лишь молча следил за происходящим, ничем не выдав свое волнение.

Джером наконец-то пришел в себя и, чахоточно кашляя, уселся на пол.

— Иди сюда, недотепа, — поманил его пальцем инквизитор. — Мне нужна перевязка. Этот Иуда, настоящая сволочь, чуть не прикончил нас с тобой, согласен?

Дьякон в ответ что-то буркнул и по кривой обошел Мясника, за глаза считая настоящей сволочью все таки его, а не почившего в бозе Проклятого.

Аврелий подставил медику плечо и, кивнув мне на дверь, приказал:

— Брат Эрик, выйдите со своими людьми, а мы с брат Бернард, останемся и послушаем этого типа. Измена: это интересно!..

В дверь усиленно забарабанили прикладами и Гюнтер, получив разрешение, отпер задвижку, и через повалились Карлос, Вольф, Марчелло и еще несколько брат с оружием наперевес.

Выйдя им навстречу, Бернард предостерегающе выставил руки вперед.

— Все в порядке! успокоил их главнокомандующий. — Слава Богу, все обошлось!

— Карамба! — выругался Карлос, опуская дробовик. Мы слышали выстрелы!

— Да, это так, — подтвердил Мясник, после чего пояснил. — Здесь только что была пресечена попытка покушения Проклятого на магистра Аврелия! Он легко ранен и ему сейчас оказывается помощь. А вы благодарите этих парней, он положил ладони на плечи мне и

Гюнтеру. — Это они только что спасли жизнь его чести. Но, к сожалению, Иуду и его прихлебателя пришлось пристрелить…

На выходе Гюнтер бросил на меня хмурый взгляд — Ему как и мне, была понятна тема проходящего у Аврелия допроса избежавшего картечи еретика. Я ничего не сказал германцу, а направился к трейлеру Кэтрин, чтобы поведать ей печальную новость…

Оба мальчика и девочка окружили свою «няньку» слушали, что она им читала.

— ".. .Что же делать с этой черной меткой, приятели? ,загубил свою душу, изгадил свою Библию, и все понапрасну,

— А может, она еще сгодится для присяги, — спросил Дик…" — похоже, Кэтрин и сама увлеклась книгой, поскольку читала очень выразительно.

«Остров Сокровищ!» — подходя все ближе и ближе к клетке, узнал я строки столь презираемого Гонсалесом романа Стивенсона «об алчности и сопливом пацане».

— «…Библия с отрезанной страницей, — ужаснулся Сильвер, — ни за что! В ней не больше святости, чем в песеннике…»

Я встал напротив них по эту сторону решетки и ждал, когда Кэтрин посмотрит в мою сторону. Но она демонстративно продолжала чтение, как будто меня здесь и не было:

— «…Одна сторона белая… На другой стороне были написаны два стиха из Апокалипсиса. Я помню, между прочим, два слова…»

Наконец она оторвалась от книги и вопросительно взглянула на меня: дескать, чего тебе нужно, господин надзиратель?

Я молчал, лишь указал глазами в сторону детей.

Внезапно веки девушки задрожали — она все поняла по моему мрачному виду.

"Он? " —беззвучно спросили ее губы.

Я кивнул и понуро опустил взгляд на носки своих ботинок.

— Что это были за слова, тетя Кэти? — недовольная прерванным чтением девочка подергала Кэтрин за рукав.

— Псы и Убийцы, —ответила она не заглядывая в книгу. — На метке было написано «Псы и Убийцы», Люси. Самые что ни на есть настоящие псы и убийцы…

И, уронив «Остров Сокровищ» на пол, Кэтрин прижала к себе дочку Жан Пьера и тихонько заплакала…

Лежа на нарах у себя в отсеке, я размышлял о грядущей незавидной участи. Шансы мои были примерно равны — существовала высокая вероятность того, что Лаврентию просто не поверят, сочтя его россказни трусливым бредом. Но так или иначе предстояло служебное разбирательство, а это само по себе было уже серьезно.

Обедать я не пошел — есть совсем не хотелось. После обеда заглянул Гюнтер и сообщил, что Аврелию стало худо от нанесенных самому себе ранений, и они с Саймоном перенесли магистра в его отсек под присмотр Джерома. Позже туда же подтянулись Бернард, Карлос и Конрад, очевидно, на проведение оперативного совещания по произошедшим событиям. Ожидался или нет разбор моего поведения, Гюнтер не знал, но, учитывая серьезность проступка, нареченного даже изменой, проблема должна была решаться одной из первых. На это также указывало отсутствие на совещании меня и Вольфа, хотя рядовая «оперативка» всегда требовала пребывания на ней и комсостава среднего звена, к какому я, благодаря табели нашего магистра, с недавних пор имел честь принадлежать. И только обсуждение дисциплинарных вопросов У обычно проходило в столь узких кругах…

— Натворили вы дел, брат Эрик, — сочувственно пробурчал германец, прежде чем уйти.

— Ты тоже считаешь это изменой? — задал я волнующий мою совесть вопрос.

— Конечно, нет! — не раздумывая ответил он. — Но докажите обратное… магистру Аврелию.

— Не переживай — выкручусь, — подмигнул я великая хотя даже и не знал, что вообще следовало говорить в свое оправдание.

— Ну тогда… желаю удачи! — напутствовал меня Гюнтер выходя из отсека.

Вечером дождь вновь полил в полную силу. Я стоял и глядел на него в трейлерное окно. Пусть будет все как будет, решил я, врать и юлить не стану, а расскажу только то, что произошло. В конце концов, трибунал за эти нарушения не грозил (уж чего чего, а измену сюда ни к какому боку не пришьешь!); ниже замкома меня не разжалуют. Ну в самом худшем случае сошлют в региональный магистрат, и все. Короче, выживу…

Уже смеркалось, когда за мной явился таки долгожданный рассыльный от командования — боец Пятого отряда, брат Клаус.

— Вас вызывает магистр Аврелий к себе в кабинет, —сухо проинформировал он меня.

— …на вручение черной метки с надписью «низложен», — печально закончил за ним я, хотя положение мое наименее всего располагало к остротам.

Клаус недоуменно вылупил глаза и, не найдя, что сказать, только пробурчал:

— Не понимаю, о чем вы толкуете. Никогда не слыхивал о такой награде.

— Это не награда, брат Клаус, — пояснил я, натягивая плащ. — Это скорее строгий выговор.

— Да бросьте, вы же спасли ему жизнь, — напомнил он мне о моем «геройском подвиге», так красочно инсценированном Бернардом.

— Вазу-то спас, а цветок погубил… Ладно, идем…

Левая рука магистра Аврелия покоилась в широкой перевязи, а сам он возлежал на обложенных подушками нарах и сильно смахивал на древнего восточного султана с иллюстраций к «Тысяче и одной ночи…», прочитанной мной в юности. Не хватало лишь смуглого слуги с опахалом и прильнувших к его ногам полуобнаженных наложниц. Их заменяли другие менее привлекательные личности.

Бернард и Карлос сидели на нарах напротив «султанского ложа», а в ногах «недорезанного Иудой» — как раз там, где и надлежало пребывать вышеупомянутым наложницам — скрестив свои миниатюрные пальцы на выпуклом животике, скромно притулился магистр Конрад, не имеющий с восточными красавицами абсолютно никакого сходства.

И на что я обратил внимание в первую очередь — на лицах как инквизиторов, так и командиров отражалось неприкрытое недоверие к моей нарисовавшейся перед ними персоне: холодное у Мясника и Матадора, презрительное у Аврелия и обиженное у коротышки Конрада. Волей неволей я замешкался под пристальным вниманием четырех пар глаз и замер у входа.

— Возьмите стул и садитесь, брат Эрик, — бросил мне хозяин кабинета, указав здоровой рукой на табурет своего отсутствующего

дьякона. Я повиновался. — Догадываетесь, зачем вас сюда пригласили?

— Да, ваша честь, — ответил я, оседлав жесткое сиденье. — По поводу произошедшего утром инцидента, а также якобы чьей-то измены.

— Ну, измена — это, конечно, громко сказано. Пока о ней речь вести рано, однако мыслите вы верно. И об убийстве вами Проклятого мы тоже говорить не будем — вы поступили совершенно правильно и упрекать вас я не имею никакого морального права. Вы спасли мою жизнь — огромное спасибо вам за это…

Ни единый мускул не дрогнул на лице бородатого лицемера, а взор его и впрямь выражал благодарность, не вызывая никаких сомнений в ее искренности ни у Гонсалеса, ни у Конрада, уверенных в том, что бунт действительно имел место. Какой грандиозный актерский талант, какая великолепная игра!

— Дело в другом, брат Эрик. Пожелавший покаяться отступник Лаврентий сообщил нам сегодня, что вы общались с Иудой более, чем от вас требовалось, и даже без моей санкции приводили к нему детей. Лаврентий заверил письменное покаяние и в нем поклялся именем Пророка и Господа Бога, что все так и было. И теперь мы просто вынуждены вести расследование. Что вы можете сказать в свое оправдание?

И магистр, склонив голову набок, весь обратился в слух.

— Я не вижу, в чем должен оправдываться, ваша честь, — стараясь не допускать в голосе виноватых интонации, пожал плечами я. — Что здесь предосудительного? Пленник попросил свидания с семьей, и я удовлетворил его просьбу, устроив им непродолжительную встречу. Вы отсутствовали в лагере проконсультироваться было не у кого и чтобы после не отвлекать никого из вас по столь пустяковому вопросу…

— Непродолжительная встреча?! Пустяковый вопрос это Вы называете непродолжительным и пустяковым двухчасовое свидание Иуды с детьми и любовницей да еще и без вашего наблюдения?! — Аврелий знал и такую деталь.

— Ну, у него большая семья, — я попытался изобразите улыбку. Получилось довольно убого.

— Ничего смешного тут нет, брат Эрик! — Голос магистра набирал угрожающую суровость. — А есть преступная халатность при несении службы! Не кажется ли вам, что из за длительного общения с Проклятым вы чересчур размякли, командир взвода? А что за беседы вели вы с ним по ночам? Мы, конечно, не особенно доверяем этой собаке Лаврентию даже несмотря на его клятвенное признание, однако еретик утверждает, что темы ваших бесед охватывали далеко не Святое Писание, а даже наоборот — носили протестантский характер!

Вот влип так влип! Нет, имей я такой же подвешенный язык, как у Михаила, им бы всем давным давно стало совестно за то, что они незаслуженно унижают здесь боевого командира Охотников. Но мой речевой орган не имел подобной защитной реакции, и к тому же меня сковывала колоссальная нервозность, явно не способствующая красноречию.

— Уверяю вас, ваша честь, ничего богохульного Иуда не говорил («Ой, ведь вру — говорил, да еще как говорил, паразит!»), — я, в отличие от Михаила, очень фальшиво изображал оскорбленную невинность. — Он от скуки поведал мне о своей жизни; я задал ему пару тройку вопросов, и все! Да, признаю: из любопытства — и только из за него! — я нарушил несколько инструкций, а посему прошу наказать меня в соответствии с буквой Устава!

— Погодите, брат Эрик, не спешите, — осадил Аврелий мое показное самобичевание. — Лаврентий также утверждает, что вы приняли у Проклятого исповедь…

Вот где Эрик Хенриксон едва не наделал в штаны, да простите меня за столь неромантическую откровенность! Банальный треп без задней мысли с одурманенным морфием Жаном Пьером вылился теперь мне в обвинение в одном из тягчайших грехов — самовольного проведения церковного ритуала лицом, не имеющим на это никакого права. По степени тяжести данное преступление стояло рядом с колдовством и крайним богохульством. Личная трагедия Проклятого Иуды жила и после его смерти, продолжая уничтожать всех соприкасавшихся с ней…

Получив такой удар, я с шумом втянул воздух, после чего медленно его выдохнул, при этом сразу стушевавшись и потупившись Левая нога моя как-то сама собой начала нервно притопывать по полу, чем обратила на себя внимание всех присутствующих. В общем, я сдал

себя со всеми потрохами, можно было ничего и не отвечать этим дознавателям.

Лютая ухмылка исказила рот Мясника, а Матадор задумчиво потер ладонью свою классическую испанскую бородку. Наступила длительная и зловещая пауза.

— На самом деле это не являлось исповедью как таковой, — наконец проговорил я, хотя и понимал, что никакое оправдание уже не спасет мою виноватую голову. — Все это носило скорее некий шутливый оттенок…

— Но слово «исповедь» прозвучало, ведь так? — Аврелий воспринял такую отговорку довольно агрессивно и невзначай пошевелил больной рукой. А, черт, как болит-то!… Да и с кем вы шутили? С самим Проклятым Иудой! Не думаю, что вы ответили верно, брат Эрик! Да и брат ли вы нам после всего этого?

Я закивал головой и совсем сник. Хотелось разреветься, как в детстве от безысходности, но детство давно ушло, а вместе с ним высохли и слезы.

— Ваша честь, — вставая с нар, обратился к инквизитору Бернард, — прикажете сорвать с него кресты и забрать оружие?

Медленно поднявшись вслед за ним, я принял уставную стойку, задрав подбородок и уставившись на противоположную стену. Глаза мои застилала серая туманная пелена. «Все кончено… кончено… кончено…» — било по мозгам тяжелой искательской киркой.

— Какой вы, Охотники, однако скорый на расправу и поспешные выводы народ! «Снять кресты, сдать оружие», — передразнил Аврелий Мясника. — Да, человек ошибся! Но мы все ошибаемся, и, надо сказать, частенько (только трое в отсеке знали истинный смысл этой прозвучавшей из уст Аврелия фразы). Парень совершил страшный грех, за который при стандартных обстоятельствах сразу бы лишился своей патлатой головушки. Но обстоятельства у нас сегодня экстраординарные, а Орден, хоть он и суров с оступившимися, но все же проявляет больше милосердия к тем, кто служил ему верой и правдой столько лет… А ну ка немедленно сядьте, вы, оба!

Мы повиновались.

— Так-то лучше! Я тоже уважаю вас обоих, потому скажу: Господь дает таки брату Эрику шанс доказать свою верность! Магистр

Конрад, будьте добры, откройте сейф и достаньте оттуда красный конверт!

Коротышка резво исполнил просьбу, выудив из глубин стального ящика большой бумажный пакет пурпурного цвета с личной печатью самого Пророка. Бернард, Карлос, а за ними и я обеспокоенно заерзали — персональный приказ Гласа Господнего заставит трепетать кого угодно.

— Вскройте его, пожалуйста, — вновь попросил Аврелий Конрада, а затем с улыбкой пронаблюдал, как тот, не осилив плотную бумагу своими ходящими ходуном пальцами (даже магистрам иметь дело с подобными документами приходится очень и очень редко, а я так и вообще видел подобный конверт первый раз в жизни), впился в край пакета зубами.

А пока Конрад занимался этим, Аврелий развернулся вполоборота к Бернарду и заговорил с ним:

— Я знаю, о чем там написано, брат Бернард. Весьма сожалею о том, что не довел до вас эту информацию раньше. Весьма сожалею, уж поверьте. Зная ее, вы были бы осмотрительнее в раздаче своих обещаний. Моя оплошность, потому простите, если сможете…

До Мясника никак не доходило, о чем идет разговор, и он попеременно переводил взгляд то на Аврелия, то на плюющегося клочками бумаги Конрада, уже выковыривающего наружу гербовый бланк, в углу которого отчетливо различался оттиск: «Категория Б».

Секретность категории "Б" предписывала доступ к информации должностным лицам не ниже командира отряда. Предвидя мои сомнения по этому поводу, магистр Аврелий осведомил меня:

— Хоть сейчас вы и комвзвода, брат Эрик, но формально числитесь на своем прежнем посту, а потому все по закону… Читайте, ваша честь.

Конрад извлек из складок балахона круглые очки в тонкой медной оправе и, нацепив их на нос, сделался похож на большую навозную муху, которой малолетние сорванцы ради забавы оборвали крылья.

— Кхе кхе, — прочистил горло коротышка. — Значит, э э э, на конверте: «Предписываю исполнить данный приказ лишь в случае непредвиденной гибели Проклятого Иуды»… Далее берем бланк…

— Благодарим вас, мы уже поняли. Пожалуйста, поактивнее, ваша честь! — поторопил его Аврелий.

— Да да, конечно… Так, далее: "В связи с тем, что дети Проклятого Иуды перестали представлять собой идеальный фактор для воздействия на вышеупомянутого отступника, именем Господа Бога, Отца и Покровителя нашего, приказываю. .

Я, Бернард и Карлос, заслышав «приказываю», автоматически вскочили со своих мест. — «…приказываю ликвидировать их ради предупреждения в будущем новой угрозы для Веры и спокойствия Святой Европы…»

Перед глазами у меня все поплыло. Выстрели в тот момент рядом со мной наша гаубица, я бы, наверное, даже не вздрогнул, а лишь продолжал бы стоять как вкопанный да тупо пялиться на читающего Конрада. Брат Гюнтер, мой рядовой боец, оказался куда дальновиднее своего командира просчитав события лучше любого дьякона аналитика…

— «…Ликвидацию провести по возможности тихо, усилиями только командиров и особо надежных бойцов. Официальная версия: дети были отправлены в один из отдаленных приютов — варшавский, киевский, таллинский и т.п.…»

Бернард взорвался. Немыслимое дело: он прервал магистра при зачтении приказа и мало того — принялся орать на самого Аврелия!

— Вы просто обязаны были известить меня об этом, ваша честь! Я дал Слово Командира перед братьями трех отрядов.черт побери! Вы что, предлагаете мне покрыть себя под старость лет позором? Проклятье! Как вы только могли!..

— Молчать, Охотник!!! — Вопль Аврелия перекрыл тирады Мясника, а лицо магистра стало таким же багровым, как и лежащий возле его ног пророческий (во всех смыслах) конверт. — Молчать, я вам приказываю!!! Вы что себе позволяете при вышестоящих?!!

Набычившись, Бернард исподлобья озирал присутствующих, кулаки его сжимались и разжимались, а грудь учащенно вздымалась.

— Ваше Слово останется вашим Словом! — прокричал Аврелий, но уже на полтона ниже. — Вас и не просят этого делать. Выродков прикончит тот, кто виноват перед лицом Всевышнего и кто сегодня нуждается в искуплении как рыба в воде!

Это должен буду совершить я! Под сомнением моя преданность Вере, Пророку, государству, Братству, самому Господу Богу. А произведя казнь, я вновь стану тем, кем был — Охотником,

командиром отряда, полноправным гражданином Святой Европы. И все будет как прежде — легко, просто и ясно. Нужно лишь приставить пистолет к маленьким кучерявым головкам и нажать на спусковой крючок. Три раза:

Поль, Люси и малыш (даже не узнал, как его зовут, да и зачем это теперь?). Откажусь — сам умру в застенках Главного магистрата подобно мерзкому еретику. А так ну прямо ветхозаветный ангел истребитель! Нет, действительно, разве Господь не посылал его уничтожить первенцев египетских семей? А праведник Елисей разве не натравил свирепых медведей на сорок с лишним детей лишь за то, что те позволили себе посмеяться над ним? А здесь только трое. Вдобавок секретность приказа обеспечит то, что об этом никто никогда не узнает. Такая легкая работа за полное прощение? Да без проблем!..

Но что происходит с моей левой рукой? Странно, раньше сроду не дрожала…

— Вы испытываете по этому поводу какие-то затруднения, брат Эрик? — Подозревающе прищурясь, Аврелий пристально следил за моей реакцией на столь нетипичное задание.

— Нисколько, ваша честь, — я постарался незаметно прижать дрожащую руку к колену, однако речь моя все равно предательски сбилась. — Ведь то, что я сделаю — это воля Пророка. Дети… выродка должны последовать вслед за ним. Да и мне выбирать… не приходится…

— Я рад, что вы осознаете ваше плачевное положение, — удовлетворенно кивнул Аврелий. — Будем считать, что первый шаг к раскаянию вы уже сделали. Думаю, брат Эрик, что для Корпуса вы еще не совсем потерянный человек.

— Я нарушил Слово, — усаживаясь обратно после всплеска горячности, ворчал Бернард. — Нарушил таки это проклятое Слово… Будь оно неладно! Если прознают братья, я навек опозорен…

— Брат Бернард! — подал голос молчавший все время до этого Матадор. — Клянусь, что никто из моих людей об этом никогда и не заикнется. Я собственноручно прикончу того, кто хоть пикнет. Брат Эрик тоже может поклясться вместе со мной, не так ли ?

И пронзительные глаза ожидающего подтверждения Гонсалеса впились в меня отточенными иглами.

— Абсолютно, брат Карлос, — уверил я его, хотя мысли мои витали совсем в другой области. — Репутация брата Бернарда в неприкосновенности…

Да, Мясник выходит сухим из воды! Заслуженный Охотник на пороге отставки достоин некоторого снисхождения. А я молод и по самую макушку замаран грязью ереси; мне надо смывать ее как можно скорее, чтобы не захлебнуться. Смывать не горячей водой с мылом, а кровью. Детской кровью! Приказы не обсуждаются…

А как же Кэтрин? Снова это наваждение: рыжие волосы, серые глаза, гибкий стан… Ведьма, сущая ведьма!

— Ваша честь, — обратился я к Аврелию, — а что ожидает отступницу Кэтрин?

— Вижу, что ее судьба вам тоже не безразлична. Да, особа она, конечно, привлекательная, но… — Аврелий вздохнул, но слишком уж непокорная! Сам Проклятый не был столь строптив. Жаль, я собирался дать ей в жизни шанс, но, считаю, она его отвергнет. Не хочу пытать ее, милостью своей дарую этой отступнице легкую смерть без мучений. Казните Кэтрин вместе с выродками!

Что ж, уничтожу вместе с мелкими уродцами и эту ведьму. Одним выстрелом больше, одним меньше — какая разница. Уничтожу их всех, вернусь в Ватикан очищенным от грехов, надерусь до полусмерти, просплюсь и забуду. А там рейды, новые задания… Жизнь прекрасна, а в особенности : жизнь на службе у Господа Бога!

— Теперь о самой процедуре, брат Эрик. Брат Эрик, не отвлекайтесь! — окликнул Аврелий меня, погруженного в собственные рассуждения и не замечавшего никого и ничего. — Сделаете это завтра утром, дабы не вызывать ни у кого подозрений ночной суетой. Кто спросит, ответите, что везете их в Авранш, откуда они последуют за архиепископом в Париж, а там еще куда -нибудь, скажем, в Варшаву. Само собой, пока вы полностью не искупите вину, мы будем держать вас под строжайшим контролем. Я бы не погнушался проследить за вашим искуплением лично, но, к сожалению, очень занят. Завтра мы с братом Бернардом везем тела отступников на Мон Сен Мишель, где у рыболовецкой артели есть холодильник. Там они пролежат до приезда дознавателей из Ватикана. Потом, — Аврелий состроил неимоверно кислую мину, — принимаем парижского архиепископа, чтобы тот как представитель Закона

завизировал кончину Проклятого и выслушал наш доклад о произошедшем бунте. Короче, дел невпроворот… Магистр Конрад!

— Да, ваша честь? — не ожидавший к себе обращения коротышка вздрогнул и уронил с носа очки.

— Поручаю вам и брату Карлосу контроль над искупающим свою вину братом Эриком. Пронаблюдайте за его действиями, ежели что — подбодрите, помогите захоронить тела… Брат Карлос, в вашем отряде есть бойцы, в надежности которых нет никаких сомнений?

— Все, ваша честь! — гордо ответил сарагосец. — Я безоговорочно доверяю всем моим людям!

— Достаточно и четырех… Итак, задачи на завтра ясны? Ну и замечательно. Значит, объявляю совещание закрытым. Я хочу спать, так как жутко устал — эта мерзкая тварь лишила меня такого количества крови… В общем, все свободны.

Бернард с понурой головой удалился первым, ни на кого не глядя и не сказав ни слова. Его достоинство изрядно потрепали — старый вояка забудет такое не скоро.

— Брат Эрик, подойдите ко мне, — прекрасно сымитированным голосом тяжелораненого подозвал меня Аврелий.

Гонсалес, пропустив Конрада к выходу, тронул меня за плечо и произнес:

— Будь готов к семи. Я зайду за тобой.

И Матадор вышел в ночь за семенившим перед ним коротышкой магистром.

Я приблизился к постели Аврелия. Его лицо уже не источало того страдания, что еще за минуту до этого.

— Брат Эрик, — доверительно обратился он ко мне. — Я полностью рассчитываю на вас. Вы еще молоды и у вас все впереди. Не ломайте карьеру, не ломайте судьбу. Для нас ваша жизнь куда ценнее, чем жалкие жизни этих четырех ничтожеств. Так сберегите ее в целости и сохранности для страны, для Пророка, для Господа Бога. Мы ведь с вами поняли друг друга?

— Я понял, ваша честь, — хоть и неуверенно, но постарался обнадежить я инквизитора. — Не волнуйтесь, я выполню приказ так, как и подобает истинному Охотнику — четко и без колебаний.

— Ничуть не сомневаюсь, командир отряда! — кивнул мне на прощание магистр Аврелий…

Едва переступив порог своего отсека, я тут же кинулся к умывальнику и скрючился над раковиной — меня рвало как обожравшегося тухлым мясом вшивого бродячего пса…

15

"— Это все? — спросил я.

— Все, что тебе следует знать, сынок, — ответил Сильвер.

— А теперь я должен выбирать?

— Да, теперь ты должен выбирать, — сказал Сильвер".

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

Первый раз я убил человека в самом первом своем рейде, находясь тогда при Восьмом отряде Фабио Петрелли. Мы преследовали в предгорьях Альп большую группу язычников, устраивающих по ночам ритуальные танцы вокруг деревянных истуканов и разводящих огромные жертвенные костры, на которых они приносили в дар своим богам ворованный у крестьян мелкий рогатый скот. До жертвоприношения людей благо дело еще не дошло, потому язычников мы старались вылавливать живыми. Однако как только те оказались зажатыми между двумя горными склонами, вся наша человеколюбивая тактика сошла на нет, поскольку грязные бородачи принялись оказывать яростное сопротивление, тяжело ранив нашего бойца.

Я, будучи еще не обстрелянным, сидел в засаде на самом безопасном участке и перекрывал узенькую скальную тропку, настолько непроходимую, что вероятность отхода по ней противника практически равнялась нулю. Но тем не менее один, желающий вырваться на свободу идолопоклонник выскочил таки мне навстречу со взведенным арбалетом наперевес.

«Стой! Оружие на землю!» — заорал я испуганным голосом, так как не ожидал его появления. Бородач же не послушался, а как раз наоборот — вскинул арбалет к плечу. Расстояние между нами было небольшим, и я, не задумываясь, из классической стойки с колена, влепил язычнику две пули в грудь и одну в голову.

Первоначальное, граничащее с эйфорией, возбуждение к вечеру сменилось тоскливым чувством вины в том, что в принципе человека можно было и не убивать, а лишь ранить, но по неопытности и из за испуга я совершил самый тяжкий грех — отнял чужую жизнь.

Ящерица нашел меня сидящим в стороне от стоянки наших трейлеров и апатично взиравшим на опускавшееся за снежные вершины Альп солнце.

«Держи ка», — протянул он мне полную кружку магистерского кагора, которую я тут же при нем в три глотка и осушил.

«Недурно, сынок, ты сегодня поработал, — похвалил меня Петрелли. — Не хуже, чем-тогда у Анджея в тире».

Я молча кивнул.

«Не расстраивайся. Все первый раз чувствуют себя погано после этого, — продолжал он. — Но согласись: убив ублюдка, ты сохранил собственную жизнь, а для меня и для всех нас она стоит куда дороже, чем жизнь этого ненормального. Значит, ты думал не только о себе, но и о своих братьях. Так что отныне ты и есть самый настоящий и полноправный Охотник. Добро пожаловать в Братство, сынок!»

Намного позже один в один я повторил эти же слова моему бойцу Энрико, тоже лишь недавно открывшему свой боевой счет.

С момента первого убийства мной отступника прошло чуть более десяти лет. С тех пор я отправил к Господу много душ, даже очень много. Где-то на двадцатой я просто сбился со счета, а случилось это давным давно. И по ночам я всегда спал крепко, не терзаясь угрызениями совести. Всегда, вплоть до этой, без преувеличения будет сказано, самой тяжелой ночи в моей жизни…

Левая рука дрожала, не переставая, и я, лежа на нарах без малейших признаков сна, держал ее за запястье правой. Ощущение того, что я должен буду совершить сегодня утром, разрывало сердце.

"Не вляпайся в какую -нибудь неприятность! " — напутствовал меня перед отъездом Михаил и как в воду глядел. На ум лезли также его слова о выборе жизненного пути, сказанные русским с неделю назад во время нашей дорожной беседы:

«..А знаешь, чего я больше всего боюсь? Боюсь выбрать неверно. Боюсь, кто-то пострадает без вины от этого…» Интересно, правильный ли выбор сделал я? Ну, разумеется, правильный: я воин на службе у Господа и обязан выполнять приказы его непосредственных слуг — моих магистров и командиров, какими бы они — эти приказы — ни были. Таков Устав, таковы законы Братства, членом которого я являюсь и которому присягал на Святом Писании. Больше спорить на эту тему не имеет смысла!

Но почему же тогда этот Бог так жесток со своими самыми маленькими, самыми беззащитными рабами ? Да и от него. ли исходит этот приказ? Может, прав был Проклятый — мы не понимаем друг друга, поскольку немыслимо далеки и толкуем все исходя из собственных фантазий. А фантазии у всех разные: у кого-то добрые и светлые, а у кого-то совсем наоборот. Как у Пророка, например…

Больше всего на свете мне хотелось сейчас услыхать совет самого Господа, уж коли так пошло, что я выполняю его волю а не волю его ближайших подручных. Однако Всевышний вновь молчал, либо полностью соглашаясь с ними, либо действительно не понимая. А жаль…

Вероятно, когда -нибудь я смирюсь с мыслью о том, что застрелял троих детей и женщину, хотя буду относиться к этому как к главному позору своей жизни, постоянно думать о нем, иногда молча страдать по пьяной лавочке, кусая себе губы. Так или иначе, но со временем все это должно порасти быльем, главное, пережить первые дни после казни…

Чтобы хоть как-то отвлечься, я уселся на нарах, вытащил оба «глока» и разобрал их, все таки уронив трясущейся рукой на пол затворную раму одного из них. Тщательно почистил детали, стволы и пазы пистолетов сухой ветошью, после чего нанес на их механику и трущиеся поверхности тонкий слой оружейного масла. Ночь, правда медленно, но все же близилась к концу…

Внезапно из глубин памяти всплыло личико маленькой девочки, которой приставил нож к горлу прихвостень маньяка Люцифера. «Все будет в порядке!» — подмигнул я ей тогда. А что скажу я детям Жан Пьера, когда они будут наблюдать, как господин надзиратель извлекает, взводит, а затем подносит пистолет к их кучерявым головкам? Или, может, убить их в затылок? Эрик Хенриксон, прозванный за свое смертельное искусство Стрелком, стреляющий в затылки детей — какая колоритная картина! Да и вообще, какой он Стрелок после этого? Так, жалкое подобие библейского Ирода…

А может, плюнуть на все, сесть в «хантер» и уехать отсюда куда глаза глядят? Гюнтер сказал мне, что покинет Братство, если произойдет такое. Может, и мне попробовать? Стану беглецом, изгоем, отступником, зато останусь чист перед своей совестью.

А чист ли? Тогда мою грязную работу возьмет на себя Гонсалес. Уж Матадор-то не станет сомневаться в том, что делает — ему чуждо само понятие «сомнения». Да и меня тоже скоро схватят и казнят… Нет, этот вариант ничуть не лучше. К тому же мне не выбраться незаметно даже из отсека — двое людей Карлоса жгут костер прямо у моего трейлера. Хитрый сарагосец явно подозревал, что я в силах выкинуть нечто подобное…

Ладно, комвзвода, не ерепенься, а делай то, что тебе сказано, раз уж совершил свой пресловутый жизненный выбор…

Позвольте позвольте, когда это, интересно, я успел его совершить? Кэтрин и дети живы, а следовательно, совесть моя пока чиста. Сижу тут, понимаешь, скулю как побитая собака о том, чего еще не случилось, слизняк размякший! Выбор он сделал, видите ли! Да ни черта ты не сделал, а потому вправе изменить свое решение в ту сторону, в какую только пожелаешь. А ну ка соберись, напряги свою тупую башку, прикинь шансы и другие варианты! Однако поторопись, потенциальный детоубийца — солнце вот вот взойдет…

Окончательное решение я принял уже перед рассветными сумерками. Начальное возбуждение и прямо таки животный страх от того, что я надумал предпринять, сменились постепенно холодным и трезвым расчетом. Голова стала такой же ясной, как и при планировании боевой операции. Странно, но внезапно пропали все душевные терзания, а внутри поселилось некое своеобразное облегчение. Облегчение от того, что все мосты, соединяющие мое праведное прошлое; предельно грешное будущее, начинали заниматься жарким уничтожающим их пламенем. Лишь где-то на заднем плане все еще продолжала трепетать робкая мыслишка, советуя немедленно отказаться от того, что я намеревался предпринять. Однако, посчитал я, отступление было бы трусостью, а по моему весь олицетворял теперь собранность и концентрацию, Я вытянул перед собой левую руку — дрожь исчезла бесследно. Хороший, говорящий о многом знак…

Сидевший у тлеющего костра Марчелло скинул с головы отсыревшую плащ палатку, когда я распахнул дверь отсека! высунулся наружу.

— Брат Эрик, — обратился он ко мне, — брат Карлос приказал мне не выпускать вас из трейлера до его прихода, уж извините Бога

ради…

— Расслабься, боец. Я никуда не иду, — оборвал я его приветливым тоном. — Ты будешь сопровождать меня; на… ну ты сам знаешь куда?

— Да, я и еще вот брат Аркадий, — он указал на сидящего рядом на корточках бойца. — Плюс еще двое, а также брат Карлос и магистр Конрад.

Марчелло был в курсе моего задания — прекрасно!

— Вызови ко мне брата Гюнтера, — распорядился я указал ему на силуэт трейлера казармы. — Мне потребуется ассистент.

Марчелло даже не пошевелился.

— Мы будем помогать вам, брат Эрик, — ответил он, — окинув меня взглядом, в котором улавливался легкий оттенок презрения. — Так приказал брат Карлос…

— Он также приказал тебе не пускать ко мне моих людей? — Я повысил тон, изображая гнев недовольного пререканиями старшего по званию.

— Вообще-то нет, — замялся Марчелло, — но…

— Тогда выполняй распоряжение!..

Гюнтер, застыв на пороге, занял собой весь дверной проем,

— Садись, — бросил я ему. Он повиновался. — Догадываешься, зачем позвал?

— У вас неприятности и вам… нужна моя помощь? — высказал причину своего ночного приглашения в командирский отсек великан.

Я отвернулся от него к окну и уставился на покрытый тучами светлеющий небосклон, стараясь говорить как можно спокойнее:

— Ты даже не представляешь, Гюнтер, какие у меня неприятности и насколько мне необходима твоя помощь… Это случилось, Гюнтер. Все то, чего ты так боялся, случилось. И приказом Аврелия на должность палача назначен я, сам знаешь почему…

Германец выслушал мой рассказ о вчерашнем совещании без какой -либо реакции, лишь отрешенно рассматривал ребристый пол под своими ботинками. Когда я закончил, он, не поднимая глаз, спросил у меня угрюмо:

— Зачем вы мне все это… говорите? Вы же знаете, как я отнесусь… к такому…

— А потому, Гюнтер, — произнес я, усаживаясь напротив него на пустые нары Джерома (сам дьякон неотлучно пребывал возле постели раненого Аврелия), — потому, старина, что я отказываюсь исполнять его! Если хочешь, пристрели меня прямо сейчас, потому что через три часа я буду уже не командиром отряда Охотников, а самым гнусным предателем.

Даже у такой непрошибаемой личности, как Гюнтер, отвисла челюсть. Он покосился на оставленный у входа карабин, затем на меня, после чего вновь на карабин…

— Не прикидывай шансы, приятель, — сказал я. — Мои пистолеты вон там, разобранные, на столике. Ты успеешь в любом случае. Так что решай: уничтожаешь предателя или слушаешь дальше ?

— Вы… — и без того неразговорчивый германец совсем потерял дар речи. — Вы… рехнулись!

— Да, видимо, так, — сознался я. — Гублю свою жизнь и карьеру черт знает ради кого — детей и помощницы самого Проклятого Иуды. Но ведь самое страшное, Гюнтер, в том, что ничуть об этом не жалею.

— И что же вы… задумали? — Суровые глаза германца наконец оторвались от карабина.

Я облегченно вздохнул пока все шло, как и предполагалось…

Мой план снова не вызвал у него никаких эмоций: ни положительных, ни отрицательных, как будто ему каждый день предлагали поучаствовать в чем-то подобном. Гюнтер просто сидел и молчал. Когда же длина этой бесконечной паузы перевалила за пять минут, я не выдержал:

— Ладно, Гюнтер, я прекрасно тебя понимаю. Прости, что потревожил. Возвращайся в казарму, но только ради всего святого — если тебе и вправду не хочется гибели этих детей, не поднимай панику, хорошо? Ну хотя бы до той поры мы не уедем. Договорились?

— Черта с два я отпущу вас… одного! — проревел человек скала, и я даже испугался этого его мгновенного перерождения из сонного мыслителя в гневного правдолюба — Корпус убивает детей? Что ж… прекрасно! Но только Гюнтеру Шнеебергу отныне с ним… не по пути! Я даже представить не мог, что предприму, если когда -нибудь он сотворит это… Но спасибо вам, брат Эрик, что подсказали наилучший выход… из ситуации! До старости мы с вами теперь… не доживем…

Да и плевать! Короче: я с Вами. Хоть расклад и не в нашу пользу… Держите!

И я аккуратно пожал протянутую мне гигантскую пятерню, едва едва сумев ухватить ее своей ладонью. Начиная с этого момента количество изменников в Братстве выросло ровно в два раза…

Около шести утра Аврелий, Бернард, Вольф и бойцы его взвода, набившиеся в раздолбанные «сант роверы» Добровольцев Креста, повезли труп Проклятого на Мон Сен Мишель продолжать доигрывать придуманную Мясником легенду. Я последний раз проводил глазами сквозь стекло пробитое моими пулями тело Жан Пьера — его волокли за руки и за ноги бойцы Циклопа, небрежно бросив затем в кузов джипа, словно мешок с песком. «Прощай, неудачник. Возможно, очень скоро свидимся», — мрачно подумал я.

Пока Гюнтер запрессовывал патроны в подствольный магазин своего «бенелли», я тоже выгреб из шкафчика все запасные магазины и рассовал их по карманам плаща. Затем покрутил в руках уставной нож Охотника и прикрепил его к поясу (помимо пистолетов, магазины и нож были единственными моими личными вещами, уцелевшими после пожара, да и то лишь потому, что находились вместе со мной при взятии Ла Марвея). Негусто, но за неимением лучшего…

Гонсалес оказался на редкость пунктуальным. Мой хронометр показывал без одной минуты семь, когда сарагосец вошел ко мне в отсек. Он ничуть не удивился при виде Гюнтера, очевидно, Марчелло уже доложил ему о том, что я выбрал ассистента из своих людей.

— Вы готовы, брат Эрик? — учтиво спросил Гонсалес и дождался, пока я кивну. — Тогда идемте. Пора. — Кэтрин не спала, а хмурая и помятая сидела на своих нарах, подтянув колени к подбородку.

— А, явились ни свет ни заря, — проворчала она, оглядев меня, Гюнтера и людей Матадора при входе. — Что, некого больше пытать, я одна осталась, да? Чего молчите, шакалье гнусное?

— Собирай детей. Вас перевозят в Авранш, а оттуда в Париж, где и решат вашу дальнейшую судьбу, — произнес я как можно бесстрастней.

— И меня ? — спросила девушка.

— Ты едешь с ними, — я был предельно лаконичен. — Приказ магистра Аврелия.

— А что же он вчера не зашел ко мне в гости? Утром всю с ног до головы обзыркал, кобель бородатый!

— Поторопись, — я притворился, что не замечаю ее кол костей. — У нас мало времени. Детей в Авранше уже ждут…

У дверей «детского сада» урчали, прогреваясь, «хантеры» моего и Гонсалеса отрядов.

— И эти козлы здесь! — помогая заспанным детям спуститься с подножки, Кэтрин заметила Карлоса и Конрада. — Тоже соскучились по мне ?

— Мы сопровождаем вас, милейшая, как ответственные за вашу безопасность лица, — приторно пролепетал коротышка. — Потому попросил бы не тратить попусту наше драгоценное время, а то…

— Заткнись, блоха в сутане, — бросила Кэтрин в его сторону, и Конрад, замолкнув на полуслове, обиженно надулся и кряхтя полез на переднее сиденье головного «хантера».

— Вы следуете за нами, — распорядился Гонсалес, когда, Кэтрин с детьми расселись на заднем сиденье моего, идущего вторым джипа и еще тише добавил: — Мы сами выберем место. Как только затормозим, остановитесь тоже…

Я занял кресло водителя, германец уселся рядом на командирское и развернулся вполоборота, чтобы наблюдать за нашими пассажирами. Гонсалес посигналил нам и тронулся выезжая на дорогу, ведущую к Авраншу. Мы двинулись следом, оставляя позади себя ничего не подозревающих об истинной цели нашей поездки прочих бойцов Пятого и Одиннадцатого. Для всех для них начинался очередной, ничем не примечательный день службы…

Дети окончательно проснулись и оживленно между собой расчирикались, тыча пальцами то в правое, то в левое стекло кабины. Погруженная в себя Кэтрин тем не менее находила силы терпеливо отвечать на незамысловатые детские вопросы, смысл которых сводился к одному: «Где наш папа и когда же наконец мы покинем это грязное мокрое место?» Я еще раз согласился с собой: то, что я намеревался предпринять, будет наилучшим выходом из сложившейся ситуации для всех находившихся в этой машине…

— Кэтрин, слушай меня внимательно! Слушай и не перебивай! — громко произнес я, не отрывая взгляда от идущего впереди «хантера»

Матадора. — Ты и малыши в огромной опасности, потому будешь беспрекословно выполнять все мои приказы…

Она недоуменно вскинула брови, все еще отвлекаясь на ребячью возню:

— О чем вы говорите? Какая такая опасность? Что ваша кодла опять надумала?

— Делай, что тебе говорят, рыжая дура, и останетесь в живых! — упростил Гюнтер смысл моих слов, заслужив мою благодарность.

Кэтрин, видимо, помня его давешнюю оплеуху, благоразумно примолкла. Дети тоже, почувствовав общее напряжение, затихли и принялись испуганно переглядываться.

— Как только передняя машина остановится, — продолжил я в тишине, — вы все ложитесь на пол между сиденьями. Как можно ниже! И пока я не разрешу, никто из вас даже головы от пола оторвать не посмеет. Усвоила?

— Да, но… что происходит?

— А происходит то, — обернулся я к ней, — что я беру на себя вакантное звание Проклятого и собираюсь довершить его незаконченную работу…

Я не бил ее, но она вытаращилась на меня именно с таким выражением лица. Еще так смотрят на воскресших мертвецов. Впрочем, потенциальными покойниками были мы все — кто-то невольно, а кто-то добровольно…

Тем временем наша маленькая автоколонна вырулила на побережье и, повернув направо, продолжила путь вдоль песчаных отмелей, все дальше и дальше оставляя позади себя громаду Мон Сен Мишеля. Джипы съехали с дороги, и теперь их колеса с хрустом давили сырой прибрежный песок.

Я едва не пропустил момент, когда «хантер» Гонсалеса встал как вкопанный прямо посередине пустынного, продуваемого всеми ветрами, берега. Место для казни Матадор выбрал весьма удачное — спереди, справа и сзади видимость закрывали поросшие кустарником холмы, а со стороны моря все было затянуто серой пеленой мороси. Затормозили и мы, не доехав до наших сопровождающих двух десятков шагов.

— Прибыли, — констатировал факт Гюнтер. — Эй вы там: лицом в пол! Живо!

Девушка покосилась на впередистоящий автомобиль, после чего довольно грубо стащила с сиденья каждого из ребят, уткнула их носами в обрезиненный пол «хантера», а сама пристроилась сверху словно курица, согревающая выводок.

Я достал из кармана резинку для волос и не спеша проделал обязательный предбоевой ритуал Эрика Хенриксона, дослуживающего — а возможно и доживающего — последние минуты на посту командира Одиннадцатого отряда. Берет надевать обратно я уже не стал — нарушая Устав, блюсти форму одежды совсем не обязательно.

— Отходи к холмам, — бросил я германцу. — Я иду к заливу. Выставим их на кинжальный огонь. Начнешь сразу же после меня…

Из переднего «хантера» в это время неторопливо выбрались шестеро моих контролеров. Магистр Конрад глянул на небо и зябко поежился, намекая мне о необходимости поторопиться.

Я и Гюнтер, захлопнув за собой дверцы, стали расходиться соответственно влево и вправо, стараясь удалиться от машины, где, сжавшись в комочки на грязном полу, прятались сейчас наши подзащитные, причисляемые Пророком к разряду своих злейших врагов.

Делая вид, что осматриваю местность, я старался не спешить, вдыхая полной грудью хоть и сырой, но все же чистый морской воздух. Отбросил носком ботинка лежащий на пути булыжник, оглядел горизонт, обтер ладони о сухую куртку под плащом… Стрелять по своим бывшим товарищам — совсем не легкое дело, однако я прекрасно осознавал, зачем они присутствуют здесь. Четверо бойцов Гонсалеса и сам он в том числе пристально следили за всеми моими действиями, готовясь заменить меня, если что-то пойдет не так. Нервы выдавали только Конрада — стоя спиной ко мне, толстячок нетерпеливо пританцовывал на мокром песке, неуклюже переминаясь с ноги на ногу.

— Действуйте, брат Эрик! — Карлосу претило любое проявление нерешительности. — Не тяните, а то видите: магистр весь продрог!

Я сместился чуть вперед, слегка сократив до них дистанцию: пять превосходных целей, располагавшихся плотной группой…

Не получивший ответа Матадор повторил свое распоряжение:

— Ну же, решительней! Помочь вам выдернуть их из машины?

— Нет, Карлос, — едва ворочавшимся языком наконец-то заговорил я, — не стоит этого делать. Казнь отменяется.

Гонсалес переглянулся с братьями, и даже Конрад, услыхав такое, прекратил подпрыгивания и развернулся лицом ко мне.

— А ну ка повторите, что вы сказали, брат Эрик! — Глаза испанца превратились в узкие щелки, а дробовик, до этого опущенный стволом к земле, лег цевьем на левую ладонь.

— Вы не глухой, Карлос, и хорошо меня расслышали, — голос мой стал гораздо увереннее и жестче. — Я отказываюсь выполнять этот чудовищный приказ. Мы уходим. Сложите оружие и не мешайте нам!

Естественно, что никто не подчинился. Они вновь посмотрели друг на друга, но теперь с какими-то нездоровыми улыбками, а Марчелло покрутил пальцем у виска. Не знаю, на что я понадеялся, но просто вдруг ощутил необходимость дать им почувствовать меня врагом. Я не мог поднять пистолет на того, кто не желал мне смерти. Тем более на бывших братьев…

— Карамба! — выругался Карлос. — Прав был Аврелий — он нам не брат! Заразился от Проклятого чумой ереси! Изменник! Предатель! Брат Гюнтер, ваш командир грубо преступил Устав! Именем Пророка приказываю вам немедленно арестовать его!

Гюнтер, опустившись на одно колено под видом того, будто что-то обронил (а на самом деле дабы не представлять собой слишком уж крупной мишени), хмыкнул, а затем демонстративно плюнул в сторону Гонсалеса.

— Матерь Божия! Да это же заговор! — Карлос и впрямь оторопел — Магистр Конрад, да это же натуральный заговор! Массовая измена! Магистр Конрад, ваша честь, да где же вы?

Проницательный и благоразумный (но как показало время — отнюдь не трусливый) недомерок магистр нутром почуял опасность и, пятясь задом и при этом не сводя с меня вытаращенных глаз, спешно ретировался под прикрытие «хантера» Гонсалеса. Что-то подсказывало ему: добром все происходящее здесь, на берегу, не закончится…

— Да будь все оно трижды проклято! — вконец осерчал испанец. — Марчелло! Братья! Прикончить предателей! Прикончить обоих!..

Несколько секунд потребовалось его людям, чтобы уложить столь нетипичный приказ в своих головах и исполнить его подобающим

образом. Нам же с Гюнтером осмысливать было нечего — мы все решили еще в моем трейлерном отсеке, — а потому перехватили инициативу…

Видя, как три из пяти стволов развернулись прямо на меня, я совершил гигантский скачок еще левее, после чего упал на бок, перекатился по земле и выхватил оба «глока». Точно так до посинения когда-то заставлял делать меня на соломенных матах мой инструктор Анджей.

Стрелки, следуя стволами за мной, сместили те соответственно вправо от себя, и получилось так, что стоявший чуть впереди брат Аркадий оказался у двух остальных на линии огня. Враг замешкался, меняя позиции, и подарил мне дополнительные полторы секунды, которыми я не преминул тут же воспользоваться…

Аркадия сбили с ног сразу три девятимиллиметровые пули, и он отлетел назад, едва не перекувыркнувшись через голову…

Еще одного, целившегося в меня, я тоже знал: это был брат Клаус, звавший меня вчера вечером на совещание командования. Выполнить приказ командира ему также не довелось — мои следующие четыре пули уронили его тело на спину, притом голова уже мертвого Клауса с силой ударилась о подножку «хантера»…

Автомат третьего противника пролаял таки короткую, ушедшую в залив, очередь и выпал у него из рук, когда-тот плюхнулся лицом в мокрый песок и замер, продырявленный, как и все остальные, в нескольких местах…

Всаживая пули в эту троицу, я услыхал грохот карабина Гюнтера и успел краем глаза заметить, как голова Марчелло, встретив на своем пути заряд картечи, разлетелась красно черной, брызжущей во все стороны, массой…

Второй выстрел Гюнтера предназначался Матадору. Но — и я упоминал об этом ранее! — пожилой сарагосец пребывал в отличной физической форме, позволившей ему уклониться буквально за миг до попадания, да еще и выстрелить в ответ. К счастью германца, Карлос выпалил неприцельно и поэтому весьма огорчительно для такого матерого Охотника промазал. Оба тут же синхронно рванули перезаряжающие механизмы своих помповиков…

Схватку пришлось завершать мне. Карлосу было трудно уследить за двумя противниками одновременно, и поэтому он решил

допрыгнуть до вымоины в песке, чтобы оттуда — из укрытия — прицелиться основательней. Но не успел. Все еще лежа на земле, я из неудобного положения влепил ему пулю в заднюю поверхность бедра, чуть пониже правой ягодицы…

Гюнтер стремительно подскочил к споткнувшемуся и на миг ослепшему от боли Карлосу и ногой выбил дробовик у него из рук, а затем упер ствол «бенелли» ему в затылок…

— Не сметь!!! — заорал я, вскакивая с песка. — Отставить сейчас же, боец!!!

Огорченный великан, повинуясь многолетнему инстинкту подчинения командирам, отвел ствол и со злостью пнул сарагосца по печени. Гонсалес с простреленным бедром, похоже, этого даже и не почувствовал. Гюнтер же отвел ногу для следующего удара…

Я с разбегу отпихнул германца от Матадора, и он одарил меня угрюмым взглядом.

— Брат Эрик, дайте мне… — Гюнтеру так хотелось довершить начатую расправу.

— Не надо, он свое получил! — уже миролюбивей одернул его я. — Проверь ка лучше, как там дети.

— В порядке, — ответил германец. — «Хантер» невредим. Того, который стрелял, вы убили прежде, чем он… куда -либо попал. А этот, — он кивнул на Матадора, — был слишком занят мной…

Скрипящий зубами и пунцовый, как вареный рак, Гонсалес, подволакивая простреленную конечность, медленно встал с земли. Его сильно качало из стороны в сторону. Мы же не мешали ему, лишь не сводили с него оружия. Дохромав до «хантера», он, измученный, прислонился к капоту, перенеся вес тела с ног на локти. Глаза испанца буравили нас презрительным взглядом, в котором не было ни капли страха.

— Ты заплатишь за это! — прошипел он сквозь зубы. — Я заставлю тебя захлебнуться собственной кровью, мразь!..

— Успокойтесь, Карлос, — осадил я сарагосца. — Вы не в том положении, чтобы угрожать нам. И в живых вас оставили лишь из уважения к вашим почтенным годам.

— Глупо, брат Эрик, — пожурил меня Гюнтер. — Стратегически неправильно… Лишний свидетель…

Он и Гонсалес вперились друг в друга ненавидящими взглядами.

— Стреляй, шакал! — фыркнул Карлос. — Потому что в противном случае я все равно доберусь до вас, чего бы мне это ни стоило! Стреляй, трусливая падаль!..

— Вы останетесь здесь, пока вас не обнаружат, — прервал я его пылкие обещания. — Уж и не знаю, как вы оправдаетесь перед Бернардом — меня это не волнует, — но могу сказать точно: спокойной отставки не ждите. Вы провалили довольно плевое задание — Мясник такое не одобрит. Как не одобрит он и то, что мы похитили у вас магистра…

— Не зарывайтесь! — Гонор Матадора слегка поугас. — Вот за это ваши задницы уж точно отведают раскаленных стальных прутьев!

— Возможно, — ответил я. — Ну а теперь прощайте. Пора! Оружие ваше мы, разумеется, конфискуем. Джип тоже. Так что счастливо оставаться… И, Карлос, спасибо вам за книги. Заберете их в моем трейлере, если, конечно, будет до них.

Гонсалес, немного придя в себя от дикой боли в ноге, неуверенно оторвался от капота, доковылял до трупов своих бойцов и стянул с головы берет, отдавая тем последние почести. Похоже, мы в этом мире для него больше не существовали. Подтянутая фигура сарагосца сгорбилась и сжалась, выдавая истинный возраст Карлоса. Потерять почти половину отряда только в одном рейде — тут волей неволей сломаешься. Я решил оставить пожилого командира наедине со своим горем, повернулся и побрел к Гюнтеру, уже разоружавшему лежавшее на отшибе обезглавленное тело Марчелло.

— Эй, амиго! — прокричал мне вслед Гонсалес надорванным и каким-то полубезумным голосом. — Сделай ка для меня последнее одолжение!

— Какое? — Я обернулся и посмотрел ему в затылок, пытаясь уловить, к чему он клонит.

— Подохни, падаль! — совсем уже истерично проорал Матадор, а затем, едва не упав, развернулся в мою сторону на пятке здоровой ноги и выбросил вперед правую руку…

Я был слишком возбужден всем произошедшим за эти пять минут и потому даже не вспомнил о том, что еще во время штурма Ла Марвея обратил внимание на кобуру, висящую у Гонсалеса под плащом на поясе брюк. В ней Охотник носил настоящий оружейный раритет — короткоствольный револьвер «бульдог», бесполезный при стрельбе на

дальние дистанции, но на близком расстоянии способный оторвать человеку руку. Именно его и выхватил Карлос, хотя хорошо видел, что огневое преимущество явно не за ним…

Мотив этого отчаянного поступка испанца я так и не понял до конца. Наверное, врожденное чувство гордости не позволило бы ему показаться на глаза братьям униженным новоиспеченным предателем и дезертиром. Карлос предпочел смерть — смерть с оружием в руках… Еще один судьбоносный выбор за и без того кровавое утро. . .

Пожилому Охотнику в расторопности мог бы позавидовать и любой из молодых. Мгновение ока — и его револьвер уже смотрел мне в лицо. . .

Находись сейчас мои пистолеты в кобурах, и короткая история отступничества Стрелка на этом печально бы завершилась. Но оба «глока» удобно лежали рукоятями у меня в кулаках, а потому я ответил на смертельный выпад Матадора огнем из двух стволов одновременно…

Карлос был еще жив, когда мы с Гюнтером склонились над ним. Он кашлял кровью из пробитых шестью пулями легких и порывался встать, но только беспомощно греб по песку рифлеными подошвами ботинок. Пальцы его шарили по земле, ища оброненный револьвер, а глаза, уже подернутые туманной дымкой, смотрели сквозь нас на затянутое тучами небо.

— Стрелок, — прохрипел Гонсалес, — будь ты проклят навеки, крысиный выкидыш. . .

— Прощай, Матадор, — ответил я ему, но он уже навряд ли меня понимал. — Ты умер как истинный Охотник. И, амиго, не говори обо мне Господу слишком уж много плохого.

Седьмая пуля в лоб избавила Гонсалеса от предсмертных мучений.

— Проклятие умирающего, — заметил я Гюнтеру, — превосходное пожелание счастливого пути.

— Лучше… не придумаешь, — согласился он.

— Матерь Божия! — донеслись до нас откуда-то из под «хантера» громкие всхлипывания. — Пресвятая мадонна!..

Магистр Конрад стоял на четвереньках и трясся, словно перепуганная грозой овца, размышлявшая, в какую сторону следует метнуться для пущей безопасности, если торчишь в самом центре

открытого загона. Мелкий прыщ, предавший Очищению неимоверное количество душ, теперь и сам оказался в роли молящей о милосердии жертвы.

Мы с Гюнтером переглянулись. Германец, скуксив кислую мину, промолвил:

— А вы уверены, что с него… будет хоть какая-то польза? Может, его это… того?

И большой палец великана прошелся по кадыку.

— Ни в коем разе! — нахмурив брови, покрутил я головой. — Как сказал бы Михаил, нечего раньше времени выбрасывать наш единственный козырь…

…Жаль, что так и не успел проститься с русским. Если кого-то из моих отныне бывших собратьев и можно было называть настоящим братом, то только его. Ну и огребет же он из за меня неприятностей после того, как все станет известно…

— Наверняка этот козырь… жрет больше нас с вами, вместе взятых, — не одобрявший данный пункт моего плана Гюнтер привел вполне разумный, но не повлиявший на мое мнение довод. — Вот увидите, сами пристрелите его через пару дней…

Завидя, что два свирепых, только что уничтоживших четверть Пятого отряда, включая и его командира, человека шагают к нему, Конрад, не вставая с четверенек, развернулся к нам задом и, если, конечно, можно так выразиться, пополз наутек, ежесекундно озираясь через плечо.

— Один момент, ваша честь, — остановил я магистра, наступив на край волочившейся по земле полы его балахона, — Прошу обратить внимание — вы удираете совершенно не туда. В той стороне залив Сен Мало. Нет, хотя, возможно, ваша честь — превосходный пловец и я зря беспокоюсь…

— А?.. Что ?.. — Конрад продолжал шлифовать коленями песок, но, удерживаемый моим ботинком, не смог продвинуться ни на йоту. — Отпустите меня, я уже ухожу. Я ничего не видел, и меня здесь не было. Вы не знаете магистра Конрада, магистр Конрад не знает вас…

— Увы и ах, мой плохо питавшийся в детстве друг, — горестно вздохнул я, — вынужден вас огорчить — вы едете с нами.

— Что вы, что вы, — нервно захихикал едва живой от ужаса коротышка, — в джипе меня укачивает, и я заблюю вам все сиденья…

— Нагадишь — заставлю подлизать языком! — Гюнтер сел перед ним на корточки. — Помнишь меня, малорослый ублюдок?

— Как же, как же, — затряс подбородком Конрад. — Вы есть тот самый разлюбезнейший брат Гюнтер, что некогда нашел мою утерянную по рассеянности печать!

— Гляди ка, не забыл! — осклабился громила. — Я ползал перед тобой на коленях, роясь в дерьме словно… навозный жук!

— Не утрируйте, милейший, — магистр предпринял попытку отступления задним ходом, но огромная рука германца уже крепко держала его за капюшон балахона. — Вспомните ка: там ведь была очень даже чистенькая и зелененькая травка…

— Это не меняет сути! — Гюнтер встал, приподнял за собой вырывающегося Конрада и занес свободную руку для затрещины, что при сравнении габаритов обоих вызывало серьезные опасения. — Сейчас я тебя самого… утрирую как Господь черепаху!

— Даже не думай, Гюнтер! — пригрозил я германцу. — Ну ка опусти его честь на землю, и проваливаем отсюда поскорее — время нам не союзник!

Гюнтер разочарованно поморщился и разжал пальцы, отчего Конрад вновь воткнулся локтями и коленями в песок.

— Жаль, — пробурчал германец, все еще не сводя хищного взгляда со сжавшегося коротышки. — Давно хотел это сделать… Скажи спасибо брату Эрику, мелкая сволочь…

— Ваша честь, — снова обратился я к Конраду. — Прошу вас, не вынуждайте нас к насилию — пройдите в «хантер»…

— А может быть, все таки отпустите ? Смею повторно вас заверить, что буду лишь никчемной обузой! — В глазах магистра было столько мольбы, что она растопила бы сердце самого Циклопа. Но только не наши…

— Ни в коей мере, ваша честь, — опечалил я Конрада. — С нами вам суждено будет исполнить самое важное дело в жизни, а именно: наконец-то по настоящему спасти ни перед кем не виноватые чистые души. Я бы гордился на вашем месте.

— А можно, я лучше помолюсь за них где -нибудь здесь, в уединении?

— Нельзя! — рявкнул Гюнтер. — Резче отрясай свои тряпки и бегом марш в «хантер»!

До Конрада наконец дошло, что вляпался он покрупному. Но ни ныть, ни снова перечить бедолага не стал, а лишь потупил взор и поплелся выполнять данный ему приказ. А пока он брезгливо выколачивал песок из складок балахона, мы с Гюнтером собрали все лежавшее на берегу оружие.

Через двадцать минут мы были далеко от места кровавой утренней трагедии. Петляя по узким проселкам, наши «хантеры» (Гюнтер вел джип Пятого отряда, а на заднем сиденье у него болтался связанный для проформы магистр Конрад) неслись в заранее оговоренном нами направлении — на юг к Ренну, — стараясь побыстрее скрыться от ставших ненавистными для всех нас холмов.

Кэтрин, держа малыша на коленях и, успокаивая двух других детей (да и себя в том числе), без умолку повторяла одну и ту же фразу: «Все нормально. Все теперь будет в порядке…» Изредка она посматривала на меня через зеркало заднего вида, но не смела нарушить приказ, который я отдал ей перед тем, как сесть в машину. Он был лаконичен и емок: «Заткнись! Обо всем позже!»

В голове моей все еще эхом стояли выстрелы, хотя времени с того момента прошло достаточно. Это было странное и пугающее состояние — осознавать то, что у тебя нет больше будущего, о каком ты мечтал всю свою сознательную жизнь. А что и оставалось на его опустевшем месте, так это только слабенькая, подобная тщедушной осинке под вековыми сосновыми кронами, надежда, живучести которой воистину не было предела…

— Как зовут младшего? — снова встретившись с Кэтрин в зеркале взглядами, спросил я.

— Ален, — отозвалась она и усадила мальчика поудобней, видимо, разминая затекшую ногу.

Услыхав, что речь идет о нем, Ален перестал смотреть в окно и, насупившись, принялся наблюдать за мной — злым дядькой Охотником, которых так не любил его папа.

Часть 6

16

«…Разумеется, это был такой дурной путь для осуществления моих намерений, что и намерение становилось неправильным, но не забудьте, что я был мальчишкой. Я уже принял решение».

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

— Остановитесь, прошу вас! — наконец потребовала Кэтрин.

Я проехал еще сотню метров, свернул с проселка и заглушил двигатель, остановив «хантер»'

так, чтобы дорога просматривалась в обе стороны, а мы, находясь под прикрытием кустов, были с нее абсолютно незаметны. Пожалуй, решил я, мне и самому не помешает небольшая передышка.

Гюнтер припарковался рядом. Он открыл дверцу и изучающе уставился в небо, где ветер уже слегка поразогнал тучи и дождь вновь порадовал нас тем, что подарил часок другой временного затишья.

— Вам не кажется, что настала пора кое что мне объяснить? — Дрожащий голос девушки говорил о том, что она, как и я, переживала сейчас сильнейшее нервное потрясение!.

— Совершенно верно, Кэтрин, — подтвердил я. — Выйдем ка на пару слов…

Я обтер капот «хантера» рукавом и уселся на теплую от нагретого двигателя поверхность, ожидая от Кэтрин лавины вопросов. Но та зябко поежилась и вопреки моим ожиданиям лишь вымолвила:

— Ну?..

— Хочу, чтобы ты первым делом усвоила главнейшую вещь, — начал я. — Отныне я тебе не враг, не господин надзиратель и вообще не Охотник Корпуса. Во вторых: можешь забирать ребятишек и валить отсюда куда глаза глядят — ты теперь свободна. Однако не все так просто — есть приказ о вашем уничтожении и его никто не отменял. Я же предлагаю вам наилучший вариант — доставить вас в Петербург; ведь именно туда так стремился Жан Пьер? Так что из перечисленного тебе по душе ?

— Вы везли нас на казнь? — ответила она вопросом на вопрос.

— Да, и даже должен был произвести ее.

— Значит, я была права — вы не палач…

— Теперь я гораздо хуже палача: дезертир, клятвопреступник и, что самое страшное, — братоубийца.

— И вы пошли на это ради нас?

— Может быть, позже я расскажу тебе, зачем пошел на это, если, конечно, доживу до того момента, — уклонился я от ответа. — А сейчас выбирай, куда вас доставить.

— Вы…

— Да прекрати ты «выкать» и зови меня просто Эриком. Это, кстати, и к тебе относится, — дополнил я для подошедшего к нам германца, который без приказания никогда бы на это не решился, хотя и был даже на пару лет старше меня.

— А ты… уверен, что сможешь добраться до Петербурга? — недоверчиво поинтересовалась Кэтрин.

— Нет.

— Утешил. Тогда зачем предлагаешь?

— А куда вам еще деваться?

Кэтрин замолчала и потупилась.

Гюнтер смерил нас спокойным, как у сытого медведя, взглядом и уточнил:

— Ну так что, придерживаемся плана… или нет?

— Погоди минуту. Видишь: мы еще не решили, — ответил я, ожидая, пока Кэтрин взвешивала на предмет целесообразности мое рискованное предложение.

— «Решили — не решили», — проворчал германец и отвернулся. — Демократия, тоже мне… Надо бы поторопиться, а то, смею напомнить, скоро здесь станет совсем неуютно…

— Но как мы доберемся до русских? — вновь заговорила девушка. — У нас нет ни продуктов, ни горючего, ни…

— Именно об этом и напоминает наш Гюнтер, говоря про план, — перебил ее я. — Все перечисленное тобой мы добудем в Ренне у нашего старого большого друга. А поможет нам другой наш друг — тот, который габаритами немного меньше.

— Потому вы и тащите за собой эту мерзость? — Упомянув Конрада, Кэтрин брезгливо скривила губы.

— Не только для этого. В конечном счете мы рассчитываем подарить недомерка петербургскому князю. Пусть делает с ним все,

что хочет — персона наш Конрад довольно таки стоящая. И как заложник, и как информатор.

— Да, больше нам отплатить петербургскому князю и вправду нечем, — похоже, для Кэтрин, пусть еще и тускло, но все таки забрезжила новая надежда. — И все же, Эрик… Неделя пути через всю страну… Просто в голове не укладывается!

— Главное — доехать до границы, а там сориентируемся, — для пущего успокоения девушки я решил изложить свои наработки. — Продвигаться будем ночами — днем два «хантера» чересчур приметны. И не стоит забывать, что охота за нами начнется бешеная. Однако у нас есть и ряд преимуществ: мы мобильней, мы малочисленны и имеем неплохую фору по времени. Тела Гонсалеса и его бойцов обнаружат лишь к вечеру, а то и утром, и пока вся эта канитель раскочегарится… Короче, рискнем!

Кэтрин кивнула и робко улыбнулась, что я и счел за полное одобрение своих действий.

Я спрыгнул с капота и тоже постарался улыбнуться ей в ответ:

— Ну хорошо, а теперь по местам! Едем, друзья мои, раскручивать Жан Батиста Рейнского на горючку, шмотки и жратву, да простится мне столь фривольная терминология. Расслабляться рано. Вперед!

Кэтрин села справа от меня на командирское сиденье и, развернувшись к сидящим тихо, как мышки, детям, погрозила тем пальцем:

— Поль! Люси! Ален! Дядя Эрик и его большущий товарищ дядя Гюнтер отныне наши друзья, а потому слушайтесь их, как и меня, во всем! Вам ясно?

— А ты, тетя Кэти, называла их до этого как в книге: псы и убийцы! — поглядела на нее с укором девочка.

— И еще вонючими грязными Охотниками! — деловито дополнил Поль.

— Забудем об этом, — торопливо оборвала их Кэтрин, после чего скосила взгляд на меня, но я, запуская мотор джипа, сделал вид, что не расслышал. — С сегодняшнего дня они в корне исправились и только что поклялись быть хорошими дяденьками…

Магистра Конрада развязали перед самыми рейнскими стенами, где мы совершили еще одну остановку. Я критически оценил его

внешний вид, поцокал языком и вымолвил:

— Ну ничего, ваша честь, если что, скажете, будто бы лично помогали нам выталкивать «хантер» из грязи…

Он выслушал все, что от него хотели, а также прогноз своего ближайшего будущего покорно и без вопросов. Похоже, протрясясь связанным девяносто километров на заднем сиденье, инквизитор досконально обдумал ту ситуацию, в которой очутился, и его развитый инстинкт самосохранения порекомендовал ему не перечить этим бесспорно рехнувшимся экс Охотникам. И только когда наводящий на него панический ужас Гюнтер отошел за кустики по нужде, Конрад привстал на цыпочки и зашептал мне в ухо:

— Брат Эрик, вы всегда были моим настоящим другом, а потому, как другу, я рекомендую вам немедленно сдаться. Еще ведь не все потеряно! Скажете Аврелию, что это Гонсалес взбунтовался и вы его… А я вас поддержу, можете мне поверить!

— А как же Кэтрин и дети ? — ехидно спросил я.

— Да что вы цепляетесь за них! Не убьете вы — убьют другие! Они уже не жильцы: приказ Пророка — закон! Подумайте лучше о себе!

— Вот я и думаю… Они будут жить, покуда жив я, а я буду жить, покуда живы они. И под словом «жить», ваша честь, я подразумеваю не только поглощение пищи и утоление всяческих страстей, а нечто такое, чего даже сам объяснить не могу. И на этом считайте наш разговор законченным!

— Вы совершаете огромную ошибку…

— Я и вправду мог совершить ее сегодня утром. Но ошибся не я — ошибся ваш Господь, потому что нашел такого дерьмового исполнителя своих приказов. Так сказать, допустил непростительную халатность в работе. А что поделаешь: он уже весьма пожилой, но в отставку не хочет, потому терпите его таким, каков есть…

В епископате нас знали хорошо и поэтому пропустили внутрь огороженного стеной двора без лишних проволочек. Несмотря на колоссальное напряжение, я не смог сдержать улыбки при виде лица вылезшего из машины Гюнтера. Его перекосило будто после выпитого залпом стакана уксуса, когда германец обошел «хантер», открыл дверцу со стороны магистра и, учтиво подав коротышке руку, помог

ему выйти. Конрад, будучи изрядно напуганным, все же нашел в себе силы кивнуть почтительному водителю.

— Сидите в машине, — наказал я Кэтрин и добавил: — Не волнуйтесь, здесь опасаться нечего. Пока…

Мы с Гюнтером ступали след в след семенящему впереди Конраду. Обычные официальные посетители — магистр и сопровождающие его Охотники, — разве что прибывшие без предварительного извещения. Вот самый большой телохранитель склонился и что-то сказал Божественному Судье Экзекутору негромко. Тот сосредоточенно выслушал и, продолжая сохранять серьезность физиономии, величаво качнул головой — ну чем не обычная картина суетливых будней епископата?

Правда, подслушай кто краем уха то, о чем Гюнтер сообщил Конраду, удивлению бы его не было предела.

— Мой «бенелли» в полуметре… от твоей задницы, — продолжая сохранять невозмутимый вид, германец довел до сведения магистра актуальную для того информацию. — Заорешь, побежишь или еще что-нибудь в этом духе, получишь такую клизму!

Подобная аргументация явилась для коротышки достаточно убедительной и оспаривать ее он не отважился.

Надежду на скорое разрешение нашей проблемы пришлось отбросить сразу же. Выбежавший навстречу дьякон секретарь уведомил нас, что епископ Жан Батист находится сейчас в городе по делам и прибудет только к ночи, а потому, если его чести угодно, он бы мог подождать хозяина в гостевой зале.

Конрад замялся, но вмешался я:

— Ваша честь, разрешите сопровождать вас. У нас остались нерешенными несколько вопросов.

— Да да, разумеется, — подтвердил очнувшийся магистр. — Само собой…

— И насчет питания наших подопечных…

— Ах да, чуть не забыл! Милейший! — Он придержал за рукав уже направившегося сопровождать его в гостиную дьякона. — Распорядитесь, чтобы в столовой для слуг выделили четыре хорошие — подчеркиваю: хо ро ши е! — порции для моих… пассажиров. Они почетные гости самого Пророка, поэтому я обязан кормить их как самого себя. Выполняйте! А залу найду сам — я здесь не впервые.

— Как угодно, ваша честь, — и дьякон в сопровождении Гюнтера удалился.

Усадив «высокого гостя» на диван, сам я устроился на подоконнике, дабы ненароком не пропустить момент прибытия епископа. Конраду тут же доставили обильный ужин и, помня пристрастия инквизитора во время его визита недельной давности, целый графин высокосортного кагора.

— Не побрезгуете моим обществом? — поинтересовался я, когда слуга удалился, а затем нахальным образом ополовинил магистерский ужин, сложив себе на одну тарелку всего понемногу.

— Разумеется, нет, — не возражал Конрад, закреплявший плохо подчинявшимися ему дрожащими руками на замызганной шее чистую салфетку. — Эрик, милейший, а можно мне чуть чуть?..

И он перевел умоляющий взгляд с меня на наполненный рубиновым напитком графин.

— Но только одну кружечку, не больше, — позволил я, — а то вдруг Жан Батист заподозрит неладное, коли от вас не будет разить как от винной бочки.

Благодарный коротышка влил в бокал столько вина, что расплескал его на скатерть. Ну, а поскольку второй подать не догадались (где это видано, чтобы магистры харчевались с Охотниками?), я, махнув на все приличия рукой, приложился прямо к графину и сделал несколько больших глотков в целях успокоения разнывшейся под вечер совести, после чего с тарелкой вернулся на наблюдательный пост.

Сырой и промозглый, как и предыдущие, день близился к концу. Сумерки окутали Ренн, и двор епископата озарили тусклые фонари, отражавшиеся на мокром стекле причудливыми многоконечными звездами. Магистр Конрад, сбросив туфли, разлегся на диване, но не спал, а молча лежал да изредка постанывал, будто бы прощаясь со всей этой роскошью и изысканной пищей.

Очевидно, тела Гонсалеса и его людей уже обнаружили или вот вот сделают это, так что в лагере сегодня намечается очень беспокойная ночка. Будут высланы дозоры по всем направлениям, и, как только Аврелий получит сведения от видевших нас (а такие найдутся, так как по пути в Ренн мы миновали три четыре мелкие деревушки), по нашему следу тут же ринутся все остальные бойцы.

Трейлеры они не потащат за собой — те медлительны и неповоротливы, — а задействуют «хантер» Мясника, оба моих «самсона» да конфискуют еще кое какой быстроходный транспорт в округе. Также отправят курьера в Париж, откуда по радиостанциям известят центры епархий о наших приметах. Крупные дороги, мосты и ворота городов будут перекрыты постами и барражироваться патрулями. Границы, порты, переправы тоже…

И через все это нам предстоит прорываться. На первый взгляд гиблое дело… Утешает лишь то, что ради нашей жалкой кучки не объявят общую тревогу для Корпуса, Защитников и Добровольцев, а потому сотни второстепенных дорог и проселков останутся открытыми. Ну, а насчет рек: покажите ка мне такого паромщика, который под дулом пистолета откажется перевезти два автомобиля. Грубо, конечно, но платить нам, как ни обидно, нечем. Такие вот дела…

Жан Батист прибыл к полуночи. Этот необъятный, как Монблан, человек стихией ворвался в гостиную и первым делом приложился губами к перстню поднявшегося поприветствовать его магистра. Жан Батист поздравил нас с успехом операции, посочувствовал по поводу гибели Виссариона и Охотников и поинтересовался, какими же судьбами занесло нас в его скромную обитель.

— Согласно особому распоряжению Пророка, милейший, — объяснил загодя проинструктированный Конрад, — нам приказано незамедлительно перевезти детей Проклятого в Ватикан, где их попорченными ересью отца душами займутся наставники одной из семинарий.

— Безусловно, благое дело, — подтвердил Жан Батист, опуская неподъемное тело в услужливо подвинутое мной кресло. — Милосердие Пророка не знает границ…

«О, вы даже не ведаете, насколько безгранично оно на самом деле!» — мой язык просто чесался от желания произнести это вслух и, судя по настороженному взгляду Конрада, я и впрямь был в полушаге от этого.

— Однако, дружище, — более печальным тоном продолжил магистр, — как это часто бывает во время таких мероприятий, нам пришлось весьма поспешно покинуть побережье и для того, чтобы эти

цветы жизни были доставлены в целости и сохранности, у нас ничего такого при себе не имеется.

— О, ваша честь, — прервал его епископ. — Я почту за счастье помочь вам всем, чем смогу. Можете всецело на меня рассчитывать.

— Благодарю вас, вы так добры! — начал Конрад специально разработанный им по нашей просьбе обмен любезностями. — Да что бы мы, право слово, делали без вас, о наиразлйбезнейший правитель сей малой, но распрекраснейшей области…

Коротышка оседлал своего любимого конька — уж льстить-то лучше него в Корпусе навряд ли кто умел. Круглое, как тыква, лицо Жан Батиста расплылось в довольной улыбке. Он посчитал невежливым оставить без ответа слащавый выпад Конрада, а потому последующие минуты стороны соревновались, кто же лизнет кого слюнявей.

Я, стоя за спиной, как выяснилось, «архисправедливейшего и прескромнейшего хозяина самых плодороднейших земель к западу от Парижа», извлек хронометр и, перехватив взгляд магистра, постучал по циферблату пальцем, дав понять о желательном завершении мероприятия.

— Но вернемся к делу, — понял намек Конрад. — Горючее, продукты, медикаменты, теплые вещи — вот все, о чем бы мы хотели вас попросить.

— Не вопрос, ваша честь! — развел руками Жан Батист. — Ради вас что угодно! Завтра утром к вашему отъезду все будет готово.

Мое вмиг посуровевшее лицо вынудило Конрада вылепить и на своем печальную мину.

— Очень не хотелось утруждать вас в столь позднее время, — вымолвил он, — но все это нужно нам в течение ближайшего часа. Весьма и весьма спешим, знаете ли.

— О, да да, понимаю, — закивал епископ. — Служение Господу и Пророку не признает дня и ночи. Как жаль, но мой управляющий ушел домой полтора часа назад. Однако я сейчас же распоряжусь его разыскать…

Управляющего разыскали уже под утро в каком-то реннском трактире пьяным до посинения. А пока слуги епископа шерстили город, я в волнении прохаживался по гостиной, несводя слипающихся

глаз (как никак, а не сплю уже третью ночь) со стрелок хронометра. Время начинало играть против нас…

Жан Батист и впрямь не поскупился, забив под завязку кузова «хантеров» канистрами с бензином, консервами, хлебом, фруктами и прочей необходимой в дальней дороге дребеденью. Так что нам грех было сетовать на столь длительную задержку. Детей, плотно поужинавших и теперь сладко спящих на заднем сиденье джипа, Кэтрин укутала в стеганые одеяла. Сама же девушка накинула на свои хрупкие плеча теплый плащ, снова став похожей на солидную дьяконшу медика, а не на обтянутую кожей байкершу, какой я привык ее видеть.

Когда я утрамбовывал последние пожитки, стараясь затянуть всю эту гору подарков кузовным тентом, позади меня раздалось слабое покашливание. Я обернулся.

— Простите, пожалуйста, брат Эрик, что отвлекаю вас, — стеснительный тонкий голосок дочери Жан Батиста никак не вязался с ее габаритной, под стать папе, внешностью.

— Да что вы, не стоит извиняться, — ответил я настолько глухо и устало, что даже сам подивился скрипучести своей речи. — Вы хотели, наверное, узнать о моем старом друге дьяконе Джероме?

Она уткнула, и лицо ее стыдливо покраснело, обретя под холодным светом фонарей безжизненно серый оттенок. Не знаю, но мне почему-то стало ее безумно жаль — очередной приступ проклятой сентиментальности…

— Ваш Джером передавал вам привет, — бессовестно соврал я.

— Правда? — Глаза девушки заблестели.

— Он героически сражался бок о бок с нами при взятии Мон Сен Мишеля, самолично пленил одного отступника и просил передать, что скоро к вам вернется.

— Он не ранен?

— Да, так… Пара царапин. Но он уже здоров, бодр и снова в строю…

…Где ты сейчас, пострадавший за бернардовскую легенду? Помнишь ли ты о своей реннской пассии? Постарайся, будь добр, чтобы я не напрасно утешал страдающее в разлуке дитя, выгораживая тебя пусть и успокаивающим, но все равно враньем…

— Когда вы снова увидите Джерома, — чуть ли не слезно попросила меня подруга боевого дьякона, — то передайте ему…

— Боюсь, милая, что случится это не скоро, — оборвал я девушку. — Думаю, вы сами встретитесь с ним гораздо раньше.

— Спасибо вам, — поблагодарила заметно повеселевшая от моей беззастенчивой лжи дочь епископа, — и счастливого пути!..

— На черта ты наплел ей все это? — спросил Гюнтер, когда девушка удалилась.

— Все мы, старина, в жизни надеемся на лучшее, — ответил я ему, утянув таки этот злосчастный брезентовый тент. — И хоть большая часть этих надежд никогда не сбудется, согласись: пока надеешься — ты счастлив. Я просто помог ей стать счастливой. Или ты думал, что твой бывший командир только и умел, что орать да взыскания накладывать?

— Если этот бурдюк не вернется… к ней, она и тебя… возненавидит.

— Через несколько дней меня и так все возненавидят. Так что одним больше, одним меньше… А где Конрад?

— Я пристегнул его ремнями безопасности… Не здесь же связывать.

— Отставить в дальнейшем подобное, боец. Наш маленький друг заслужил себе сегодня некоторые привилегии. Ты бы видел, как он справился с ролью! Какой актерский талант пропал на поприще сжигания еретиков… Пускай катается отныне свободным и без кляпа во рту.

— Ладно… Но болтать я ему один черт не позволю…

За ночь погода заметно улучшилась. По небу еще плыли рваные тучи, но в их просветах уже виднелись лоскуты голубого неба. Где-то на востоке сквозь них пробивались лучи восходящего солнца. Я, отвыкший от яркого света за эти дни, щурил глаза, стараясь не съехать с проселка в кювет.

Покинув Ренн через восточные ворота, мы взяли направление на Лаваль и Ле Ман, рассчитывая сегодня ночью обогнуть Париж с юга. А сейчас, озираясь в обе стороны, я и Кэтрин искали мало мальски сносное убежище вроде каких -нибудь заброшенных руин, сохранившихся от Древних в неимоверных количествах: фабрики,

склады, пролеты мостов и эстакад…Нам необходимо было не мозоля ничьи любопытные глаза пересидеть день до темноты.

Поль, Люси и Ален, несмотря на тряску, продолжали посапывать как ни в чем не бывало. Меня заинтересовала эта поразительная деталь, и я спросил о ней у Кэтрин.

— Я вообще не помню, чтобы при мне они когда -нибудь ныли или жаловались на неудобства, — ответила она. — Столько времени в скитаниях даже таких малышей научили терпеть и приспосабливаться ко всему. Вместе с отцом они побывали везде: и в горах, и на болотах, и в глухих лесах. Ничем вы их больше не удивите, ничем не озадачите. Вот и теперь они воспринимают все как само собой разумеющееся.

— Не каждый взрослый способен на такое, — заметил я.

— По силе духа они намного превосходят любого взрослого. И ты поймешь это, когда узнаешь их получше.

— Да, хотелось бы, раз уж мы в какой-то степени теперь связаны…

Договорить нам не дал клаксон ведомого Гюнтером позади нас «хантера». Я было решил, что он просит об остановке, но когда обернулся, то понял все безо всяких объяснений.

На дороге мы находились не одни. Прямо в нескольких сотнях метров позади вслед нам летел потертый «сант ровер», принадлежащий, по всей видимости, местным Добровольцам Креста. В цели его маршрута тоже не было никаких сомнений. Этой целью являлись мы.

Расстояние между нами довольно быстро сокращалось. Я уже прекрасно видел моргающие фары и слышал призывный сигнал, требующий от нас немедленной остановки.

— Перебьетесь! — процедил я сквозь зубы и прибавил газу.

Гюнтер последовал моему примеру, не отставая ни на метр.

— Разбуди детей, — потребовал я от беспокойно вертевшей головой Кэтрин. — Пусть лягут на пол, как вчера.

Впрочем, девушку можно было и не просить — она все поняла сама. Через пару минут мои пассажиры свернули одеяла и заняли уже знакомую им позицию.

— Держитесь крепче, сейчас немного потрясет! — предупредил я их, когда дорога стала уж больно разухабистой, но сбрасывать скорость совершенно не хотелось.

«Сант ровер» приближался уже не так стремительно, однако медленно, но верно сокращал дистанцию. Грохнул выстрел, развеявший последние надежды на то, что это всего лишь спешащий по делам курьер, желающий, чтобы ему уступили дорогу. На наше счастье, мы были еще достаточно далеко, да и неровности проселка, бросавшие джипы из стороны в сторону, мешали преследователям прицелиться как надо.

На горизонте показались невысокие стены Лаваля. Минуя очередную развилку, я взял курс на этот городишко, зная, что днем его ворота будут открыты и к тому же только там находился ближайший в округе мост через небольшую, но с обрывистыми берегами, речушку Майен.

Гюнтер, являвшийся гораздо лучшим водителем, чем я, буквально дышал мне в спину, закрывая всех нас от случайного попадания. Раздались еще несколько выстрелов, один из которых резанул по кустам на обочине и забросил нам на капот сбитую дробью ветку. Погоня продолжалась…

Ворота Лаваля оказались распахнутыми, как и ожидалось. Не замедляя хода, наша кавалькада ворвалась на тесные улочки, распугивая встречных прохожих и заставляя их прижиматься к стенам домов. Стрелять здесь преследователи не стали, четко следуя пункту Устава Братства, запрещающего открывать огонь в местах скопления людей.

…Братства?! Значит, за рулем «сант ровера» сидят таки Охотники, а не Добровольцы, потому что для последних особой регламентации в применении оружия никогда не существовало. Ситуация все больше накалялась…

Большой каменный мост мы миновали засчитанные секунды, едва не спихнув с него торговца яблоками, в сердцах метнувшего нам вдогонку наиболее гнилой образец своего товара.

«Сант ровер» умудрился въехать возле моста в торговую палатку и потратил почти минуту, выбираясь из под ее обломков. Теперь он заметно поотстал и маячил хоть и в пределах видимости, но все же на довольно почтительном расстоянии. Однако уповать на то, что он по какой -либо причине прекратит преследование, было еще рано, а потому мы, не снижая темпа, неслись все дальше и дальше по направлении к Ле Ману…

Но истинная опасность появилась слева. Когда я заметил то, что двигалось нам наперерез по пересекающей впереди дороге, то вдруг отчетливо понял, что сейчас все закончится. Причем погибнем мы все, разорванные на мелкие куски вместе с нашими "хантерами "…

«Самсон» — это чудовище с огромными колесами и автоматической пушкой в кузове — упрямо шел на сближение горой надвигаясь с левого фланга. Гюнтер опять сигналил; но я уже заметил угрозу.

Он принадлежал бывшему моему отряду — это бесспорно, поскольку другого такого в округе наверняка не было. «Сант ровер» скорее всего вызвал его по рации, что использовали мы при штурме Ла Марвея. Стервятники слетали к своей беззащитной добыче…

По голове моей забили тяжелые молоты, дыхание перехватило, а перед глазами поплыли оранжевые круги, но я продолжал вдавливать в пол педаль газа, надеясь миновать перекресток раньше монстромобиля. «Что ж, Жан Пьер, — мельнула мысль, — сейчас мы встретимся с тобой все вместе: Ты извини, что так получилось — господин надзиратель хотелось как лучше…»

Даже если мы минуем перекресток раньше Самсона это ничего не решит. На открытом пространстве — а именно по нему и мчались сейчас наши джипы — от его пушки не скрыться. Он достанет нас «вулканом» в пределах километра. Кстати, он уже может это сделать! Но почему-тогда не стреляет, а идет на перехват? Мы нужны Аврелию живыми? Вероятно.так…

Я проскочил перекресток и успел заметить, как Гюнтер буквально выныривает из под гигантского колеса «самсона». Было слишком высоко, и я не разглядел, кто именно сидит в его кабине. Интересно, мои ли это бойцы или других отрядов? А впрочем, какая разница — отныне я враг для них для всех…

Монстромобиль вывалил на дорогу сразу за нами, но не пустился следом, а перекрыл ее поперек, словно бы намеренно отрезая нас от догонявшего «сант ровера». «Заглох! — возликовал я. — Ну теперь пока их джип перевалит кювет на обочине, мы оторвемся совсем далеко!..» И тут в зеркало заднего вида я с содроганием уловил, как завращалась у «самсона» турель Шестистволого…

И вновь они не стреляли, выжидая непонятно чего. Странно, но ведь это был благоприятный момент: мы на ровной дороге и

достаточно близко, что позволило бы им даже не целиться.

Я обернулся, предчувствуя самое последнее видение в своей жизни, так глубоко погрязшей во грехе за последнюю неделю: огненный вихрь, летящий мне в лицо… Но, что и вовсе удивительно, — стволы «вулкана» глядели в противоположную сторону! От неожиданности я даже сбросил скорость, стараясь разглядеть, что же там, черт возьми, происходит. «Хантер» Гюнтера тут же ткнулся мне в задний бампер. Я сквозь стекло указал германцу на то, что творилось у нас в тылу. Гюнтер обернулся и тоже принялся наблюдать за загадочным поведением «самсона».

Похоже, что для «сант ровера» выросший как из под земли «самсон» также явился большим сюрпризом. Завидя своих, джип начал снижать скорость, а его водитель высунул руку из окна и принялся выразительно жестикулировать, тыча пальцем в нашем направлении и требуя освободить проезд. И когда они приблизились, сидевший за турелью «вулкана» пулеметчик ударил по «сант роверу» практически в упор…

До нас докатился знакомый рев Шестиствола Свинцоплюя, начавшего свою шумную и грязную работу. «Сант ровер» накрыл град двадцатимиллиметровых снарядов, наглядно демонстрировавших нашу возможную участь, но по какой-то необъяснимой причине постигшую не нас, а тех, кто пытался нас захватить. Джип завилял и, остановленный шквальным огнем, застыл на месте. Его кабину просто смяло и срезало; клочки обшивки и осколки стекол разлетелись вокруг мелкими брызгами; колеса лопнули все четыре одновременно… Полыхнуло пламя из растерзанного бензобака, за секунду охватывая изуродованные останки автомобиля и находившиеся в нем тела…

Пулеметчик отпустил гашетку, задрал стволы орудия вверх, а потом выпрыгнул из кресла и замахал нам руками. Дверца «самсона» распахнулась, и соскочивший на землю водитель тоже принялся посылать в нашу сторону призывные жесты. Черные плащи говорили о принадлежности их к Охотникам, но кем бы ни были эти люди, они явно не наши враги.

Мы с Гюнтером уже окончательно остановились и, переглянувшись, вышли из машин. Кэтрин выглянула из за спинки сиденья и проводила меня взволнованным взглядом, видимо, не до конца понимая причину такого внезапного финала гонки.

— Вот так представление! — прокомментировал я, весь взмокший и тяжело дышавший от напряжения. — Как думаешь, кто это?

— Понятия не имею, — щурился германец, стараясь разглядеть приветливо машущих нам людей, которых к этому времени наблюдалось уже трое.

— Идем ка проверим, — предложил я. — Считаю, опасаться нечего.

Держа на всякий случай оружие наготове, мы настороженно двинулись в обратном направлении — туда, где полыхал «сант ровер» и перегораживал дорогу монстромобиль наших неожиданных защитников. Его водитель, завидя нас, перестал орать и подскакивать и выбежал навстречу с поднятыми руками, давая понять, что не вооружен.

— …твою мать! — выругался я по русски, когда наконец-то узнал приближающегося человека. — Гюнтер, ты тоже это видишь, или мне мерещится?

— Эту усатую морду, — проворчал германец, однако с плохо скрываемой радостью, —я ни с чьей никогда… не перепутаю.

— Ну, засранцы, клянусь моими обожженными усами, вы мне теперь по гроб жизни обязаны! — не добегая до нас, закричал наш запыхавшийся спаситель. Сколько я его помнил, бегал он всегда отвратительно и никогда этого не любил.

— А тебе, скандинавский полукровок, Михаил Михалыч разобьет сейчас весь анфас! Устроил тут, понимаешь!..

17

«— Я такой же осел, сэр, — возразил капитан. — В первый раз я вижу команду, которая собирается бунтовать, а ведет себя послушно и примерно. С другой командой я давно обо всем догадался бы и принял меры предосторожности. Но эта перехитрила меня».

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

История, поведанная Михаилом во время нашей первой дневной остановки среди руин мануфактуры Древних, была исполнена не меньшего драматизма, чем и наша собственная…

— …Мне плевать, викинг, на то, что здесь присутствуют твои бывшие подчиненные. К черту теперь субординацию! Я скажу прямо — ты настоящий мерзавец! Ну ка сядь на место, колокольня германская — ты тоже ничем не лучше… Ты подставил меня,

командир, как Моисей египетских младенцев! И это, по твоему, благодарность? Да зачем я только волок тебя, урода, по камням Новой Праги! Надо было просто дать тебе там окочуриться, и все дела! А тебя, рыжая стерва, вообще никто не спрашивает, помалкивай пока в тряпочку… Я ною? Я не ною, а говорю вам, кто вы такие на самом деле: козлы! Подлинные козлы! А впрочем, после того, как я назову вас козлами, вы ведь лучше не станете?

Короче, рад снова видеть вас, ребята! Тебя, еретик доброволец; тебя, человек домкрат, и даже тебя, попрыгунья ты наша! Честное слово, рад!

Да уж, не спрашивайте, какого черта мы здесь оказались; ночка выдалась еще та! По мне, так уж лучше пяток Ла Марвеев выскоблить, чем снова такого понюхать. Посадил ты всех, Эрик, в первосортнейшее дерьмо, ну да вижу хоть, что не зазря, а ради вот этих спиногрызов. Коли не они, я тебя бы уже до самого Парижа Шестиствольным размазал…

Ладно, по порядку, так по порядку. Выпотрошили мы моего землячка, которого Марио повязал, как и подобает — на совесть. Все выложил, что знал и что не знал, но догадывался. Информации море, все довольны. Теперь, говорят, брат Михаил, свободны, чешите обратно к своим.

Приезжаю в лагерь и перво наперво интересуюсь, а где же мой командир; жив ли; здоров ли; не скучает ли по своему заместителю? А Вацлав отвечает: так ведь уехал он по утренней зорьке; повез детей Иуды и тебя, красавица, в Авранш, к парижскому архиепископу. Не ври, говорю, я только что оттуда и никого ни там, ни по дороге не встретил. Ну как же, толкует поляк, с ним еще Конрад и Гонсалес с бойцами… Короче, загрузили меня по самую макушку; тут и новости ко всему прочему порассказали; хожу, ни черта не соображаю. Зачем, думаю, такая толпа для перевоза обыкновенных ребятишек?

Обед миновал никого. Ни слуху вашего, ни духу… Часа в четыре приезжают наши отцы командиры и сразу ко мне— найдите, дескать, своего комвзвода, пусть отчитается о проделанной работе. «Так ведь, батеньки, нет его, не приехал еще», — этак по простецки докладываю я им, а сам ни сном ни духом. Седой с бородатым друг на друга вылупились и застыли как истуканы. Мясник первым оттаял, как гаркнет на весь лагерь: «Общее построение! Шевелись, мать вашу!» А

мне злобненько так зашипел: «Ну, моли Бога, чтобы у них просто машина где-то в песках сломалась, а иначе…» Ну надо же, мыслю, какие мы суровые! И чем это таким наш комвзвода так вас достал? А сам на Конрада во все глаза пялюсь, потому что вообще запутался во всем. Однако, чую: плохи наши дела — что-то случилось…

Ну Мясник пока всем ни слова; разбил берег по секторам, а нас по группам, рации раздал и направил искать тебя и Карлоса. Идем мы с Вацлавом по берегу, догадки разные строим, что да где; ни он, ни я в голову не возьмем, на кой черт мы здесь этой ерундой занимаемся. Мерзость с неба сыплет, мокро, грязно, противно…

Часа через два пищалка ожила: «Боевая тревога! Общий сбор! Все назад!..» Возвращаемся, а там… не при даме будет сказано как все плохо! Пять трупов с Гонсалесом вместе; один без башки! Вольф со своими их обнаружил и приволок. Пригляделись: ни тебя, ни Гюнтера, ни коротышки среди них нет. И то ладно. Решили, значит, вы наверняка живы, но вот только где?

И тут меня как мыслью нехорошей по мозгам огрело, что чуть обмороком не заболел: четыре-то покойничка с аккуратненькими дырочками. Стрелка нашего работа, а пятый тот, что безголовый — грубая и топорная, не иначе как картечью деланная; а кто у нас картечью то палит? И, клянусь обожженными усами, даже онемел! Нет, на полном серьезе дар речи потерял! Вацлав вот не даст соврать…

Тревога есть тревога — все суетятся, бегают туда сюда. Карлосовские братья, так те вообще с ума посходили: ревут, кричат, землю роют, на наших чуть ли не в драку кидаются. Циклоп со своими за дополнительными джипами в Авранш рванул. А нас, то есть Одиннадцатого, что интересно — как будто и нет! Ни поручений, ни приказов. Напрягает это; сбились в кучу, стоим, обсуждаем…

«Сант роверы» пригнали — опять построение. Замерли; ждем, естественно, объяснений. Ну, выходит, значит, этот прыщавый с бородой и такое погнал про тебя, что мы чуть не попадали! Если вкратце, то примерно следующее: Иуда совратил тебя и помог заключить контракт с Дьяволом; ты продал тому свою душу, затем заставил Проклятого сымитировать нападение на Аврелия и подарил ему легкую смерть, пристрелив мерзавца и выйдя сухим из воды. Потом напросился увезти ребятишек Жан Пьера до Авранша, а по дороге убил Карлоса с братьями, выкрал Конрада и скрылся с детьми и

рыжей ведьмой в придачу. Мать честная, и это человек, с которым мы бок о бок прослужили столько лет! Просто в голове не укладывается!

Скажу откровенно: не поверил ни на грош! Спасибо, что не сомневаешься… Ну, думаю, либо все это громаднейшее недоразумение, либо наглая подстава моего старого боевого товарища. Однако, Эрик, не все так считали из нашего отряда, далеко не все… Но прежде чем по джипам попрыгать и тебя по подворотням ловить, Бернард ублюдок одну хитрую уловку к нам применил. Догадываешься, какую, ведь сам еще вчера командиром был?

Да, именно это!

Подошел к нашему взводу, посмотрел всем в глаза и говорит: «Теперь, бойцы, раз уж Эрик продался Сатане, я над вами командир! Но чтобы ни у меня, ни у магистра Аврелия, ни у Корпуса отныне на ваш счет не было ни толики сомнений, сейчас все вы на Святом Писании перед своими братьями публично отречетесь от Эрика Хенриксона и признаете его грязным отступником и предателем Ордена и Братства, а посему достойным лишь позора и смерти через Очищение, А начнем, пожалуй, с тебя!» И пальцем мне прямо в лоб ткнул! «Шаг вперед, боец, — заорал, — и громко, и четко всё то, что я сказал, повтори, если считаешь себя незамаранный перед Господом Богом, Пророком и Апостолами Его!» — «Не могу, — говорю. — Надо сперва досконально во всем разобраться, а уж потом и обвинять человека. А вдруг это дикоё заблуждение? Я знаю Эрика давно, и он без веской причины никогда бы не натворил подобного…» А этот гад ка а ак мне затрещину влепит, что аж берет с головы слетел, ка а ак рявкнет: «И ты, тварь, с ним заодно! Еретика покрываешь? В Комнату Правды его! Немедленно!» Короче, уволок меня Циклоп, по пути еще несколько раз по шее добавил перед всем строем… Позорище, стыд и срам «Земляка» отобрал, обыскал и в клетку запер, где еще вчера Иуда сидел, а сегодня его друг повесился… Как какой? Лаврентий! Ах, да, ты же не в курсе — его нашли задавленным прямо перед моим приездом из Авранша. Да черт поймешь — как — где-то веревку надыбал вроде… А может, и помогли, не могу точно сказать…

Сижу, понимаешь, на нарах; думаю обо всем случившемся и о тебе в частности, сам догадываешься, в каком ключе. На Трон кошусь; по заднице уже и мурашки побежали… Вдруг слышу: дверь снова бряк! Надо же, решил, вот и Аврелий идет; сейчас начнется… АН нет!

Волокут еще кого-то да и ко мне швыряют… Здравствуй, Вацлав! И ты туда же! Вон, глянь, какую блямбу ему под глаз закатали; все из за тебя, между прочим…

Однако все веселей; сидим вдвоем, анекдоты про инквизиторов травим… Да шучу, само собой… Как-то так резко нас с ним все это по голове ударило, что и сказать-то нечего, молчим лишь да кряхтим, как старые пердуны в отставке. А когда уже решили, что мы одни такие отмороженные, тут и Саймона доставили. Вот уж кого не ждали, так не ждали! То, бывало, такой богобоязненный ходит; супротив Святого Писания что услышит, сразу укорять начинает, а поди ж ты! И он не поверил Мяснику! Уперся: «Не может быть такого, хоть убейте!» Тоже перепало ему — почку отшибли, видишь — потирает стоит. Сядь, не маячь, а лучше приляг, полегче станет. Ты за свою почку сегодня утром троих матадорских головорезов Шестиствольным в пыль обратил. Как говорится, воздал всемеро, а то и поболее…

А остальные? Да, Эрик, остальные поклялись: согласны, дескать, с тем, что вы, как брат Бернард, сказали; Эрик Хенриксон — слуга Нечистого; продался ему через ересь Иуды и чары рыжей ведьмы. Не бухти, милочка, это не я придумал. Такова теперь официальная версия событий… Тадеуш, Ганс, Фернандо, финны, сопляк этот — Энрико… Все как один. Но это не ты их предал, а они тебя! Я так считаю, и я абсолютно прав!

Ну, короче, слышим: клятвы в верности до гробовой доски закончились; разъезжаются джипы в разные стороны. Следы твои Вольф не просек — дождем размыло, — поэтому по всем маломальским дорогам помчались крестьян и искателей допытывать. И Мясник с ними. Он там перед строем им еще много чего напел: типа, все они теперь единый отряд, истинные братья, спаянные общей бедой, и прочую белиберду. Одним словом, остались в лагере Аврелий, Джером да наши Энрико со Свеном нас вроде бы как стеречь да магистра охранять. Ну тот долго не мудрствуя к нам в трейлер — надо же на ком-то злобу сорвать! — и давай шарами вращать да божьей карой стращать, а самого аж колотит от перевозбуждения. Мы ему, разумеется, и так, и эдак: не может подобного быть, вы заблуждаетесь, и все в таком роде. Ни в какую! Будь у него людей побольше, он бы нас тотчас же на Трон и посажал. Но все на выезде, так что он, получается, с нами практически один на один. То есть как шавка возле цепного

волкодава: трется окрест, тявкает, а подойти боится. Однако в раж вошел — такую проповедь завернул, что стены фургона задребезжали от проклятий. Слюной брызжет, увлекся, все ближе и ближе подходит, палец свой грозящий чуть ли не в клетку засунул…

На том, стерва, и погорел! Как-то все у нас так невзначай вышло, что даже смешно сейчас. И ведь не сговаривались нисколько! Только переглянулись и вот уже!.. А просто достал он нас своей упертостью тупорылой, в этом и причина. Я Вацлаву кивнул — он через клетку хвать рукой это чучело за бороду, на кулак накрутил и харю к прутьям притянул, да так, что бородавка его аж внутри камеры очутилась! А у меня чисто случайно стилет в рукаве остался — Циклоп олух, а не шмонатель. И я Аврелию кончик лезвия в ноздрю и загнал, дабы припугнуть слегка. Ну слегка или не слегка получилось, не знаю, но что завоняло — это факт. Открывай клетку, говорю, а то придется нос заново пришивать! А он и вымолвить ничего не может, только скулит, словно сука рожающая. Пальцами в прутья клетки впился, глаза к переносице свел, рожу перекосило!.. Саймон у него по карманам пошарил, ключи нашел и замок открыл.

И вот она — свобода! Бери, пользуйся

Тут нелегкая Свена занесла — возню вроде как учуял, А поскольку мозги-то Мясник ему уже прочистил, он и не задумывался — пистолет выхватил, гад, да палить по нам собрался. Если на прямоту, я и раньше не слишком его переваривал. Скрытный какой-то, себе на уме… Благо, Саймон неподалеку был, подскочил и свой коронный правый прямой Свену по тыкве! Тот в отключку! Мы с Вацлавом рассудили; во как здорово — и эффективно, и без греха на душу! Переглянулись и Аврелию точно так же, чтоб не верещал. Потом скрутили их обоих проводами от Трона, рты полотенцами позатыкали да в клетку — ощутите, мол, парни, всю прелесть ее гостеприимных стен.

Зассанца Энрико тоже убивать не стали — пускай живет, молод еще. Я к нему в темноте подкрался и артерию на шее пережал. Учили, учили пацана бдительности при ночных дозорах, время тратили и все зазря — даже не обернулся, уснул как младенец.

Застыли мы, в общем, посреди лагеря, как те три креста на Голгофе; рассуждаем: чего да куда. Тут бац! — дверь трейлерная загремела. Ну мы опять на нервы: кто это, черт его дери? Ага, верно —

наш «винный бочонок» Джером карапуз! Засек нас и обомлел. Сам прикинь: трое только что посаженных под замок арестанта, один из них с ножом и Энрико на земле валяется! Но дьякон не ведает, что парень жив здоров, а видит — лежит, не шевелится. Ну, подумал, все, конец пацану! А я еще и кричу вдобавок: «Эй, приятель, добрый вечер! Поди ка сюда, разговор есть!»

Ни разу, Эрик, не видел, как кабаны по лесу бегают? И я тоже до вчерашнего вечера. Туша тушей, а сколько прыти! Как дал Джером по кустам куда-то в сторону Ренна — треск и топот минут пять до нас долетали. Огляделись; теперь, думаем, уж точно никого не осталось. И верно: кругом тишина, лишь костры под дождем дымят да Джером где-то в темноте просеку прокладывает.

Помозговали еще чуток, прикинули расклад да решили: все, путь один — сматываться пора. В Корпусе на перспективе лишь Трон да клетка огненная, а так, глядишь, по воле чуток побегаем, а следовательно, поживем еще малость. Жизнь-то, Эрик, как ни крути, и в отступничестве прекрасна: крест на лысину не давит, Святое Писание карман не оттягивает, но что самое главное — за речью следить не надо, ругайся когда и где хочешь любыми словами и в любых количествах.

Позыркали мы по сторонам — одни «самсоны» стоят. Так бы, конечно, чего полегче да пошустрее прихватили, но на безрыбье и удочку обглодаешь. Зато лагерь почистили будь здоров! Еды, горючки, барахла всякого — полный кузов. Да, про стволы и патроны тоже не забыли. Братья так сильно рвались найти тебя и пристрелить, что арсенал забыли запереть — нам и замки ломать не пришлось. «Земляка» своего хоть вернул; никогда бы не простил себе, если бы там его, горемычного, бросил. «Гепарда» одного подрезали на всякий случай, а второму на ствол колесом наехали, дабы он кого -нибудь из нас издали не пришлепнул — пакость еще та, когда против тебя играет. Пулемет ральфовский Саймон забрал, больно он ему по сердцу пришелся при штурме. А еще он зачем-то огнемет виссарионовский прихватил. Говорит, костры под дождем жечь очень удобно — быстро и не дымит. А по мне, так-только место занимает…

Короче, ничего не забыли. Даже пару раций эти раздолбаи нам оставили — вот Циклопу-то опять по лысине достанется! Они, кстати, нас на тебя и вывели, но об этом позже… Хотели на прощание

запалить этот гадюшник к чертям собачьим, но Вацлав — умная голова! — сказал, что огонь всех назад пригонит, а так, пожалуй, только к утру обернутся. Ну, а мы к утру уже ищи свищи! Все равно недурной подарочек оставили:— вторую измену да Аврелия с грязной тряпкой во рту. Будет знать, как хороших парней унижать, мерзавец! А для полного комплекта колеса у трейлеров, тягачей и второго «самсона» попротыкали; пускай побортуют, поползают, аки свиньи по грязи. Покатило веселье, одним словом!..

Только выехали, заспорили, куда бы Стрелок дернул с бабой и детьми. Поскрипели извилинами и порешили, что на восток — к русским, в Петербург. Рискованно, но при желании выполнимо, а это, брат Хенриксон, твой стиль. Правда, мы считали, что ты на бензин и тому подобное встречных грабить будешь, а ты ишь как грамотно все провернул с помощью прыща этого мелкого. Молодец, чувствуется моя школа! Но время потерял — это минус…

Валяем, говорит мне Вацлав, и мы на твою исторический родину; драпать так уж всем под одно крылышко. На том и сошлись да понеслись во мрак. Дороги только наши не совпали из за твоего рейнского наскока. Вы через Лаваль пошли, а мы на Алансон. Но рассчитали мы ваш маршрут правильно: по побережью вам путь заказан — слишком многолюдно, — а южнее — крюк солидный выходит. Так что, командир, твой оптимальный вариант мы раскусили в один присест!

Короче, несемся, свободой упиваемся, лишь ветер в ушах. Веришь — нет, но будто пьяные, хотя и капли в рот никто не взял из магистерской бочки. Лично я легкости такой и в теле и в мыслях с детства не ощущал, будто неимоверную скалу с плеч спихнул, истинно говорю! Саймон предложил: давай рацию включим; о чем там эти уроды трещат. А по говорилке одно: «не видели», «не проезжали», «чисто». ..Уже светать начало, вдруг кто-то из сироток Гонсалеса как заорет: Эрик попер на Ренн — его «хантеры» засекли невдалеке от этого городишки!

Не, думаем, ерунда это — не сунется Стрелок на юг, там для него тупик. Ну разве что для запутывания следов… И дальше едем, но уже малость потише. Чем черт не шутит, авось догоните вы нас? Только только к речушке подрулили, как рация опять в крик, но уже без

остановки: типа, преследуем беглецов — те уходят; открыть огонь — есть открыть огонь; движемся к Лавалю и ля ля ля в том же духе…

Вот те раз — Лаваль! Так ведь вон же он, на горизонте! Речку по какой-то запруде переехали и по газам до той точки. А передатчик верещит не переставая; Бернард еще пару машин вдогонку отправил. Слышим: город вы миновали, дальше несетесь. А через десять минут раз — и вот вы, прямо перед носом! Шпарите себе по проселку, а паразиты уже вам в хвост вцепились…

Ну ка, брат еретик, ответь: наложил небось под себя, когда нас увидал? Наложил, не отпирайся! Англичанка вон до сих пор какая бледная сидит… Ой, простите великодушно, мисс: не знал, что вы ирландка. Виноват, коли обидел; впредь не повторится…

Вот такие поганые наши дела, мистер швед. Сегодня к закату все епархии обогатятся твоей подноготной и описанием внешности и завтра нам уже придется ныкаться по щелям, как тем тараканам. Но самое страшное я тебе еще не сказал; Аврелий, когда нас стращал, заодно поведал о том, что Мясник перед облавой дал при всех Слово Командира, что возьмет тебя любой ценой живым или мертвым. Чуешь, что к чему? То-то же…

Теперь у нас одна надежда — князь Сергей; так, кажется, матрос, которого я допрашивал, его называл. Доберемся — хорошо, ну а нет, тогда хоть шкуры свои продадим подороже. Вот только соплячков жаль будет, но не серчайте раньше срока, мисс ирландская ведьмочка, вас ведь опекают самые боеспособные отступники Святой Европы за всю ее историю, уж клянусь моими обожженными усами…

18

"— Что за чертовщина! — сказал он. — Уж не спятил ли доктор Ливси ?

— Не думаю, — ответил я. — Из нас всех он спятит последним".

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

Спал я крепко и без сновидений, заснув практически мгновенно. Мысль о том, что нас отныне не два боеспособных человека, а целых пять, здорово меня успокаивала.

Странная штука жизнь. Ну ладно я, загнанный в угол, пошел на такое, но Гюнтер, Михаил, Вацлав и Саймон… С ними-то что случилось? Их ведь никого казнить не заставляли, ультиматумов не предъявляли и изначально Троном не грозили. У Гюнтера, как

выяснилось, был таки принцип, стоящий выше Устава, и он не смог им пренебречь, а все, что требовали от последних трех, так это сказать лишь четыре слова: «Да, Эрик Хенриксон — предатель!» Но не сказали же, не поверили самому Аврелию, не встали в один строй с остальными! Непредсказуемая вещь человеческая душа, все сильней и сильней в этом убеждаюсь…

Под вечер совсем распогодилось. Теплый ветерок подсушил землю, буквально за полдня уничтожив последствия этого затяжного моросящего проклятия, оставив кое где лишь наиболее глубокие лужи. Проснувшись, я лежал, не открывая глаз, и слушал вечернее птичье щебетание. Сонм роившихся в голове мыслей покрыла легкая безмятежность, заставляя вот так валяться, расслабившись, на пожелтевшей траве и вдыхать ее чуть прелый, щекочущий ноздри, аромат.

Справа донеслось громкое шмыганье носом. Я нехотя раскрыл глаза и повернул голову. На расстоянии вытянутой руки от меня сидел, прислонившись спиной к обшарпанной стене полуразрушенного здания, старший сын Жан Пьера Поль и стегал прутиком сухие травинки.

— Как жизнь, молодой человек? — улыбнувшись, спросил я его, но лицо мальчишки осталось хмурым и озабоченным. — Что тебя тревожит? Утренняя погоня напугала?

— Эрик, — игнорируя мои вопросы, отозвался Поль, — дайте мне автомат!

— Рановато тебе баловаться этой игрушкой. Да и помощь твоя пока не к спеху. Видишь, сколько нас теперь, больших и до зубов вооруженных.

— Ну тогда пистолет. Папа учил меня стрелять из него, честное слово!

— Зачем он тебе? Хочешь попалить по консервным банкам?

— Нет, я хочу драться с теми, кто убил моего папу, когда они снова придут!

— А кто тебе сказал, что он умер? — Я приподнялся на локте и пристально посмотрел на него.

— Кэти. Только что…

Кэтрин вскрывала банки с консервами и нарезала хлеб, готовя ужин перед ночной дорогой в неизвестность. То и дело она косилась на

дрыхнущего возле колеса «самсона» магистра Конрада. «Как бы ее нож не был использован не по назначению», — с опаской за судьбу коротышки подумал я, наблюдая, как наша гордая ирландка расправляется с жестяными крышками банок.

— Да, я рассказала им об этом, пока ты спал, — подтвердила она слова Поля. — Разумеется, в общих деталях и без упоминания о том, что ты считаешься официально его убийцей. Думаешь, напрасно?

— Ну, рано или поздно это все равно пришлось бы сделать, — ответил я, будучи, однако, неуверенным до конца, была она права или нет. — Только сейчас, наверное, не то время — дети и так страшно нервничают…

— Но я не могла больше держать в себе такой груз, а тут еще их постоянные вопросы об отце… — вздохнула Кэтрин. — Ты прав: наверное, и впрямь стоило подождать. Дерьмовая из меня получилась бы мамочка. Люси вон плачет, а я даже не знаю, как ее утешить. Ален же еще слишком мал — так ничего и не понял. Хотя, может быть, это и к лучшему…

— Они выдержат, — подбодрил я поникшую и ставшую не похожей на себя обычную девушку. — Ты же сама сказала, что сила духа у них еще та…

Кэтрин покивала головой, ничего не сказала и направилась к «хантеру» за другими продуктами…

Огнемет Виссариона оказался и впрямь ценной штуковиной. На малой мощности он позволял разогревать воду без необходимости разводить дымящий и, следовательно, выдающий наше присутствие, костер. Орудие жестокой мучительной смерти отныне служило более мирным целям. Да и все мы потихоньку привыкали, что более не являлись теми, кем были еще вчера…

За ужином выработали план на сегодняшний ночной бросок. Михаил и Саймон забирали себе «хантер» Гюнтера и должны были двигаться впереди, ведя дозорное охранение и предупреждая по рации обо всем, что встречалось на пути. Гюнтер пересаживался на «самсон» вместе со своим неразлучным, но открыто презираемым другом Конрадом. Саймон оставался на месте стрелка Шестиствольного. Они прикрывали с тыла мой джип, идущий в середине колонны.

— Поаккуратней с рацией, — напомнил я Михаилу. — Не стоит исключать совпадение нашего и Мясника каналов, и тогда эти

пищалки выдадут нас с потрохами. Так же периодически обшаривайте эфир в режиме поиска. Если Охотники окажутся поблизости, мы засечем их переговоры.

Тронулись, когда стемнело. Михаил ушел в отрыв; «самсон» тоже немного поотстал, но держал мой «хантер» в пределах видимости фар и мертвой зоне своего орудия.

Дети молчали, каждый по своему переживая гибель отца, Поль грустно смотрел в темноту за стеклом. Люси немного успокоилась, лишь изредка шмыгала носом и вытирала кулачками заплаканные глаза. Ален, видя расстроенных брата и сестру, тоже насупился на коленях у Кэтрин, разум которой подсказывал не лезть сейчас ни к кому из них с глупыми утешениями. Да и чем можно было их утешить?

Зная, что бойцы Бернарда стягиваются к Ле Ману, где их ждала очередная неприятность в лице трех свежезажаренных трупов, мы постарались удалиться оттуда как можно быстрее, выбрав направление от Парижа в район Реймса. Дороги, ведущие к столице епархии, были неплохо накатаны, и мы, развив приличную скорость, покрывали километр за километром, постепенно удаляясь на восток. Изредка навстречу попадались подводы крестьян, пару раз пролетели грузовики торговцев, а однажды мы разминулись с джипом Защитников Веры, о приближении которых исправно донес Михаил. Но поскольку слава о наших подвигах докатилась, вероятно, только до Парижа, те лишь приветливо помигали фарами и не более того.

Все каналы радиопередатчика молчали, сообщая тем самым, что преследователи еще достаточно далеко.

Я зря беспокоился насчет форсирования речушек — все они, узкие и неглубокие, были буквально унизаны всевозможными переправами. Кое где мы натыкались на мелководье, кое где проезжали по дамбам, которые выдерживали даже тяжеловесный «самсон». Но обычно предпочитали не рисковать, спускаясь вброд ниже по течению. Деревянным же крестьянским мостам старались особо не доверять, боясь проломить те, привыкшие к гужевому транспорту, своими стальными колесницами и, следовательно, крепко и надолго застрять у всех на виду. В целом продвижение наше происходило даже несколько быстрее, чем я рассчитывал…

Видимо, горе тоже является для организма большой нагрузкой, тем более для растущего детского, потому, как бы и ни горевали ребятишки, после полуночи все они стали клевать носом. Я поймал просящий взгляд Кэтрин, уставшей держать спящего малыша, и передал по рации Михаилу кодовое слово остановки — «закат».

Пока мы с ним решали, с какого края объехать замаячивший впереди Реймс, Кэтрин уложила детей на заднем сиденье, а затем тоже вышла размять затекшие ноги. Послушав немного наш разговор, она кашлянула ради привлечения к себе внимания, а затем перебила тараторившего без умолку русского:

— Извините, парни, а мое мнение учитывается в подобного рода совещаниях или мне продолжать помалкивать в тряпочку?

— Вообще-то, милочка, — заметил Михаил, — решение стратегических вопросов не для женского ума…

— Не называй меня «милочка», — огрызнулась Кэтрин. — С детства не люблю!

— Вот как? — ухмыльнулся Михаил. — Ладно, не буду. Тогда как изволите?

— Никак! — отрезала она. — Я, кажется, задала вам вопрос!..

Михаил уставился на меня с немым укором: чего это, мол, ты позволяешь глупым бабам качать здесь права!

— Я слышал, Кэтрин, — ответил я, игнорируя упрек русского. — Разумеется, ты можешь принимать участие в решении всех текущих вопросов.

— Огромнейшее спасибо! — с наигранной любезностью раскланялась она. — Так вот что я хочу сказать: после Академии я долго работала в Реймсе и знаю его округу как свои пять пальцев. И если вы смирите хоть на чуть чуть свою гордыню, я бы могла повести головную машину, поскольку то, что вы тут напланировали, глупо и нерационально.

— Ты умеешь водить? — практически в один голос спросили я и Михаил.

— Тоже мне наука! — хмыкнула Кэтрин. — И уж куда получше вашего брата. Сами убедитесь через минуту, если допустите к рулю. Ну так как?

— Да ради Бога, — я и не думал ей перечить.

— То-то же, пустомели, — обрадовалась она. — Ну а тебя, пан русский, я попросила бы тогда присмотреть за детьми.

— Паном среди нас может быть лишь Вацлав, а у нас, у русских, «господин», «сударь» или в крайнем случае «товарищ», — обиженно поправил Михаил девушку и тут же возмутился. — Я? За детьми? Пускай уж лучше Гюнтер, он хоть и не общительный, зато спокойный…

И он кивнул на подошедшего германца.

— Чего… Гюнтер? О чем спор? — поинтересовался тот. — Разорались, аж в Париже слыхать.

— Тебе полночи придется объяснять, самый длинный в стране еретик, — недовольно пробухтел поменявший обязанности сударь. — А я и без того устал…

— Очень много лет… я хочу сказать тебе одну вещь, — навис над ним великан. — Раньше этого не позволяла… субординация, но теперь, пожалуй… можно. Ты слушаешь?

— Когда ты начинаешь сплетать такие длинные фразы, слушать надо уже из чистого интереса. Конечно, я тебя слушаю. Говори.

— Так вот: закрой рот, балаболка! — размеренно произнес Гюнтер и скрестил руки на груди, следя за реакцией Михаила.

Михаил насупился и отвернулся от довольного взятым за долгие годы реваншем германца.

— И ты, Брут Гюнтер? — укоризненно пробормотал он. — Осмелел, да? Забыл, когда последний раз мне честь отдавал? Швед, почему ты не взял в напарники Тадеуша, а? С тем хоть поговорить приятно… было… Ладно, черт с вами, нянька так нянька. Подчиняюсь большинству. Это ваше окончательное решение, товарищ главный отступник…

— Прекратите пререкания! — Я все еще продолжал по инерции выступать в роли их командира. Они также по инерции мне подчинялись. — Кэтрин права. Делаем так, как она и предлагает.

Всеобщее молчание выражало согласие с моим мнением. Я же повернулся и обратился к девушке:

— Далеко не отрывайся, слишком сильно не газуй. Если что-то где-то — сразу тормози и докладывай. Понятно?

— Понятно, — усмехнулась она, довольная собственной победой. — Спасибо за совет, папочка. А ты, сеньор Михаил…

— Сударь…

— Да один черт… Не перебуди своей болтовней ребятишек. Поступит на тебя хоть одна жалоба — пойдешь пешком.

— Я же сказал: козлы! — проворчал напоследок Михаил и пошел занимать указанное ему место…

Кэтрин и вправду довольно недурно водила автомобиль: рулем не дергала, невпопад не газовала и аккуратно — как-то по женски, что ли? — притормаживала перед выбоинами. По ее уверенности в выборе пути на многочисленных развилках можно было судить, что местность она действительно знала лучше разжалованного из штурманов русского.

А тот никак не мог простить мне эту оскорбительную для него рокировку:

— Нет, ты только глянь на нее! Да ежели мы перед каждой кочкой останавливаться будем, Бернард нас пешком догонит! И ты тоже хорош, а еще друг называешься!

Кроме патологического засыпания на посту, Михаил страдал еще одной хронической болезнью — дорожным реченедержанием. Правда, я за столько лет нашей совместной службы уже свыкся с этим: слушал его вполуха, периодически кивал и односложно отвечал на задаваемые вопросы. Михаил общался с Кэтрин совсем недолго, но по тому, сколько нелестных характеристик о ней он мне выдал, складывалось впечатление, будто русский приходился ей как минимум ближайшим родственником. Вот Михаил плавно перешел от пункта «Кэтрин — заносчивая и неблагодарная особа» к пункту "Кто вообще здесь командует — ты или она? ".

— Мы отчасти придерживаемся порядков Древних, — нехотя ответил я и, памятуя замечание Гюнтера, уточнил: — Этакое подобие демократии. Но право решающего голоса я оставляю за собой, хотя по идее и не могу уже считаться вашим командиром.

— Дай женщинам демократию, и они моментом перекуют ее в матриархат, — заметил Михаил. — Но с другой стороны, будь наша рыжая наманикюренной куклой, проблем с ней пришлось бы претерпеть куда больше. Кстати, я вижу, ты нехило запал на нее, как, впрочем, и она неравнодушна к тебе.

— Не мели ерунды, — пробурчал я. — Мне-то она действительно нравится, но чтобы она? Чушь! Не забывай о том, что еще вчера мы

убивали ее друзей.

— Эти два дня, Эрик, все поставили с ног на голову. Враги стали друзьями, друзья — врагами. Помнишь, что я сказал тогда тебе на крыше монастыря? Это было совсем недавно! Все сбылось! Даю руку на отсечение, что не самая последняя причина твоего поступка — именно Кэтрин. Тебе меня, любезный, не обмануть. Я вижу, как вы друг на друга смотрите…

— Куда уж мне до вас, уважаемый аналитик. Вам ведь со стороны все гораздо лучше видно…

— Ага, нервничаешь! — радостно заерзал Михаил. — И это тоже — о многом говорит!

— Да ни о чем это не говорит! — Я и впрямь что-то чересчур разволновался. — Я буду нервничать теперь всю оставшуюся жизнь. А что, ты намереваешься приударить за ней. Пожалуйста, я мешать не буду.

— Хо хо, я за Кэтрин? — рассмеялся русский. — Нет, баба она, конечно, что надо — все при ней, — но, скажу тебе, швед, по величайшему секрету, не вздумай никому разболтать: я ее боюсь. Эта женщина начисто подавляет мой гордый и независимый характер. Ну а для тебя, я думаю, она была бы в самый раз…

— То есть, ты хочешь сказать, что я напрочь лишен гордости и независимости, так?

— Ни в коем разе! Испанского гонора в тебе полно, но он прочно удерживается твоей второй — нордической — половиной, которая, как я заметил за эти годы, является у тебя все же преобладающей. Она и не позволит вам в конечном итоге перегрызть друг другу глотки…

— И когда это ты все успеваешь заметить? — Я чувствовал позывы к возмущению, испускаемые, видимо, моей «испанской» половиной. — Ты вместе с нами всего-то чуть менее суток!

— Чтобы догадаться о твоей к Кэтрин симпатии, мне потребовалось около пяти секунд еще тогда — на крыше, — когда она дразнила тебя там, как котенка. Уж извини, но все написано на твоей, уважаемый, морде.

— Даже сейчас? — усомнился я и украдкой взглянул на себя в зеркало заднего вида, но в отблесках лампочек на приборной панели вроде бы ничего такого не заметил.

— Сейчас тем более! — Михаилу же темнота нисколько не мешала созерцать выражение лица своего бывшего командира. — И знаешь, что-то появилось в тебе этакое, ранее мной не наблюдаемое.

— Облысел? После всего произошедшего это и неудивительно…

— Нет, участь Циклопа тебе пока не грозит, — усмехнулся он. — Я бы сказал, что изменилось что-то у тебя внутри. Ты стал напоминать мне самого натурального многодетного отца, пекущегося о своих отпрысках: серьезность суждений, озабоченность насущными проблемами во взгляде, а также присущая только им своеобразная гордость — дескать, вот он каков я, поглядите! Возможно, ты и не обращаешь на это внимание, но поверь уж человеку, немного тебя знающему.

— Вот только едем мы не на прогулку, — прервал я процесс анализирования моей психологии, — и детишки эти не на каникулах, а в бегах от Пророка и Корпуса, которые решили, будто те виноваты наравне с их родителем. Платят по его счетам, хоть и твердят некоторые, что сын за отца не отвечает…

Я обернулся, посмотрел на спящих Поля, Алена и Люси и вновь поразился тому, как стойко игнорируют они дорожный дискомфорт, мирно посапывая на заднем сиденье.

— Десятый раз… — пробормотал Михаил.

— Чего «десятый раз» ? — не понял я.

— Да я все о тебе. Ты обернулся за последние сорок минут десятый раз. О чем это говорит, а?

— Достал ты уже меня, вот о чем! — не сдержался таки я. — Кто вообще сейчас нянька — я или ты? Вот и следи лучше, тогда не буду вертеться!

— Ну вот, рыжая начала, потом Гюнтер, а теперь и ты. Да что с вами со всеми случилось? Черт с ней, с бабой, она от природы взбалмошная, но вы-то? От нее позаражались? Орут на меня, огрызаются… Эй, очнитесь, ведь это же я, ваш старый добрый Михаил, клянусь моими обожженными усами!

— Не сердись, — пошел я на мировую, поняв, что зря все таки обижаю русского, которого, похоже, и могила не исправит. — Просто вся эта ерунда здорово выбила нас из колеш Сам понимаешь, не каждый день в еретиков играем.

— Да я не обижаюсь, — отходчиво произнес он. — Понимаю, человек все таки… Но если я вдруг когда -нибудь стану таким же тошнотворным, будь другом — пристрели меня, пожалуйста…

Рисковая Кэтрин провела нас прямо под стенами. Город спал, и его властям было пока наплевать на нашу компанию. Завтра же все будет совсем по другому и нам, хочешь не хочешь, но придется сторониться крупных поселений.

Около четырех часов утра мы перемахнули по каменному мосту реку Маас и к рассвету планировали пересечь часть Парижской епархии, чтобы на день схорониться где-то под Люксембургом. Дорога петляла между каменных холмов с отвесными, покрытыми густым кустарником. Я в нетерпении ждал, когда же промелькнет пограничный столб, но тут уставший и слегка охрипший голос Кэт произнес по рации: «Закат!»

— В чем дело ? — спросил я девушку, когда мы догнали «хантер» и, выйдя из машины, приблизились к ней, тревожно вглядывающейся в предрассветные сумерки.

— Впереди ловушка, — с уверенностью заявила она указав на уходящий за придорожную скалу поворот дороги.

— Чуешь Охотников по запаху ладана или нестиранных носков? — скептически хмыкнул Михаил. — А может, ты и впрямь всевидящая ведьма?

На этот раз Кэтрин не обратила никакого внимания на сарказм русского:

— Это не Охотники, не Защитники и не Добровольный Отряд, Это байкеры.

— Откуда такая уверенность? — спросил я, машинально расстегивая кобуры пистолетов. Похоже, рыжая и впрямь знала, о чем говорила.

— Видишь, — Кэтрин кивнула на куст у обочины. — Вон их метка. Они ставят ее на тот случай, чтобы другие банды по ошибке вместо торговцев не повредили себе колеса.

И правда — под кустом, не особо бросаясь в глаза, но и в то же время на виду была воткнута в землю тренога из связанных между собой ошкуренных палок, какими крестьяне обычно метят границы своих наделов. Но крестьянских полей не было и в помине, а потому

действительно вызывало недоумение нахождение здесь подобной конструкции.

— Но откуда тебе известна байкерская символика? — заинтригованный еще больше, поинтересовался я. — А может, этот знак обозначает совсем иное?

— Лучше не спрашивай, — по всей видимости, девушке не хотелось отвечать на вопрос. — Просто поверь на слово, ладно?

Держа оружие наготове, подошли Саймон и Гюнтер. По концовке нашего разговора они догадались, о чем речь, и тоже принялись озадаченно обозревать заросшие кустарником склоны холмов.

— Байкер не попрет против Охотника, — сказал британец. — Сдвинем бороны на обочину и поедем дальше.

— Там не бороны, — покачала головой Кэтрин. — Когда устанавливают бороны, втыкают четыре палки. А три обозначают колесные мины уничтожители. Вы сможете найти и обезвредить эти байкерские прибамбасы?

Подобные штуковины, безопасные для сидящих в машине людей, однако разрывающие в клочья покрышки, бродячие банды мотоциклистов производили из пороха и ружейных капсюлей. В них не было стальной оболочки и разящих осколков, но сила взрыва напрочь лишала автомобиль колеса, что, естественно, не могло нам понравиться.

— Кто знает, сколько этого дерьма тут позакопано, — промолвил Вацлав. — Можно до полудня провозиться, ища их. Разумней было бы повернуть назад и на ближайшей развилке поменять дорогу.

Я призадумался. Идти навстречу нашим преследователям двадцать пять — тридцать километров страсть как не хотелось. Ехать через мины не хотелось еще больше. Так что приходилось из двух зол выбирать наименее приближенное, но едва я собрался отдать приказ о возвращении, как вдруг Гюнтер, поведя носом по воздуху, проговорил:

— Чую запах табака!.. За нами следят… с левого склона.

Все сразу ощутили себя неуютно и начали с опаской озираться. Я медленно извлек пистолеты и, стараясь сохранять спокойствие, отдал распоряжение:

— Под прикрытие «хантеров» — разошлись! Саймон, дуй к Свинцоплюю! Без моего приказа не стрелять! Нам себе еще одних врагов нажить не хватало…

Однако Кэтрин, на этот раз и не подумала мне подчиняться. Наоборот — она подошла к подножию холма, пропустила мимо ушей мое «Что ты делаешь?», прокашлялась и, сложив ладони рупором, закричала:

— Ясного неба вам и сухой трассы, Люди Свободы! Оборотень, если ты там — отзовись! Я обещаю: тебе никто не причинит здесь вреда!

Мы пораскрыли рты и вылупились на несущую черт поймешь какую дребедень ирландку.

— Чокнулась Катька! — выдвинул наиболее логичную версию происходящего Михаил. — Нанюхалась бензина за двое суток пути, а крыша с непривычки и поехала! Надо бы скрутить бабенку от греха подальше. Кто со мной?

— Погоди! — остановил я его. — Отставить скручивание. Похоже, наша Кэтрин откроет нам сейчас некоторые тайны своего весьма любопытного прошлого.

Я вылез из за «хантера» и подошел к ней.

— Эй, Оборотень! — не обращая на меня внимания, продолжала взывать к холмам Кэтрин. — Я всегда говорила тебе, что курение табака рано или поздно погубит твою шайку! Эту дерьмовую вонь ощущаешь за километр! Мы знаем, что ты там! Выходи! Клянусь — вас не тронут! Или ты прокурил уже все мозги и перестал узнавать меня, пугало волосатое?

Мой нос не отличался тонким обонянием, но даже он уловил едкий табачный запах, долетавший до нас со склона. Да и тот, кто сидел сейчас в кустах, видимо, понял, что с головой себя рассекретил, а потому, опасаясь, наверное, как бы наша пушка не начала вслепую шарить по зарослям, прекратил игру в кошки мышки и отозвался таки на призывы ирландки. И что самое удивительное — Кэтрин и впрямь была ему знакома!

— Эге, да мне действительно не почудилось, — донеслось откуда-то сверху. — Саламандра, ты ли это?

— Я, Покрышка, ты не ошибся! — Видимо, Кэтрин узнала говорившего с ней по голосу. — Да, это я, та самая Саламандра, что вправила твою кривую руку, когда ты слетел в кювет на своем «харлее» три года назад! Где Оборотень? Я хочу поскорее увидеться с ним!

— Э э э, не гони, дорогуша! Мы прекрасно видим, с кем ты приехала! — Невидимый собеседник, однако, не спешил бросаться ей в объятья. — Что, поменяла компанию отмороженных еретиков на кодлу пророческих головорезов ? Не похоже, что ты их пленница — вы только что так мирно беседовали там внизу! Черт побери, неужели ты пошла к ним добровольно? Вот уж чего от тебя, рыжик, не ожидал так не ожидал! Чтобы ты снюхалась с инквизиторскими псами! Ай я яй, девочка, как не стыдно! А может быть, ты и сдала им Жан Пьера? Мы хоть и далеко от Парижа, но многое знаем и нас на разбавленном бензине не проведешь!..

О, как же Кэтрин покоробили слова ее старых знакомых! Но несмотря на это, она с перекошенным от ярости лицом все же нашла в себе силы терпеливо вынести их упреки.

— Это долго объяснять, Покрышка, — бешено сверкая глазами, прокричала в ответ ирландка, — но эти люди больше к Охотникам не принадлежат! Они вышли из Братства! Вышли с боем, убив много своих! А к бунту их побудил приказ Пророка об убийстве детей Жан Пьера! В такое с трудом верится, но это действительно так! И теперь они помогают мне бежать с ребятишками к русским в Петербург! Их не стоит бояться, они вам не враги!

— Как же, заливай больше! — не поверили байкеры, в чем, однако, не было ничего удивительного — неверие являлось одним из принципов выживания этого племени в условиях святоевропейских порядков. — Ты просто поешь под их дудку, чтобы до кучи сдать им и нас в придачу! Только обломитесь, ребята! Вам нас не догнать — дорога заминирована!.. Эх, тяжело будет, Саламандра, рассказывать о тебе Оборотню! Он-то считает, что ты погибла или в плену, убивается, бедняга, не ест, не спит! Ну а теперь и вовсе опечалится!

— Послушай, ты, горбатая образина! — Кэтрин медленно, но неотвратимо достигала температуры кипения. — Нам некогда чесать языком по твоим уродливым ушам, но припомни: разве Охотники хоть раз в своей истории опустились до переговоров с байкерами? Да будь они сейчас на службе, никто из них не вел бы здесь с тобой беседы! Жахнули бы пушкой по холму да поехали другой дорогой, а тут слушают тебя, идиота, и молчат, а я расстилаюсь перед тобой, упрашиваю! Ну посуди сам: на черта им — элите силовиков — возиться с вонючими грабителями торгашей ?

— Конечно, резон в твоих словах есть, — в душе Покрышки все таки начали прорастать зерна сомнения, — но уж больно невероятные сказки ты нам травишь! Интересно только вот что: раз уж вы дали деру, то чего же самого Жан Пьера с собой не прихватили? Я слыхал, что его взяли живым и здоровым! Чего же вы отца погнушались освободить?

— Жан Пьер умер три дня назад, голос Кэтрин сорвал ся и зазвучал тише. — Его запытал насмерть собака Аврелий. И если бы не парни, что стоят здесь со мной, та же участь ждала бы и меня, и его детей в том числе!

Байкеры притихли, очевидно, совещаясь. Но вот снова раздался со склона холма прокуренный голос того, кого именовали Покрышкой:

— Так ты утверждаешь, что они больше не Охотники?

— Так и есть, Фома ты неверующий! — ответила уже вконец раздраженная ирландка.

— Ну что ж, тогда пусть во всеуслышание проклянут Бога и сложат оружие! Таковы наши условия, если хотите встретиться с Оборотнем!

Позади меня раздался громкий шепот Михаила:

— Швед, да скажи ты ей, чтоб не унижалась перед дерьмом! Объедем мы эти мины, не развалимся! Ну потеряем часок полтора. Дался нам этот человековолк!

— Да пойми ты, что байкеры помогут нам, — бросила русскому Кэтрин. — Помогут, как никто другой! С байкерами мы просочимся сквозь страну, словно невидимки, — уж лучше них никто в Святой Европе не укажет нам тайные тропы. Дайте еще только минуту, чтобы убедить эти недоверчивые морды…

Я не мог не согласиться со столь сильным аргументом и, сделав шаг вперед, закричал в небеса:

— Я не сатанист, чтобы хулить Господа с пеной у рта, Покрышка или как тебя там! Но я расскажу тебе то, о чем думаю! Так вот, слушай: сейчас я не верю в того Бога, образ которого вбивали в меня с детства! А знаешь почему? Потому, что он слаб, мелочен и злопамятен, раз уж дозволяет творить такое своим приближенным! И я отказался от него, как в свое (отказался воспринимать всерьез детские сказки! Я не буду больше тем, кто от его имени желает проливать детскую кровь! Никто из моих друзей больше не подчиняется ни ему, ни Пророку,

никому… А насчет оружия извини — не могу выполнить твое требование! Я не дурак! Однако я не требую и вам его сдать! Сохраним, так сказать, разумный паритет!

— Да, парень, — отозвались байкеры, — радикально сказано для Охотника, который обязан молиться на свой крест, весьма радикально! Возможно, Саламандра и права! Ждите, мы выходим, но уберите стрелка с пушки!..

— Справедливо! — согласился я и махнул рукой Саймону, приказывая тому покинуть боевой пост…

Мне стало не по себе, когда я увидел, какую уйму народа скрывали придорожные кусты. Пятеро нас, не считая Кэт стояло напротив ощетинившейся оружием группы байкеров около двадцати душ. Правда, три четверти байкерского вооружения составляли арбалеты, но и этот факт слабо успокаивал. И если бы они захотели, то стерли бы нас в порошок, все надежды были лишь на авторитет рыжеволосой, которая, видимо, когда-то считалась среди этой пестрой комманды далеко не последним человеком. Меня поразила разница в возрасте всех находившихся вокруг нас байкеров. Самым младшим было по восемнадцать лет, тогда как старшим, вроде их лидера Покрышки, явно перевалило за сорок. Группа также включала в себя и несколько затянутых в кожу девиц, наравне с мужчинами державших в руках громоздкие арбалеты. Одна такая, стоя перед Михаилом, уткнула в него это архаичное орудие, почти касаясь кончиком стрелы его плаща.

— Мадам, вы так гармонично, так прекрасно дополняете друг друга с этой штукой, — не удержался тот от комплимента даже сейчас. — Отточенность форм, изящность линий, острый темперамент… Весьма польщен вашим вниманием, милая.

В ответ на это байкерша только хмыкнула и красноречиво направила арбалет русскому чуть ниже пояса…

Я догадался, почему Покрышку прозвали именно так. По тронутому крупными оспинами лицу, казалось, действительно прошелся протектор байка, а сама фигура этого человека была скрюченной, с горбатой округлой спиной, формой и впрямь смахивающая на колесо.

Кэтрин вышла навстречу ему и развернулась лицом ко мне, как бы представляя нас друг другу.

— Давно не виделись, Саламандра. Сколько уже? Да никак поболее года. Надо сказать, исхудала ты сильно, шатаясь с еретиками, но все также чертовски прекрасна, чтоб меня поперек переехали! — проговорил Покрышка, а сам не сводил с меня пристального взгляда и старенького «браунинга», свободной рукой при этом достав из кармана куртки заранее заготовленную самокрутку. Стоявший рядом с ним патлатый верзила без напоминаний опустил арбалет и поднес к его папироске зажженную спичку, тем самым наглядно демонстрируя нам, кто среди них старший.

— Это Эрик Хенриксон, бывший командир отряда Охотников, — указала Кэтлин на меня, а затем на прикрывающих мою спину прочих членов нашего коллектива, — а с ним поддержавшие его бойцы того же подразделения. Я уверена, что очень скоро ты услышишь о них много чего интересного, а потому пользуйся моментом и познакомься с начинающим злостным отступником страны.

— А это не его ли кличут Стрелком? Вот это да! — присвистнул Покрышка. — Человек легенда, порвавший пасть Люциферу! И он попер супротив Пророка? Не верю!

— Поверьте уж, пожалуйста, — сказал я ему и, зная, что совершаю непростительную глупость, вернул пистолеты в кобуры, добавив при этом: — Считайте мой жест актом наших мирных намерений. Михаил! Гюнтер! Вацлав! Саймон! Уберите оружие!

Я не оборачивался, но по тому, как взгляды байкеров поползли вниз, понял — они следуют за опускающимися стволами моих парней.

— Только из уважения к вам, леди, — продолжал подкалывать Михаил байкершу с арбалетом, направляя «земляка» к земле.

—Ты, конечно, прости, но мы пока так делать не будем, — усмехнулся старшина байкеров. — Понимаешь ли, но ты единственный Охотник, которого я видел на расстоянии вытянутой руки за всю свою жизнь, и доверия у меня к тебе нет. Но я ценю этот ваш миротворческий жест.

— Для меня тоже впервые стоять так близко к вашему чуду, — откровенно сознался я. — И если бы не Кэтрин, сам никогда бы не пошел на переговоры с бандой бродячих мотокцилистов. Но тем не менее я рад, что вы оказались разумными юдьми.

— Покрышка, где Оборотень? — повторила свой вопрос Кэт.

— Недалеко, — ответил тот, с наслаждением пуская сизый дым и все еще тыча в меня «браунингом». — По ту сторону границы епархии мы организовали временную «берлогу». Там он и сидит.

— А ты, значит, все промышляешь? — с издевкой поин рвалась Кэтрин.

— А как же! — невозмутимо подтвердил Покрышка. — Мы, по вашему, не хотим жрать да хлебнуть винца иногда! И уж коли есть на этом свете такой щедрый народ, то было бы несправедливо лишать их возможности проявлять благотворительность нуждающимся, верно?

— Вот и просили бы у них по хорошему, — дабы растопить лед недоверия вступил в разговор я. — Чего мины-то бросать где попало? Им одни убытки.

— Благотворительность хитрая штука, — отбросив окурок — наигранно вздохнув байкер. — Когда говоришь с купцом по хорошему, она обычно спит. Ее надо пробудить. К тому же замечено: чем грубее просишь, тем щедрее человек. Старая верная истина… Так куда, ты говоришь, Саламандра, вы направляетесь?..

Постепенно напряжение между нами стало спадать, и вскоре я с облегчение увидал, как рука Покрышки поставила «браунинг» на предохранитель и сунула оружие за пояс. Равняясь на старшину, и остальные байкеры поснимали арбалеты с боевого взвода и позакинули их за плечи, после чего, собравшись вокруг нас, стали внимательно слушать рыжеволосую. По завершении ее краткого, но эмоционального рассказа Покрышка подошел к моему «хантеру» и сквозь стекло посмотрел на проснувшихся и смирно сидящих внутри ребят.

— До чего дошел мир! — укоризненно покачал головой

— Пророк и Апостолы воюют с детьми! И кому же тогда они служат? Да ясно кому — их бог рогат, хвостат и бьет копытами. Может быть, мистер Хенриксон, мнение старого уродливого байкера для вас и ничто, но я все равно скажу: настоящий Бог, если бы он существовал в действительности, перешел бы на вашу сторону…

Я никогда не видел столько мотоциклов сразу. Банда Покрышки перемещалась на десяти байках, среди которых были лишь три святоевропейские «иерихонды». Остальные же представляли собой натуральные музейные экспонаты, собранные по винтикам из добытых из под руин Древних деталей и с любовью доведенные до

эстетического совершенства. Сам Покрышка восседал на приземистом «Харлее Дэвидсоне», с причудливо загнутым рулем и длинной, выдающейся далеко вперед, вилкой переднего колеса. Не имевшие своих Стальных Жеребцов члены банды перемещались на некой самоходной телеге, состоящей из рамы, двигателя, широких колес и угловатого кузова, причем лишенной даже намеков на обязанные прикрывать весь этот торчащий срам обтекатели.

А пока наши новые друзья снимали с дороги свои адские причиндалы, Покрышка отправил вперед шустрого паренька на легком байке, дабы он предупредил того, кого называли Оборотнем, о приближающихся нежданных гостях. Когда же освободился проезд для более тяжелой техники, тронулся и наш кортеж, облепленный, словно соты пчелами, показывающими дорогу мотоциклистами.

Донельзя счастливый Михаил сдал вахту няньки обратно Кэтрин и вернулся в головной «хантер». Вновь очутившись рядом со мной, девушка расслабленно откинулась на спинку сиденья и, загадочно улыбаясь, думала, вероятно, о предстоящей встрече с человеком по прозвищу Оборотень.

— Тебя наверняка интересует причина, связывающая меня и этих кентавров? — наконец ответила она на мои вопросительные взгляды.

— Саламандра… — произнес я вместо того, чтобы заваливать ее вопросами. — Мне так отныне к тебе обращаться ?

Кэтрин негромко засмеялась, и я пожалел, что такая прекрасная улыбка появляется на ее лице столь непростительно редко.

— Это имя дал мне Оборотень из за моих волос, — и словно в подтверждение своих слов Кэтрин накрутила на палец огненно рыжий локон. — А еще он говорит, что я пляшу в пламени моего характера подобно той мифической ящерице.

— Он прав, этот Оборотень, — согласился я. — Кстати, кто он такой? Твой бывший ухажер?

— А почему сразу ухажер? — хитро сощурилась ирландка. — Нет, он мне не ухажер. Его зовут Кеннет. Кеннет О'Доннел. И он мой старший брат…

Часть 7

19

«— …Неплохо вы тут устроились! …А, это Джим! Доброе утро, Джим… Доктор, мое почтение! Да вы тут все в сборе, словно счастливое семейство, если разрешите так выразиться…»

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

— Все же некоторое сходство прослеживается, — подытожил Михаил, наблюдая за трогательной встречей давно не видевшихся брата и сестры, хотя я, кроме одинакового цвета волос обоих, ничего такого и не заметил.

Мы загнали наш транспорт в просторные ангары и теперь стояли на широком плацу бывшей военной базы Древних, скрытой под покровом шумевшего вокруг нее дремучего леса. Байкеры и впрямь выбрали себе превосходное с точки зрения конспирации место для обитания.

Несмотря на столь зловещую кличку, Оборотень оказался не таким уж и страшным. Возраст Кеннета О'Доннела был приблизительно равен моему — то есть что-то около тридцати лет, — но бурная рыжая растительность, покрывавшая его лихую голову, не позволяла судить обо этом с должной точностью. Из под всклокоченных, но чуть более темных, чем у сестры, волос, на нас смотрели проницательные глаза. Похоже, о том, что взрослым людям пристало иногда бриться, в детстве Кеннету никто рассказать не удосужился, а потому вся нижняя половина его лица скрывалась под кустистыми бородой и усами, правда, к чести их хозяина будет сказано, регулярно подстригаемыми для придания им более менее симметричной формы.

— Побери меня все демоны Ада! — возбужденно говорил он, пожимая нам руки. — Скажи кто вчера, что утром я буду приветствовать у себя живых Охотников, послал бы его куда подальше! Немыслимо — и при этом я остался жив, здоров и невредим!

— Рад знакомству с братом столь замечательной женщины, мистер О'Доннел, — дипломатично польстил я хозяину сей грешной

обители. — Ее смелость восхищает даже нас.

Кэтрин не оценила такой знак вежливости и метнула в меня осуждающий взгляд, но Кеннет был явно тронут.

— О, да, — подтвердил он, — она у меня и впрямь достойна уважения. Спасибо вам, мистер Хенриксон, что спасли ей жизнь. Когда позавчера до нас дошли сведения, что группа Проклятого погибла возле Авранша, а кто уцелел, угодили в лапы инквизиторов, я уж решил, что больше никогда ее не увижу. Буквально места себе не находил, так сильно горевал. Но, хвала удаче, теперь все в порядке.

— Рано радоваться, — возразил я ему. — Теперь-то как раз все неприятности только начинаются. Своим предательством я запустил такую карающую машину, что, боюсь, как бы всяк соприкоснувшийся с нами не стал для властей врагом. Мы хуже чумы, мистер О'Доннел.

— Зови меня Кеннет или Оборотень — я не обижусь. А мне, в свою очередь, разреши называть тебя Эрик, мы ведь с тобой как никак ровесники, — предложил он. Я был непротив. — И ты всерьез намерен добраться до русских? А если они вас не примут ?

— Клянусь моими обожженными усами, они нас примут! — встрял Михаил, самолюбие которого было задето недоверием к его сородичам по ту сторону границы. — Мы — русские — всегда приходили на помощь терпящим бедствие, пусть даже и частенько в ущерб себе и своей Родине. И если уж князь Сергей согласился укрыть Жан Пьера, то уж детей его приютит и подавно.

— Ты поможешь нам, Кеннет? — спросила Кэтрин у брата. — Ведь вы колесите по всей стране, знаете миллионы укромных уголков, тайных троп и тому подобное… Или ты все еще дуешься на меня за то, что я убежала с Жан Пьером без предупреждения? Да, признаю, я вела себя грубо и заносчиво, дерзила и игнорировала твои советы, но сейчас хочу попросить прощения за все. И я, и эти дети нуждаемся в тебе как никогда…

— Да брось ты свои извинения, — отмахнулся тот. — Брат я тебе или нет, в конце концов? Разумеется, помогу без каких -либо вопросов. К тому же теперь, когда у тебя на шее, Саламандра, такое беспокойное семейство…

Кэтрин покосилась на меня и — надо же! — слегка покраснела.

— Прекрати, — попросила она. — И не называй меня больше Саламандрой.

— Ну ладно, ладно, — и Оборотень тут же переменил тему беседы. — А скажи, Эрик, это правда, что вы держите в заложниках настоящего инквизитора? Не покажете нам такое чудо природы; страсть как хочется посмотреть на зверушку вблизи…

— Только не испачкайте и не порвите, — предупредил его я. — Это наша единственная страховка на случай чего… Гюнтер, представь его честь нашим друзьям…

Кэтрин участвовать в показе представителя самого зловещего ордена современности отказалась и повела Поля, Алена и Люси за похожей на угрюмую валькирию байкершей, обещавшей по просьбе Кеннета показать им комнату, где были мягкие кровати и даже ванна с нагревающейся от углей водой.

Я облегченно вздохнул: здесь, по крайней мере, не надо было постоянно думать об угрожающей опасности и постарался тоже расслабиться и прогнать прочь мрачные мысли.

Люди Покрышки составляли лишь половину от общего числа банды Оборотня. Я понял это, когда увидел ее всю, собравшуюся возле нашего «самсона». Очевидно, в жизни этих ценителей Свободы так редко выпадали минуты веселья, что даже в глазах самых пожилых байкеров я рассмотрел настоящий детский восторг. Пленный инквизитор затмил для них на сегодня даже карты, выпивку и фигурное вождение байка. Наверное, это было первым случаем в истории Инквизиционного корпуса, когда появление его члена принесло людям столько удовольствия.

Гюнтер препроводил коротышку в центр почтительно расступившейся перед ними толпы разновозрастных и разнополых мотобандитов, после чего отошел вбок, дабы не мешать зрителям наслаждаться созерцанием этой диковинки! Недомерок же, видя за раз столько потенциальных клиентов не через прутья решетки, а совершенно свободно гуляющими по воле, впал в панику. У него затряслись руки. Нетактичные байкеры, заметив это, дружно загоготали, чем лишь усугубили мандраж бедолаги.

— Нет, это не страшный сон, ваша честь, — словно читая мысли Конрада, обратился к нему Оборотень. — что ни на есть реальнейший кошмар. И знаете: жаль, мой вы пленник, а иначе, уж поверьте, мы бы устроили тут День Страшного Суда. Ведь у многих из нас есть

родственники или знакомые, которых ваши коллеги — а не исключено, что и вы сами, ваша честь предали пыткам и огню…

— Пусть попрыгает на одной ноге! — раздался голос из толпы.

— И покукарекает! — принялись вторить ему с другого края.

— Ерунда! — выкрикнул рослый байкер рядом со мной. — Пускай пройдется на руках и обругает Пророка!

Конрад отыскал меня глазами, его взгляд говорил, что магистр готов на все ради прекращения издевательств над своей титулованной особой.

Я вышел на центр круга и, стараясь перекричать гоготавших байкеров, произнес:

— Ну хорошо, ребята, на сегодня достаточно!

Гул разочарования пронесся по рядам зрителей — явно не хотелось отпускать так понравившегося всем игрушку.

— Его честь приносит свои извинения, — вступаясь за стушевавшегося Конрада, прокричал я еще громче, — но синьор устал и сейчас не в лучшей форме, да и все то, о чем вы просите, у них в Главном магистрате, к сожалению, не практикуется! Безусловно, знай он о встрече с вами, то непременно бы прорепетировал, но увы!.. Так что всем большое спасибо и всего хорошего…

После этих слов я сдал коротышку обратно под опеку Гюнтеру и наказал тому оберегать нашего заложника от возможных нежелательных эксцессов. А после этого направился в скромные апартаменты Оборотня, любезно приглашенный вместе с моими соратниками разделить с ним завтрак и одновременно обсудить кое какие насущные проблемы.

А таковых было две. Первая: Бернард наверняка сократит за этот день разделявшее меня и его расстояние и повиснет у нас на хвосте. И вторая: Рейн станет труднопроходимой преградой, пересекающий наш путь.

— Ваши бывшие братья не смогут контролировать территорию полностью, даже призови они всех Защитников и Добровольцев округи, — сказал Оборотень, начав с проблемы номер один. — Но мы все равно постараемся меньше мелькать у них под носом и там, где это реально, пройдем дикими пустошами.

— Пустошами? — недоуменно переспросил я. — Но насколько мне известно, эти места и для пеших малопроходимы…

Дикие, непролазные ни для техники, ни для человека пустынные пространства словно язвы покрывали огромные площади Святой Европы. Образовались они во время Каменного Дождя там, где упало наибольшее количество крупных обломков Луны. Представляли же собой пустоши нагромождения скальных пород, глубокие частые кратеры и широкие бездонные трещины на поверхности земли. Считалось, что места эти необитаемы; в них нет ни дорог, ни поселений. Я слышал легенды о том, что байкерам удавалось пересекать пустоши, но лично мне при планировании маршрута на восток даже и в голову не пришло продвигаться хотя бы по одной из них — я не самоубийца.

— Эх, парень, сейчас ты мыслишь как типичный Охотник, — укоризненно посмотрел на меня Покрышка. — Ваш хваленый Корпус не совал туда нос лишь по одной причине: своей тупой недальновидности. Ткнулись разок другой, завязли в воронке, побуксовали, плюнули и превратили на картах эти районы в гнилые пустыни, куда вроде бы как и Господу претит заглядывать. Уж поверь — если захочешь жить, то полезешь и не в такую задницу.

— У нас проложена пара тройка маршрутов по всем святоевропейским пустошам, — продолжил за ним Кеннет. — Чертовски много нашего брата погибло, разведывая их, но жизней это спасло гораздо больше. Именно там мы всегда и скрываемся, когда гонения на нас становятся невыносимыми.

Я обдумал предложение байкеров. Было оно, на мой взгляд, все же слишком рискованное, но раз уж угораздило связаться с ними, приходилось теперь им доверять.

— По пустошам лучше двигаться днем, — дополнил Покрышка. — Нет, сам бы я, конечно, пер круглыми сутками, но вам ночью идти по ним верная смерть, особенно с маленькими детьми. Соглашайся, Эрик, это наилучший вариант.

— Пожалуй, вы правы, — кивнул я и припомнил свои служебные карты, сгоревшие в нашем трейлере казарме. — Насколько я знаю, ближайшая к нам пустошь начинается сразу за Рейном…

— Да, это так, — подтвердил Оборотень. — Чуть южне Мангейма и тянется вплоть до самого Нюрнберга. Громадные пространства мертвой земли, где лишь ветер, змеи и стервятники.

— Кстати о Рейне, — плавно перешел я ко второму вопросу. — Как бы вы порекомендовали его пересечь?

— Лично мы за литр другой бензина пользуемся услугами частных перевозчиков, но в вашем случае это нерационально. Пока перевезем все джипы поодиночке, пока мотоциклы… От «самсона» они вообще откажутся потонут…

— Мосты?

— В округе всего один мост через Рейн ниже по течению от Мангейма, но будь спокоен: если он еще и не перекрыт, то уже вот вот… Исключено! У нас единственный выход — угнать грузовой паром. Тогда переправимся все за раз и сэкономим кучу времени. Таковых же на нашем участке три.

— Они, вероятно, тоже будут охраняться, — засомневался я.

— Разумеется, будут, — не смутился Оборотень. — Но Охотники уверены, что вы постараетесь форсировать реку подальше от крупных городов, потому сосредоточат свои силы вверх и вниз от Мангейма. А мы же захватим тот паром, что находится к нему ближе всего. Охрана там будет, вероятно, из мангеймских Добровольцев да и, надо думать, не особенно многочисленная. Проедем лесными тропами и вынырнем перед ними как из под земли. Короче, чем наглее будем, тем слаще улыбнется нам Фортуна.

— И когда?

— На рассвете. Все охранники уставшие, сонные — в общем, то, что нам и надо. Покрышка говорит, у вас есть такие штуки, что позволяют переговариваться на расстоянии. Если бы вы научили его пользоваться одной из них, то он бы со своими людьми спрятался у реки, дождался, пока паром пристанет и вызвал нас, сидящих неподалеку.

— Поступим проще, — предложил я. — С ним поедет мой человек. Вы по неопытности можете через рацию выдать наше расположение Охотникам, а он сделает все как надо: быстро выйдет на связь, передаст кодовое слово и отключится. Вацлав, справишься?

— Да без проблем, — отозвался поляк. — Вот только бы не слететь из седла байка по дороге; я всегда побаивался этих двухколесных тварей.

Оборотень возражать не стал;

— Как хотите. Покрышка, посадишь Вацлава к себе. У тебя седло поудобней да и «харлей» поустойчивее любых других байков будет.

Потертый, но отнюдь не изъеденный ржавчиной старости, ветеран мотобандитизма исподлобья посмотрел на другого ветерана, бывшего еще недавно кровным врагом, и молча кивнул.

— Вот и ладненько, — подытожил Кеннет. — А теперь, ребята, до вечера отдыхайте. Наслаждайтесь, так сказать, нашим гостеприимством…

Уже на выходе из помещения я расслышал, как Оборотень вполголоса проговорил Покрышке:

— Нет, дружище, ты только представь: мы и Охотники бороздим старушку Европу колесо к колесу! Невероятно! Да, черт меня побери, трижды невероятно!

Остаток дня каждый из нас провел в свое удовольствие: кто-то спал; кто-то утолял любопытство байкеров, отвечая на их вопросы касательно нашей прошлой жизни; кто-то чистил оружие… Однако самый потрясающий досуг выдался все же у проныры русского. Он — само воплощение галантности — сумел таки найти подход к стращавшей его утром с арбалетом суровой брюнетке и, поозиравшись по сторонам, уединился вместе с ней в одной из многочисленных построек базы. Там он и пробыл почти до самого отъезда, услаждая жрицу отнюдь не целомудренного Культа Свободы. Я отыскал комнату, где находились наши маленькие подопечные, по их громкой болтовне. Видимо, потеря отца отошла таки для ребятишек на второй план, потому что, судя по разговорам, детей сейчас больше волновало, а кто же из них первым полезет купаться в теплую ванну. «И хорошо, — подумал я, — что они так быстро смирились с тем, чего уже не вернуть. Успеют еще нагореваться в жизни…» Постояв в нерешительности возле дверного проема, я собрался было уходить, когда Люси заметила мое присутствие.

— Дядя Эрик, — спросила она, — вы ищете Кэти? Она сказала, что ушла к дяде Кеннету и скоро придет. Не скажете ей, что мы баловались, а то она велела сидеть тихо…

— Ладно, не скажу, — пообещал я и поинтересовался, в свою очередь: — Ну как вам тут? Уютно?

— Нормально, — с важным видом заметил Поль. — А мы здесь надолго ?

— К сожалению, нет, — огорчиля его. — Вечером уезжаем.

— Дядя Эрик, а вы сами читали те книги, что-тогда принесли нам в клетку? — внезапно полюбопытствовал подросток, и я тут же почувствовал сильную неловкость при слове «клетка», хотя это было сказано Полем и без задней мысли.

— Да, читал, — ответил я, а сам почему-то боялся встретиться с ним взглядом. — Тогда я был чуть постарше, чем ты.

— А вы помните, чем закончилась та история про мальчика и пиратов ? А то мы так и не дочитали ее…

— Разумеется, помню, — подтвердил я, и все они обрадованно переглянулись, даже маленький Ален начал улыбаться. —Я прочел эту книгу три раза.

— Три раза? Ух ты! — Глаза Поля наполнились неподдельным уважением. — А расскажите, чем она закончилась!

— Сейчас?

— Все равно Кэти сказала дожидаться ее и самим не лезть в ванну. Ну пожалуйста, дядя Эрик!

— Хорошо, уговорили! — Было приятно, что ребятишки уже не боялись меня, но в то же время сам я ощущал вполне объяснимую скованность — ведь хоть и косвенно, но все же был причастен к смерти Жан Пьера. — И на чем же вы остановились?

— Когда одноногому его же пираты вручили черную метку.

Я вспомнил тот момент — «Псы и Убийцы»…

— Ладно, слушайте, — усевшись к ним на кровать, начал я изложение концовки пиратского романа Стивенсона. — Сильвер так или иначе, но уломал свою банду не свергать его с поста главаря, показав им карту сокровищ, и они легли спать, чтобы с самого утра приступить к их поискам. А разбудил их голос доктора Ливси…

Кэтрин зашла в комнату и на мгновение оторопела от следующей картины: дети, облепив со всех сторон бывшего командира отряда Охотников, внимательно слушали, как тот пересказывает понравившуюся им книгу. То ли от волнения, то ли от неловкости речь его иногда сбивалась, и тогда он начинал усиленно жестикулировать, руками помогая себе там, где не хватало слов.

Девушка опустилась на стул и, не сводя с меня изумленного взгляда, дождалась, когда я продублировал финальный крик попугая — «Пиастры! Пиастры! Пиастры!», — после чего обратилась к моим

благодарным слушателям, пожелавшим выслушать еще какую -нибудь историю:

— Ну ладно, хватит на сегодня. Эрик устал, и ему надо отдохнуть. Скажите ка «спасибо»! И ты, Ален, тоже… Вот молодец! А сейчас давай, Поль, раз ты самый старший, значит, сигай первым в ванну, а то вон чумазей тех кладоискателей…

— Может, надо чем-то помочь? — собираясь уходить, спросил я на всякий случай.

— Ты уже помог, — искренне и в какой-то степени даже ласково улыбнулась Кэтрин. — Именно этого им сейчас и не хватало… Иди лучше выспись. Кеннет сказал, что впереди тяжелый день. От тебя будет куда больше пользы, если ты не станешь экономить на сне…

И я покорно поплелся выполнять распоряжение рыжеволосой. Саймон, попавшийся мне навстречу, наверное, и не понял, почему на моем лице играет такая довольная улыбка…

20

«— Прибавьте ходу! — закричал капитан. — Теперь уже неважно, затопим мы ялик или нет. Если нам не удастся добраться до берега, все погибло».

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

Бернард Уильямс опять доказал, что его зловещая репутация отнюдь не раздута. Когда вечером мы поймали в радиоэфире его переговоры, все они шли кодированным текстом. Мясник знал, что у нас имеются рации, знал, что мы наверняка прощупываем каждый из каналов, а потому был предельно осторожен.

— «Ястреб» над перевалом «игрек», — его суровый голос вылетал из передатчика через шорох атмосферных помех. — Всем «птенцам» зависнуть над «каньоном» в секторах «бета» и «ипсилон». Повторяю…

Кэтрин, словно парализованная, не моргая глядела на говорящее устройство. Выражение ее лица было таким, будто наш главный враг присутствовал сейчас здесь, в машине.

— Выключи, — попросил я ее. — Побережем батареи. Красный рычажок сверху…

Она с превеликим удовольствием оборвала ненавистный голос на полуслове, однако спокойствия ей это вряд ли прибавило…

Оборотень не потащил за собой всю банду целиком. Он отобрал полтора десятка самых тертых головорезов, включая Покрышку, не скупясь вооружил их и самолично проверил состояние идущей в рейд техники. А оставшемуся молодняку, женщинам и пожилым байкерам посоветовал особо не высовываться, ждать его возвращения и не горевать слишком сильно, если это событие не произойдет больше никогда.

До Рейна мы добирались окольными лесными дорогами или, как говорил Покрышка, тропами. И не имей я таких опытных провожатых, сроду бы сюда не сунулся из за боязни повторить участь одного древнего русского, о котором рассказывал когда-то Михаил. Кажется, его звали Иван С Усами и он, по мнению моего друга, был мастером весьма своеобразного шантажа: заводил доверившихся ему путников в глухие чащобы и требовал потом с них денег за показ обратной дороги. Что в конце концов его и сгубило, когда во время очередной махинации с ним случился приступ старческого склероза.

После полуночи Покрышка с Вацлавом на заднем сиденье и еще трое его ребят ушли в отрыв, наказав Оборотню вывести нас в строго определенное место на берегу близ Мангейма.

Первые утренние сумерки еще только только назревали, когда мы, скрытые под кронами деревьев, уже ждали условного сигнала, держа радиопередатчик в дежурном режиме. Я понимал, что у Мясника достаточно подобного добра и запасных батарей, чтобы постоянно следить за всеми каналами одновременно, а потому решился пойти на небольшую, разработанную совместно с Вацлавом, уловку. Она позволяла нам не раскрываться раньше времени и не требовала никаких заумных шифров. Досконально проанализировав радиообмен Охотников, я приказал Вацлаву связаться со мной на их же частоте их же кодовой фразой, лишь поменять в ней порядок слов, дабы уже самим не впасть в заблуждение. Долго так дурачить Мясника, разумеется, не удалось бы, но это было куда разумней, чем в открытую заявлять ему о нашей близости.

И вот, держа рацию возле уха, я старался даже не дышать, чтобы ни в коем разе не проморгать сигнал поляка. Рядом со мной примолкли байкеры и бывшие члены Братства.

Ожидание едва успело перевалить из фазы спокойного в фазу нервного, когда раздался заставивший меня вздрогнуть короткий писк

вызова.

— «Стрекоза» говорит, — сильные помехи скрашивали огрехи Вацлава при подражании финскому акценту. — Чиста «поляна»! Повторяю: чиста «поляна»!

Бернард откликнулся незамедлительно:

— «Стрекоза», следующий раз называйте свой номер и не выходите на связь с плановым докладом преждевременно! Вас понял, отбой…

— Виноват, отбой… доиграл спектакль Вацлав и отключился.

Я улыбнулся, представив себе недоумевающие рожи Ярво и Самми, прочесывающих, как я вычислил заранее, разные сектора и думающих небось сейчас друг на друга: как же это,мол, братец таким грубейшим образом облажался перед своим новым и весьма грозным командиром.

— По коням! — подобно кавалеристу отдал нам распоряжение Оборотень. — Времени мало, потому работаем шустро и, если можно, Эрик, без крови. Нам, в отличие от вас, еще жить в этой стране…

Грузовой паром круглосуточно курсировал от берега к берегу с помощью чадящего дизельного двигателя и страховочной лебедки на натянутом через реку стальном тросе. На плаву паром поддерживали толстые понтоны с воздухом, и исходя из размеров этой громадины, она могла за один присест перевезти три такие группы, как наша.

На захват мы опоздали. И без нашего участия его блестяще провели Вацлав, Покрышка и его дозорные. Еще на подъезде навстречу нам попались несколько улепетывающих торговых грузовиков, переправу для которых сорвал размахивающий оружием квинтет управлявших байками головорезов. И когда наша группа скатилась по спущенным сходням на паром, все захваченные уже лежали, уткнувшись лицами в неструганые паромные доски. Было их четверо: паромщик — дюжий мужичок в засаленной от постоянного контакта с дизелем робе, — и трое заспанных Добровольцев Креста, не успевших даже дотянуться до своих прислоненных к борту дробовиков. Вершил эту композицию Покрышка, прохаживавшийся над пленниками и тыкавший то одному, то другому в затылок стволом «браунинга».

— Эй, паромщик, ко мне! — Я стал нехотя входить в роль злобного вожака этой стаи. — Шевелись!

Дизелист вскочил и покорно подковылял ко мне.

— Вы, наверное, и есть те, кого они здесь ждали? — Похоже, мужичок нас ничуть не испугался и, кивнув на поразбросавших фуражки Добровольцев, уточнил: — Эти типы сказали, что охраняют меня от каких-то жутких еретиков. Так это вы или нет?

— Это мы, — подтвердил я. — Не похожи? Ну прости…А может, для пущей убедительности прострелить тебе плечо?

— А вот это лишнее! Я и так сделаю все, что пожелаете, — проговорил паромщик, однако и тени испуга не промелькнуло на его лице.

— Тогда заводи тарахтелку и вези нас на тот берег. В качестве оплаты останешься жить.

— Годится! — согласился он и не мешкая бросился к двигателю.

А пока он запускал дизель и размещал технику — байки и «хантеры» на передний край и середину; уравновешивающий их тяжелый «самсон» — на задний, — я побеседовал с так опростоволосившимися Добровольцами…

То, что поведали мне эти нерадивые охранники, настораживало. Оказывается, коротко стриженный седой Охотник и его люди находились буквально в паре тройке километров от нас и вот вот могли проверить несение службы данным постом.

— Пугаете? — усомнился я в их искренности. — Врете, дабы мы рванули прочь отсюда?

Те поклялись именем Пророка, что заставило меня еще больше приуныть…

Паром дернулся и не торопясь отчалил. Мы же с тревогой обозревали удаляющийся берег, сгрудившись у той части парома, которая на данный момент должна была считаться кормой. Саймон без лишних напоминаний взобрался на турель «вулкана» и покрутился на ней по кругу, на всякий случай проверив механизм наведения орудия.

Он-то, сидевший выше всех, и засек первым приближение тех, кого мы хотели видеть меньше всего на свете…

— Один джип едет с севера, один с юга, — взволнованным голосом доложил Саймон. — Вероятно, им повстречались смывшиеся от нас купцы.

Я приблизился к копошащемуся возле двигателя паромщику:

— А ну ка поддай газу, родимый! Выжми все из своей посудины, а иначе сам понимаешь…

Дизель выплюнул в воздух еще больше гари и заурчал громче. Мы невольно покачнулись от резко прибавившего скорость парома.

— Всем на передний край по укрытиям! — распорядился я. — Кеннет, позаботься о сестре и детях, а также скажи своим людям, чтобы поменьше высовывались!.. Саймон, как только четко прицелишься — пали по ним! Надеюсь, Шестиствольный не подпустит их к берегу…

— Проклятье, Эрик, — разочарованно прокричал в ответ британец, — похоже, я не смогу стрелять! Взгляните сами!..

Я запрыгнул к нему в кузов и понял, что он имел в виду. Охотники прекрасно видели на пароме «самсон» и пушку, а потому, не желая погибать как их братья под Ле Маном, отказались приближаться к воде, однако подойти к нам на выстрел все же смогли…

Как я уже говорил, паром перемещался вдоль толстого стального троса, удерживаемого над водой стоявшими на берегах железобетонными колоннами. И будучи уверенными в том, что мы не станем бить туда «вулканом» из за боязни оборвать трос, люди Мясника подобрались к берегу так, чтобы колонна, возвышавшаяся на их стороне, все время была между ними и паромом.

— Они отстрелят трос, — мрачно предположил Саймон, — и нас снесет вниз по течению. А у Мангейма они расстреляют паром уже с двух берегов.

— Это навряд ли, — постарался успокоить его я. — Как только не станет троса, уже ничто не удержит нас от того, чтобы стереть их вместе со столбом ко всем чертям. Они не дураки и сейчас самое реальное для них — достать нас из автоматов. Но, к счастью, нам тоже есть, чем прикрыться. Слезай вниз и захвати пулемет Ральфа — вдруг да потребуется… Гюнтер, Вацлав, Михаил! Конрада и Добровольцев на линию огня.

Этого человека я узнал бы и с большего расстояния. Бернард Уильяме вылез из «хантера» и, не отходя далеко от колонны, принялся наблюдать за нами в бинокль. Видел он нас, проделавших уже треть пути, как на ладони, поскольку тут же опустил бинокль, взял в руку рацию и поднял ее вверх, приглашая к переговорам. Я понял — Мясник рассмотрел висевший у меня на шее передатчик, — а потому я

пошел ему навстречу и сразу включил первый канал, предчувствуя, что Бернард во избежание путаницы сделает то же самое.

Так и вышло.

— Доброе утро, неуловимый мистер Хенриксон! — любезно начал он наш диалог.

— Доброе доброе, мистер Уильямс, — подражая ему в интонациях, отозвался я. — Как ваше самочувствие? Хорошо ли спалось сегодня ночью?

Кажется, кто-то из древних британцев изрек, что дух преследования породил дух иронии. Я не мог с ним не согласиться, поскольку именно ирония и перла сейчас из меня по направлению сидящих за колонной преследователей.

— Не паясничай, Эрик, — Бернард этой иронии не оценил. — Плывите назад и сдавайтесь по хорошему. Наигрались, и хватит! Предлагаю вам наилучший выход из положения: мой быстрый суд и смерть от пули. Предлагаю то, что лично я могу тебе гарантировать, но усвой: предлагаю лишь один раз!

— Как-то не хочется, мистер Уильямс, — отклонил я столь щедрый подарок. — Такое прекрасное утро, солнышко светит, птички поют, а вы хотите мне его испортить. Ну о какой смерти может сейчас идти речь?

— Что ж, Эрик, не обессудь, но я вынужден открыть огонь, — в британской предупредительности Мясника просквозила виноватая нотка, как будто он и впрямь меня жалел. А впрочем, кто его знает… — Похорошо известным и тебе, и мне пунктам Устава, вооруженные бандформирования разрешено уничтожать без доведения дела до суда. А ты подпадаешь под это определение на все сто: имеешь на руках уйму оружия и убиваешь направо и налево!

— Протрите линзы бинокля, старина, — мой нынешний статус позволял теперь любую фамильярность, — и вы заметите намекающих вам на недопустимость подобного магистра Конрада и трех ваших Добровольцев. Ваша честь! — окликнул я коротышку. — Помашите ка брату Бернарду ручкой, пока он не натворил глупостей!

Конрад, сразу смекнувший, зачем его выволокли из «самсона» и поставили у кормы, отчаянно замахал руками, словно ветряная мельница. Его инициативу тут же поддержали Добровольцы, как и я не хотевшие, чтобы их продырявили в такой погожий денек прямо

посередине Рейна. Энтузиазм заложников служил для главнокомандующего ярчайшим доводом того, что ими прикрываются как живым щитом.

Пока Бернард, на сей раз глядевший в бинокль гораздо дольше, созерцал их энергичную пантомиму, ко мне сзади подошел Вацлав и негромко произнес:

— Эрик, дозволь, я сниму Мясника из «гепарда». Нельзя упускать такую возможность — когда еще представится?

— Попробуй, — дал я «добро», отчетливо осознавая, что в нашем незавидном положении не до благородных методов ведения войны.

— Ты продержи его переговорами в этой позиции, а я прямо из кузова и пальну. — попросил поляк и стал незаметно взбираться на «самсон».

Я вновь приложился к рации:

— Ну что, мистер Уильяме, одумались? Нет, вы только взгляните, как трогательно сии рабы Божий вопиют о милосердии…

В ответ из передатчика в ухо мне ударил презрительный хохот:

— О, как же ты наивен, мальчик, на самом деле! Да начхать я хотел на мелкого урода и каких-то трусливых идиотов! Они всего лишь невинные жертвы, причем погибшие по твоей вине! Ты же меня знаешь: я без колебаний поступлюсь ими ради того, чтобы прикончить и тебя и твою, как я смотрю, слишком расплодившуюся свору!

Чуткие уши Конрада уловили свой приговор даже с нескольких метров, и он, перестав махать руками, подскочил ко мне, а после чего вырвал у меня рацию и, едва не проглотив ее, визгливо заорал в микрофон:

— Вы что там очумели, брат Бернард! Я как магистр Главного магистрата категорически запрещаю вам открывать огонь, слышите? Вы отправитесь под Трибунал за это!..

— Простите, ваша честь, — заговорила ему в ответ рация, — и прощайте. Вы погибнете при исполнении своего долга как истинный герой. Я знаю, в Перудже в честь вас уже названа улица; что ж, теперь появится такая и на окраине Ватикана. Я горжусь, что мне довелось поработать рука об руку со столь самоотверженным магистром…

— Отставить!!! Именем Пророка приказываю: отставить!!! — не унимался Конрад, у которого перспектива вновь увековечить себя в

истории восторга отнюдь не вызвала, но передатчик хладнокровно пискнул и отключился.

— В укрытие, ваша честь! — крикнул я, хватая его за шиворот и волоча за «самсон». — Кто бы мог подумать: оказывается, мне вы куда дороже, нежели Корпусу!

И вовремя! Едва мы с ним притулились за колесом монстромобиля, как воздух прорезали и застучали по обшивке нашего укрытия первые автоматные пули. Ситуация до боли напоминала дамбу Мон Сен Мишеля — мы прятались за «самсоном», а по нам поливали очередями наши враги.

— Вацлав, ну где же ты! задрав голову, громко проорал я. Он не ответил, но вместо него раскатисто прогрохотал

«гепард». Я высунулся в надежде засвидетельствовать гибель самого одиозного командира Братства, но Вацлав, как ни прискорбно, промахнулся. Тяжелая пуля угодила в опору всего в полуметре от головы Мясника, обдав того мелкими осколками бетона. Шанс был упущен безвозвратно — больше подставляться Мясник не желал и, перекатившись по земле, залег рядом со своими бойцами.

Я всерьез беспокоился за жизни Добровольцев, так и оставшихся на линии огня, но, как выяснилось, напрасно. Тут-то парни и проявили свою напрочь отсутствующую при несении службы расторопность! При первых же выстрелах они резво сиганули за борт, по вполне объяснимым причинам не желая участвовать в нашем празднике. Я заметил три их торчащих из воды головы, когда те, сносимые течением прямиком к Мангейму, были уже далеко. Вот будет теперь что порассказать Добровольцам своим приятелям за кружечкой холодного пивка!

Саймон и Михаил, имея более дальнобойное, чем карабин Гюнтера, оружие, принялись огрызаться в ответ прицельными очередями.

— Только не по столбу! — крикнул я им, но они и без меня знали, что делать.

Вацлав соскочил с кузова и приземлился рядом со мной.

— Прицел сбит, — разочарованно сообщил он. — Стрясли, пока везли. А ведь аккурат посередке лба у этого паразита оптику настроил, на ветер поправочку сделал… Эх, незадача!

И, дослав патрон в патронник автомата, он присоединился к Михаилу и Саймону…

Хоть мы и были неплохо защищены, все равно вздрагивали, когда пули били по монстромобилю и откалывали щепки от дощатого настила парома. Только Конрад, казалось, не замечал опасности. Он был в бешенстве. Надо же, его — магистра! — хотели убить как заурядного отступника проигнорировавшие его же приказ подчиненные! И потому гневный поток словоизлияний доведенного до белого каления коротышки временами перекрывал очереди нашего пулемета.

— Вот негодяй! Нет, каков негодяй, а! — потрясал кулачками магистр. — Меня в герои?! Да еще посмертно?! Уж я-то доберусь до тебя! Клянусь: твоей карьере конец! Мерзавец! Эрик, милейший, дайте мне автомат, я прикончу недоноска лично!

Я знал, что он нисколько не шутит, ведь прецедент уже имелся, и не так давно. И, будь у меня под рукой свободный ствол, то выдал бы его малорослому карателю без раздумий, но все оставшееся не у дел оружие лежало в кузове «самсона», а лезть туда под огнем не очень-то хотелось.

— Успокойтесь, ваша честь, и не дергайтесь, а то и впрямь подстрелят! — одернул я возжелавшего испить бернардовской крови Конрада. — Примите как должное то, что сегодня ваша жизнь обесценилась до уровня наших, однако не настолько же, чтобы подставлять свою лучезарную лысину под свинец! Следующий раз, обещаю, я самолично вручу вам то оружие, какое только пожелаете!

Я не мог нарадоваться на работу паромщика. Несмотря на плотный огонь с берега, он делал свое дело, и делал его на совесть. Свернувшись калачиком возле дизеля, этот воистину героический мужичок довел обороты того до максимума, и расстояние между нами и западным берегом продолжало неуклонно расти. Вот пули стали разлетаться по все более широкому сектору, шлепая преимущественно по воде, а не по парому; вот противоположный берег придвинулся еще на треть, а байкеры, до этого боявшиеся даже голову оторвать от палубы, принялись переползать к стоявшим у переднего края мотоциклам…

Внезапно все прекратилось. Очевидно, Бернард приказал поберечь патроны, поскольку стрельба по цели, уменьшившейся до

размеров пуговицы от плаща, была напрасной тратой и времени, и боеприпасов.

Как и ожидалось, передатчик вновь призывно запиликал.

— Что, думаешь, скрылся от нас, предатель? — Несмотря на неудачу, голос Мясника оставался спокойным, как и прежде. — Еще и прикончить меня хотел? Обидно, да: промазал по такой превосходной цели! Похоже, что приписываемое тебе умение сшибать мух на лету всего лишь фикция! Я вижу, кишка у тебя тонка; ты только и умеешь, что братьям в спины стрелять!..

— Мой кишечник не тоньше вашего, мистер Уильямс, — парировал я. — Вы ведь тоже говорите со мной по рации, а не напрямую.

— Не радуйся раньше времени, каинов выродок! — Все же нотки гнева прорезались и у выдержанного Бернарда. — Неважно, что сегодня ты ускользнул; ты ведь меня знаешь — я вырою тебя из любого дерьма, в которое только зароешься! И посмотрим, что останется тогда от твоего дешевого сарказма! Ты мертвец, усвоил? Мерт вец! Уж поверь…

— Извините, старина, но мы спешим. Взаимно был рад поболтать и, надеюсь, до нескорой встречи! — Полемику с Бернардом мне вести не хотелось, и я вышел из нее посредством щелчка тумблера…

— Все в порядке, все целы, — доложил Михаил после того, как проверил группу на наличие потерь. — Дерьмовые, однако, в Первом стрелки… А вот поторопиться нам очень даже не помешает — сдается мне, бернардовцы чесанули на мост и теперь захотят догнать нас по восточному берегу.

—Да, скорее всего, — согласился я, — но пока они сделают крюк, а это километров пятьдесят шестьдесят, мы успеем углубиться в пустошь…

Несмотря на то, что никто из нас не пострадал в скоротечной и слепой перестрелке (как, видимо, и бойцы Мясника), кое что мы все таки потеряли. Наш постоянный спаситель — верный боевой товарищ «самсон» — стоял перекошенный на правый бок и испускал остатки воздуха из двух своих шин, вновь прикрывших собой доверившихся им людей. Нечего было теперь и думать о том, чтобы тащить его за собой. Мы — бывшие Охотники — столпились у монстромобиля и склонили головы, будто бы провожая в последний путь старого друга.

За нами следили недоуменные взгляды байкеров, считавших, наверное, что-только им дано видеть в холодной технике некое подобие живой души.

— Забрать самое необходимое, — распорядился я, отворачиваясь от печального зрелища. — Топливо, патроны, огнемет… Кеннет, осмотри имеющееся в кузове оружие и раздай его своим людям — пусть выбросят наконец эти жалкие стрелометы. Шестиствolого… уничтожить!

— Я сделаю это! — вызвался Саймон и, трогательно погладив на прощание Свинцоплюя, разобрал его ствольную коробку, побросал детали за борт, а после чего взял у паромщика кувалду и долго курочил той вращающийся блок стволов…

Сотрясший паром толчок сообщил нам о том, что мы достигли таки восточного берега Рейна. Пристань в столь ранний час оказалась пуста, за исключением одного испуганно пялившегося на нас торговца, пригнавшего к переправе обоз из нескольких конных подвод. Байкеры повыскакивали на берег первыми и теперь нетерпеливо рычали моторами, ожидая, пока наши «хантеры» съедут вниз по сходням.

Паромщик топтался возле брошенного нами «самсона», переводя взгляд с намертво вросшей в паром махины на меня и обратно.

— Хорошо поработал, приятель, — усаживаясь за руль, похвалил я действительно заслужившего благодарность работягу. — Так и быть — живи! Жаль только, что неприятностей тебе из за нас придется огрести весьма премного. Но в качестве компенсации за все обшмонай ка этот грузовик, пока парни в серых беретах не отобрали его у тебя. Там в кузове есть продукты и кое какая мелочь, которая покроет тебе издержки нашей переправы… Ну, счастливо, повелитель реки?

— И вам удачи! — почти искренне ответил тот, после чего запрыгнул в кузов «самсона» и принялся сбрасывать оттуда ящики с консервами…

Дикие пустоши начались, когда мы проехали на восток километров сорок. Линия горизонта, до этого относительно ровная, вдруг превратилась в донельзя увеличенную копию неравномерно сточенной пилы, и чем ближе подъезжали мы, к нежилым территориям, тем грандиознее становилась картина поразившей когда-то Землю трагедии.

Эта часть нашего мира ничуть не изменилась со времен Каменного Дождя, да и какая сила могла бы изменить подобное?

Титанические валы вздыбившейся породы накатывали друг на друга в застывшем навеки движении. Кратеры и воронки, теперь полузасыпанные, но все равно поражавшие своими немалыми диаметрами, сменяли друг друга. Кое где поверхность прорезали чудовищные шрамы пустот и провалов, о глубине которых нельзя было и предположить. Ужасный Хаос океаном раскинулся пред нами, и именно он должен был укрыть нас от наступавших на пятки представителей не менее ужасного, но уже по другой причине, Порядка.

Последняя мало напоминающая функционирующую дорога сошла на нет полчаса назад, просто оборвавшись у очередного провала. Мы же продолжали движение за ничуть не смущенным этим фактом Покрышкой, идущим во главе ставшей какой-то куцей без внушительного «самсона» колонны.

Прошло еще некоторое время, и вот он, даже не притормозив, свернул налево и начал объезд длинного земляного вала, уводя нас в настоящие каменные джунгли.

— Держись строго за ним; не отклоняйся ни влево, ни вправо, — напомнила мне Кэтрин предостережение Оборотня. — И внимательно следи: если что, он поднимет кулак.

Уж чего чего, а смотреть здесь и впрямь приходилось в оба. Мы скатывались со склонов, штурмовали крутые подъёмы, балансировали на узких перемычках между воронками и объезжали трещины, виляя, как та маркитанская лодка из «Острова Сокровищ». Скорость наша была относительно невелика, лишь изредка Покрышка разгонял нас до полусотни километров в час, когда рельеф позволял сделать это без опасения куда -либо свалиться. Очень часто его кулак взмывал в жесте, напоминавшем древнеиспанский «N0 pasaran!», и мы, следуя примеру проводника, послушно останавливались.

— Я хоть и помню весь путь наизусть, говорил Покрышка, проверяя лежащий впереди сомнительный участок дороги усердным топтанием, — но никогда не помешает лишний раз вылезти из за руля и посмотреть. Тут все довольно зыбко и постоянно меняется, особенно после дождей.

И словно в подтверждение Покрышкиных слов уже через десять минут мы выталкивали «хантер» Михаила из поглотившей его задний мост коварной промоины…

Кэтрин, заметив, что я поминутно озираюсь, дабы не пропустить настигающего нас Бернарда, поспешила меня успокоить:

— Расслабься, Эрик. Без лоцмана здесь делать нечего, а такого специалиста по пустошам, как Покрышка, Мяснику ни в жизнь не отыскать.

— Он может рекрутировать кого -нибудь из живущих вблизи пустоши жителей, — предположил я. — Уж кто кто, а они должны ориентироваться в ней.

— Даже те, кто проживает у самой ее границы, опасаются и шагу ступить в глубь этих территорий. Среди местных гуляет поверье, что если тебя не прикончит пустошь, то наверняка разорвут и съедят Тени.

— Теней нет. Они — вымысел, — я говорил то, в чем был полностью уверен. — Корпус занимался Тенями не так давно, поскольку крестьяне завалили магистраты жалобами, что якобы кто-то жуткий под покровом ночи ворует и заживо сжирает их скот. И все как сговорились: Тени, дескать это. Тени… Так вот — ни одной Тени мы не поймали, а коров, как выяснилось потом, крестьяне просто напросто воровали друг удруга, списывая все на кочующую у пустошей легенду. Корпус затратил столько сил и средств на банальное законопреступление.

— Как будто до этого ваш Корпус тратил их лишь на благие дела! — огрызнулась рыжая и продолжала упорствовать: — А я говорю, что Тени есть! Спроси любого байкера. Иногда, пересекая пустоши, они находят скелеты собратьев с перебитыми костями и оторванными конечностями. Что за чудовища это вытворяют, по твоему?

Я пожал плечами:

— И выродка Люцифера считали Князем Тьмы, а на поверку оказался обыкновенный безумец. Уверен, что и в твоем случае есть здравое объяснение…

Солнце стояло еще довольно высоко, когда Покрышка остановил колонну и, подрулив к моему «хантеру», заглушил «харлей».

— Все, Эрик, на сегодня достаточно, — сказал он, потирая затекшую поясницу. — Давайте отдыхать, и так идем почти сутки без

остановки. Да и место здесь во всей округе самое наилучшее, чтобы заночевать.

Мы находились на берегу небольшой, наполненной водой, изогнутой котловины. Все остальные берега ее были обрывисты, и лишь та площадка, куда вывел нас Покрышка, имела удобный пологий спуск к воде.

Когда все моторы смолкли и я вылез из джипа, на меня вдруг обрушилась непривычная и, учитывая характер местности, зловещая тишина. Она не нарушалась ни пением птиц, ни шумом ветра в кронах деревьев, ни стрекотанием кузнечиков. Просто всего этого здесь не было, а были лишь голые, без единой травинки, скалы да безжизненная гладь отражающей их воды.

— Михаил, организуй охранение, — в первую очередь потребовал я. — Четыре смены из одного Охотника и, если не возражает Кеннет, трех его подчиненных.

— Кого ты боишься? Тут за сотню километров, — русский обвел рукой горизонт, — ни единой живой души. Или вспомнил, как в позапрошлом году Корпус гонял здесь привидений?

— Эрик прав, вступился за меня Оборотень. — Охрана не повредит. Я лично видел, что бывает с теми, кто не имеет глаз на затылке. Все они лишались и тех двух, что полагаются от природы. Помнишь, Покрышка, банду Пузыря? Она рванула как-то через Польскую пустошь, и никто никогда ее больше не видел А Пузырь знал эти районы получше нас с тобой.

— Чертовы параноики! — проворчал Михаил и поплелся выбирать позиции для часовых. — Уже от каждого камня шарахаться начинают…

21

«— Не знаю, есть ли здесь сокровища, — сказал он, — но клянусь своим париком, что лихорадка здесь есть».

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

Ночь в диких пустошах падала на землю со стремительностью охотящегося ястреба. Солнце просто нырнуло за торчащие на западе земляные валы, и тень ближайшего к нам мгновенно накрыла лагерь непроглядным мраком. Мы разожгли костерок из обломков ящиков от консервов, и все, кто был свободен от участия в охранении, скучковались вокруг него на скромный походный ужин. Люси и Ален,

сидевшие вместе с Кэтрин под одним одеялом, прижались к ней, и только Поль, желающий выглядеть достойно в мужском обществе, уселся рядом со мной и постарался придать себе ту же серьезность, что была сейчас на лицах всех присутствующих.

— Тишина, как в Боевой Семинарии во время летних каникул, — проговорил Михаил и подбросил обломок доски в неяркое пламя.

И вправду, кроме треска костра, ни единого шороха не доносилось из темноты.

— Тем легче будет расслышать тех, кто решит к нам подкрасться, — заметил самый младший из байкеров, кажется, его звали Хорек.

Покрышка посмотрел на него и устало хмыкнул:

— Уж коли не поверишь мне, то спроси у Охотников, они точно знают: те, кто умеет пользоваться темнотой как прикрытием, подкрадутся к тебе так, что ты и ухом не поведешь.

Хорек хмуро оглядел меня, Михаила, Гюнтера и Саймсона, но спрашивать не решился, очевидно, поверив Покрышке на слово.

— Эрик, — обратился ко мне Оборотень, — ты хорошо знаешь Бернарда. Чего от него ожидать теперь?

— Самого худшего, Кеннет, — честно ответил я. — Он не полезет в незнакомую местность, но уверяю тебя — завтра утром пустошь будет блокирована с северо востока на юг. Так что нам предстоит просачиваться каким-то образом прямо сквозь них. Есть предложения?

— Ничего особенного. Дождемся ночи и выйдем из пустоши под ее покровом. А там рывок до Новой Праги, и снова затаимся. Потом Польская пустошь. — Оборотень посмотрел на Покрышку, словно ожидая порицания, но тот молчал и не возражал против подобного маршрута. — Слушай, Эрик, тут у меня с утра вертится одна идейка, как пустить Мясника по ложному следу…

— Навряд ли у нас это получится, — перебил я Кеннета. —Я считаю, что Бернард знает конечную цель нашего путешествия, но ничем по этому поводу не обмолвился, дабы и впрямь не заставить нас поменять маршрут. Он не тратит время на тупое преследование, а лишь травит нас, покусывая за хвост, загоняя в свою главную западню, а что такая будет, я ничуть не сомневаюсь. А готовится она где-то дальше. Эх, если бы я только знал, что он там приготовил…

— И все таки выслушай мою идею, — настаивал Кеннет. — Авось когда и сгодится…

Брат у Кэтрин оказался и впрямь толковый малый. Ни разу до сегодняшнего дня не видя радиопередатчика, он довольно скоро просек, что с его помощью можно будь здоров как пудрить мозги. И то, что он предложил, понравилось всем нам без исключения. Даже упертый скептик Михаил и тот кивнул головой, согласившись с ним:

— Дельная мыслишка, борода, клянусь моими обожженными усами. И если уж совсем возьмут за кадык, точно так и поступим…

Далее разговоры пошли на отвлеченные темы. То ли от усталости, то ли от чего-то еще, но я отключился от общей беседы, думая о своем. Мне вспомнилось, как еще месяц назад, будучи под командованием ныне покойного Виссариона, мы стояли под Орлеаном и вечерами собирались отрядом у точно такого же, только чуть поярче и пожарче, костра. Мы сидели и рассказывали каждый о своем: о детстве, о юности, о годах Боевой Семинарии, случаи из рейдов и просто веселые истории из жизни. Наверное, в такие минуты как-то особенно — острее, что ли? — ощущаешь общность находящихся рядом людей. Я — командир Одиннадцатого — и мои бойцы считали тогда себя истинными братьями, Братьями с большой буквы! А теперь половина из них не задумываясь готова перерезать мне глотку, поверив в ужасную легенду Бернарда и даже не спросив, а почему, собственно говоря, я и пошел на эти отвратительные убийства и предательства.

Хоть я и витал сейчас в своих грустных видениях, но краем уха слышал, что в протекающем у костра разговоре запевалой был, как обычно, Михаил, не встретивший среди Повелителей Дорог достойного соперника. Немногословные байкеры оказались благодатной почвой для впитывания речевых потоков русского, а их заинтересованные взгляды лишь вдохновляли того говорить все дальше и дальше. Речь шла в основном о нашем прошлом, об изнанке политики Святой Европы, об истинном лице Корпуса, скрытом за маской служения вечным ценностям… Одну только тему все старательно обходили стороной — пленение и гибель Проклятого Иуды. Никто не хотел задевать за больное сидевших с нами его детей и Кэтрин.

— …а уж ведьм и того больше, — вещал Михаил, когда я вновь мысленно вернулся к реальности. — Но вот что интересно: раз ты такая крутая колдунья, как утверждаешь, то почему же дала себя

скрутить? Почему не предугадала наше появление; почему не наслала на нас порчу, сглаз; почему просто не улетела в конце концов?

— И почему же? — спросил кто-то иэ байкеров.

— А я вам скажу: девяносто пять процентов из пойманных нами колдунов и ведьм являлись, по сути, лишь балаганными шутами. Поразнарядятся, талисманами пообвешаются, символов разных поначертят, заклинания типа читают… А цель? А цель одна: уши людям попротирать, на воображении, на страхе поиграть и деньжат подзаработать. Еще мой старик твердил, что наилучшей формой обогащения следует считать продажу иллюзий и надежд; короче — воздуха! Попахать людские фантазии как следует, бросить туда семена призрачного счастья, и они принесут тебе закономерный урожай. Вера, Надежда, Любовь — есть источники того же дохода, что и более материальные товары, вот только затрат на производство требуют куда меньше. Или я не прав, а, ваша честь?

Магистр Конрад, тоже этаким мотыльком подтянувшийся к свету, выбрал себе самое безопасное, как он посчитал, местечко — за моей спиной. Коротышка, выглядывая через мое плечо, ловил помятым лицом жалкие крохи тепла от лениво трепещущих языков пламени.

— Прав! — заносчиво подытожил Михаил, так и не услыхав от Конрада ни «да», ни «нет».

— И что ты вообще делал среди Охотников с такими взглядами? — поинтересовался у него Оборотень. — Выходит, что служил так презираемым тобой торговцам иллюзиями и выполнял их приказы…

— Когда меня определили в Семинарию, — ответил русский, — я еще не мог сам выбирать себе жизненный путь. Мой папаша хотел пристроить сынка как можно поближе к власти, и все. А потом… Потом просто плыл по течению, делал свою работу. И признаться, до недавнего времени она мне очень даже нравилась: поездки по стране, приключения, азарт преследования, принадлежность к элитному боевому сословию… Да я и не напрягал мозги над тем, кому служу…

…Я бы тоже мог подписаться под его откровением, как и большинство, наверное, в Братстве Охотников. Своими словами Михаил подвел некую черту под нашим прошлым, и добавить к этому было нечего…

— Так ты утверждаешь, что Вера — это специально выращенная на продажу ложь? — возвращаясь к основной теме, спросил Хорек, у

которого из за юношеской впечатлительности, похоже, дух захватывало от подобных речей.

— Вера и вправду больно смахивает на ложь, — продолжил Михаил свои теологические изыскания (набившие за шесть лет нашей совместной службы у меня оскомину). — Ну посуди, парень: ты с пеной у рта утверждаешь то, чего на самом деле достоверно знать ну никак не можешь: жизнь после смерти, воскрешение, чудеса всяческие…

— Люди верят тому, что есть в Святом Писании, — прервал его Хорек. — Говорят, эта книга написана со слов самого Господа!

— Господу больше делать нечего, как только книги своим рабам надиктовывать! — усмехнулся Михаил, — Да будь его воля, он бы вплавил все свои постулаты в мозг каждому из нас раскаленым железом; Господь он или не Господь в конце концов? Нет, Хорек, все книги пишутся людьми. Однако среди них есть и такие, что решили, будто не кто -нибудь, а сам Бог нашептывает им на ухо: «Иди, о избранный, доведи мои слова до всех!» Вот тебе и возникновение Святого Писания! Лично я всегда считал, что если истина спорна, то идет она не от Бога, а от человека. А то что это за Бог такой получается, коли он доходчиво не может объяснить своим рабам, чего желает?

— Но ведь верующие не считают, что они лгут! — не унимался Хорек. — Все они искренне уверены, что правы!

— Мне жаль их, — вздохнул русский. — Они тешат себя самообманом, помогающим им уйти от серой действительности, жить мыслями в красивой сказке, питать силы от надежд на светлое будущее. Те же ощущения дарит и бутылка крепкого вина…

Конрад за моей спиной сопел, кряхтел и, наконец, не выдержал:

— Бесстыжий богохульник! Вера помогает людям созидать, творить добро, быть честными перед собой и другими! И ты называешь ее ложью? Да она куда как лучше твоего мерзкого неверия!

— Неправда, ваша честь, — ничуть не обиделся Михаил. —Я тоже много во что верю. Верю в разум человека, в его выдержку и трезвость ума, верю в честность и справедливость. Верю в то, что если все мы будем терпимее друг к другу, не будем творить зла ни дальнему, ни ближнему, то так или иначе придем к какому -нибудь счастливому времени. Верю во все это, хотя разумом и понимаю, что такого не

случится никогда. И уж, милейший, я нисколько не принижаю того, что сотворили вдохновленные Верой люди! Да честь им и хвала! Вот только мне не требуется подобный стимулятор, и будьте добры, дайте самому решать, во что верить и чем вдохновляться!

— Это вы, разлюбезнейший, такой умный, — вконец осмелел коротышка, — а тем, кто слаб, потерян и не уверен в себе, куда проще следовать за духовным пастырем, помогающим различить грань между Добром и Злом!

— Знаете, ваша честь, термин «пастырь» ввела в обиход именно категория торговцев иллюзиями, этак со злой иронией принизив тех, кто им доверяет, до уровня овец: тупых, дрожащих, испуганно блеющих… И относятся они к своим людям как к стаду — более емкого сравнения, пожалуй, и не придумаешь. Пастырь уважает свое стадо? Нет! Пастырь задумывается над тем, что блеет ему отдельно взятая овца? Нет! А что же он делает? А он лишь следит, чтобы стадо не разбредалось, сохраняло целостность и тем самым кормило своего опекуна. А мы с вами играли роли тех овчарок, что кусают отбивающихся от стада овец!

— И защищающих стадо от волков! — вставил коротышка, довольный вовремя пришедшим на ум сравнением.

— …Которых и придумывал пастырь дабы еще сильнее стращать и без того запуганных животных, — не замешкался Михаил. — А если и были какие волки, так-только те, что претендовали на сытое местечко нашего пастыря.

И оба оппонента принялись сверлить друг друга глазами. Правда, магистр отвел взгляд первым, прекрасно осознавая, чем чреваты для него излишние пререкания в подобном обществе.

— Странные дела, однако, творятся на нашем пастбище, — с легким прищуром взирая на огонь, неожиданно вымолвил Покрышка. — Овчарки вступились за ягнят, которых бессердечный пастырь вознамерился сожрать на обед! Все посмотрели на него, но он и бровью не повел.

— Клянусь моими обожженными усами, старик, — точнее и не скажешь, — согласился Михаил. — Подумать только: бунт на псарне! Овчарки взбесились! Да, именно — бешеные псы! И ведем себя подобающе: носимся с пеной у рта и огрызаемся на тех, кто призван нас изловить.

— Вот уж неизвестно, кто на самом деле бешеный — вы или те, от кого мы убегаем, — промолвила Кэтрин, крепче прижав к себе клюющих носом ребятишек.

Опустилась гнетущая тишина, поскольку никто так и не нашелся, что сказать, и все лишь молча слушали треск лизавшего древесину огня.

— И все таки, Михаил, выходит, что настоящие колдуны есть, не так ли? — спросил Кеннет после надолго растянувшейся паузы. — Ибо, по твоему раскладу, к кому же тогда отнести оставшиеся пять процентов пойманных вами чернокнижников?

— Интересный вопрос, борода! — вновь оживился русский, безумно любивший, когда его вызывали на разговор. — Очень и очень интересный, а главное — загадочный! Но я отвечу: никогда не стоит пренебрегать тем, что среди всей этой кодлы фокусников и откровенных клоунов есть люди, действительно прикоснувшиеся к чему-то неизведанному; примерно, как человечество однажды прикоснулось к электричеству. Мало того — они даже научились использовать его, познав кое какие свойства этих неизученных материй. Но они не колдуны, а всего лишь исследователи, пытающиеся без оглашения секретов своего открытия подзаработать на нем. А в чернокнижники записала их молва, наградив попутно всеми мыслимыми и немыслимыми пороками и добродетелями. Но как и везде, так и среди этой ничтожно малой группки есть и порядочные ребята, и откровенные сволочи наподобие того киевского мага Тараса Максюты. Добро и зло, друзья мои, сосуществовали всегда и наверняка будут сосуществовать и далее. Не будь Дьявола, с кем-тогда сравнивать Бога и наоборот? Они никто друг без друга и, если уж взять по существу, служат по одну линию фронта и в одном подразделении. Так вот…

В свое время я успел понаслушаться от Михаила сотни различных версий и теорий мироустройства (разумеется, исключительно в приватных с ним беседах), а потому сейчас с интересом наблюдал за Саймоном и Гюнтером, для которых Михаил философ явился просто таки подлинным сюрпризом. Так уж сложилось, что в Одиннадцатом к русскому намертво пристала репутация балагура, тем самым, казалось бы, исключавшая любое серьезное его восприятие. И потому лица обоих экс Охотников выражали теперь похожие чувства, а сами они

готовы были вот вот разразиться вопросом: «Ну ладно, Михал Михалыч, а смеяться-то где ?»

После ужина усталость окончательно взяла свое, и все единодушно сошлись во мнении, что споры спорами, но пора бы и на боковую. Перед сном я проверил посты, проследил, чтобы Кэтрин заперла изнутри дверцы «хантера», после чего расстегнул кобуры, подложил под голову свернутую плащ палатку, укрылся плащом и тут же отключился…

Голова моя сползла с импровизированной подушки и больно стукнулась о землю. Первое, что промелькнуло в пробуждающемся мозгу, было: «Что за, черт побери, идиотские семинаристские шуточки!» Я продрал глаза и попытался подняться, чтобы поквитаться с обидчиком…

Но не смог! Кто-то или что-то держало меня за ноги и волочило по камням в темноту. Те, кто схватил меня, вроде бы смахивали на неуклюжих байкеров, но почему на них такие несуразные Одежды? И что вообще здесь происходит?

Окончательно разбудил меня крик. Пронзительно тонкий детский крик, в котором было столько ужаса, что все мое тело продрала инстинктивная животная дрожь.

Раздумывать было некогда кто бы это ни был, он нам не друг! Я без разговоров извлек своих смертоносных «близнецов» и выпустил в каждый из бесформенных контуров по три пули…

Ноги, освобожденные от цепкой до боли хватки, плюхнулись на землю, и я, держа пистолеты наготове и весь кипя от желания поквитаться с неведомым врагом, метнулся к джипу, где не переставая кричал ребенок.

— Группа — подъем!!! Тревога!!! — надрывал глотку с другого конца лагеря Михаил. — Чужой на территории!!!

Вслед за ним заговорил его «АКМ», и тут же практически одновременно шарахнул карабин Гюнтера. Темноту разорвали мгновенные яркие вспышки…

Такой же, как и те, что тащили меня по земле, черный силуэт склонился к кабине «хантера» и, выбив стекло, запустил в салон свои мерзкие конечности. Теперь уже кричали все дети и Кэтрин.

Рвавшееся внутрь джипа создание узрело в моем лице первоочередную угрозу, вынуло руки из салона и, гулко зарычав,

кинулось на меня. Правда, сделать больше пяти шагов оно так и не успело, упав с продырявленной головой.

Проклятая темнота не позволяла видеть вокруг себя дальше нескольких метров, и я имел представление о текущей схватке лишь по грохочущим то здесь, то там выстрелам.

— Отходите к джипам!!! — заорал я во весь голос, не ведая ничего ни о количестве противника, ни о его вооружении, а потому боялся, как бы наша группа не перестреляла сама себя. — Все к джипам и занимайте круговую оборону!!!

Я сунул голову в выбитое окно «хантера», но не успел задать ни одного вопроса, как получил сильный удар аккурат под левый глаз. В голове вспыхнули искры, и вся она наполнилась колокольным звоном — босая пятка Кэтрин разила не разбираясь, кто перед ней.

— Отставить! — рявкнул я от неожиданности по уставному. — Это Эрик! Все целы?

— Ой, прости!.. виновато отозвалась Кэтрин. —Да, все в порядке, только напугались мы страшно… Что случилось?

— Кто-то напал на нас. Сидите тихо и не высовывайтесь. Я здесь, рядом…

Стали подтягиваться державшие оружие на изготовку остальные Охотники и байкеры. Однако зловещие бесшумные фигуры больше не маячили во мраке, а держались где-то вне пределов нашей видимости.

— Кеннет! — позвал я.

— Я здесь! — донеслось сбоку.

— Проверь своих! Михаил!

— Наши все в сборе, — ответил русский, располагаясь рядом.

— Кто стоял в охранении? — гневно поинтересовался я.

— Я! — как на духу сознался он и, предвидя мои закономерные упреки, так и не дал мне возмутиться как следует. —. Но не спал, клянусь моими обожженными усами! Они прорвались не через мой сектор!

Во мраке Оборотень проводил внеплановую перекличку своего личного состава, для непосвященного человека выглядевшую несколько экстравагантно:

— Крючок? Муха? Поршень? Балбес? Балбес, отвертку тебе в задницу?! Понял — здесь! Хорек? Сиплый? Тыква? Тыква?! Проклятье, где Тыква?

— Тыква стоял на периметре вместе с нами, — ответил вместо него из темноты чей-то голос.

Оборотень подсел ко мне и сообщил:

— Эрик, у меня все, кроме…

— Я понял, Кеннет. Но сейчас искать Тыкву бесполезно: Дождемся утра…

— Может, пластанем вашим огнеметом? Я слышал. Тени боятся света.

— Даже не вздумайте! А вдруг у кого -нибудь пробит бензобак? Твои ребята палили куда попало… Ты сказал «Тени» ?

— А кто же еще?

Мы встретили утро, сбившись в кучу возле «хантеров» и банков и держа под прицелом каждый метр периметра. Несколько раз нам чудилось во мраке чье-то движение, а может, просто-напросто мы были возбуждены и испытывали массовые галлюцинации, но как только кто -нибудь кричал «вижу, вижу, они там!», вся группа незамедлительно открывала огонь по призрачным целям.

Кэтрин долго утешала Люси, которой, как выяснилось, Тень вцепилась в волосы, пытаясь вытащить девочку из машины. К счастью, та отделалась лишь клоком выдранных волос да легким испугом, так что утешения заботливой ирландки явились для нее лучшим успокоительным.

Никогда еще первые проблески зари не приносили мне столько радости и облегчения. Едва стало возможно рассмотреть всю площадку целиком, как мы, настороженно озираясь, вышли в надежде отыскать пропавшего Тыкву или хотя бы то, что от него осталось.

Но ничего! Ни единого трупа! Как же так, думал я, ведь прекрасно помню, что уложил троих, и люди Оборотня хвалились, что-тоже убили нескольких Теней? Хотя нет, так и было — бурые пятна крови во всех концах лагеря говорили о том, что жертвы у нападавших все же имелись. Однако какой -либо указывающий на Тыкву след так никто и не обнаружил.

— Подойдите сюда! — вдруг раздался голос Гюнтера. — Тут кое что… осталось!

Германцу удалось обнаружить тело того самого нападавшего, которого я застрелил возле «хантера». Лишенное верхней части головы, оно завалилось за камни и потому не было замечено нами

сразу. Тело пролежало практически в двух шагах от нас и именно по этой причине не оказалось эвакуированным с остальными, я уверен, многочисленными телами других Теней.

Мы столпились над мертвым представителем загадочных существ и не решались дотронуться до него, будто боясь подцепить какую -нибудь заразу.

— По виду обыкновенный человек, — заметил Вацлав. — Ни рогов, ни копыт, а тем более крыльев.

— Расступись, — потребовал Михаил, извлекая из рукава свой потаенный стилет. — Сейчас посмотрим, из чего слеплены эти ваши Тени.

Он посрезал засаленные вонючие тряпки, в которые была одета Тень, и перед нашим взором предстал изможденный до умопомрачения человек с буквально протыкавшими кожу торчащими ребрами и тонкими, как прутья строительной арматуры, руками.

— Да у него же дистрофия последней стадии! — протолкавшись ко мне сквозь сгрудившихся байкеров, по медицински авторитетно определила Кэтрин. Мы же стояли и не могли поверить в то, что столь грозное, как Тень, создание явилось, по сути, обыкновенным тощим доходягой.

— Эрик, глянь ка! — обратился ко мне Михаил, отвернув лезвием ножа со впалой груди мертвеца обрывки тряпья. — Похоже, старый знакомый!

И действительно — в области сердца у покойного красовалась большая, с суповую тарелку, татуировка: перевернутое распятье в обрамлении клыкастых, запачканных стекающей с них нарисованной кровью, челюстей.

— Пожиратели Святой Плоти! — узнал я символ одной из чудовищных некогда сект, истребленных Бернардом практически подчистую.

— Вот и все ваши хваленые Тени! — тоном победившего в споре обратился я к рассматривающим татуировку Кеняету, Кэтрин и Покрышке. — Банальные сектанты, загнанные в пустоту. Они и раньше не брезговали каннибализмом, ну а здесь — в бесплодных местах — эта их привычка и вовсе стала основой выживания. Так что никакой мистики, ребята; все очень даже обыденно и прозаично. Что ж, теперь-то они от нас отстанут — еды мы им заготовили надолго…

Покрышка, а следом за ним и Кеннет, недобро зыркнули в мою сторону.

— Тыква колесил с нами пять лет, — процедил сквозь зубы пожилой байкер, — и был одним из лучших наших загонщиков! Не думаю, мистер Хенриксон, что вы выбрали для него подходящее сравнение!

Я почувствовал себя ужасно неловко — ведь имел в виду тех Теней, которых перестреляли, а про пропавшего байкера как-то и не подумал. Получилось и впрямь очень некрасиво…

— Извините, ребята, — виновато промолвил я. — Действительно, глупость сморозил. Честное слово, не хотел никого обидеть необдуманно вырвалось…

— Ладно, забудем, пошел мне навстречу Оборотень. — И раз уж отдых нам обломился, значит, завтракаем и трогаемся в путь. После обеда мы должны быть под Нюрнбергом, там и доотдыхаем, дожидаясь ночи…

22

"— …Рано или поздно, а нам придется вступить с этой шайкой в бой. Я предлагаю не подавать виду, что мы знаем об их замыслах, а напасть на них первыми, когда они меньше всего будут этого ждать. Мне кажется, мы можем положиться на ваших слуг, мистер Трелони?

— Как на меня самого, — заявил сквайр".

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

Я как в воду глядел — три байка пришлось списывать подчистую. Не привычные к обращению с огнестрельным оружием, ребята Оборотня, сами того не желая, создали себе лишние неприятности. Своих Жеребцов лишились Поршень, Шустрый, а также Помойка — рослый, крепко сбитый байкер, но почему-то постоянно весь помятый и испачканный, за что, очевидно, и был некогда награжден подобным прозвищем. У Поршня в осколки была разнесена ступица переднего колеса; байк Шустрого продырявили сразу несколько пуль, повредившие коробку скоростей и цилиндры; у Помойки же, как я и напророчествовал, бензобак излил на землю весь бензин через аккуратное отверстие в отстойнике, конструкторами Древних явно не предусмотренное.

— Поражаюсь, как они еще друг друга не поперестреляли, — глядя на байкеров, покачал головой Вацлав.

Осиротевшие мотобандиты завалили поврежденную технику в расщелине грудой булыжников, надеясь вернуться за ней при первом же случае, если, как выразился Поршень, «судьба не сотворит и с нами нечто подобное». Байк пропавшего Тыквы был тут же по старшинству присвоен Помойкой, а остальные спешившиеся позанимали задние сиденья у Хорька и Мухи, свалив свои пожитки в и так перегруженные «хантеры»…

К обеду рельеф пустоши стал сглаживаться, воронки попадались все реже и реже, и вот, наконец, Покрышка выехал на полузаросшую и еле приметную, но все таки дорогу, где он сразу же остановился и потребовал привала.

До вечера все только и делали, что отсыпались после наполненной кошмарами ночи. Ближе к ужину я порыскал по каналам рации и моментально наткнулся на радиообмен Мясника, опять заполнившего эфир своей кодированной белибердой. Но что-то насторожило меня в его переговорах, что-то заставило напрячь внимание и сосредоточиться, ловя каждую фразу, а затем снова и снова прокручивать термины кода мистера Уильямса в голове.

Я подозвал Покрышку и Оборотня.

— Что, по вашему, могут обозначать выражения «сухая кишка» и «лысина» ? — спросил я, проверяя только что пришедшую на ум догадку.

— Да тут любой, знающий эти земли, допетрит, — проворчал Покрышка, все еще дувшийся на мою утреннюю глупость. — «Сухая кишка» — это пересохшее русло Наба, а «лысина» наверняка означает голую куполообразную скалу на юго восточной оконечности пустоши. Проще простого!

— Вот это и не дает мне покоя, — рассудил я вслух. — Мясник знает, что у нас рабочие рации, но тем не менее его коды становится легко расшифровывать. Он будто бы намеренно сообщает нам, где находятся его патрули…

— Загоняет нас в ловушку! — тоже догадался Кеннет.

— Или хочет вынудить двигаться по определенному маршруту, — дополнил я.

— Даже если это и так, сложно угадать, какой из десятков проселков мы выберем, — задумчиво почесал переносицу Кеннет. — А уж где поставить засаду, ему и подавно не рассчитать — слишком просторное поле имеем мы для маневров во всех направлениях.

— Боюсь, Эрик, что Мясник начал ту стратегическую игру, о которой ты и предупреждал, — произнес Покрышка. — И он не готовит засаду, Кеннет, нет! Ты правильно сказал: невозможно предугадать, куда мы свернем. Тут все немного иначе. Обрати ка внимание: под видом того, что Бернарду не хватает людей, нам оставлен свободным коридор до самой Новой Праги. Согласись — весьма подозрительно, ведь у него, наверное, уже в подчинении отряды Парижского, Берлинского и Новопражского магистратов. Тебе же просто не остается другого выбора, как только просачиваться через эту прореху. И клянусь — дальше этот лис будет поступать абсолютно так же, вот только бреши будут становиться все уже и уже. Очень хитрая тактика, позволяющая не тратить ни сил, ни времени на тупую бестолковую погоню…

— Он загоняет нас на определенный участок границы или пограничья, — дошло до меня. — На тот, где в настоящее время уже сооружается его надежная и безотказная западня. И мы должны будем запрыгнуть в нее сами!

— Правильно, командир, — поддакнул Покрышка. — Будь уверен, твои предчувствия тебя не обманут. Мясник твердо убежден, что при подъезде к границе мы впадем в эйфорию от близкого спасения и в некоторой степени утратим бдительность, что, по его мнению, нас и погубит.

— Что же делать? — Кеннет был явно растерян. — Не хочется плясать под их дудку, но они просто не оставляют нам другого варианта. Организовав брешь, они тем самым уплотнили патрули по другим секторам, начисто лишив нас возможности радикально изменить маршрут… Значит, так, с сегодняшней ночи уходим в глубокий отрыв. Идем на предельной скорости круглые сутки, вырываемся из этого коридора и чешем что есть духу до ближайшей границы. Князь Сергей, не князь Сергей — нам уже выбирать не приходится…

— Нет, днем вне пустоши — это смерть, — отринул я подобный план. — Пойдем как и раньше — ночами, но впереди колонны

выставим мощный дозор, который если что, так сразу…

— Эх, молодежь молодежь! — перебив меня, укоризненно покачал головой Покрышка. — Вам бы только наперегонки бегать да в «кошки мышки» играть! Нельзя так, уж поверьте старику…

— У тебя есть нечто особенное? — полюбопытствовал Кеннет. — Коли так, тогда не брюзжи и выкладывай!

— Ты знаешь, Оборотень, что до того, как перекочевать к тебе, я жег резину у Стэнли Академика, — начал ветеран байкеров как бы издалека. — А ведь его не зря так прозвали — башка у парня размером что твой бензобак, однако не такая пустая! Так вот, он частенько говаривал, что Удача любит лишь того, кто умеет терпеливо ждать…

— Давай к делу, — поторопил его Кеннет. — Я уже сыт по горло твоими россказнями…

— Вот я и говорю: только того, кто умеет терпеливо ждать, Оборотень! Заостри ка на этом внимание! — осуждающе посмотрел Покрышка на молодого лидера мотобандитов. — Мои россказни тебя плохому не научат, а потому не сбивай с мыслей мой еще не совсем выкипевший котелок! В общем, я считаю, что настала пора внести разнообразие в нашу бесконечную гонку, а именно: затаиться и подождать некоторое время…

— Прямо здесь? — недовольно поморщился я. — Помоему, не совсем здравая…

— И ты тоже поосади, дай закончить! Разумеется, не здесь. За Новой Прагой у нас есть небольшая резервная берлога: продукты там кое какие, горючка… Надеюсь, что никто ее не обнаружил. Туда и поедем.

— Но, послушай, старина, — засомневался я, — для нас теперь каждый день, проведенный в этой стране, увеличивает вероятность поимки в арифметической прогрессии, и потому чем быстрее мы отсюда свалим…

— Вот! — оборвал меня Покрышка. — Вот в этом вся и суть! Я уверен, что и Мясник тоже так думает! И ты, и он вояки, захватчики, штурмовики! Прете напролом, действуете по принципу «чем скорее, тем лучше». Ловля, погоня, маневрирование это ваша стихия и вы с ним в этом великие мастера, ничуть не сомневаюсь. Но и слабое место у вас тоже здесь…

Поучительный тон Покрышки заставлял меня ощущать себя прямо таки неопытным юнцом, которого только что более матерый товарищ натыкал носом в не замеченные им ранее элементарные вещи…

— Дело не в том, как переиграть Мясника на местности, а в дальней перспективе, — закрашивал пробелы в моих тактических знаниях Покрышка. — Ну, подумай: что будет, если мы для него исчезнем, провалимся как сквозь землю?

— Мясник решит, что мы прорвались незамеченными и ушли вперед, — рассудил я по логике того, что сам считал бы на месте главнокомандующего.

— Верно, — закивал байкер. — Скрылись в Польской пустоши. Но когда и возле нее нас не засекут…

— …он плюнет на все и помчится тотально блокировать границу, — подхватывал я на лету мысли «наставника». — И поскольку на его готовую засаду мы уже не выйдем, Бернард разгонит ее и постарается всеми имеющимися силами перекрыть наибольший участок границы, после чего ему останется лишь ждать и бороздить пограничье патрулями…

— А что подразумевает слово «ждать» ? — спросил Покрышка, явно довольный тем, что ученик покладист и без пререканий следует его рассуждениям.

— «Ждать» — значит нервничать, суетиться, пребывать в неведении и растерянности…

— В общем, то, что нам надо! Он не будет доподлинно знать, на каком участке мы прорвемся, а потому не сможет разработать более или менее стройную концепцию нашей поимки. Защитники Веры, Добровольцы Креста, Охотники… Как думаешь, на сколько хватит их терпения, когда мы не появимся ни через неделю, ни через две?..

— Они начнут думать, что мы все таки пересекли границу, и волей неволей ослабят бдительность. Однако посты не свернут, дожидаясь агентурного подтверждения нашего появления в России, которого, естественно, не будет…

— И вот тут надо будет не зевать! Чуть промедлим, и Бернард возобновит поиски, но уже внутри страны. И тогда до границы мы точно не доедем, потому что их кодла пойдет прочесывать каждый миллиметр на запад, двигаясь навстречу нам. Ну а пока они чешут лбы

и думают, ждать ли еще или повернуть поиски вспять, мы в два быстрых броска достигаем пограничья, оперативно разведываем несколько участков, выбираем наиболее слабоохраняемый и уже прямо там смотрим, как его пересечь. Скажи, Эрик, по твоему личному опыту, сколько времени нам придется выжидать этого момента? Две недели достаточно?

— Я бы уже через одну писал кипятком от ярости, думая о том, что меня, вероятно, обвели вокруг пальца, — честно признался я.

— Значит, две в самый раз, — сделал вывод Покрышка. — Бернард постарше, а соответственно потерпеливей…

— Да, но никак не дольше, — подал голос Оборотень. — Продуктов даже с учетом наших запасов на стоянке не ахти как, а промышлять сейчас очень рискованно. К тому же скоро холода; не хотелось бы держать ребятишек в слякоти, да и нельзя исключать вероятность нашего случайного обнаружения…

— Ну что, молодежь, согласны с моим предложением? — Покрышка посмотрел сначала на меня, а затем на Кеннета, заранее зная, что возразить нам против такой детальной стратегии в принципе и нечего.

— За неимением другого… — развел руками я и тут же добавил: — Только одно «но» — не стоит забывать о том, что Мясник тоже может напрячь извилины и раскусить нашу уловку. И тогда под Новой Прагой он и захоронит нас всех в общей могиле…

— А мы подыграем ему! — Похоже, Покрышка успел обдумать и это. — Добавим к нашему плану ма а аленький нюанс. Он хочет, чтобы мы шли на Новую Прагу? Туда и пойдем! Причем не проселками, как он ожидает, а прямиком по главной дороге! Пусть нас видят все, кто пожелает!

— Ты спятил, приятель, — заявил Кеннет. — Она же наверняка будет перекрыта блокпостом!

— Уверен, что всего одним, да и то чисто символическим. Шакалы Мясника убеждены, что загнали нас на нужное направление. Однако им и в голову не придет, что мы оборзеем настолько, что попрем в открытую и атакуем пост! Никого, само собой, убивать не будем, а лишь напугаем и рассеем их поверхностной стрельбой. Или ты забыл, что благодаря нашим новым друзьям твоя банда обрела нехилую огневую мощь?

— Да уж… — Оборотень взвесил в руке конфискованный им на переправе из уничтоженного «самсона» маленький скорострельный «хеклер кох». — Эта железяка посолидней арбалета и дробовика, вместе взятых, будет.

— И эта наша сверхнаглость, — продолжал Покрышка, — лишний раз убедит Бернарда в том, что мы впали в полное отчаяние, раз уж стали выбирать те дороги, на которых можно развить хорошую скорость…

— Эта идея была у меня в качестве основного варианта, — кивнул Оборотень, — но и в качестве обманного маневра выглядит недурно… А потом огибаем Новую Прагу, сразу за ней сходим с трассы и, достигнув убежища, затаиваемся на две недели… Так?

— Именно! — подтвердил его матерый старшина. — И нечего носиться от Мясника как приговоренный к рождественскому обеду поросенок!

— А ты не такой уж простой фрукт, как кажешься на первый взгляд, бродяга, — выказал одобрение Покрышкиной идее Кеннет.

— Я тоже всегда себе это говорю, — довольно осклабился Покрышка, прикуривая очередную свою вонючую палочку. — Так что, детишки, почаще слушайте старших, авось что и отложится в ваших пустых головах…

Что ж, как порешили, так и сделали, и вот уже наша кавлькада, протрясясь полтора часа по ухабистым проселкам, выруливает на наезженное грузовиками торговцев шоссе, соединяющее оставленный позади Нюрнберг и столицу Новопражской епархии…

Эта часть стратегической игры Покрышки была, безусловно, очень рискованной, и я испытывал сильное волнение, когда набирал скорость, стараясь не отстать от едущих впереди меня по шоссе байкеров. За каждым новым поворотом мне мерещилась засада; каждый новый подъем, казалось, скрывал за своей вершиной стерегущего нас противника. И утешало меня лишь то, что именно здесь наше появление ожидалось меньше всего, а потому какие -либо сюрпризы были маловероятны.

Трасса Нюрнберг — Новая Прага не сказать, что была оживленной, но даже ночью торговые грузовики встречались на ней через каждые двадцать тридцать километров. И лишь они могли послужить для нас ценным источником разведданных об обстановке

впереди. Однако по доброй воле никто бы из них, разумеется, не остановился, да мы и не стали махать им ручкой, а поступили древним и проверенным байкерским методом. Поднаторевшие в искусстве авторазбоя, почитатели Свободы уже на территории Новопражской епархии прижали к обочине одну такую неуклюжую колымагу и допросили насмерть перепуганного водителя на предмет "что путь грядущий нам готовит? ".

Счастливый лишь оттого, что его не грабят и не избивают, торговец охотно поведал подозрительно вежливым байкерам обо всех неприятностях, кои суждено было ему миновать. Нас же заинтересовало только то, что возле моста через Влтаву дорогу перекрывал броневичок с пулеметом местных Защитников Веры, которые весьма дотошно проверяли весь направлявшийся к столице епархии транспорт.

Я помнил из книг: Новая Прага была отстроена на сотню километров юго восточнее своей исторической предшественницы, напрочь стертой с лица земли Каменным Дождем. Река Влтава уже не пересекала ее, как ранее, а протекала к западу от городских стен, и для того, чтобы обогнуть город с юга, нам требовалось проехать для начала по стальному арочному мосту, колоссальной скрепкой соединяющему правый и левый берега. Но именно на нем и засели перекрывающие наш путь Защитники…

— Я так и знал! — проговорил Покрышка, отпуская торговца, который во весь голос благодарил Господа и Покрышку в том числе за проявленное милосердие. — Вот только пулемет мне очень не нравится…

— Всем погасить фары! — скомандовал Оборотень. — Задача простая: подлетаем в темноте, шарахаем из всех стволов одновременно, держим их мордами в землю пока не проскочат «хантеры», а затем расстреливаем им колеса и драпаем что есть духу!

В предвкушении громкой забавы байкеры оживленно загалдели — наконец-то им дали возможность поквитаться на равных с заклятыми врагами, десятилетиями гонявшими их по просторам Святой Европы! Заклацали затворы, и даже рычание двигателей выражало всеобщий восторг — группа была готова к прорыву. Оборотень и Покрышка разместились впереди всех, тем самым символизируя собой острие карающего байкерского меча или, если применять эпитеты близкие им

по духу, — разящий конец занесенной для удара шиномонтажной монтировки…

О приближении к блокпосту нам поведал обшаривающий округу яркий прожектор, закрепленный, насколько я помнил устройство этих броневичков, на турели легкого пулемета. И чтобы не подвергать наш малообученный ударный отрядик излишнему риску полечь костьми еще на подступах, Вацлав высунулся из окна джипа, окликнул байкеров и попросил их совершить последнюю перед мостом остановку.

— Минутку, ребята, — сказал он им, когда все мы затаились за холмом, дабы грешным делом не нарваться на рыскающий туда сюда луч света. — Сейчас немного упростим ситуацию…

После этого поляк расчехлил так опростоволосившийся при попытке ликвидации Мясника «гепард» и принялся вместе с ним взбираться вверх по склону холма. Я догадался о его намерениях и, желая получше рассмотреть противника с возвышенности, последовал за Вацлавом.

— На этот раз, Эрик, я нас не опозорю, — отстегнув опорные сошки и снимая с оптики предохранительную крышку, утешил меня он, когда я плюхнулся рядом с ним на траву. — Погодка прекрасная, ветерок слабый, поправочку теперь я знаю на сколько сделать… Ну что ж, помолимся и начнем.

В тишине ночи и без того громкий выстрел «гепарда» показался и вовсе оглушительным. Однако, вопреки заверениям Вацлава, я с сожалением пронаблюдал, что прожектор не погас, а лишь дернул лучом в сторону.

— Промазал! — разочарованно констатировал я.

— Ничуть! — Поляк извлек стреляную гильзу и загнал в патронную камеру новый патрон. — Пока еще светит эта зараза и можно там хоть что-то разглядеть, разнес им к чертовой матери затворную раму на пулемете. Теперь одной проблемой меньше. Эй, внизу! Готовы? Ну тогда пошли!..

После повторного выстрела сноп света моментально пропал, только в воздухе остались оседать искры от разбитой вдребезги электролампы — сверхубойная «гепардовская» пуля снова легла точно в намеченную цель. Байкеры с улюлюканьем сорвались с места, когда мы уже сбегали с холма. Я начал опасаться, как бы они не впали в раж

и не замарали руки кровью, тем самым запятнав и свою репутацию, однако тут же успокоился, когда вспомнил, с какой тщательностью Кеннет отбирал себе команду. Дисциплина среди наших байкеров действительно была не хуже, чем в отряде Охотников…

Ночь впереди прорезало около полутора десятков огненных вспышек — плотный залп из автоматического оружия ударил по броневику. В мерцающих отблесках я успел заметить два или три метнувшихся в кювет силуэта. Видимо, все, что хотелось теперь дезориентированным Защитникам Веры, так это просто вжаться в землю и молить забывшего их сегодня Господа о спасении.

Мы пронеслись мимо резвящихся байкеров и влетели на узкий арочный мост, сразу завибрировавший под колесами мелкой дрожью. Джип Михаила, идущий следом, остановился возле мотоциклистов, и Саймон, распахнув дверцу, добавил в общий хаотический гвалт раскатистое громыхание своего пулемета. Свирепая скорострельная машина тут же искромсала шины броневичка и продырявила ему броню над двигателем, явно рассчитанную лишь на ружейные пули да арбалетные стрелы.

Я миновал мост и притормозил, дожидаясь остальных. Байкеры же, имей они в запасе уйму времени и патронов, готовы были резвиться хоть до утра. Но вот чей-то голос — по всей видимости, самого разумного из нас Вацлава — проорал «Сваливаем!», и прекратившуюся стрельбу вновь сменил рокот дюжины мотоциклов. Мост опять гулко задребезжал — табун Стальных Жеребцов, замыкаемый «хантером» русского, понесся по нему.

Байкеры и Михаил уже пересекли реку, когда с противоположного берега раздалось несколько ружейных хлопков, произведенных скорее от желания помахать кулаками после драки, нежели из намерения достать кого -либо из нас прицельно. Дробь зазвенела где-то над головой в стальных тросах моста, так и не найдя себе подходящей жертвы.

Дабы не искушать более Судьбу (и так в эту ночь мы перешли все разумные пределы риска), наша группа что было духу рванула дальше по шоссе. Но его мы придерживались недолго: на первой же развилке свернули вправо и начали обход Новой Праги с юга.

Кэтрин глядела на цепочки огней сторожевых башен города и, похоже, была сосредоточена на чем-то своем, а может быть, просто

устала.

— Красивый город, — заметил я, проследив за направлением ее взгляда. — Ну и досталось же ему шесть лет назад…

Словно бы разбуженная моими словами, Кэтрин переменила позу и села поудобней вполоборота ко мне.

— Михаил упоминал недавно, — охотно включилась она в разговор, — что ты с ним был в самом пекле той резни и что вас тогда здорово потрепали. Это правда, или он, как всегда, преувеличивает?

— На этот раз сущая правда, — ответил я. — Меня даже серьезно подранили, когда сорвалась попытка переговоров с мятежниками. Я тогда только только вступил в должность командира, а тут вдруг сразу такая заваруха…

— Может, расскажешь поподробней? В свое время я выслушала уйму историй от тех, кто там находился, но сам понимаешь — Охотников среди них быть не могло.

— «Да будет выслушана и другая сторона…» Так, что ли?

— Вроде того… Нет, ну если у тебя не связано с этим чего-то такого, о чем бы не хотелось вспоминать…

— Да нет, ничего особенного… А коли и было что, так я уже и сам позабыл… Обязательно расскажу, — я не видел причин отказывать девушке в ее любопытстве. — Может быть, завтра или послезавтра… Благо все равно ближайшие пару недель ничего, кроме как сидеть и ждать, нам не остается. Только Михаил рассказал бы тебе обо всем куда живописнее…

— Не скромничай, — улыбнулась она. — Знаем мы, как вы не умеете рассказывать! Ребята вон до сих пор очарованы сказкой про пиратов. А сейчас настала пора очаровывать и меня.

— Не слишком романтическая история для того, чтобы произвести впечатление на юную леди, — предупредил я.

— Я такая же леди, как и ты джентльмен! — отмахнулась Кэтрин.

— Хочешь сказать, что я веду себя недостаточно культурно в твоем присутствии ? — наигранно шутливо оскорбился я.

— Ну… Охотника уже можно считать культурным, если он пользуется ложкой, меняет белье хотя бы раз в месяц и не обращается к женщине «эй, ты, прошмандовка!»… Так что ты просто само олицетворение галантности среди вашего брата.

— Спасибо за комплимент.

— Не за что… Надеюсь, не зазнаешься, а? — И Кэтрин по дружески ткнула меня в плечо кулачком, которым, как помнил я от Жан Пьера, она могла с легкостью сворачивать некоторые надоедающие ей носы, а после чего, перехватив мой взгляд, рассмеялась и небрежно бросила: — Ладно, не отвлекайся, а то в кювет навернешься, ренегат несчастный…

Часть 8

23

Шестью годами ранее

« — …Но я человек добродушный, я джентльмен; однако я вижу, что дело серьезное. Долг прежде всего, ребята. И я голосую — убить…»

Р. Л. Стивенсон. "Остров Сокровищ?

—Брат Эрик, познакомьтесь: брат Михаил и брат Станислав, — магистр Жерар указал на стоявших возле его стола двух бойцов Варшавского филиала Корпуса, судя по знакам различия, бывших соответственно командиром отряда и его заместителем.

Я пожал протянутые в порядке субординации руки: сначала у круглощекого плотненького усача чуть пониже меня ростом с хитрыми бегающими глазками, а затем у второго — белобрысого жердеобразного верзилы.

— Весьма польщен, — произнес при этом усатый, которого именовали Михаилом, и тут же дополнил: — Хотя лично я и не обрадован тому, что придется вам подчиняться.

Я промолчал, тем самым показывая, что нужно мне, мол, твое мнение, как дохлому коню клок сена и, стоя по стойке «смирно», ждал дальнейших указаний магистра.

— Варшавский отряд, брат Эрик, — продолжал Жерар, — поступает к нам в распоряжение и вместе с нами будет представлять собой вспомогательную ударную группу. Ну а пока основные силы на подходе, я принял решение провести таки эти переговоры…

Мы обсуждали с ним вопрос о переговорах лишь час назад, и, хотя он и знал мое мнение, пришлось вновь напомнить:

— Они не примут такие условия, ваша честь; вы лишь зря потеряете время и подвергнете себя ненужному риску. Еретикам куда более приятно погибнуть от пуль, чем возвращаться к Богу через Очищение…

— Но Орден должен воззвать к их душам прежде всего, — ответил магистр Жерар. — Или вы забыли порядок подобных мероприятий?

— Никак нет, но боюсь, что уже поздно — кровь пролилась, — печально заметил я и, понимая, что Жерар зациклился на своем и ничем его не переубедишь, все же предложил: — Давайте, ваша честь, просто дождемся магистра Аврелия и брата Бернарда и тогда совместными усилиями выкурим их оттуда…

— И что же, по вашему, я отвечу магистру Аврелию, когда он спросит, чем мы тут занимались до его приезда? — повысил голос недовольный пререканиями Жерар, однако рамок приличия не переступил. — Скажу, что сидели сложа руки и ждали их? Прекратите малодушничать, брат Эрик, и готовьтесь сопровождать меня к стенам Академии…

— При всем уважении, ваша честь, — подал голос стоявший сбоку от меня брат Михаил, — это не малодушие, а разумная предосторожность. Брат Эрик абсолютно прав…

— А вас кто спросил? — с нескрываемым пренебрежением осадил его магистр, и Михаил, отведя глаза в сторону, благоразумно притих…

— Он всегда такой упертый? — поинтересовался брат Михаил, когда мы с ним и его заместителем вышли из магистерского отсека.

— А ваш разве не такой? — раздраженно бросил я в ответ.

— Наш-то? — Он хохотнул. — Да наш, как узнал, что его посылают сюда — в это пекло, — сразу же слег якобы с сердечным приступом. Так что нас теперь как тех сироток пристроили к вам, а потому, если хотите, буду именовать вас папашей…

Несмотря на то, что полное игнорирование уставного общения этим человеком действовало мне на нервы, я кисло улыбнулся: кругом черт те что творится, а «полякам» все нипочем — знай, острят себе на здоровье!

— Брат Михаил, — перешел я к делу, завидев, как рот его вновь открывается для какого-то комментария, — поскольку три четверти моих людей задействованы в блокировании Академии, отправитесь вместе со мной прикрывать магистра на переговорах. Вопросы есть?

— Проклятье, — пробурчал тот себе под нос. — Надо было и мне на пару с магистром Лукашом инфаркт поизображать…

— Не понял? — переспросил я.

— Вопросов нет, брат Эрик! — как на строевом смотре отчеканил варшавец. — Пойду обрадую ребят…

— Замечательно. Будьте готовы к четырем. . .

Новая Прага при первом же нашем появлении в ней напомнила мне забытый на огне походный котелок — в ней все кипело и пузырилось. Навряд ли когда -либо еще за свою историю Святая Европа наблюдала столь стихийный взрыв общественного непослушания. А началось все почти как в той старой притче, когда две деревни вырезали друг друга из за капли меда — то есть с ничтожной вещицы, вставшей между двумя новопражцами и в конечном итоге приведшей их к гибели.

Вот только люди эти были отнюдь не ординарными горожанами — первый представлял собой родного брата Новопражского архиепископа, а второй являлся не кем иным, как почитаемым в простонародье талантливым дьяконом местного отделения Медицинской Академии. Яблоком же раздора для них выступил банальный фурункул, выскочивший у первого где-то на теле. (Не исключено, что и на том месте, которое пришло Михаилу на ум сразу, как только я поведал ему предысторию этого конфликта. А ее, в свою очередь, рассказал мне один из моих сокурсников по Семинарии, проходивший службу при Новопражском отряде.)

…Как и во всех епископатах Святой Европы, порядки в Новопражском не отличались чем-то особенным. Половина, а то и более, дееспособной родни архиепископа работала или просто числилась при штате оного, само собой имея солидные оклады и возможность снимать кое какие пенки с государственной казны.

Именно этим и занимался родной брат архиепископа при канцелярии епископата, пока его безбедное существование не было омрачено той вышеупомянутой мелкой, но как оказалось, достаточно болезненной неприятностью.

Он мог бы обратиться к медикам и более высокого ранга (благо, родственные связи позволяли), но те за свои услуги драли втридорога, а отдавать свои кровные, заработанные нелегким трудом деньги за ликвидацию обыкновенного прыща дьякон секретарь не желал.

К сожалению для истории, но к счастью для него самого, осталось неизвестным имя того, кто посоветовал страдальцу обратиться к бескорыстному и очень одаренному медику «из народа».

Эскулап этот, по свидетельству его пациентов, человеком был честным, плату брал справедливую, а малоимущим и вовсе помогал

абсолютно безвозмездно (естественно, когда мог себе это позволить). И к мольбам нашего больного он не остался равнодушен.

Болезнь дьякона секретаря для народного врачевателя оказалась пустяковой, и он, вскрыв гнойник за пару минут, прописал пациенту одну из самолично разработанных и неоднократно проверенных на практике микстур.

Средство это было весьма прогрессивным для нашего времени и вылечило уже не одного страждущего, причем пребывающего порой в более плачевном состоянии. Что входило в состав микстуры, никто не ведает — видимо, какие-то антисептики внутреннего применения, — но один его компонент имел довольно широкое распространение, причем не только в фармакологии.

Компонентом этим являлся спирт. Обычный медицинский спирт. Он-то и сыграл фатальную роль в судьбе, уже казалось бы, избавленного от мук канцелярского служащего…

Лекарь подробно и доходчиво расписал братцу архиепископа курс приема препарата: сроки, дозировка, противопоказания, а после этого — о, святая наивность! — понадеялся на огромное желание больного излечиться, которое и должно было обязать его неукоснительно соблюдать режим. После чего с чувством исполненного долга взял чисто символическую плату и отпустил дьякона восвояси, искренне пожелав ему скорейшего выздоровления…

Кого-то, как, например, меня и кошку, сгубило любопытство, а для медика — образованнейшего человека! — началом собственного конца послужило обыкновенное доверие к людям, доверие к их здравомыслию и добросовестности…

Далее события развивались по нарастающей. Придя домой и откупорив бутылку со снадобьем, сквозь прочие аромат всяческой химии больной уловил до боли знакомый сладковатый запах. Может, кто -либо другой и устоял перед таким соблазном, но только не наш дьякон — годы злоупотребления, спиртными напитками дали таки о себе знать, выродившись для него в скрытую форму алкоголизма. Но перерасти сему греху в форму открытую было уже не суждено — с того момента, как его носитель распечатал флакон, бедняге оставалось жить от силы минут пятнадцать…

Похоже, в рецепт он даже не заглянул, а прямо сразу присосался к испускающему столь вожделенный аромат горлышку…

Как поведал мне один знакомый медик, порция микстуры равнялась одной столовой ложке в день. Утроба дьякона поглотила за раз таковых более тридцати, что гарантировало летальный исход даже у полуторатонного, выращиваемого для коррид, быка, не говоря уже о тщедушной канцёлярской крысе…

Гнев архиепископа не знал предела. Никакие доводы на него не влияли — властитель Новопражской епархии задался целью во что бы то ни стало найти и покарать виноватого в смерти брата. И поспособствовать ему в этом пообещал его старый и добрый друг — Главный магистр местного магистрата.

Лекарь, думающий, что все неприятности для него позади (ни один из дознавателей так и не доказал его вину — все сходились во мнении, что больной сам грубо пренебрег рецептом, который как главный аргумент в защиту лекаря и был найден возле скрюченного от жутких спазмов тела), внезапно понял, что обречен, когда подхваченный под руки крепкими ребятами в серых беретах был препровожден в известное каждому горожанину далеко не с лучшей стороны каменное здание.

И он, к величайшему своему горю, не ошибся…

«Ваши занятия черной магией зашли слишком далеко!» — было объявлено ему Главным магистром.

«Но…»

«Вот свидетельские показания. Ознакомьтесь…»

«Да это же…»

«Вот список лиц, также пострадавших от вашего колдовства!»

«Каких лиц?»

«Вот магические трактаты и прочие доказывающие вашу колдовскую деятельность улики, изъятые у вас при обыске!»

«Да не было этого отродясь у меня!»

«Так что, уважаемый, ваша карьера колдуна и чернокнижника, сгубившая множество непорочных душ, превосходно задокументирована! Что вы можете сказать в свое оправдание?»

«Погодите, позвольте мне все объяснить!»

«Я так и знал — ничего! Брат Стефан, Трон Еретика готов? Замечательно! Прошу вас, проходите, не стесняйтесь!»

Естественно, я не мог знать, как протекал перевод спасителя бренных тел в губителя бессмертных душ, но исходя из того, что сам

обстоятельно знаком с изнанкой работы Корпуса, берусь с полной уверенностью заявить — уж коли дело взято под особый контроль властей, проволочек в нем никогда не бывает.

Так что через трое суток один из образованнейших граждан Новой Праги стоял на подгибающихся ногах в тесной закопченной клетке прямо посреди центральной площади города. Его потухший, практически мертвый взор отрешенно следил за запирающим за ним решетчатую дверь экзекутором.

Вот здесь Новопражский магистрат и допустил свой роковой просчет. Какая причина побудила его провести публичное аутодафе — самостоятельная инициатива или убедительная просьба жаждущего возмездия архиепископа, — никто не помнит, однако, окажись экзекуция закрытой, я уверен: этой чудовищной трагедии никогда бы не случилось…

Услыхав от Главного магистра епархии весь список предъявленных медику обвинений, и так недовольная толпа тут и вовсе взбесилась. «Ложь!», «Поклеп!» и «Дерьмо собачье!» были самыми мягкими оценками магистерского вердикта. И немудрено — почти каждый из собравшихся на площади так или иначе, но знал обвиняемого, и притом исключительно с хорошей стороны. Кого-то он врачевал лично, у кого-то излечил родственников, а кто-то слышал о нем как о замечательном человеке от своих друзей и знакомых. Страсти накалялись со скоростью пожара на сеновале. Люди раскаляли себя и соседей по толпе гневными выкриками, а кое откуда — неслыханное дело! — полетели первые камни.

Видя подобное развитие событий, магистры занервничали и, стараясь побыстрее завершить Очищение,зажгли огнемет…

Пронзительный вопль агонии, разлетевшийся над магистральной площадью, заставил на мгновение утихнуть даже самых ярых заступников обреченного лекаря, но это было лишь мгновеньем затишья перед разразившейся бурей…

Удерживающие натиск толпы Защитники Веры были сметены и затоптаны ею за пару минут. Перевалив через цепь охраны огромная масса народа хлынула на помост в надежде спасти своего объятого пламенем благодетеля и выместить злобу на тех, кто совершил таки эту несправедливую казнь.

Только магистров уже и след простыл. Видя, как под натиском безумствующих горожан гибнут бойцы оцепления Охотники Новопражского отряда сработали четко и быстро.Они живо затолкали потерявших дар речи экзекуторов в стоявшие тут же джипы и, открыв огонь на поражение, умчались прочь от места бойни, давя всех без разбору.

Спасать пылающего лекаря оказалось бессперспективным занятием — подобно самой Божьей Каре, струя действует сурово и наверняка. И данный факт вкупе с тем что инквизиторы успели таки удрать, а также уже имевшиеся в толпе жертвы, только подлил масла в огонь. Подобно вышедшей из берегов горной реке, толпа покинула площадь, заполонив улицы Новой Праги, ринулась в погоню за святыми отцами, благо цель их бегства не вызывала сомнений.

Но по пути к зданию магистрату лишенную лидера и четкого плана действий толпу повстанцев разделило примерно на две равные части возникшее противоречие. Первая группа посчитала, что необходимо бросить все силы на поимку позорно скрывшихся экзекуторов, а вторая настаивала на придании народному судилищу архиепископа, выдавшего санкцию на арест медика. Так и не придя к компромиссу, толпа раскололась, и каждая из ее частей направилась выполнять свою якобы первоочередную задачу.

Возможно, соберись они в сплоченный кулак и ударь по чему-то одному, или магистрат, или епископат пали бы в считанные минуты. Но раскол лишил обе группы убийственной мощи, а потому, добравшись до своих целей, те лишь принялись забрасывать булыжниками и расстреливать из трофейного оружия неприступные стены этих строений. Осажденные же, проигрывая нападавшим в количестве, не нашли ничего другого, как вести заградительный огонь из окон, тем самым мешая не искушенным в тактике боевых операций горожанам организовать более менее грамотный штурм. Радиостанция епископата принялась, не умолкая, взывать о скорейшей помощи…

Как всегда случается, на общем фоне всенародного неповиновения в городе начались грабежи, погромы, мародерство, сведение всяческих личных счетов. С наступлением ночи ситуация только усугубилась. Во многих кварталах запылали пожары.

Лишь те, кто удерживал осаду у епископата и магистрата, наверное, помнили о первопричинах происходящего, что, однако, не

помешало и им пообчистить близлежащие трактиры и магазинчики.

Кто-то еще продолжал отстаивать попранную утренним аутодафе справедливость, но преобладающая масса бунтовщиков либо просто ловила рыбку в мутной воде, либо считала эту заваруху своеобразным развлечением и потому резвилась кто во что горазд.

Но уже из соседних округов неслись к горящему городу получившие сверхсрочные депеши отряды Охотников, группы Защитников и бригады Добровольцев. Засуетился и Ватикан…

Командир оборонявшего магистрат Новопражского отряда — брат Марек — не стал дожидаться нашего появления. Ближе к утру, когда привыкшие по ночам спать, а не штурмовать здания ордена Инквизиции, горожане повстанцы нализались дармового вина и едва держались на ногах, он повел бойцов на прорыв. Использовав фактор внезапности, головорезы Марека навели такого шороху в рядах осаждавших, что та их часть, которая выжила, — рассеялась по городу, словно тараканы по щелям.

Не желая упускать инициативу, брат Марек тут же принял решение совершить бросок до епископата, где, как говорилось в радиограмме архиепископа, положение оставалось ничуть не лучше.

Однако повстанцы у муниципалитета оказались предупреждены. Сообразив, что устремившийся к ним отряд Охотников настроен далеко не миролюбиво, они кинулись к находившемуся неподалеку филиалу Оружейной Академии.

А там уже хозяйничали не дьяконы оружейники, а поразогнавшие их и вот вот готовые вскрыть арсеналы наиболее агрессивные группы повстанцев.

Брату Мареку не удалось с ходу выбить их оттуда. Когда он ворвался на площадь перед Академией, то наткнулся на наспех сработанные, но весьма неприступные баррикады. Их защитники, в свою очередь, принялись отбиваться, и не булыжниками, а вполне натуральным ружейным огнем, который лишь усилился после того, как замки на арсеналах были наконец таки взломаны.

И Марек, потеряв нескольких человек, принял единственно верное в его ситуации решение: отступить и блокировать очаг сопротивлея по периметру, тем самым не дав всей массе захваченного огнестрельного оружия хлынуть на улицы Новой Праги…

Мой только что полученный под командование Одиннадцатый был первым отрядом Главного магистрата, вступившим в сошедший с ума город. Где-то на его улицах уже полдня дрались вошедшие с противоположного конца «поляки» Михаила и «немцы» из Берлинского магистрата. Перепоручив идущим следом Защитникам Веры усмирение кварталов бедноты, наш магистр Жерар распорядился продвигаться прямиком к центральной части города, дабы как можно скорее усилить потрепанный отряд брата Марека.

Этот в целом короткий рывок стоил нам жизней пяти братьев. Мелкие группки повстанцев предпочитали не атаковать в лоб, а налетали, как воронье, со всех сторон, «клевали» нас и тут же исчезали в хитросплетениях улиц. Невозможно было предугадать, где и когда они появятся вновь, поэтому обойтись без жертв никак не удавалось.

Немного помогали превентивные залпы Шестиствольми по всем лежащим на пути местам вероятных засад, хотя подобная тактика и напоминала скорее стрельбу из пушки по комарам. В общем, так или иначе, но ближе к вечеру второго дня восстания и мы, и варшавцы, и берлинцы добрались таки до Оружейной Академии, где нашего появления уже ждали так же, как и Второго Пришествия.

Магистр Жерар, упертый до мозга костей французик, хотел немедленно отправить мой отряд на штурм цитадели, однако радиограмма Главного магистрата сразу умерила его юношеский, вовсе не соответствующий старческому телу, пыл. В ней предписывалось усилить кольцо блокады, ни на йоту не сдавать позиций и дожидаться прибытия Первого отряда.

Сухой текст приказа содержал даже семинаристу понятную причину задержки штурма — Аврелий и Бернард ни за что бы не простили себе, если бы не приняли участия в спектакле таких святоевропейских масштабов.

Но несмотря на то, что предписание Главного магистрата было предельно ясно — сидеть и не рыпаться раньше времени, — магистр Жерар, пользуясь тем, что он являлся на данный момент единственным представителем «верхушки», решил тоже отхватить себе кусочек славы Обуздателя Непокорных Душ. Ну а поскольку в радиограмме речь о запрещении переговоров не шла, данный путь к триумфу инквизитором был выбран как основополагающий. И дабы Аврелий не

успел прибрать себе все лавры миротворца, энергичный до изжоги Жерар принялся действовать не мешкая…

— Где вы выращиваете подобные экземпляры? — спросил меня брат Михаил, когда наш магистр, я, мой заместитель брат Раймонд и сам он с десятком своих людей пересекли линию оцепления, охраняемую на этом участке крупногабаритным братом Гюнтером, — Лично мне они в природе еще ни разу не попадались. Кстати, я слышал, что у вас при Главном есть еще некий Циклоп, так-тот, говорят, вообще…

Честно сказать, сам я слегка побаивался брата Гюнтера или, какговорилось в его досье — Гюнтера Шнееберга, уроженца города Крефельда Берлинской епархии. Угрюмый взгляд германца с двухметровой высоты его роста пробирал, как лютый зимний холод. Однако несмотря на немногословность и замкнутость, брат Гюнтер тем не менее являлся образцом служебной дисциплины и хваленой германской исполнительности — то есть именно тех качеств, которые во всех силовых структурах всех времен и народов ставились во главу угла.

Но говорить об этом командиру Варшавского отряда я не стал, так как побоялся втянуть себя в нежелательную сейчас беседу — как никак, но мы приближались к укреплениям противника…

Заговоривших с нами мы так и не увидели. Подойдя к баррикаде у парадных ворот Академии, наша процессия была остановлена грозным окриком, однако сами кричавшие предпочли наружу не высовываться.

— Мы здесь, как на сковороде, —. заметил вполголоса брат Раймонд, и я не мог с ним не согласиться — мишени из нас и вправду выхолили распрекраснейшие…

Магистр Жерар изначально взял неверный тон для переговоров. Ему, как парламентеру, несомненно бы следовало учесть, что угрожать Божьей Карой, находясь под прицелом превосходящих сил противника, — занятие довольно глупое, если даже не сказать смешное. Но он продолжал изображать из себя вестника Гласа Господнего, посланного не иначе, как самолично Пророком, а посему не боящегося никого и ничего.

Не знаю, в какой момент Жерара осенила догадка, что роль мальчика из старой сказки, под дудочку выводящего из города крыс, не для него. Наверное тогда, когда из за баррикады раздалось громкое «…

да пошел ты, урод!». Но старому пердуну гордость не позволила последовать этой, кстати, еще даже вежливой, просьбе бунтовщиков, а потому, желая сохранить хорошую мину при плохой игре, Он возьми да и ляпни первое, что пришло ему в голову:

— Советую вам незамедлительно выполнить мои требования, потому что это исключительно в ваших интересах!

— А иначе что? — спросил незримый парламентер.

— А иначе один мой приказ, и Охотники за моей спиной откроют огонь и уничтожат вас на месте!

У меня перехватило дыхание. Магистр точно рехнулся от невозможности убедить этих строптивцев сдаться. Он явно позабыл, что за ним сейчас не армия и даже не отряд, а лишь небольшая кучка прикрывающих его зад телохранителей, в то время как по ту сторону баррикад стволов было куда больше, да истрелки их укрыты гораздо надежнее.

Дружный пьяный гогот раздался за баррикадой, а вслед за ним клацнули два или три взводимых затвора.

— Ошибаешься, крыса! — сорвался на визг все тот же голос. — Как раз конец-то вам! Или вы что и впрямь надеялись уйти отсюда живыми ?!

— Брат Эрик, пора сваливать! — Брат Михаил думал сейчас в том же направлении, что и я. Похоже, нам здесь ничего не светит!..

— Хватайте магистра и выводите его к тем ограждениям! — приказал я ему и его людям. Я и Раймонд на прикрытии. Шевелитесь, черт бы вас побрал!

Что-то тупое, очевидно мощная ружейная пуля, с такой силой ударило меня в левое бедро, что я отшатнулся назад и грохнулся на спину. Буквально разорвавший вслед за этим тишину грохот десятка различных стволов совпал с нахлынувшей волной нестерпимой боли, настолько неожиданной, что на мгновение я даже отключился от происходящего…

Будто сквозь багровую пелену я наблюдал, как рядом со мной плюхнулось мертвое тело магистра Жерара и его ткнувшееся щекой в грязь лицо уставилось на меня единственным безжизненным глазом. Второй же, бывший еще секунду назад на своем месте, отсутствовал вкупе с изрядной частью черепа.

Болевой шок от полученного ранения вогнал меня в ступор. Я не слышал выстрелов, но чувствовал всем телом их глухие удары по воздуху. В голове не было ни мыслей, ни даже маломальского желания отползти в сторону и спрятаться за видневшейся неподалеку академической оградой. Однако тело мое вдруг тронулось с места и независимо от моих желаний поползло по шершавым булыжникам именно в том направлении. А после этого ну совершенно необъяснимого явления замерло, прислоненное спиной к высокой бетонной ограде.

В следующий же миг весьма ощутимые удары по щекам заставили меня выйти из прострации и вновь окунуться в жуткую реальность. Приглушенная до этого шоком боль вспыхнула с удвоенной силой, и я, скрипя зубами, издал нечто среднее между стоном и животным рыком.

— Очухался? , — Окровавленное лицо моего «тягача», брата Михаила, вплотную склонилось надо мной. — Сиди, не выпендривайся, сейчас жгут наложу.

Он отстегнул от своего причудливого, никогда не виденного мной ранее, автомата ремень и что есть мочи затянул его на моем бедре, пережимая задетую пулей артерию. Только тут я обратил внимание, что сижу в луже собственной крови;

— Это поможет тебе на какое-то время, — пояснил командир варшавцев, заканчивая затягивание жгута, и, отерев руки о мои штаны, спросил: — Идти сможешь?

— Не знаю… — выдавил я сквозь дикую боль. — Наверное, нет.

— А придется! — ответил как отрезал Михаил. — Сдается мне, ублюдки засекли, как мы сюда рванули, и очень скоро будут здесь.

— Где остальные? — проговорил я, хотя нутром чуял, что он мне скажет…

Михаил болезненно поморщился, сплюнул, а после произнес:

— Я да ты — вот и все «остальные». Крышка остальным, сам видел. Слышишь: добивают из за баррикады тех, кто еще шевелится. Ваш засранец добился таки своего, и если бы его там не угрохали, клянусь моими обожженными усами, я лично пристрелил этого гада! Десять братьев! Десять моих лучших ребят! Ну ладно, поднимайся, мотаем отсюда…

И он принялся помогать мне встать.

Едва моя левая нога коснулась земли, как я вновь чуть не упал — простреленное бедро мешало всей конечности не то что шагать, но и просто сгибаться. Опершись о стену, я не знал, как мне теперь быть.

— А ну кончай прыгать как жаба перед французской кухаркой! — раздраженно бросил брат Михаил. — Давай ка лучше стискивай зубы да хватайся за мою шею…

И, просунув голову под мою руку, он довольно споро поволок меня вдоль ограждения, стараясь при этом не отходить от стены, поскольку только рядом с ней мы были не видны сидящим за баррикадой повстанцам.

— Эй, не так быстро, ты, польский ублюдок! — невольно вырвалось у меня, когда моя больная нога подвернулась на валявшемся камне. — Один черт с площади не скрыться — прикончат на полдороге…

— Надеюсь, наши слышали стрельбу и пришлют кого -нибудь на помощь, — перехватывая поудобней мою руку, отозвался Михаил. — Ведь ты же не забыл проинструктировать своих на случай чего?

— Да вроде нет…

— А за «польского ублюдка» можешь и по морде схлопотать, учти! Я не поляк, не чех и не украинец. Я — русский!

— Вот как? Ну тогда прости, — мне хоть и было нестерпимо больно, но разговор все же немного отвлекал от этого. — А я — швед. Очень приятно…

— А а, тоже, значит, из иммигрантов! Удивляюсь, как тебя только по службе продвинули. Только одно в толк не возьму — чего волосы у тебя такие черные? Насмотрелся я в своей полугрешной жизни на скандинавов и скандинавок — все сплошь приблондинистые…

— Моя мать была испанских кровей…

— Э-э-э, да какой ты к чертовой матери тогда швед! Метис! Полукровка! Помесь! …А нет, все не то… Или вот, точно — испаноскандинав!

— Чего-чего?

— Да, ладно, успокойся, с кем не бывает… Это все лучше, чем грекофинн или португалочех, уж поверь на слово…

Далее безопасно продвигаться было нельзя. Вплоть до находящихся по периметру площади домов, за которыми и проходила линия нашего оцепления, на пару сотен метров простиралось сплошь

голое и полностью простреливаемое пространство. Единственное же, способное сойти за укрытие, сооружение являлось десятиметровым памятником Пророку Витторио, водруженному на постамент из обтесанной цельной скалы. Он-то гостеприимно и приютил меня и русского, когда мы, выдохшиеся — я от неудобства передвижения на одной ноге, а Михаил оттого, что корячил мою девяностокиллограммовую тушу, — плюхнулись у самого его основания.

Гранитный Витторио, указывающий дланью куда-то по направлению к Влтаве, был уже изрядно изувечен. Оно и понятно — летящий свинец куда разрушительней помета новопражских голубей. Рядом с нами валялись отбитые части памятника, а прямо возле моей раненой ноги притулился известный мне по многочисленным бюстам Первого Пророка его гигантский нос. Роняющий куски каменной плоти основатель Святой Европы напоминал сегодня прокаженного, требующего милостыню покрытой страшными язвами рукой…

— Проклятье, как бы нас тут его ушами не попришибало! — Сопевший, словно парогенератор, Михаил обеспокоенно задрал лицо вверх. — Да где, Эрик, эти твои уроды? Оглохли, что ли? Тут такое творится, а от них ни слуху ни духу…

Я прислонился к холодному камню пьедестала. Перед моими глазами пульсировали оранжевые круги, а боль уже рвала клещами не только ногу, а, казалось, все тело от макушки до пят. И хотя мы сидели, а не двигались, дыхание мое трепыхалось без единого намека на успокоение. На лбу же при этом выступил соленый, стекающий по щекам холодными каплями пот…

— Э э э, уважаемый, — проговорил брат Михаил, отирая полой плаща со своего лица кровь, сочащуюся из раны на голове, — да ты дерьмово выглядишь! Посерел вон похлеще наших беретов. Нельзя тебе здесь рассиживаться, надо тащить твою дражайшую персону в лазарет. Еще полчаса, и, пожалуй, весь истечешь! Давай ка все же рискнем перемахнуть через площадь…

— Я больше не ходок, — просипел я пересохшим горлом. —Дуй один, а там уже решите, как меня вытащить…

— Наверное, ты прав, — не сразу, но согласился со мной Михаил и стал осторожно приподниматься с брусчатки. — Короче: я шустро —

одна нога здесь, другая там. На ка возьми моего «земляка» на всякий случай, я без него живее домчусь…

И он положил рядом со мной свою штурмовую винтовку. Но едва лишь Михаил высунулся из за постамента, как тут же присвистнул и буквально пластом шмякнулся обратно.

— Поздно, Эрик, —трагическим полушепотом вымолвил он, глядя в том направлении, откуда мы только что приковыляли. — Восемь нет, вру: девять! — мерзавцев на горизонте…

Стараясь не стонать, я с трудом лег на живот и перекатился к другой оконечности пьедестала…

И правда, хоть все и плыло сейчас перед моими глазами, но однако же мне удалось разглядеть маячившую вдалеке группу повстанцев. Те, очевидно, вознамерилась поживиться оружием погибших Охотников, поскольку сшивались именно там, где и полегла наша делегация.

Внезапно один из них принялся подзывать к себе остальных, указывая на что-то у себя под ногами. Повстанцы сгрудились вокруг него и тоже склонили головы, вылупившись на нечто такое, чего нам со своей позиции никак не удавалось рассмотреть.

И вдруг, словно повинуясь единой команде, все они начали поднимать взгляды от земли и, проследив ими по направлению памятника, так и застыли, глядя, казалось, прямо мне в глаза…

До меня наконец дошло — повстанцев очень живо заинтересовал кровавый след, который я так некстати оставил за собой, пока Михаил тащил меня от их баррикады.

— Похоже, сеньор викинг, эти занюханные мародеры потянутся к нам, как похотливые кобелишки за течной сукой, — весьма точно подметил русский, вновь отбирая у меня свое оружие. — Ну что ж, да будет так, однако не пристало двум великим командирам сдаваться без боя, согласен?

Вместо ответа я по очереди извлек оба «глока» и положил их перед собой. Некогда казавшиеся мне не тяжелее столовой ложки, мои пистолеты "близнецы" теперь являлись практически неподъемными для моих обескровленных рук. «Проклятье! — подумал я. — Хватило бы силенок курок спустить, а не то чтобы еще попадать в кого-то…»

Повстанцы тем временем взяли оружие наперевес и с опаской стали продвигаться к памятнику, постепенно растягиваясь в

стремящуюся охватить нас полукольцом цепь.

Я поймал одного на мушку, но ствол пистолета дрогнул и предательски ушел вниз — руки мои почти полностью отключились.

— Подпустим их чуток поближе, — голос Михаила долетал до меня будто через железную трубу, начав пропадать в каком-то давящем на уши звоне. — Эй, швед, ты меня слышишь? Швед, очнись, мать твою! Очнись, кому говорю! Вот зараза!..

А для меня уже не существовало ничего: ни русского, ни окружавших нас повстанцев, ни холодных камней брусчатки, ни даже самой Новой Праги… Единственная пролетевшая мысль, и та затухшая через секунду, как бы подвела черту — вот, дескать, брат Эрик, какая она — эта смерть, — и не бол столь, сильно развороченное бедро, ничего не было бы в ней такого пугающего. Ничего…

… Но мне повезло больше, чем магистру Жерару и прочим павшим у баррикады, — я выжил. И выжил благодаря самоотверженности брата Михаила, не пожелавшего бросить на растерзание повстанцам, казалось бы, и так уже стоящего одной ногой в могиле своего малознакомого собрата по оружию…

Увидев, как голова моя стукнулась лбом о мостовую, а рука выпустила рукоятку пистолета, Михаил сразу открыл огонь но противнику и первой же очередью уложил четверых. Остальные тут же попадали и принялись поливать постамент ответным огнем, не забывая при этом переползаниями подбираться к нему все ближе и ближе. Им в поддержку с баррикады выдвинулось еще несколько человек…

«Знаешь, о чем я думал тогда? —спрашивал меня позднее русский и сам же отвечал: — А о том, что легко же ты, гаденыш, отделался! Отрубился на самом интересном месте в то время, как я отдуваюсь тут за двоих, хотя прекрасно вижу, что и мне вот вот бабуля с косой счет за проживание на этом свете предъявит…»

Пока одни повстанцы продвигались вперед, другие прикрывали их огнем, не давая командиру «поляков» и носа высунуть из за укрытия. Расстреляв почти вслепую все автоматные рожки, он отбросил «земляка» в сторону и взялся за мои «глоки».

И вот когда в магазине второго осталось лишь три или четыре патрона, Михаила стала терзать дилемма: успеет ли он найти в карманах моего плаща запасные или уже не суетиться да разнести себе

башку от безысходности. Но окончательного решения он так и не принял, поскольку как раз в этот момент и пришло долгожданное спасение в лице ворвавшегося на площадь «самсона» Берлинского отряда.

Залп тяжелого скорострельного пулемета берлинцев не пощадил никого из атакующих. Переведя затем стволы на начавшую было отстреливаться баррикаду, бойцы Берлинского магистрата забросили мое не подававшее признаков жизни тело в кузов, помогли забраться туда же уже похоронившему себя Михаилу и, не прекращая огня, помчались обратно…

Я пробыл в бессознательном состоянии ровно сутки, но именно в течение них и случилось то, из за чего командира Первого отряда Бернарда Уильямса переименовали из Стального Британца в Мясника. Так что, прежде чем мои глаза раскрылись и узрели облезлые потолки больничной палаты, проблема восстания еретиков Новой Праги была полностью решена. И процесс сей протекал в лучших традициях Ветхого Завета — всяк непокорный служителям Единого и Истинного Бога уничтожался без суда и милосердия…

Первый отряд при поддержке Третьего и составили по прибытии на место основную ударно штурмовую группу. Выслушав доклад Главного магистра Новопражской епархии, Аврелий, как утверждают, произнес примерно следующее: «Такие кретины, как Жерар, только и нужны, чтобы представлять собой пример того, к чему приводит желание прославиться в сочетании с полным отсутствием ума!» А после этого добавил относительно самого восстания: «Столь суровое непослушание слугам Господа, Пророка и Апостолов достойно столь же сурового наказания. Брат Бернард, я развязываю вам руки. Действуйте так, как сочтете необходимым…»

Бернард счел необходимым потопить город в крови и начал с главного очага сопротивления — Оружейной Академии… Когда наш отряд только приближался к Новой Праге и до нас еще не довели приказ Главного магистрата, я уже представлял себе, каким образом буду нейтрализовывать эту цитадель, коли подобное поручат мне. Для начала предполагалось дотошное изучение ее планов и выбор наилучшего места проникновения. Ну а затем оставалось лишь поэтапно «зачищать» этажи, вытесняя противника и заставляя его в

конце концов сдаваться. Ничего оригинального, все элементарно, как и описано в семинаристских учебниках.

Командир Первого поступил еще проще. С крыш близлежшщих домов при помощи тяжелых арбалетов он буквально засыпал здание Академии зажигательными стрелами. Пламя махом объяло деревянную крышу, следом за ней охватило потолки и переборки и начало распространяться по комнатам сверху вниз, одновременно выкуривая не тяготеющих х досрочному Очищению бунтовщиков к уже поджидавшим их у выходов Охотникам.

Повстанцы, выбежавшие из горящего здания первыми, не догадались бросить оружие и были немедленно расстреляны на месте. Завидев подобное, идущие за ними стали громко предупреждать о своем появлении и швырять оружие под ноги державшим их на мушках бойцам.

— На колени! Руки за голову! — приказывали те надеявшимся на милосердие противникам, которые само собой незамедлительно подчинялись.

Такого количества отступников за раз не ловил еще ни один отряд. Сорок бойцов группы Бернарда захватили в плен без малого восемьдесят отступнических душ, и что следовало делать в такой ситуации, командир Первого не знал, а промедление в принятии решения начинало работать против него. Уже стоявшие на коленях и мало мальски оклемавшиеся от паники люди принялись переглядываться — перевес в живой силе был на их стороне и не хватало лишь одной команды, одного окрика для того, чтобы сообща кинуться на ненавистных Охотников.

Брат Бернард был слишком опытен, чтобы позволить себе такую преступную халатность, а потому поступил именно так, как и посчитал целесообразным.

— Господь возложил на нас миссию карать отвернувшихся от него, — обратился он к братьям, вынимая из под плаща свою извечную «беретту». — Так не позволим же себе терзаться сомнениями, исполняя волю Создателя нашего; ибо сомнения, а не пролитие крови мерзких богоненавистников, и будут сейчас для вас тягчайшим грехом! Приказываю всем делать как я!..

И Бернард без лишних слов и эмоций разрядил магазин в ближайших к нему коленопреклоненных пленников…

Через минуту на площади перед догоравшей Академией лежали вповалку груды мертвых тел повстанцев, всего лишь час назад упивавшихся своей свободой и безнаказанностью. Бернард ходил вместе с братьями между горами трупов и лично добивал тех, кто еще подавал признаки жизни…

Я не был в Новой Праге после восстания, но те, кому довелось посещать площадь, носящую с тех пор громкое имя Площади Воздаяния, утверждают, что даже через шесть лет, прошедших со дня массовой резни, можно разглядеть въевшуюся в стыки булыжников мостовой повстанческую кровь…

Бернард Мясник был так вдохновлен столь действенной тактикой ликвидации укреплений восставших, что в течение тех же суток применил ее еще несколько раз, правда, уже не в таком чудовищном масштабе. И теперь его бойцы не дожидались, пока бунтовщики покинут свои пылающие убежища — Охотники расстреливали всех подряд еще на выходе, наплевав, побросали те оружие или нет. Впрочем, никто их об этом больше и не просил…

Нет, конечно, после такой кровавой вакханалии прошла масса придирчивых разбирательств, но Аврелий горой встал на защиту командира Первого, используя в оправдание бойни гибель Защитников Веры на центральной площади, гибель Охотников прибывших по тревоге отрядов, и Новопражского в том числе, ну а как основополагающее — наиглупейшую гибель магистра Жерара. Пророка данные аргументы устроили вполне…

Сильнее всех потрепало, естественно, отряд «поляков». Еще на подступах к центру они потеряли четверых, так что к исходу конфликта их оставалось, включая Михаила, всего шестеро.

Я переживал гибель его людей не меньше, чем своих. И все потому, что прекрасно осознавал — отныне я нахожусь в огромном долгу перед командиром варшавцев, не позволившему мне пополнить список погибших при исполнении своим именем.

Лежа в лазарете, я много размышлял по этому поводу и, дождавшись однажды, когда русский в очередной раз навестит меня, предложил ему похлопотать по вопросу его перевода ко мне в отряд.

Михаил задумчиво покусал кончики своих шикарных усов и согласился «обмозговать сей заманчивый вопросец», а потом, принеся мне в качестве положительного ответа пузырек своего национального

лекарства — крепкой и непонятно где взятой им русской водки, — выдвинул встречное условие:

— Клянусь моими обожженными усами, Эрик, надо быть идиотом, чтобы не принять такое предложение. Но я соглашусь лишь при одном раскладе — ты берешь к себе еще двух моих ребят. Они многому научили меня в свое время и им уже через десяток годков в отставку. Хотелось бы тоже отплатить этим парням хоть чем-то…

Вот так в ряды Одиннадцатого после обычной в подобных делах бумажной волокиты влились брат Михаил, с учетом предыдущей должности сразу занявший пост моего погибшёго замкома Раймонда, и двое его бойцов — брат Вацлав и брат Дмитрий.

Перевод брата Михаила в Ватикан также сослужил хорошую службу и его заместителю — брату Станиславу, — который автоматически стал командиром вновь сформированного из выпускников Боевой Семинарии Варшавского подразделения Братства.

Я же, пройдя курс восстановительной терапии в Новопражской Медицинской Академии, был выписан оттуда полностью излечившимся и вновь готовым оборонять Веру и Пророка от посягательств на них темных сил Преисподней.

И лишь иногда, в особо гнусную непогоду, большой бесформенный шрам на моем левом бедре зудит и ноет (как оказалось, пуля также зацепила и кость), напоминая о тех дня, когда Эрик Хенриксон хоть немного, но верил в то, что он действительно служит силам Добра и Справедливости…

24

«— Они где-то здесь, поблизости. Они не могли убежать далеко. Вы должны их найти. Ищите же, псы! Ищите! Ищите во вех закоулках! О, дьявол.»

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

Под Новой Прагой мы выждали, как и планировали — две недели. Ни больше ни меньше. Но не стоит думать, что всю эту тактическую передышку наша группа беглецов только и делала, что сидела сложа руки да не сводила взора с часов и календаря — нет, абсолютно неверно.

Оборотень каждый день отправлял небольшие разведдозоры из двух трех мотоциклистов на восток, чтобы те, выдавая себя за простых

бродяг, порасспрашивали крестьян и искателей о том, не наблюдается ли в их округе какая -либо активность Корпуса.

Затем каждый вечер на совете мы анализировали доставленные сведения, складывая их в единую картину.

В целом Покрышка оказался прав — первые два дня пространство от Новой Праги вплоть до Польской пустоши походило на оживленный муравейник. Наша дерзкая выходка с налетом на блокпост повыгоняла из нор трактиров даже таких разгильдяев, как Добровольцы Креста. Но разведчики Оборотня также сообщали, что основная суета вокруг нашего поиска сосредоточена все же ближе к востоку. Это весьма красноречиво указывало на ход мыслей преследователей — Эрик Хенриксон рвется к границе, наплевав на собственную безопасность и конспирацию, то есть практически впал в панику.

— Превосходно! — потирал руки Кеннет О'Доннел. — Мясник купился!

Не было, конечно, доподлинно известно, купился тот или нет, но начиная где-то с четвертого дня нашей «отсидки в кустах» все утихло, и байкеры уже чуть ли не в открытую могли разъезжать по окрестностям.

В одной деревушке на границе Новопражской епархии и вовсе удалось разнюхать нечто конкретное. «Да, — утверждали местные жители, — еще поди ты как позавчера понаехало сероберетных с коротко стриженным седым во главе. Всю ночь джипы тарахтели, а под утро в колонну выстроились и рванули вроде как на Польскую пустошь… Черт их разберет, чего им было надо, но поговаривают в народе: жив Иуда то Проклятый и, дескать, сбежал он от них, да мало того — даже нескольких Охотников сумел на свою сторону переманить. Вот как, однако, чудны дела твои, Господи!»

После этих сведений Покрышка, Сиплый и Помойка вызвались провести более дальний разведрейд для того, чтобы совсем уж не потерять нашего противника из виду. Оборотень не возражал.

Вернулись они в начале второй недели и, судя по их умиротворенному состоянию; с хорошими новостями. Так оно и было…

…Разведчики аккуратно, проселочками, в объезд пустоши умудрились добраться аж до границы Прибалтийской епархии, где и решили остановиться на очередной ночлег в одной из ближайших к

ним байкерских «берлог». Но стоянка уже оказалась занятой местной мотобандой, возглавляемой, как выяснилось, старым знакомым Покрышки, неким (иногда байкерская фантазия меня просто поражает!) Плешивым Флегматиком, эстонцем по национальности.

Встреча давно не видевшихся собратьев по образу жизни вышла не только радостной, но и весьма полезной для Покрышки. После раздавленной «за то, как тесен мир» ритуальной бутылочки, Флегматик излил все накопившиеся у него обиды «на сраных слуг не менее сраного Пророка», будто с цепи сорвавшихся за последние дни.

«Не суйся к нам в Прибалтику, старина! — настоятельно советовал он нашему агенту. — По крайней мере, сейчас. Абсолютно гиблое дело! Здесь, ближе к Европе, еще ничего, но возле границы просто смерть! Поперлись мы туда вчера с руссами поконтрабандить кой чем, а там не продохнуться: и „кресты“, и „мундиры“, и даже „плащи“! По всем тропкам так, свиньи, и рыщут, так и снуют… Я считаю, ожидают кого-то опасного, не иначе…»

«Народ нашептывает, что Иуда сбежал», — сыграл под дурачка Покрышка.

"Тебе лучше знать, ты с запада прибыл, — ответил Плешивый. — Но только сдается мне, что бежит он не один, а с целой армией. Ты как хочешь, а мы сваливаем на юг — ну их ко всем чертям, верно ? А то айда с нами ? "

Покрышка вежливо отказался. Разузнав все, что нужно, он решил лишний раз не искушать судьбу мельканием под носом у Мясника и повернул байки в обратном направлении…

— Не вижу пока причин отклоняться от плана, — подвел он черту под собственным докладом. — Мясник нас потерял и уже не навяжет нам свои правила игры. Через шесть семь дней, когда суета уляжется и его начнут терзать сомнения, выдвигаемся. Ну а пока набираемся сил…

Несогласных с его доводами снова не оказалось…

Тем не менее я никак не мог последовать совету старого байкера и позволить себе хоть ненадолго отключиться от происходящего.

Внезапно в голову потоком хлынули подавляемые до этого насущными заботами и стратегическими планами мысли о нашем будущем. Не знаю, как кого, но меня здорово пугала его неопределенность. Даже доберись мы до русских, что ждет нас в

Петербурге? Я не особенно переживал по поводу Кэтрин и детей — их как никак были готовы там встретить; волновала собственная участь и участь тех, кто разделил со мной грех предательства и братоубийства. И хотя каждый раз мои раздумья заканчивались примерно следующим: «Какого черта забиваешь себе голову? Подумаешь об этом под стенами Петербурга!», беспокойные мысли возвращались ко мне вновь и вновь…

Лишь на некоторое время я мог по настоящему отвлечься от них. Когда общался с детьми Жан Пьера де Люки, к моему счастью, уже практически избавившимися от недоверия, которое еще совсем недавно отделяло нас друг от друга. Поль — так-тот вообще от меня не отходил. Первое время это действовало мне на нервы, но потом я привык к постоянному присутствию парнишки и даже заметил, что порой отвечаю на его полудетские полусерьезные вопросы куда обстоятельней, чем сам того хотел бы.

За неимением других развлечений я научил его разбирать и собирать всяческое оружие (естественно, без организации учебных стрельб). К моему удивлению, живой мозг подростка очень быстро схватывал эти уроки, а кое какие экземпляры нашего арсенала были ему уже известны. Похоже, хоть Жан Пьер и упирал на свою миролюбивость, но сына воспитал готовым ко всему…

Как и следовало ожидать, и Поль, и его младшие брат и сестра не дали за эти две недели «дяде Эрику» ну совершенно никакой возможности отвертеться от «литературно художественных чтений». И если днем я еще уклонялся от этого, ссылаясь на занятость, то вечером, у костра, когда охочие до захватывающих баек обязательно с хорошим финалом ребятушки окружали меня со всех сторон, приходилось выкладываться по полной.

Но не только они стали моими преданными слушателями. Байкеров пересказ нетленных творений все того же Стивенсона, а также Дюма, Скотта и уж совсем экзотических Уэллса и Верна, как оказалось, интересовал ничуть не меньше. Их поначалу скептические ухмылки постепенно сменялись неподдельным любопытством, заставляющим в особо драматичные места моего рассказа вставлять свои комментарии, наподобие «Ни черта себе!», «Во, бродяга, дает!» или «Клянусь отбитой задницей, нехило отмочил!». Однако недовольные взгляды относящихся к рассказам серьезнее детей —

нечего, мол, взрослые болваны, трепаться, когда вас не просят! — заставляли этих несдержанных комментаторов виновато затыкаться…

— Дядя Эрик, а мы плохие или хорошие? — спросила меня как-то Люси после окончания очередного героического эпоса.

— А почему, по твоему, мы должны быть плохими? — задал я ей встречный вопрос.

— Нас ловят, а мы все время прячемся. Как будто сделали кому-то плохое и теперь боимся, — не по детски глубоко рассудила она.

— Ну, а как же Робин Гуд? — напомнил я ей позапрошлый свой рассказ. — Ведь ему приходилось прятаться не потому, что он плохой, а потому, что врагов у него было гораздо больше, чем друзей. Вот и ты считай нас такими же, как он.

— Но ведь он не убегал, а дрался! — вновь резонно заметила девочка. — И в конце концов победил! Так чего же нам бояться, раз Добро всегда побеждает Зло?

— Если бы, Люси, в книжках Зло часто одерживало победу над Добром, то их неинтересно бы было читать, — пришла мне на выручку сидевшая тут же Кэтрин. — Ну а мы станем победителями, когда в целости и сохранности доберемся до наших русских друзей. Будь уверена: эта победа окажется ничуть не меньшей, чем победы Робина Гуда…

— Что же это за победа, раз все злодеи остались живы? — Поля, похоже, такой результат никак не устраивал. — Творящий Зло должен умереть!

— Знаешь, приятель, — отозвался Кеннет О'Доннел, — сейчас умрем скорее мы, если вдруг надумаем перебить наших врагов как этот лучник партизан. Скажи, тебе довелось уже слышать об Иисусе?

Поль кивнул — не знать об Иисусе Христе в Святой Европе мог разве что глухонемой, да и тому подобное навряд ли сошло бы с рук.

— Так вот, — продолжал Оборотень, — я думаю, что идти на крест за какую-то красивую идею скорее признак психического расстройства, нежели разумного поведения. Не спорю — это храбро! Однако, если вдуматься, все же весьма глупо. И если мне предстоит когда -либо выбирать в такой ситуации, я предпочту скорее скрыться подальше от огромной кодлы врагов, чем переть на них лбом или, что еще хуже, топать к ним со склоненной головой. И если ты, парень, считаешь подобное трусостью, то для меня такое ничуть не зазорно.

Твой отец, кстати, вел себя абсолютно так же, и лишь благодаря этому ты еще жив…

В силу возраста Поль не нашелся, чем возразить, а при упоминании отца и вовсе насупился и поник головой.

Кэтрин осуждающе посмотрела на брата, но тот и сам понял, что затронул больную для паренька тему, а потому замолчал и отошел от костра.

Я не хотел заканчивать вечер на такой минорной ноте и, стараясь утешить потупившегося Поля, произнес:

— Возможно, парень, твой отец во многом и ошибался, но кем кем, а трусом он никогда не был. Даже я, хоть и знал его всего несколько дней, и то убедился в этом. И хочешь верь, а хочешь нет: лично я считаю за честь помочь сыновьям и дочери этого по своему великого человека. Так что помощь моя в какой-то мере и является знаком уважения к твоему отцу.

Поль поднял голову и пристально посмотрел мне в глаза. На этот раз я не отвел их в сторону, а спокойно выдержал его испытывающий взгляд.

— Дядя Эрик, — наконец заговорил он, — папа учил нас никогда не доверять инквизиторам и Охотникам, но вы не похожи на тех, про кого он рассказывал. Я уже взрослый и сам способен решать, кому верить, а кому нет. Так вот: думаю, что вам доверять я могу!

— Спасибо, Поль, — оценив искренность паренька, благодарно кивнул я, после чего протянул ему руку, которую он аккуратно, но достаточно уверенно пожал. — Ты абсолютно прав. Надеюсь, я и мои друзья тебя не подведем…

— …Я, конечно, понимаю, что сейчас не время и не место для таких разговоров, но я хочу знать, на что ты надеешься? Я имею в виду будущее. Ну, если оно у всех нас будет… — будто читая мысли, спросила Кэтрин, когда уложила детей спать. Она подсела ко мне, оставшемуся у огня в одиночестве, несколько ближе, чем обычно, и я почувствовал себя слегка неуверенно. — Чем ваша банда еще умеет зарабатывать на жизнь, кроме как нарушением заповедей?

— Ну… я сделал вид, что глубоко задумался, —.. .учитывая нашу узколобость ума, но амбальность прочих частей организма, пожалуй, только копать землю да грузить разгружать что -нибудь не особенно хрупкое…

— Я серьезно, Эрик, — обиженным тоном проговорила Кэтрин. — Мне ведь ваша судьба все таки не безразлична. И уж коли суждено нам будет добраться до князя Сергея, то не мешало бы и вам поискать у него покровительства.

— Да думаю я, думаю… — вздохнул я. — А куда нам еще приткнуться в этом мире? Вот только для него самого подобная доброта может оказаться чреватой в политическом плане…

— Приюти они Жан Пьера, последствия могли быть и вовсе катастрофическими. Князь Сергей не дурак и прекрасно это осознавал. Но если верить тем, кто его знает, то широта души этого человека не знает предела, и он еще никогда не отказывал просящим.

— Да, у русских есть такая черта характера, — подтвердиля. — Возьми хотя бы нашего Михаила…

Кэтрин кивнула, соглашаясь — не далее, как позавчера, я красочно описал ей его героическое поведение при спасении моей дражайшей особы в Новой Праге.

— А ты? — Она повернулась ко мне лицом и, уподобившись Полю, тоже пристально поглядела мне в глаза.

Но на этот раз я почему-то дрогнул и увел взгляд в сторону, лишь переспросив:

— Что?

— Думаю, ты отлично меня понимаешь! Сам ты задумываешься о себе или нет? Какие у тебя планы в отношении себя самого? — В голосе Кэтрин появилась некая укоризненная интонация. — Я-то, как видишь, от ребят никуда, да и к тому же такова была последняя воля Жан Пьера. Пропасть мы не пропадем — специальность у меня востребованная. Медик он и в России медик… А как планируешь устраивать свою жизнь конкретно ты ?

— Ты хочешь сказать, собираюсь ли я заводить семью и все в таком духе? — усмехнулся я, все еще глядя в сторону, будто бы разговаривал не с Кэтрин, а с кем-то другим. — Видишь ли, «дядя Эрик» в связи со спецификой своей прошлой профессии с трудом представляет себя в роли образцового мужа и отца. Так стоит ли тогда создавать то, к чему абсолютно не готов психологически?

— А ты думаешь, я была готова? — нервно бросила она и тут же осеклась, после чего вновь вернула тон нашего разговора в спокойное русло. — В моей голове еще месяц назад, кроме романтики и ветра

странствий, ничего не было. А видишь, как все повернулось? Как там Кеннет сказал: теперь у меня «на шее беспокойное семейство»…

— Все таки, видимо, готова, — возразил я, — раз нашла в себе силы принять на себя эту ответственность.

Кэтрин тяжко вздохнула и отвернулась от меня, будто бы давая понять, что я — тупица так и не догадался, что она имеет в виду. И вдруг, словно бы собравшись с силами, не меняя позы и глядя куда-то сквозь пляшущие языки пламени, спросила:

— Эрик, я тебе нравлюсь?

— Да, Кэтрин, ты мне нравишься. Нравишься, пожалуй, даже больше, чем какая -либо женщина до этого, — ответил я и испугался того, что на этот раз мои слова вылетели как-то независимо от моего желания. — Но… Но как ты пять минут назад заметила — сейчас не то время и не то место. Давай отложим этот разговор до более спокойных времен, если, конечно… Если, конечно, они настанут для нас с тобой…

— А если нет? — еле слышно спросила она.

— Ну, а если нет, — я задумался над тем, как бы не обидеть ее какой -нибудь циничной грубостью. — Тогда… Тогда и мне, и тебе тем более будет не до этого.

— Наверное, ты прав, — голос Кэтрин теперь едва едва доносился до моих ушей. — Извини, что поставила тебя в неловкое положение. Спокойной ночи…

И, зябко обхватив себя за плечи, она удалилась к «хантеру», в котором сладко посапывали ребятишки и видели, как я надеялся, только спокойные мирные сны…

Этот неожиданный с ее стороны разговор выбил меня из колеи, и я долго в ту ночь не мог уснуть, лишь лежал да пялился на яркие, мерцающие холодным, но одновременно притягательным светом, осенние звезды.

Одно я понимал четко: я чувствовал к Кэтрин сильнейшее влечение, причем было оно не только заурядным влечением мужчины к привлекательной женщине, а включало в себя что-то необъяснимое, заставляющее стремиться к ней и телом, и душой.

«Втюрился по самые уши! — коротко и емко охарактеризовал бы мое недомогание Михаил. — Размяк! Расклеился! Спекся!..» Эпитетов для подобного у него имелось предостаточно.

Происходи со мной такое не здесь, а где -нибудь в Ватикане, послал бы я тогда русского со всей его велеречивостью куда подальше, да и последовал бы зову собственного сердца. Однако ситуация и для меня, и для Кэтрин, и для всех нас сложилась настолько нестандартная, что все мои сегодняшние чувства и помышления приходилось рассматривать исключительно через ее призму. И та часть моего разума, что отвечала за трезвое осмысление действительности, на данный момент рекомендовала воздержаться от эмоциональной семантики, не дать ей возобладать надо мной ради собственной жизни и жизней тех, кого я вызвался защищать.

Хоть и с большим трудом, но пока мне это удавалось…

Кэтрин тоже не спалось. Я слышал, как несколько раз хлопала дверца джипа, и видел в отблесках затухающего костра силуэт ее точеной фигурки, когда девушка не торопясь прохаживалась взад вперед возле автомобиля.

Я порывался пару раз встать и продолжить наш разговор, но мне так и не пришло на ум, как это лучше сделать, а потому оставалось лишь вздохнуть, словно престарелому дьякону отставнику, и, укрывшись с головой одеялом, постараться усилием воли заставить себя уснуть, что и получилось у меня со второй или третьей попытки…

Ранее мне неоднократно приходилось слышать о том, что человек способен адаптироваться ко всему, но только теперь на примере магистра Конрада я убедился в истинности сего утверждения.

Что-то надломилось внутри у недомерка после того, как его намеренно чуть было не прикончили при переправе через Рейн. Осознанно или нет, но с той поры он стал гораздо раскованнее с нами, охотно поддерживал беседы, помогал по хозяйству и, хотя Гюнтер и продолжал приглядывать за ним, по моему, совсем не помышлял о побеге.

Мы, экс Охотники, из за намертво въевшегося в нас инстинкта так и продолжали величать Конрада «ваша честь», но байкеры — люди с не протравленным Уставом мышлением — окрестили нашего заложника в своей незлобиво ироничной манере. Отныне второе имя Божественного Судьи Экзекутора, почетного магистра ордена Инквизиции, неоднократно представленного к высшим наградам Пророка (последняя — за поимку потрошителя несчастных детей

Люцифера), потомка знатнейшей династии Святой Европы Конрада фон Циммера звучало не иначе, как Черпак.

И автором сего прозвища выступил кашеваривший в тот день Помойка, когда пожаловался нам на магистра, слишком настойчиво отирающегося возле кухни.

— Скажите этому проглоту, — возмутился байкер на весь лагерь, — чтобы перестал тырить картошку из котла! Положи черпак на место, я кому говорю! А то пробу он, видите ли, снимает! А рот у самого шире черпака — как заглотит, так полкотла нет! Брось черпак, я сказал, и вали отсюда к чертям собачьим!..

С той поры кличка «Черпак» так за магистром и закрепилась. Но что удивительно — Конрад на Черпака не обиделся и стал охотно на него откликаться, считая отныне себя неотъемлемой частью кухонной утвари, а посему и обитал там постоянно.

Однажды за обедом Кеннет О'Доннел, придирчиво осмотрев сидевшего напротив коротышку, заметил:

— Слушай, Черпак, не в обиду будет сказано, но на твоем балахоне уже ползают личинки навозных жуков. Там у нас в кладовке имеются кое какие шмотки; иди переоденься, а эту крысиного цвета пакость сожги, чтоб заразу вашу орденскую тут не распространяла…

Конрад счел необходимым последовать совету Оборотня и прямо из за стола удалился менять облачение.

— Только не забудь помыться сначала, аристократ! — бросил ему вдогонку Покрышка.

Сидевший с краю Хорек вдруг ни с того ни с сего загадочно улыбнулся, после чего вскочил и побежал следом за Конрадом, крикнув нам на ходу:

— Я помогу ему подобрать что -нибудь поприличнее!

От последующего явления обновившего гардероб магистра Гюнтер поперхнулся похлебкой, а Покрышке зажженная спичка опалила пальцы, поскольку рука его от неожиданности замерла на полпути к папиросе. Даже я, привыкший за все эти годы к конрадовскрму балахону как к неизменному цвету травы, испытал шок, подобный тому, как если бы трава в одно прекрасное утро из зеленой вдруг сделалась оранжевой или перламутровой…

Столь экзотического байкера история блюстителей культа Свободы, очевидно, еще не видывала. Несмотря на все старания

Хорька, ему так и не удалось откопать для малорослого, но весьма упитанного Конрада (правда, за последние недели кочевой жизни эта его упитанность слегка поусохла) одежду нужного размера. А потому и проклепанная кожаная куртка, и брюки из грубой ткани, и застиранная до дыр майка висели на нем, будто на огородном пугале. Вершила эту композицию лихо повязанная поверх лысины Черпака пестрая косынка бандана, смотревшаяся на фоне его круглых щек и топорщившихся ушек точно так же, как если бы ее повязали на средних габаритов кастрюлю.

У Михаила и нескольких ребят Оборотня случилась истерика; довольный проделанной работой Хорек ржал так, что его пора было переименовывать в Жеребца; Покрышка выронил неприкуренную папиросу и тоже покатывался от смеха, а стерегущие периметр часовые принялись покидать свои посты, дабы не пропустить такой незабываемый момент.

— Высший класс, Черпак! — Улыбающийся в рыжие усы Кеннет показал магистру большой палец. — Ты зачислен в мою банду на должность нашего Талисмана Удачи!

Даже ребятишки и Кэтрин не смогли сдержать улыбок, хотя и продолжали сторониться коротышки — ненависть к инквизиторам, похоже, переросла для них в некий не подконтрольный разуму инстинкт. Но как бы то ни было, равнодушно взирать на Конрада было просто невозможно.

— Ваша честь, — еле проговорил Михаил сквозь смех, — вас надо было в таком виде демонстрировать Мяснику на пароме! Клянусь моими обожженными усами, тот бы сразу окочурился…

Конрада, однако, всеобщее веселье ничуть не смутило, и он, заулыбавшись вместе со всеми, оценивающе окинул себя взглядом с ног до плеч.

— Да, видели бы меня сейчас мои коллеги, — вымолвил он и принялся закатывать свисавшие едва ли не до колен рукава обновы. — Боюсь, сразу бы переселили старого доброго Конрада в сумасшедший дом. Конечно, немного экстравагантно, но все же знаете, милейшие — как-то потеплее стало и из под низу не сквозит… Благодарю вас, мистер О'Доннел, вы очень добры…

Мистер О'Доннел тут же предложил перебежчику из магистров в бандиты попытать счастья в объезжании Стального Жеребца и нанести

себе по выбору на любую приглянувшуюся часть тела байкерскую татуировку.

На все предложения Конрад ответил вежливым отказом: первое отклонил по причине экономии горючего и нежелании причинить из за неопытности вред чьему -нибудь «разлюбезнейшему животному», а насчет второго высказался так:

— Да я бы и рад, великодушные вы мои, но, к огромному сожалению, с детства боюсь щекотки. Может, когда -нибудь и соберусь с духом, а сейчас ради Бога извините…

А следующий свой не менее удивительный номер инквизитор выкинул непосредственно передо мной буквально за день до нашего дальнейшего отправления на восток.

Ближе к вечеру предпоследнего дня стоянки я, по мере своих технических знаний, проводил преддорожную профилактику ходовых узлов наших «хантеров» (механик, конечно, из меня не ахти, но не требующие особо сложного ремонта механизмы автомобиля я разобрать и — что самое главное! — собрать могу). В этом мне помогал Поль. Он подавал нужные инструменты и, когда это требовалось, ветошь для обтирки

Лежа под днищем джипа, я упорно пытался вогнать шплинт в микроскопическое отверстие на одном из пальцев рулевой тяги, когда так необходимый мне сейчас солнечный свет заслонила чья-то тень.

Робкое покашливание с целью привлечения моего внимания выдало деликатного Черпака экзекутора. Тот явно надеялся, что я уделю ему некоторую часть своего драгоценного времени.

— Что, ваша честь, какие-то проблемы на кухне или просто заскучали? — выбираясь из под «хантера», съязвил я.

— Эрик, можно мне с вами поговорить, — вымолвил Конрад и покосился на недружелюбно взиравшего на него Поля. — Желательно наедине…

— Почему же нельзя, — ответил я, беря у парнишки из рук замызганную тряпку и вытирая свои. — Иди ка, Поль, проверь, чем там занимается Кэти, и спроси, не нужна ли ей помощь,

Поль недобро зыркнул на Конрада и солидно, будто бы делая нам одолжение, удалился.

— Извините, что отвлек вас, милейший, — начал магистр, как обычно, издалека, — но мне бы хотелось обсудить с вами один аспект

моего… Как бы это поточнее выразиться…

Я догадался, к чему он ведет, и не дал ему продолжить:

— О, ваша честь, насчет своей судьбы не переживайте. Так или иначе, но вы вернетесь на родину целым и невредимым. Русские с радостью обменяют вас на какого -нибудь провалившегося шпиона. Ну, а если мы не доберемся до них и попадем таки в ловушку, то обещаю — как только пойму, что нам конец, то тут же отпущу вас восвояси. И уж простите великодушно, что пользовался вами как живым щитом. Я-то считал, что Мясник не станет стрелять в магистра Конрада, но, как видите, глубоко ошибся…

— Нет нет, я не сержусь, что вы, замоталголовой коротышка. — Я, знаете ли, о другом… Как вы считаете, мне могут дать в России политическое убежище, так же как и вам, если вы поможете мне и скажете князю Сергею, что я такой же беглец от Корпуса, как и вы с ведьмой… ой, извините: с мисс О'Доннел?

— Вот те ультиматум! — От изумления я даже присел на снятое колесо «хантера». — Да неужели вы опасаетесь, что вам не поверят, будто бы вы были нашим заложником? Конечно, я могу предложить добавить для правдоподобия на ваше лицо следы побоев, но что-то подсказывает мне — вы откажетесь.

Конрад выдавил чахлую, приличествующую моей «черной» шутке, улыбку.

— Нет, милейший, я уж как -нибудь без этого… Нет, поверить они поверят, но видите ли, в чем дело: мне до смерти надоело быть тем, кто я есть. Просто надоело, я все! Атут мне, уже почти старику, выпадает шанс начать все заново. Да и к тому же никто и ничто в Святой Европе меня не держит…

— И чем же, интересно, так достал вас Корпус? — Я ехидно посмотрел на него. — Когда последний раз я наблюдал вас за работой, энтузиазма у вас было хоть отбавляй!

— А а а, надоело, понимаете ли, служить для Ордена извечной затычкой и постоянным посмешищем! — При этих самокритичных словах Конрад даже расправил плечи. — Ни для кого не секрет, что в Главном магистрате меня недолюбливали и при случае постоянно затыкали мной дыры в графике рейдов! Я и отпуск ни разу не доотдыхал как приличный человек. Чуть что, сразу Конрад! Конрад туда, Конрад сюда! Конрад здесь, Конрад там! Прямо как фигара какая-

то из Ватиканской оперы… Ну а теперь и вовсе дослужился — какой-то ничтожный командиришко отряда берет на себя… Ой, милейший, простите ради всего святого, я ничуть не хотел вас оскорбить! Нет, ну какой я, право слово…

— Да ничего ничего, продолжайте, — отмахнулся я от его грозящих затянуться надолго извинений. — Я ведь, как вам известно, больше не «командиришко»…

— …Нет, ну все же некрасиво… Ну ладно… Так вот: когда какой-то ничтожный Бернард берет на себя ответственность пристрелить меня словно… словно чумную скотину какую-то! Вы меня знаете, Эрик, я не обидчив, но такое… такое задевает до глубины души!

Конрад засопел и, как мне показалось, готов был удариться в слезы, но, видимо, посчитав, что крутому байкеру подобное не к лицу, тут же взял себя в руки.

— Ну так что, разлюбезнейший, — вновь обратился он ко мне. — Не откажете в просьбе тому, кто некогда не отказал в помощи и вам?

Я усмехнулся — тертый негоциант действительно имел полное право требовать с меня плату за реннский спектакль, на что и сделал упор при проведении своих переговоров.

— Кем же я должен быть, если бы забыл о таком, ваша честь! — ответил я. — Разумеется, обещаю похлопотать и за вас, вот только гарантировать сейчас ничего не могу. И мы — бывшие Охотники — и вы — инквизитор — не те люди, которых русские примут с распростертыми объятиями. Хотя, если вдуматься глубже, ваша персона будет для князя Сергея весьма ценной. Князь, как говорят, человек образованный и дальновидный, и уж точно не упустит возможности переманить к себе в лагерь эксперта по святоевропейской внутренней политике, причем не дешевого теоретика, а матерого практика.

— Вот это, разлюбезнейший вы мой, истинно так! — обрадовался магистр, которому мои слова, похоже, пролились бальзамом на душевные раны. — Я много знаю такого, о чем русские даже и не догадываются. Я знаком со всеми слабыми местами Корпуса, и не только его. Я прекрасно владею методами ведения допросов даже без применения спецсредств. Я могу заниматься переговорами любой сложности…

— Вот в этом можете меня не убеждать, — вставил я. — В переговорах с Жан Батистом Реннским вам уж точно равных не было. Вы уделали его как голодный волк домашнего кролика…

— Благодарю за комплимент… Так что такого, как я, в России будет еще поискать…

— Ну вот и расскажете об этом в Петербурге. А сейчас извините — мне некогда…

— Все все, ухожу ухожу… Много работы на кухне, знаете ли… — И Конрад, виновато улыбаясь, попятился назад, но прежде чем скрыться с глаз, на всякий случай переспросил: — Ну так мы договорились?

— Не сомневайтесь, ваша честь, — утешил я его по второму кругу. — Отныне вы считаетесь таким же злостным еретиком, как и я. Надеюсь, мои друзья вас поддержат…

— Знаете, Эрик, — прокричал коротышка уже издалека, — я много раз говорил вам это, однако не боюсь повториться: вы всегда были и будете моим лучшим другом!

Все хорошее когда -либо заканчивается (впрочем, как и плохое, но только оно обычно переходит в категорию «еще хуже»). Вот и мы, насладившись нашей двухнедельной передышкой, под покровом сумерек вьедвинулись далее на восток.

Польская пустошь, до которой мы добрались к утру, оказалась не такой страшной, как Нюрнбергская, хотя тоже изобиловала всевозможными сюрпризами. Но Покрышка уверял, что эти земли знакомы ему лучше, а потому поклялся доставить нас к их восточным оконечностям уже вечером.

И не обманул. Едва лишь время нашего безостановочного (за исключением мелких передышек) броска перевалило за сутки, как на горизонте замерцали сторожевые огни Варшавы — места первых лет службы брата Михаила.

Именно его и Вацлава превосходное знание местности и вывело нас к наиболее безопасной переправе через Вислу.

Так что к рассвету все мы буквально валились с ног — а точнее с колес — от усталости, когда пересекали рубеж последней перед спасительной границей епархии — Прибалтийской. Почти тридцать шесть часов беспрерывного марша заставляли мечтать лишь об одном — упасть и уснуть.

Тишина в радиоэфире говорила о том, что мы пока не достигли зоны активности стерегущих пограничье патрулей Охотников, и этот факт хоть немного, но утешал.

Покрышка довел нас до той самой стоянки, где неделю назад состоялась его встреча с Плешивым Флегматиком, и мы, на скорую руку не то поужинав, не то уже позавтракав, попадали отсыпаться, отключившись быстрее электрических лампочек. И хотя группа была изможднена до предела, сон наш уже не мог считаться безмятежным. Все понимали — ближайшие двое трое суток окажутся для нас решающими.

25

"— Все убежали? — спросил мистер Смоллетт.

— Все, кто мог, — ответил доктор. — Но пятерым уже не бегать никогда!"

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

На следующую ночь мы на самой малой скорости начали свое продвижение по Прибалтийской епархии. Забирая постепенно все севернее и севернее, в конце концов нам удалось скорректировать свой маршрут так, чтобы он пролегал параллельно пограничной зоне.

Плешивый Флегматик указал Покрышке несколько мест безопасного форсирования Даугавы, и ветеран мотобандитизма сразу же напрямик и повел нас к наиболее подходящему — в десятке километров от слияния реки с ее мелким притоком Дубной.

Первые признаки присутствия Охотников появились, едва наша колона сошла с широкой мельничной дамбы, служившей одновременно и мостом через реку. Включенная рация, словно эхо, донесла до нас ослабленные расстоянием переговоры наших преследователей. Стальной баритон Мясника был невозмутим, как и прежде.

— Через сотню километров будет озерцо с лесистыми берегами, — сообщил нам Покрышка на очередной остановке. —Там и затаимся. Не будем лезть на рожон, пока не определимся, где произведем прорыв.

Добравшись ближе к утру до указанного Покрышкой водоема и поспав пару часов, мы не стали тратить зря драгоценное время и немедленно приступили к действиям…

— Ты хоть раз в жизни водил подобную технику? — недоверчиво спросил Оборотень, когда я потребовал выделить мне байк для непосредственного участия в разведрейде.

— Ну скажем так: некоторая практика имеется, — ответил я. — У меня в отряде было две «иерихонды».

— «Иерихонду» не дам — слишком шумная, — поморщился Кеннет. — Возьми ка вон у Крючка его «БМВ». Он, правда, раза в полтора потяжелее, но привыкнешь…

Крючок мрачно вздохнул и одарил меня неласковым взором, но без лишних пререканий снял с мотоцикла чересседельные сумки с пожитками и похлопал того по седлу:

— От сердца отрываю. Будь с ним поаккуратнее, хорошо?

— Постараюсь, — заверил я байкера. — Ну а если вдруг что-то где-то, то завещаю тебе мой «хантер».

— Ловлю на слове! — оживился Крючок. — Если хочешь, давай махнемся прямо сейчас!

— Только если что-то где-то… — напомнил я. — Не раньше… В разведрейд, кроме меня, отправились также сам Оборотень, Покрышка и еще трое: Албанец, Сиплый и Бифштекс.

— Плешивый трепался, что когда он контрабандил с русскими, — сказал Покрышка перед самым выдвижением, — то всегда избегал Глаз Дьявола, поскольку оттуда ближе всего до гарнизона русских пограничников. А вот нам эти парни окажутся весьма кстати, а потому чешем к Глазам Дьявола в первую очередь…

Глаза Дьявола мы узрели ближе к обеду, когда, пропетляв несколько часов по труднопроходимым лесным тропам, выбрались наконец на более менее обжитые пространства.

Это грозное название носили два глубоких кратера многокилометрового диаметра, выбитые в земле обломками луны практически вплотную друг к другу. Находились они на южной оконечности Чудского озера и, затопленные водой до самого верха, были, по сути, не чем иным, как его продолжением. Между северным тем, что покрупнее — и южным тянулся неширокий, в наиболее узкой части всего-то порядка трехсот метров, перешеек — этакая «переносица» для Глаз Дьявола.

Линия границы между Россией и Святой Европой проходила аккурат через середины обоих кратеров, а место, в котором она

пересекала природную дамбу, являлось единственным от северного берега Чудского озера до южного малого кратера, где рубеж можно было перейти сухим путем.

Как рассказал мне Кеннет, во времена одной давно канувщей в Лету конфронтации с русскими те перекрыли перешеек мощной заставой, подтянув к границе целый гарнизон и отстроив для него комплекс оборонительных сооружений. Однако весенние паводки, когда вода шла из южного кратера в северный поверх естественной преграды, доставили русским массу неприятностей, и они в конце концов перенесли заставу на несколько десятков километров восточнее, оставив бесхозные постройки на произвол будущих ежегодных стихий…

Я, Оборотень и Покрышка взобрались на вершину поросшего лесом холма, с которого как на ладони просматривался весь перешеек. Высокой насыпью он разрубал с запада на восток водную гладь кратеров и уходил восточным своим краем далеко за горизонт.

— Идеальнейшее место для перехода, — заметил Кеннет. — Один бросок — и вы у военной базы русских, где с чистой совестью сдаетесь им в плен.

— Так-то оно так, — подтвердил я, — однако и они тоже согласны с тобой…

И я указал в сторону хорошо видимых полуразвалившихся строений бывшего русского форпоста, где сегодня вновь кипела жизнь. Вот только хозяйничали там не российские пограничники, а дюжие ребята в черных плащах и серых беретах — Охотники, принадлежностью к которым я некогда так гордился.

К сожалению, невозможно было определить номер их подразделения. Являлись ли они бойцами Первого или моими, а то и вовсе каким -нибудь региональным отрядом — неизвестно, — да и рация, захваченная нами с собой, ничего, кроме атмосферных помех, не выдавала.

— Судя по четырем джипам — человек десять двенадцать, — прикинул я. — Без боя явно не пройти… Покрышка, есть еще подходящие варианты?

— С полдесятка наберется, — ответил ветеран, — но все они размещаются южнее, а следовательно, гораздо дальше от Петербурга.

— Что ж поделать… Но там наверняка не так многолюдно… — Я поднялся с травы и направился к своему байку. Оборотень и Покрышка последовали за мной. — Будем исходить из того, что чем меньше противника, тем лучше. К вечеру успеем проверить все?

— Запросто, — кивнул Покрышка. — Если ничего не произойдет, то до темноты обернемся…

Но. до темноты ему дожить было не суждено…

Один древнейший грек по имени Демокрит еще задолго до Каменного Дождя изрек:"Смелость начало дела, но случай — хозяин конца". Первой мне хватило тогда, у Мон Сен Мишеля, а вот второй чуть было и впрямь не спутал нам все карты. И эта случайная лесная встреча стоила большей части нашего дозора жизней…

Мы осмотрели последнее из предложенных Покрышкой мест возможного перехода и сошлись на том, что, пожалуй, оно и будет наиболее подходящим (из всех, кого мы там засекли, половина были Защитники, а половина— Добровольцы, которым Бернард точно рации ни за что бы не доверил). Пора было и возвращаться — солнце уже клонилось к закату.,.

Миновав очередной пролесок, дорога вывела нас к крутому, ведущему на высокий холм, подъему. Вершину холма покрывал густой кустарник, а потому, когда мы заметили стоявший там «хантер», прятаться было уже поздно — двое Охотников засекли нас гораздо раньше.

Я узнал их так же, как и они узнали меня. Узнали своего бывшего командира на расстоянии, хотя он и восседал за рулем громоздкого мотоцикла и давным давно перестал носить форменный серый берет. Узнали мгновенно, хоть и не являлись старослужащими Одиннадцатого. Старший из них— брат Ганс — находился у меня в отряде года три, а стаж брата Энрико после окончания Боевой Семинарии не превышал и полутора лет.

Очевидно, на случай подобного Мясник дал всем своим бойцам исчерпывающие инструкции, поскольку ни тот, ни другой не проявили ни единого признака замешательства. Они не стали занимать оборону, хотя находились в более выгодном положении, а сразу же, не мешкая, заскочили в джип и ударили по газам в том же направлении, куда следовали и мы. Энрико, правда, ради острастки дал по нам короткую

очередь. Та прошла поверх наших голов, заставив всю группу посъезжать на обочину и пригнуться.

Я вдруг остро осознал, что вся ваша рассчитанная в большей мере наудачу затея вот вот и вовсе пойдет коту под хвост.

— Кеннет, они рванули к Мяснику! Надо не дать им уйти! — крикнул я и тут же включил рацию на частоте Охотников, лихорадочно думая при этом: «Проклятье, лишь бы только у них не было такой штуковины, лишь бы не было…»

— Сделаем! — отозвался Оборотень и обратился к пребывающим в некотором замешательстве собратьям. — Покрьцыка, Сиплый и вы двое — любой ценой задержите мерзавцев!

Получив конкретное распоряжение, байкеры и сам Оборотень передернули затворы пистолетов пулеметов и рванули вверх по склону за Охотниками, на данный момент превратившимися в панически бегущие жертвы.

Я еще с полминуты подержал рацию включённой, но она молчала, чем здорово меня утешила — значит, Ганс и Энрико могли поднять тревогу, только добравшись до своих. «А вот этого как раз мы им сделать и не дадим!» — взбодрился я в мыслях, а после чего пустился следом за байкерами, уже практически скрывшимися с глаз.

Но, как назло, сегодня меня подвело отсутствие навыков в преодолении на мотоцикле крутых подъемов. Едва лишь байк мой достиг середины склона, как обороты его двигателя предательски пошли на спад, и пока я ловил нужную передачу, он чихнули вовсе заглох.

Еще какое-то время я потерял, пытаясь удержать тяжелый «БМВ» в вертикальном положении и при этом предпринимая попытки снова завести его.

В общем, пока я, подобно античному Сизифу с камнем, костерил всех и вся и возился со своим Жеребцом, погоня оторвалась довольно далеко. До моих ушей долетели автоматные очереди и какой-то лязг — все указывало на то, что дела принимали серьезный оборот…

Я настиг байкеров километров через пять. Леса там уже не было — он оборвался сразу же за пригорком, перейдя в ровное, покрытое в рост человека травой, пересохшее болото.

Поставленную перед ними задачу байкеры выполнили — «хантер» валялся вверх колесами, слетев с дороги и проделав в

придорожной траве широкую просеку. Правое переднее колесо его было разорвано пулями, отчего-тот и перекувыркнулся, «клюнув носом» на большой скорости.

Но еще не доезжая до места аварии километра, я наткнулся на изрешеченный пулями байк Албанца. Сам он лежал рядом с неестественно вывернутой головой, так что если даже Охотники и не попали в него самого, удар о землю сломал бедолаге шею…

Оборотень, плечо которого было задето пулей и кровоточило, при помощи остальных сорвал с шарниров съемные дверцы «хантера» и извлек из салона обмякшие тела водителя и пассажира.

— Как ты? — заглушив двигатель, спросил я его.

— Буду жить, — поморщился он, — вот только байк, наверное, не удержу… Ты видел Албанца?

— Да. Он мертв.

— Дьявол! — выругался Кеннет и ткнул носком ботинка сразу нечленораздельно замычавшего Энрико. — Вот эта мразь успела таки подстрелить его да малость зацепила и меня.

— А второй жив ? — поинтересовался я.

— Оба целехоньки, только в шоке. На их счастье, не забыли пристегнуться.

— Что дальше, Эрик? — спросил меня Покрышка. — Если честно, то я бы с удовольствием услышал от тебя приказ пристрелить их и, клянусь — не раздумывая сделал это, хоть мы и чураемся смертоубийств.

— Ни в коем случае! — одернул его я. — Как «хантер»?

— «Хантер»? — хмыкнул Покрышка. — «Хантеру»-то что будет? Помялся чуток да вон колесо заменить, и все… Джипы Корпуса, я слыхал, выдерживали и не такое… Что ты надумал?

— Свяжем их и перевезем в лагерь, а там я попытаюсь вытянуть из них все, что-только можно, — ответил я, но даже и не представлял себе, как можно без пыток расколоть хотя бы одного из бывших моих бойцов.

— Ну что ж, разумно, — одобрил Покрышка. — Если подберем к ним подход, сбережем уйму времени и горючего, а самое главное— возможно, и чьи-то жизни…

Мы сообща придали «хантеру» вертикальное положение, и, пока я менял ему развороченное колесо, а Оборотень, найдя в бардачке

аптечку, бинтовал себе простреленное навылет плечо, байкеры затолкали в кузов автомобиля мой и его мотоциклы, вошедшие туда буквально впритык.

Но когда мы уже разместили на заднем сиденье связанных Охотников, а Покрышка собирался устроить для Албанца ускоренно символические похороны, Бифштекс вдруг предупредительно поднял кулак:

— Тише! Вы слышите? Не иначе, как оттуда, — он указал в сторону границы, — движется байк!

Действительно, отчетливый треск движка «эндуро» донесся до нас из за высокой травы и мало того — приближался, становясь все громче и громче!

Покрышка и Оборотень переглянулись.

— Плешивый Флегматик? — спросил Кеннет.

— Исключено, — Покрышка сосредоточенно вглядывался в траву, но дорога в этом месте сильно петляла и не позволяла нам видеть далее, чем до ближайшего поворота. — По моим расчетам, он уже в Белграде или южнее. Наверное, курьер или почтальон. Его-то, видимо, и ждали эти паскудники на пригорке. Сейчас аккуратненько спеленаем его, авось еще какие нужные сведения надыбаем…

— Вот черт! — встрепенулся Кеннет. — Там же на дороге труп Албанца! Засечет, напугается и развернет оглобли назад! Надо перехватить его до этого…

Внезапно треск слегка примолк, а затем возобновился с новой силой.

— Уже поздно, — хмуро заметил Покрышка. — Только что нашел. Но… Но не развернулся, а движется сюда! Сиплый! Бифштекс! Сшибайте почтаря с колес, как только вынырнет из за травы!

И тут меня словно кипятком ошпарило. Еще в момент появления треска что-то послышалось мне в нем знакомое, а теперь, когда до мотоциклиста оставалось менее километра, подозрение переросло в твердую уверенность — шум этого двигателя я знал не хуже, чем тембр собственного голоса…

— Стойте!!! Немедленно назад!!! — прокричал я выходящим на дорогу Бифштексу и Сиплому. — Сойдите с дороги!!! Быстро с дороги!!!

— Расслабься, Эрик, — посмеялся над моим паникерством Покрышка. — Твоих братков стреножили, а уж этого недоноска…

— Это не недоносок! — почти захлебываясь от предчувствия беды проорал ему я. — Это!.. Это!..

Кто это был из двух финнов близнецов, я поначалу так и не рассмотрел. Припав к рулю, он метеором вылетел из за поворота и через секунду поравнялся с намеревавшимися выбить его из седла байкерами.

В руках финна уже находился его скорострельный «скорпион», который он недолго думая и разрядил в выскочивших ему наперерез Сиплого и Бифштекса, а после чего не снижая скорости промчался дальше.

— Ублюдок!!! — взревел Покрышка, видя, как поток свинца отбросил тела его друзей на обочину. — Мразь!!! Поганая сволочь!!! Ну держись: кем бы ты ни был от меня не уйдешь!

Прыжком оседлав «харлей», он выхватил из за пояса старенький «браунинг» и сорвался в погоню, обдав меня и Кеннета ошметками мокрой земли.

— Покрышка, стоять! Отставить! — чуть ли не сорвав голос, заорал я, но он, конечно же, и не подумал мне подчиниться. — Кеннет, верни своего бойца! Верни ради него же!

Однако Кеннет и сам был бы рад кинуться вдогонку мерзавцу, но, как назло, подраненная рука не позволяла ему управлять байком.

— Покрышка догонит и прикончит негодяя! — с яростным блеском в глазах бросил он мне. — От него не скроешьс я— он мой лучший загонщик!

Может, это и вправду было так, но только увлеченный погоней Покрышка из за шума собственного двигателя уже никого и ничего не слышал. Как, впрочем, и мы с Кеннетом…

В глубине души я как раз и опасался чего-то подобного, но для Кеннета появление второй «иерихонды» безумного братца не менее безумного финна стало и вовсе неожиданностью.

Тот вынырнул из травы таким же образом — молниеносно и неотвратимо. Треск его «эндуро» разорвал воздух именно в тот момент, когда Покрышка выехал на дорогу и начал набирать скорость в надежде догнать первого близнеца.

Старый байкер находился спиной к приближающемуся финну, и тот даже не стал тратить на него патроны. Забросив «скорпион» в притороченную к «иерихонде» кобуру, он выхватил из находившихся там же ножен кавалерийскую саблю, тяжелую и отточенную до бритвенной остроты…

Скорее всего Покрышка так и не понял, что его убило. До нас с Кеннетом долетел глухой звук удара, и через миг мы с содроганием увидели, как повязанная банданой голова нашего друга, разбрасывая вокруг себя кровавые брызги, описала в воздухе дугу и шлепнулась в придорожную пыль. Тело его еще некоторое время продержалось в седле и даже проехало по инерции несколько метров. А затем мотоцикл завалился набок, сминая на обочине желтеющую траву…

Когда я выскочил на дорогу с пистолетами в руках, стрелять было уже не в кого. Но треск «иерихонд» раздавался где-то поблизости, не приближаясь и не отдаляясь — очевидно, Ярво и Самми остановились и решали, как им поступить. Я был полностью уверен: они заметили и меня, и Оборотня, и захваченный нами «хантер» с байками в кузове.

Страх близости грозного противника вцепился в меня изнутри, но он не мог и близко сравниться с тем страхом, который испытывал сейчас Кеннет О'Доннел. Ранение и гибель четырех его людей сразу, причем гибель последних из них настолько молниеносная, что не позволила им оказать даже маломальское сопротивление, вогнала вожака мотобанды в настоящий шоковый паралич. Он не мигая глядел на то место, где придавленное мотоциклом лежало обезглавленное тело его лучшего друга; рот его то открывался, то закрывался, как у вытащенной на берег рыбы, а с губ слетало лишь какое тоне вразумительное сипение.

— Возьми себя в руки! — вернувшись к джипу, крикнул ему я. — Живо садись на переднее сиденье! Сваливаем!

— Но… Покрышка… Сиплый… — едва едва выдавил он из себя.

— Их больше нет! А если не поторопимся и мы, то через минуту не будет и нас! Шевелись!

Кеннет словно лунатик побрел к «хантеру» и влез на командирское сиденье. Я же не мешкая запрыгнул на водительское, желая только одного — чтобы двигатель побывавшего вверх тормашками «хантера» завелся без проблем. О валявшихся на земле

передних дверцах я даже и не вспомнил, да и времени навешивать их абсолютно не было…

Трудяга "хантер" не подкачал — стартер взвыл лишь на пару секунд, а затем ровное урчание уцелевшего при ударе двигателя еще раз доказало, что разработанный специально для Братства Охотников джип по праву считается лучшим автомобилем в Святой Европе.

— Они где-то впереди. Возьми ствол на изготовку и следи за дорогой. Как только увидишь кого -нибудь из них — стреляй не задумываясь! наказал я Кеннету.

— Кто они такие? — спросил он более твердым, но все равно еще подрагивающим голосом.

— Мои бывшие бойцы, мои некогда лучшие загонщики, Кеннет. И поверь мне страшно не меньше, чем тебе, потому что зги дьяволы не успокоятся, пока не сотрут нас в порошок. И они, в отличие от этих, — я указал на заднее сиденье, где уже начинали ворочаться очнувшиеся Ганс и Энрико, — никогда не отступят и не побегут!

— Будь они трижды прокляты! — только и сумел выговорить Оборотень.

Не успели мы еще выбраться из этой густой, скрывающей нашего врага травы, как тот решился на повторную атаку.

Ярво и Самми выскочили из за поворота и, держа «скорпионы» на изготовку, помчались навстречу нам, приближаясь с невероятной быстротой.

— Стреляй, мать твою! — гаркнул я на Кеннета, а сам при этом, не отрывая правой руки от руля, левой вытащил «глок» и, выставив его наружу, немедля открыл огонь по мотоциклистам.

И тут, очевидно, нам подыграла моя репутация хорошего стрелка, поскольку финны при одном только виде моего пистолета вжались в сиденья и завалили тела на правую сторону банков, стараясь любой ценой уйти с линии огня.

Но попасть из прыгающего на ухабах джипа по виляющим из стороны в сторону целям задача сложная даже для меня, а потому Эрику Хенриксону, несмотря на весь его профессионализм, суждено было облажаться. Да и очередь Кеннета тоже лишь слегка покосила верхушки кустарника над головами Ярвр и Самми.

В последний момент, когда до нашей встречи с финнами оставалась какая-то секунда, я попытался сбить их бампером и

выкинуть с дороги, но им повезло — братья успели таки проскочить мимо, едва не зацепив своими коленями за наше левое крыло.

Теперь враг находился у нас за спиной, а потому должен был поступить так же, как и мы при охоте за Гансом и Энрико— то есть прострелить нам колеса, ну а там как повезет.

Только я не собирался дожидаться, пока это случится, и решил попробовать придуманную мной прямо на ходу уловку. Рассчитана она была на то, что финны в пылу азарта постараются во что бы то ни стало не отцепиться от нас, как бы быстро мы ни удирали. И конечно же, снова пришлось уповать на свои опытные руки и натренированный глаз…

— Эрик, это бесполезно, нам не уйти! Мы чересчур тяжелы и неповоротливы, — обреченно проговорил Кеннет, наблюдая, как я вжимаю педаль газа в пол и набираю максимальную скорость, благо ровный и прямой участок дороги позволял это сделать.

— А мы и не убегаем, — бросил я в ответ, чувствуя, как оборотистый движок «хантера» разгоняет нас все сильнее и сильнее. — Но вот они должны в это уверовать не хуже, чем в Божьи заповеди…

Братья тем временем шустро развернулись и в предвкушении скорой победы ринулись за нами, привстав на подножках байков, словно древние кочевники на стременах. Скорость, которую они, по моим подсчетам, развили, была и вовсе чудовищной — стрелка нашего спидометра маячила в последней четверти шкалы, а финны нас нагоняли, и нагоняли весьма стремительно.

— Ну что ж, отморозки: догонялки догонялками, но пора бы и поменяться водящему! — процедил я сквозь зубы и уже громче, для Кеннета, добавил: — Держись, старик, как можно крепче — торможу!

Оборотень во все глаза вылупился на меня и впился обеими руками в поручень на панели (эх, как бы оказались сейчас кстати срезанные байкерами при извлечении Ганса и Энри ко ремни безопасности!), а я, сделав резкий мобилизующий выдох, с силой рванул рычаг ручного тормоза и тут же вывернул рулевое колесо влево до отказа…

Будь мы не так загружены и находись на более жесткой дороге, то это развернуло бы «хантер» на сто восемьдесят градусов, но в нашем

случае он совершил лишь четверть оборота, перекрыл проселок поперек и, пройдя немного юзом, замер как вкопанный…

Краем глаза я успел заметить, как Кеннет не смог таки удержаться больной рукой и выпал через отсутствующую дверцу по правую сторону от джипа. Но теперь мне было не до него — дождавшись, пока «хантер» погасит инерцию, я схватил лежавший на коленях пистолет, выпрыгнул наружу и, прочно зажав тот в обеих руках, принял удобную позу для стрельбы.

Ярво и Самми раскусили мой маневр, однако ничего изменить уже не могли — для них сейчас резкое торможение было не менее опасным, чем столкновение с напрочь перекрывшим дорогу автомобилем.

Мчавшегося впереди Самми я и выбрал как первоочередную мишень. На этот раз его судорожные виляния из стороны в сторону ничего не дали — я находился в жесткой устойчивой позиции, из которой стрелку моей квалификации мазать было очень и очень непростительно. Все, что от меня требовалось, так это просто предугадать его действия и, дав небольшое опережение, спокойно спустить курок…

Один из легендарных Охотников был сбит «влет», словно глупый голубь камнем юного забияки. Получив пулю в грудь, он выпустил руль, и его мотоцикл, рухнув на левый бок, заскользил в тучах пыли прямо мне навстречу, волоча за собой обмякшее тело уже мертвого седока.

Мне показалось, что я расслышал отчаянный крик Ярво, хотя кто знает, может, это был всего лишь отзвук мотора его байка. Однако инстинктивное желание выжить перебороло не менее мощный позыв расквитаться со мной немедля, и он, стараясь уйти с линии огня и избежать столкновения, резко свернул на правую обочину, хотя его «иерихонда» все еще ни на йоту не снизила скорость.

Я отскочил с дороги волочившегося на боку мотоцикла с подмятым под него телом Самми. Тот, находясь уже «на излете», ударился в колесо «хантера» и остановился, едва не подлетев джипу под брюхо.

Этот вынужденный финт и сэкономил мне вторую пулю, поскольку, когда я снова собрался взять на мушку Ярво, мое участие в судьбе этого несчастного уже не потребовалось.

В отличие от брата, ему не повезло еще больше. Попав на скорости передним колесом по придорожной кочке, байк Ярво перевернулся и взмыл в воздух, уже в полете сбрасывая с себя наездника. Энергии последующего удара байка о землю хватило на то, чтобы еще несколько раз крутануться вокруг своей оси. При каждом касании земли он терял то крыло, то бензобак, то глушитель, которые отрывались от него с легкостью засохшей грязи.

Ярво был опытным мотоциклистом и не раз на моей памяти попадал во всевозможные аварии (правда, разумеется, не в такие серьезные), а потому, находясь в полете, постарался как можно лучше сгруппироваться, дабы хоть немного обезопасить свое малоприятное приземление.

И все равно участь финна оказалась печальной. Ярво удалось совершить всего один перекат через спину, а затем его просто закрутило и поволокло по обочине, раздирая в клочья комбинезон, ломая конечности и выворачивая суставы.

Остановиться ему удалось уже за «хантером». Бедолага пропахал последние метры лицом вниз и замер, но всего на мгновение, после чего вот это самообладание! — несмотря на то, что весь был переломан и покалечен, предпринял попытку подняться. Однако сделать этого Ярво не смог, и все, что у него получилось, так это лишь перевернуться с живота на спину.

— Самми!!! — услыхаля сдавленный вопль Ярво, зовущего во всю оставшуюся мощь отбитых легких лежащего возле моих ног бездыханного брата. — Самми, помоги мне!

Пока я раздумывал над тем, стоит ли добивать еще живого финна или сжалиться да оставить его на милость судьбы (какой из него теперь, к чертовой матери, Охотник — если даже выживет и сможет когда -либо ходить, то очень и очень не скоро), выбор за меня осуществил Кеннет. Издав какой-то невероятный клич, сочетавший в себе и боль, и горе потерявшего товарищей, и некое злорадство нечаянного победителя, бородач ирландец вскочил с земли, воткнул в свой «хеклер кох» новый магазин и метнулся к корчившемуся невдалеке Ярво…

От головы Охотника осталось лишь кровавое месиво — ослепленный ненавистью Оборотень выпустил в нее весь магазин, а

после чего продолжал еще некоторое время стоять над обезглавленным телом и щелкать курком разряженного пистолета пулемета…

— Ну что, отвел душу? — приблизившись к нему, поинтересовался я.

— Вполне! — буркнул тот и плюнул на труп финна. — Тоже мне Дьявол — лишь куча дерьма и осталась…

— Весьма сочувствую по поводу твоих друзей, — пряча пистолет в кобуру, пособолезновал я вожаку байкеров, — но времени хоронить их у нас нет. Каждая минута на вес золота… Возвращаемся в лагерь — я хочу потолковать со своими бывшими братьями.

Он не стал спорить со мной по этому поводу:

— Да, разумеется… Вернусь потом и все сделаю как надо… Если, конечно, найду к тому времени их останки…

Ганс и Энрико явно догадались о том, что произошло, а потому вели себя довольно смирно — лежали да посматривали искоса то на меня, то на перепачканного своей и чужой кровью Кеннета. Один раз Ганс было призывно замычал, видимо, желая о чем-то поговорить, однако я отказал ему в этом:

— Потерпи чуть чуть, мой бывший верный боец. Отдохни пока, соберись с мыслями — нам еще о многом предстоит побеседовать сегодня…

Ярость Кеннета О'Доннела постепенно сменилась подавленностью, и он, держась за простреленное плечо, молча откинулся на спинку сиденья, тупо глядя перед собой на дорогу.

— Как хоть его звали? — спросил я байкера, дабы не дать тому погрузиться в невеселые мысли и вследствие этого совсем упасть духом.

— Кого ? — не понял он и посмотрел на меня.

— Покрышку, — пояснил я. — Я ведь так и не узнал его настоящего имени…

— Это, вероятно, звучит нелепо, — лицо Кеннета перекосила кислая ухмылка, — но никто из нас его не знал. Нет, я, конечно же, спрашивал у него, и не раз, но старый хитрец только посмеивался: а чем, дескать, меня не устраивает это прозвище? Так и не открылся никому… Мне будет не хватать этого парня и его постоянной табачной вони. Он любил говаривать, что пришел, к нам из ниоткуда и вот теперь, получается, что ушел в Великое Никуда… Вечный скиталец…

— И он здорово нам помог, — добавил я. — Боюсь, что без него мы бы с Кэтрин сами уже отошли в небытие, а то и того хуже — развлекали бы сейчас Главный магистрат. И как бы наивно это ни звучало, но надеюсь, что дух его будет оберегать нас и далее.

— В отличие от тебя я полностью уверен в этом, — проговорил Кеннет и прикрыл лицо от хлестнувшей в проем дверцы еловой ветки. — О, гляди ка уже и дома!..

Джип выезжал на берег приютившего нашу группу лесного озера…

Не доезжая до лагеря порядка полукилометра, я остановился и отправил Оборотня туда пешком, дабы не вгонять никого в панику внезапным появлением перед ними неопознанного «хантера». Когда же тот удалился, я развернулся к взиравшим на меня пленникам и, поглядев в глаза сначала старшему, а затем младшему, произнес:

— Ну что, преданные служители Господа! добро пожаловать в отступническое логово! Если думаете, что молитва оградит ваши души от скверны — молитесь. Однако смею заверить — к нам Всевышний заглядывает редко, да и ненадолго…

Часть 9

26

«— Ну, чего же вам надо? Говорите прямо. Или вы онемели? Выходи, кто хочет, я жду. Я не для того прожил столько лет на земле, чтобы какой -нибудь пьяный индюк становился у меня поперек дороги. Вы знаете наш обычай. Вы считаете себя джентльменами удачи. Ну что же, выходите, я готов. Пусть тот, у кого хватит духу, вынет свой кортик, и я, хоть и на костыле, увижу, какого цвета у него потроха, прежде, чем погаснет эта трубка!»

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

— Ты в порядке ? — поинтересовалась Кэтрин после того, как обработала брату плечо.

— Вроде бы да, — ответил я. — Как видишь, единственный, вернувшийся таковым.

— А что с ногой?

— Вот черт! — Я с удивлением уставился на разорванную левую штанину и находившуюся под дырой большую кровоточащую ссадину, которую, видимо, нанес мне колесом байк Самми, когда едва не залетел под брюхо «хантеру». Надо же, а я только заметил это…

— Дай, осмотрю, — Кэтрин опустилась на колени и принялась за свою привычную работу. — Кеннет сказал, что ты спас ему жизнь. Спасибо тебе от него, но в первую очередь от меня.

— Учитывая, сколько раз он и его ребята делали это для нас, — поморщившись от попавшего в рану йода, сказал я, — можно было и не благодарить… Кстати, тебе предстоит сегодня еще поработать…

Ей не понравилось то, о чем я поведал, сильно не понравилось.

— Мы уподобимся нашим врагам, — огорченно произнесла девушка, — и это прискорбно, однако, раз нет другого выхода… Делай как считаешь нужным, я помогу чем смогу. И, Эрик… только не мальчишку, хорошо?

— Начну со старшего, а там как пойдет…

Как я и распорядился, байкеры развели Ганса и Энрико по разные концы лагеря. Их привязали к деревьям и только после этого вытащили изо ртов кляпы.

— Предупреждаю вас всех! — выговорил Ганс после того, как выплюнул обрывки тряпки. — Покушение на жизнь Охотника карается!..

И заткнулся, потому что заметил меня и других бывших сослуживцев.

— Серьезно? — усмехнулся Михаил. — Ну спасибо, что просветил, а то я, батенька, даже не знал…

— А вас, каиново отродье, предупреждаю отдельно: внемлите Гласу Господнему и покайтесь, пока еще есть…

Теперь усмехнулись и мы — настолько из уст Ганса все это звучало нелепо и напыщенно.

— Перестань, Ганс, — попросил я. — Знаю — ты выполняешь приказ Бернарда, однако не утруждайся. Будь таким, каким мы привыкли тебя видеть, а не этим лицемерным занудой…

Я подошел поближе и присел перед ним на корточки.

Лицо моего бывшего бойца скривилось презрением, но он продолжал смотреть мне прямо в глаза, словно бы играя со мной в детские «гляделки».

— Чего ты хочешь от нас? — уже чуть свободнее спросил Ганс.

— Успокойся: подпись твоя под контрактом на душу мне не нужна, — ответил я дружественным тоном, будто все еще являлся его командиром, а он получал от меня очередной приказ. — А нужно всего ничего: подробное расположение отрядов Охотников на границе и план действий на эти дни, Скажите это — останетесь жить…

— А ты сказал бы на моем месте? —с издевкой поинтересовался он. — Я в отличие от вас еще верен присяге!

— Я знал, что ты так ответишь, — разочарованно вздохнул я, — и это похвально для Охотника. Однако и ты пойми — нам очень нужна эта информация. Не хотелось тебя пытать, но, видимо, придется…

— Пытай, — хмыкнул он. — Не знаю, как Энрико, но от меня тебе ничего не добиться.

— Эрик, да чего ты стелешься перед эти козлом! — протолкавшийся ко мне Помойка уселся рядом. — Дозволь, я отделаю его как следует! Уж поверь— я вышибу из него кулаками больше, чем любой инквизитор со своими причиндалами!

Несмотря на то, что положение Ганса являлось незавидным, он не смог удержать в себе презрительный смешок:

— Ты, грязная дешевка, хочешь сказать, что заставишь меня бояться твоих жалких кулачков?!

За Помойку ответил державший больную руку на перевязи Оборотень:

— Ты зря скалишься, Охотник. Мой боец хоть и паршиво стреляет, но на кулаках уроет любого, не сомневайся!

— А такого-толстяка, как ты, и подавно! — добавил довольный такой рекомендацией Помойка. — Зарос жиром в своем Ватикане! Да тебе только доходяг по притонам собирать, кабан неповоротливый!

— Не хочешь посмотреть, как кабан отхватит тебе яйца? — Ганс был не тем, кто оставил бы такое без внимания.

— С превеликим удовольствием докажу тебе обратное! — огрызнулся Помойка…

Байкеры оживленно загалдели: еще бы — сейчас у них на глазах может произойти редчайшее и интереснейшее событие — их собрат и Охотник вызывали друг друга на поединок.

Я напрягся — ситуация явно выходила из под контроля. Вознамерившись прострелить Гансу некоторые мягкие места (разумеется, с последующей обработкой ранений Кэтрин), я было подготовился к этому психологически, но тут этот проклятый Помойка взбаламутил и без того озлобленную потерей товарищей общественность.

Кеннет поманил меня рукой, приглашая отойти в сторону. Я подчинился и удалился с ним к берегу озера.

— Эрик, мои люди расстроены гибелью Покрышки и остальных, — вполголоса обратился он ко мне. — Дозволь им в качестве утешения немного отвести душу и посмотреть, как Помойка накостыляет этому увальню, раз ты все равно собрался попытать его маленько…

Ганс и впрямь был довольно упитан, однако я прекрасно знал, что скрывает его неуклюжая внешность, о чем и предупредил своего друга ирландца.

— Ну что ж, — ответил тот, — тем будет интересней. Помойка тоже превосходный кулачник. Когда мы делим стоянки с другими бродягами, то часто устраиваем поединки « один на один», делая ставки деньгами или горючкой. Так вот, я всегда ставлю на него и еще ни разу не проиграл.

— Ну смотри, Помойка — твой человек, — дал я согласие. — Но все же советую и ему, и тебе подумать — Ганс не кулачник, он убийца…

Мотобандиты встретили наше решение одобрительным гулом. Осознание того, что сейчас один из них поквитается за смерть всеми уважаемого старшины и трех товарищей, сильно приподняло дух девяти оставшимся в строю байкерам.

Мои же соратники по отступничеству отнеслись к этому прохладно. Лишь Вацлав с иронией полюбопытствовал:

— А что будет причитаться Гансу за победу? Отпустишь его?

— Хоть ты не капай на мозги, — огрызнулся я. — Без тебя тошно…

Помойка представлял собой довольно габаритного парня и почти на голову превосходил Ганса в росте, хотя по весу оба были приблизительно равны. Ганс невозмутимо пронаблюдал, как под восторженные, возгласы байкер оголился по пояс и якобы для пробуждения ярости нанес себе несколько чувствительных пощечин. Сам же освобожденный от пут Охотник скинул плащ, закатал рукава куртки, встряхнул после этого затекшими кистями и промолвил:

— Ну что, сучий потрох, готов? Тогда прошу, не стесняйся…

Как признался мне позже Кеннет О'Доннел, он пожалел о том, что не прислушался к моему предупреждению, ибо банде его светило в тот вечер лишиться еще одного члена…

Весь поединок байкера и пленного Охотника занял от силы минуты полторы. Помойка и впрямь обладал недюжинной мощью и сокрушительным ударом, однако, как и всем людям, проводящим полжизни в седле — неважно — живого коня или Стального Жеребца, — ему недоставало гибкости и подвижности. Их он старался компенсировать бешеным напором и прямо таки звериной агрессией. От чего в конечном счете и пострадал…

Шутя уклонившись от нескольких яростных атак, Ганс дождался очередной, совершил нырок под правую руку противника, после чего коротким боковым своей левой ткнул того в челюсть.

Не ожидавший от «неповоротливого кабана» такой прыти, шокированный ударом, Помойка на мгновение оторопел и, как говорил наш семинарский инструктор по кулачному бою, — «потерялся». Чем

и воспользовался более искушенный, как выяснилось, в этом деле брат Ганс.

Коварный и жутко болезненный удар Ганса голенью по бедру Помойки уронил того на правое колено, а последовавший за этим круговой той же ногой в голову и вовсе заставил байкера без сознания рухнуть на землю.

Но разошедшийся не на шутку Ганс и не подумал останавливаться на достигнутом. Ботинком перевернув лежащего на боку соперника животом вниз, он резво оседлал его спину и занес над затылком байкера локоть, намереваясь проломить тому основание черепа — прием, который бывший наш собрат демонстрировал нам в практическом применении множество раз.

Однако отправить Помойку вслед за Покрышкой в Великое Никуда Охотнику не удалось. Стоявший до этого в охранении и подошедший лишь к началу схватки Саймон среагировал без колебаний (мы же, завороженные боем, поначалу и вовсе не поняли, что байкеру вот вот вышибут душу). Он растолкал столпившихся у арены и молнией метнулся к уже начавшему смертельное движение Гансу, а затем столкнул того со спины поверженного противника наземь.

— Куда вы пялитесь? — в сердцах бросил после этого нам Саймон. — Он же его убивает!

— А, вот и ты! — Лежавший на траве Ганс приподнялся и сел, отряхивая с себя сухие еловые иголки. — Не сказать, что рад тебя видеть, но все равно здравствуй…

И два некогда закадычных приятеля смерили друг друга недобрыми взглядами.

— Никак не ожидал я, Саймон, что ты вступишься за этого… — Ганс указал глазами в моем направлении, но добавлять, кем он меня считает, не стал. Впрочем, это и так было понятно. — Ну русский и поляк ладно — они всегда за своего благодетеля горой вставали, — но ты!

— Не тебе, Ганс, и даже не мне судить Эрика, — ответил Саймон. — То, что он сделал, так это не переступил через определенную черту, и по человечески его понять можно. К тому же, Ганс, ты наверняка ничего не знаешь об истинных подробностях смерти Проклятого…

— Все, что я знаю — Эрик размяк, нарушил Устав, присягу и убил своих братьев! По моему, вполне достаточно. И это я должен по человечески понимать? — Ганс мрачно усмехнулся и поднялся с земли. Вслед за ним, тряся головой и качаясь из стороны в сторону встал Помойка. Хорек и Муха тут же подхватили его и увели прочь с импровизированной арены. Ганс проводил их довольной ухмылкой.

— Ну что, есть еще желающие? — Он обвел взглядом притихших байкеров. Таковых не вызвалось. — Я так и знал — обыкновенные трусливые засранцы!

— Побил какого-то храбреца и доволен? — укоризненно покачал головой Саймон. — И тебе не совестно?

— Если бы не ты, вообще бы убил, — буркнул Ганс. — С вами, сволочами, иначе нельзя! А что, хочешь продолжить? Ну так давай вспомним прошлое!

И глаза Ганса превратились в узкие щелки, а ухмылка на этот раз появилась не снисходительная, а скорее настороженно выжидающая.

— Почему бы и нет, — помешкав, промолвил Саймон. — По максимуму. До чьей -либо отключки. Я тебя правильно понял?

— Почти, — ответил Ганс. — Только не по простому, а по полному максимуму. Мне терять нечего: либо смерть, либо позор. А потому предлагаю разрешить все наши вопросы раз и навсегда — бьемся до смертельного исхода…

— Саймон, не вздумай! — вмешался я. — Если он себя списал, это не значит, что и тебе надо делать то же самое!

— Извини, Эрик, — ответил британец, — но сейчас я тебе не подчинюсь. А то не дай Бог этот австрияка решит, что я испугался. Много чести мерзавцу.

— Ты еще потребуешься нам при переходе границы, — продолжал я взывать к его здравомыслию, потому что знал— оно у него имелось. — Потребуешься с двумя ногами, с двумя руками и целой головой…

…Мне было из за чего волноваться. В бытность обоих при моем отряде они частенько надевали перчатки и устраивали тренировочные поединки ради поддержания формы и просто из чистого азарта «кто кого». Так вот: брат Саймон частенько проигрывал брату Гансу лишь потому, что вел себя слишком по джентльменски — не бил в спину, не добивал лежачего и всегда прекращал бой, если противник оказывался

травмированным либо выдохшимся. Чего нельзя было сказать о Гансе…

— Нет, Эрик, это обсуждению не подлежит, — Саймон был непреклонен. — Вызов есть вызов. Извини еще раз, и ежели что, знай: мне нравилось служить под твоим командованием…

— Ну как хочешь, — отступился я. — И все же особенно не подставляйся и помни, что он за тип…

Бой насмерть, тем более среди профессионалов убийства голыми руками, являлся для байкеров (что для них — и для нас, экс Охотников, тоже!) и вовсе сущей диковинкой. Прихромал даже побитый Помойка, решивший наблюдать поединок, опираясь на плечи друзей. Все единодушно хранили молчание, стараясь не мешать бойцам.

Кэтрин осуждающе глянула на меня как на виновника этого беспредела, вздохнула и без лишних напоминаний увела детей подальше к озеру. Поль, правда, норовил остаться, но, уловив мое мрачное настроение, предпочел не дожидаться, когда я сам прикажу ему уйти, и присоединился к брату и сестре.

— Что эти изверги сделали с вами, ваша честь? — завидя среди публики магистра Конрада, поразился Ганс его невероятному одеянию. — Но не сомневайтесь — они ответят и за надругательство над вами тоже! Сполна ответят!..

Его честь промолчал и спрятался за спину Кеннета…

Ганс и Саймон неспешно вышли на середину круга, кивнули друг другу и по взаимному согласию начали схватку…

Жилистый Саймон был гораздо легче упитанного Ганса, и каких -либо сомнений в победе последнего возникнуть не могло в принципе. Однако австриец, сам только что доказавший, как порой обманчива бывает внешность, не спешил бросаться на противника очертя голову, а предпочел для начала провести несколько ложных атак, вынуждая Саймона раскрыться.

Но Саймон не клюнул на них, а выбрал наиболее подходящую для своей комплекции стратегию. Будучи намного подвижнее тяжелого Охотника, он принялся кружить перед ним, тем самым медленно, но верно изматывая Ганса.

В первые минуты поединка соперники обменялись несколькими весьма чувствительными для обычного человека, но не для них самих,

ударами. Ногами и тот, и другой старались пока не бить — атаки ими являлись энергоемкими и малоэффективными для постоянно движущегося противника.

Понимая, что, работая в таком темпе, он довольно скоро выдохнется, Ганс первым предпринял действия, ведущие к завершению боя (в свою, разумеется, пользу). Дождавшись, пока Саймон в очередной раз нападет, он молниеносно контратаковал того серией легких ударов в голову и в это же время постарался провести свой коронный удар голенью по бедру соперника. Но не попал — британец успел отскочить в сторону, и Ганс, потеряв равновесие, всем телом повалился вниз.

Левая нога Саймона плетью хлестнула австрийцу в лицо, попав аккурат по носу. Ганс дернул головой и упал на бок, но, едва Саймон вознамерился провести добивающий удар, Ганс, перекатившись назад, вскочил и снова вернулся в стойку.

— Засранец! — прошипел Ганс, потрогав свернутый нос и вытирая бегущую по подбородку кровь. — Все таки достал! Ну ничего, рано радуешься…

С этого момента схватка уже мало чем напоминала хрестоматийный обмен ударами. Ботинки Ганса то и дело целили по коленным чашечкам и паху противника. Саймон тоже в долгу не оставался, хотя для него вести бой в такой манере с некогда лучшим другом было немного непривычно. Но он, как и подобает высококлассному бойцу, довольно быстро осваивался…

Очередной «грязный» удар наконец попал таки по голени Саймона, и лицо того перекосило от нестерпимой боли. Однако это не выбило британца из колеи, а, наоборот — только придало решительности. А потому он с удвоенной яростью кинулся на соперника, молотя того напропалую как руками, так и ногами.

Тут-то и подловил его Ганс, воспользовавшись своим преимуществом в весе. Произведя нырок уход от бокового удара рукой, он не стал возвращаться в стойку, а рванулся к сопернику и, обхватив того за поясницу, бросил лопатками оземь.

Очутившись под намертво придавившим его австрийцем, Саймон, вопреки незавидной позиции, не растерялся. Он не стал дожидаться, пока Ганс начнет удушение или выдавливание глаз, а поступил так, как и подсказывал ему инстинкт самосохранения, а не благородные

принципы. Левой рукой — единственной конечностью, которая еще могла свободно двигаться, — он нанес ряд быстрых ударов по самому больному месту Ганса — его пускающему кровавые пузыри носу.

Боль ослепила Охотника. Он взревел, стараясь отвернуть лицо, отчего хватка его ослабла, позволив Саймону освободить и правую руку.

Теперь британец исходил из принципа «промедление смерти подобно», и следующий его удар ладонями по ушам Ганса — удар, способный при удачном попадании разорвать барабанные перепонки — вогнал того в еще больший шок. Австрийцу не оставалось ничего иного, как только ослабить захват.

Саймон только этого и ждал. Едва отплевывающийся кровью Ганс расцепил руки, как британец оттолкнул его и высвободил свою левую ногу из под его сместившегося тела.

Далее верткий Саймон действовал практически без остановок — сказывались его громадная физическая выносливость и рациональный расход сил при борьбе на земле. Потерявший инициативу Ганс угодил в так называемые «ножницы» между ногами Саймона. Этот хитрый борцовский прием позволил британцу перейти в активное контрнаступление.

Он вскочил с земли на мгновение раньше Ганса. Не обладавшему подобной легкостью австрийцу потребовалось сначала встать на четвереньки, а лишь затем выпрямиться. Но этого он сделать не успел…

Сокрушительный удар ботинком по ребрам заставил Ганса сжаться, однако тот, превозмогая боль, все таки попытался ухватить соперника за ногу. Именно этот маневр и оказался для Охотника фатальным…

Ни времени, ни пространства для повторного замаха ногой у Саймона уже не оставалось, а голова противника находилась аккурат возле его колена. Потому свалившись на Ганса всем телом, британец обрушил кулаки именно на голову, целясь прямо в висок…

От раздавшегося вслед за этим хруста и я, и все остальные зрители невольно вздрогнули. Саймон в пылу ярости хотел нанести еще один удар, но едва кулак его взмыл в воздух, как стоявший на коленях Ганс обмяк, после чего грузно рухнул на землю, распластавшись на траве лицом вниз. Багровеющая глубокая вмятина

на его левом виске и немигающие глаза не вызывали сомнений в исходе поединка.

Одобрительные крики байкеров огласили лагерь, однако от моих людей не донеслось ни звука — это была не та победа и не над тем врагом, которая могла бы нас порадовать.

— Заткнитесь, вы все!!! — рявкнул Саймон и отпихнул от себя собравшегося похлопать его по плечу Оборотня. — Слышите, вы? Заткнитесь!!!

Гул затих. Байкеры недоуменно переглядывались — реакция победителя казалась им совершенно ненормальной.

А Саймон продолжал стоять над телом Ганса и судорожно ловить ртом воздух, утихомиривая натруженные легкие и одновременно успокаивая расходившиеся нервы.

Я подошел к нему и встал рядом. Саймон недобро покосился, но на меня огрызаться не стал, лишь словно в оправдание проговорил:

— С самого начала нашего бегства я опасался, что придется убивать именно своих… Других бойцов из других отрядов — ладно, смирюсь… Но только не наших, не Одиннадцатого… Видит Бог, я не хотел этого. Он сам так решил… Эрик, не обижайся, но Ганса надо похоронить как Охотника. Он заслужил…

— Обязательно, Саймон, — уверил я. — Это без сомнения, будь спокоен. Как только решим трогаться дальше, так и проведем обряд. А ты иди ка полежи немного; сегодня намечается тяжелая ночь…

— Что планируешь с Энрико? — спросил меня Михаил после того, как тело Ганса оттащили в сторону. — Сдается мне — он тоже не пожелает откровенничать.

— Ты прав, — согласился я. — Испанцы народ гордый, да и навряд ли у меня поднимется рука на мальчишку.

— Ни у кого из нас не поднимется, — подтвердил Михаил, — но способ все же есть. Надо только напугать его до потери пульса.

— Каким образом?

— А вот это уже, испаноскандинав, моя забота!

— Тоже мне пугало! — усмехнулся я. — Заболтать или обыграть в карты еще поверю, но стращать кого-то? Тобой?! Ерунда какая-то!

— Нет, главный персонаж не я. Я выступаю как автор пьесы и второстепенное действующее лицо, — пояснил усатый драматург. — А называется постановка «Безумный Инквизитор».

— «Безумный…» кто?

— Сейчас поймешь. Эй, ваше черпачество, подойдите ка сюда…

Идея Михаила оказалась простой и гениальной одновременно (обидно, что я сам не додумался до нее) и заключалась в том, что Энрико не знал о Конраде как о перешедшем на нашу сторону. Для молодого Охотника магистр до сих пор являлся нашим пленником, потому-то Михаил и решил его использовать в своих целях.

Безусловно, то, что предложил русский, было намного гуманнее того, что придумал я, поэтому я не мешкая согласился.

Первым делом все байкеры были отправлены с глаз долой. Кеннет, промолвив только «надеюсь, вы знаете, что делаете», отправился вслед за ними, недоумевая не меньше остальных. Плюс ко всему, я настоял, чтобы вместе с ними скрылись и Гюнтер с Вацлавом. Кэтрин, дети и ушедший отдыхать Саймон находились в «хантерах», а потому ничуть нам не мешали. Итак, занавес над сценой поднялся…

Взгляд привязанного к дереву Энрико красноречиво выражал то, что он обо мне думал. Настолько красноречиво, что я поначалу даже растерялся…

— Вы служили для меня примером! — гневно бросил он. — Я уважал вас как своего отца! А теперь я презираю и вас, и всю вашу банду! Можете пристрелить меня прямо сейчас, потому что…

— Хорошо, пристрелить так пристрелить, — наигранно вздохнул я и вынул из кобуры «глок», отчего Энрико, вероятно, ожидавший допроса и мучительных пыток (злодеи мы для него или не злодеи, в конце концов ?), оторопел. — Да и скажу откровенно, пытать тебя я и не смогу… Прощай!

— Брат Эрик! — раздался за моей спиной суровый окрик магистра Конрада. — Что это за самодеятельность разводите вы с этим мерзким еретиком?

— Э э э… ничего предосудительного, ваша честь! — Я попытался изобразить растерянность, после чего вроде как незаметно для экзекутора вернул пистолет в кобуру. — Просто хочу подготовить его к э э э…

— Еретика?! — возмутился ошарашенный Энрико. — Это кто еретик?! Я еретик?! Да вы совсем, что ли, тут с ума посходили?

— Не превышайте свои полномочия! — предупредил меня магистр Конрад. — Дознание пока что моя юрисдикция! Проверьте ка

лучше Трон; я подойду через пять минут…

Едва лишь Конрад удалился, как ко мне подбежал Михаил, пытавшийся изо всех сил изобразить крайнюю обеспокоенность.

— Плохи наши дела, Эрик! — выпалил он, будто и вовсе не замечая Энрико. — У Конрада очередной припадок!

— Я уже в курсе, — ответил я и с нескрываемым раздражением сплюнул. — Вот проклятье!

Любопытство все же одержало верх над Энрико, хотя всего минуту назад он призывал меня пустить ему пулю в лоб:

— Что вы сделали с магистром Конрадом? Какой припадок? Какой Трон? И почему вдруг я «мерзкий еретик»?

— Тебе интересно? — спросил его Михаил, а потом поинтересовался у меня. — Рассказать ему?

— Валяй, — вздохнул я. — Утоли его последнее любопытство. Все равно он только что уговорил меня пристрелить его…

— Ты хочешь умереть? Сам? По своей воле? — На лице Михаила появилось такое скорбное выражение, что я чуть и впрямь не поверил в правдивость всего происходящего. — Ну что ж, это решит много проблем! О, извини, парень, конечно же, я тебе сочувствую. В общем, подготовься, а я пока расскажу тебе все…

Энрико уставился на Михаила, словно на саму старуху с косой.

— Магистр Конрад болен, — загробным тоном начал Михаил. — Тяжело болен… Похоже, плен окончательно повредил ему разум, хотя вроде обращались мы с ним гуманно, особо не издевались… Так-то почти все время спокоен, лишь ест да спит, но временами — как, например, теперь — на него находит, и он представляет себя в очередном рейде. Нас считает своим отрядом, а всех остальных — гнусными еретиками. Ты думаешь, почему байкеры поразбежались кто куда? Его честь уже спалил двух из них огнеметом…

— Вот Дьявол! — схватился за голову я. — А я опять забыл спрятать его любимую игрушку!

— А п почему вы п просто не п пристрелите его? — Похоже, до Энрико начинало доходить, какой конец его в скором времени ожидает. — Или не свяжете?

— Невозможно! — развел руками Михаил. — Его честь слишком ценная персона, чтобы пускать его в расход. А если связать, то он и вовсе впадает в припадок, того и гляди откусит себе язык. Эпилептик,

одним словом… Ну а коли предаст кого Очищению, то спит потом пару суток как сурок и ни за кем не гоняется. Эх, надо было сегодня приглядеть за ним! Просчитались! Насмотрелся на мордобой и опять сбрендил…

— Прости, Энрико, — я угрюмо понурил голову. — Никогда себе этого не прощу. Теперь о пуле в лоб тебе осталось только помечтать…

— Ну а ты, брат Энрико, можно сказать, наш спаситель! — продолжал гнуть Михаил свою садистскую легенду. — Байкеры от него уже как от чумы шарахаются и жечь себя, разумеется, больше не позволят. А тебе не все ли равно — один черт просил прикончить…

— Я н не хочу т такую п позорную с смерть! — вскричал Энрико. — Я имел в виду с смерть от п пули или на х худой к конец как Г ганс!

— Ну на тебя не угодишь! — раздраженно ответил Михаил. — «Хочу не хочу»… К сожалению, ничем помочь тебе не можем! Больше за сотню километров в округе нам этому ненормальному под огнемет подсунуть некого!

— А мы хоть некоторое время поживем спокойно, — добавил я, — пока его честь… Да вот, кстати, он сам! Ладно, прости, Энрико, нас, перед смертью; не бери обиды к Господу, договорились?

Конрад прекрасно ухватил поставленную перед ним задачу. Он явился перед Энрико во всей красе: в правой руке поварской тесак, в левой наш трофейный и так хорошо зарекомендовавший себя на кухне огнемет.

— О, замечательно, брат Эрик! — похвалил он меня, безумно (по моему, даже чересчур безумно) вращая глазами. — Отступник готов, и ваши люди вновь на высоте! Нет, ну посмотрите, милейший — какой великолепный экземплярчик!

— Ваша честь, а зачем вам этот просто таки чудовищный ножик? — спросил Михаил, произнеся это громким и нарочито размеренным голосом.

И действительно: при инструктаже Конрада речь шла лишь об огнемете и не более. Инициатива задействовать в спектакле столовый инвентарь целиком и полностью исходила уже от самого инквизитора…

— Кто-то украл мои инструменты для дознания, — притворно посетовал Конрад и, укоряя несуществующего вора, укоризненно

покачал головой. — Мерзкие отступники посчитали, что таким образом сорвут мне процедуру. Как бы не так!

Энрико заерзал возле дерева, однако деваться ему было абсолютно некуда.

— Я не еретик!!! — отчаянно завопил он на весь лес. — Я не совершил ничего такого, чтобы предавать меня дознанию и Очищению!!! Я Охотник и хочу умереть как Охотник!!!

— Будь добр, кричи потише! — промолвил магистр, извлекая из карглана байкерской куртки наждачный брусок и начиная скрупулезно точить тесак. — А то иначе мне придется отрезать у тебя язык, дабы не нарушал ты своими воплями сей божественной природной гармонии.

— Брат Эрик! Брат Михаил! — Впав в животный ужас пред столь позорной церемонией, Энрико и не заметил, как снова стал называть нас братьями. — Да скажите же ему! Мой отец — архиепископ Мадридский! Я не могу, просто не имею права вот так!

— Ты прав, — понимающе кивнул я. — Приняв Очищение от магистра ордена Инквизиции — пусть даже и безумного — ты навек покроешь позором своего отца; да что отца — весь свой благороднейший род! Бедный, бедный Энрико! Твои предки наверняка попереворачиваются в гробах…

Довольно правдиво косивший под сумасшедшего коротышка тем временем вонзил тесак в дерево над головой Энрико и, напевая себе под нос гимн Ордена «Покайтесь, Грешники И Да Воздастся Вам!», скинул с себя куртку. Потертая и заштопанная байкерская майка Конрада лишь подчеркивала его якобы полное безумие.

— Ну что, разлюбезнейший, приступим? — вежливо полюбопытствовал он у пленника и, не дождавшись ответа, вырвал из ствола ели свой пыточный инструмент. — Я думаю, стоит начать с моей любимой процедуры — скальпирования. Я называю ее: «Снимите Шапку Перед Пророком!» Не правда ли, довольно поэтично?

О чем и думал сейчас Энрико, то только не о поэзии.

— О, нет нет нет нет! — затараторил он. — Одну минуточку, ваша честь! Прошу вас, только одну минуточку! Ну, посмотрите на меня! Это же я — брат Энрико! Вы же руководили нашим рейдом год назад! Ну, вспомните!

— Бесполезно, малыш, — сказал Михаил. — Ты же знаешь — при дознании его честь глух к мольбам — это его профессиональное кредо. Здесь только мы с Эриком можем докричаться до него. С нами он общается охотно…

— Я готов пойти на сделку! — к нашему облегчению, наконец-то сломался Энрико. — Вы требовали у меня информацию о расположении наших сил? Я предоставлю ее в обмен на… на… Ой, господи!!! Ой, боже мой!!!

Энрико было с чего взывать к Всевышнему. Маленькая, но довольно ухватистая длань Конрада вцепилась ему в волосы, а вторая уже прицеливалась, где бы нанести надрез. Руки магистра не дрожали — сказывались десятилетия полевой практики.

— Но, молодой человек, — решил доиграть спектакль Михаил. — Не ты ли только что называл это позором ?

— Да, называл! — кричал Энрико, мотая головой в тщетной надежде стряхнуть с себя цепкие пальцы инквизитора. — Но этот позор не такой страшный! Уж лучше я трижды предам брата Бернарда, чем собственноручно замараю грязью отца! Брат Эрик, брат Михаил, умоляю: остановите его!!!

— Разлюбезнейший грешник, — продолжал играть свою не лишенную шарма роль магистр. — Я буду премного благодарен, если вы перестанете брыкаться. Да будьте же мужественны: примите приговор Божественного Правосудия со смирением!

Мы с Михаилом сделали вид, что совещаемся, хотя, разумеется, все было уже решено.

— Ну так и быть, — сжалился я. — И только ради твоего некогда ко мне уважения…

— К тому же, — добавил Михаил, — твой папаша замнет этот инцидент и ты покинешь Братство по какой -нибудь болезни. Все это куда лучше, чем распознавать по зубам твои обожженные останки… Разумный выбор, сынок!

Я приблизился к вошедшему в раж Конраду и, деликатно покашляв, потряс того за плечо:

— Простите великодушно, ваша честь, что отрываю вас от работы, но курьер Главного магистрата срочно требует отчета о предыдущем Очищении.

— Насколько срочно? — Недовольная мина Конрада была более чем естественной.

— Безотлагательно!

Конрад отцепился от волос жертвы, снова вонзил тесак в дерево и подчеркнуто любезно поинтересовался у Энрико:

— Надеюсь, вы не будете против, если я отлучусь на часок другой? — Чувство юмора у коротышки было весьма специфическим. — А вы, милейший, посидите пока здесь, в этой девственной благодати, и хорошенько поразмышляйте над своими грехами. Как вернусь, так сразу и продолжим…

— Он не вернется, — успокоил я дрожащего Энрико, когда Конрад и Михаил удалились. — Через пару часов писанины он заснет, однако, если ты примешься за старое, я тут же разбужу его честь…

Повторная встреча с инквизитором не входила в планы Энрико, а потому он делился сведениями не то, чтобы охотно, но, по крайней мере, обстоятельно.

— Учти, — пригрозил я ему после того, как мы закончили и он, уронив голову, заплакал навзрыд. — Сегодня же пошлю байкеров все перепроверить, и не дай Бог тебе меня обмануть!

Разумеется, я лгал Энрико. Времени перепроверять его данные у нас уже не было — потеря четырех Охотников не сегодня завтра должна была обнаружиться, а потому переходить границу следовало в течение ближайших двенадцати четырнадцати часов. То есть если завтра мы не будем обедать в России, то ужинать, возможно, не придется уже никогда, ну разве что сидя на Троне Еретика.

Кэтрин, Кэтрин! Ну, о каких планах на жизнь я должен, по твоему, сейчас задумываться?

27

«— Бен, Бен, — пробормотал Сильвер, — подумать только, какую шутку сыграл ты со мной!»

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

— Ты вообще соображаешь, о чем-только что сказал? — Кеннет О'Доннел посмотрел на меня как на спятившего. Впрочем, его реакция была вполне объяснима — то, что я предлагал, на первый взгляд и впрямь смахивало на безрассудство.

Согласно информации Энрико, Бернард и остатки его отряда находились не где -нибудь, а именно в том месте, которое мы

обследовали сегодня первым — на перешейке Глаз Дьявола. Мясник чуял, что рано или поздно, я окажусь поблизости оттуда. Остальные же подчиненные Бернарда были распределены по всему северо восточному сектору, представляя собой мобильные патрули кордоны. Их дополняли Защитники Веры и Добровольцы Креста, задача которых, в свою очередь, была только стоять на постах и никуда не перемещаться.

Наш разведдозор и нарвался на подобную группу, выполнявшую ко всему прочему и дополнительное задание — доставку письменного приказа главнокомандующего по не имеющим переговорных устройств постам.

Экземпляра этого приказа у Ганса и Энрико не осталось, но они знали его содержание наизусть. «Не расслабляться! — говорилось в нем. — Не снижать бдительности. Находиться в постоянной боевой готовности проследовать в район зафиксированного появления банды Хенриксона».

Только одно заставляло Бернарда Уильямса поддерживать столь суровую боеготовность. Он, хоть и запоздало, но раскусил нашу тактику и теперь ждал — терпеливо ждал! — моего следующего хода…

Последний пункт его приказа и навел меня на мысль, которая немедленно обрела форму нетрудно выполнимой уловки, основанной опять же на бесстыжем и отчаянном обмане наших преследователей…

— Да, Кеннет, я отдаю себе отчет, не сомневайся, — ответил я Оборотню.

— Ну извини, Эрик, переть через Глаза Дьявола, когда знаешь, что Главный Охотник засел именно там, — Кеннет непонимающе пожал плечами. — Натуральное самоубийство! Хотя человек я любознательный и не прочь послушать, каким же образом ты планируешь всех нас угробить.

— Скажу честно: автором этой идеи следует считать тебя, — признался я для начала.

— Меня?! — Оборотень чуть не упал с пенька, на котором сидел.

— Да, тебя! Помнится, не так давно ты предлагал нам с Покрышкой… — упомянув старого байкера, в прямом смысле потерявшего голову, я осекся — трудно было поверить, что его больше нет, — …предлагал мне и ему неплохой фокус с передатчиками.

Думаю, как раз сейчас и настал момент, когда твой хороший план требует воплощения.

— Что ж, ладно, но тогда заодно и объясни, почему ты пригласил на совещание наших маленьких друзей?

И Кеннет кивнул на притихших возле меня Поля и Люси.

— Всему свое время, старик. Но сперва ответь — как, потвоему, поступит Бернард, если узнает, что мы переходим границу не где -нибудь, а практически у него под носом?

Он выслушал меня с хитрым прищуром, и чем глубже уходил я в детали, тем взгляд его становился все острее и настороженней. Но первую оценку высказанной мной стратегии вынес все же не Кеннет, а Михаил:

— Не знаю, не знаю… Не так гениально, как мой «Безумный Инквизитор», но тоже довольно неплохо. По крайней мере, есть шанс обойтись без кровопролития или почти без него…

Я не сомневался: присутствующие здесь экс Охотники без разговоров пошли бы на любой риск, но раз представилась возможность его избежать, то все они, само собой, были только «за».

— Кеннет! — поторопил я продолжавшего обдумывать мой план вожака байкеров.

— Знаешь, Эрик, любое предложение, которое сводит потери к минимуму, я приму безоговорочно, — наконец согласился и он. — И к тому же уверен: Покрышка его бы тоже одобрил…

Но больше всех обрадовался Поль. Еще бы — на нем и на его сестренке лежала самая ответственная задача, и от того, насколько правдоподобно они сыграют отведенные им роли, настолько безупречно все должно будет идти в дальнейшем. Осознание собственной незаменимости буквально распирало парнишку изнутри, однако он сдержал эмоции и первым делом поинтересовался:

— Дядя Эрик, теперь-то вы дадите мне пистолет?

— Забудь о нем, Поль, — снова разочаровал я его, но, видя погрустневшее лицо без пяти минут юноши, тут же добавил: — Но это не значит, что я не доверяю тебе, нет! Просто завтра утром у тебя будет шанс и без пистолета победить полотряда самых настоящих Охотников.

— Не шутите? — недоверчиво спросил он.

— Никак нет, мсье де Люка! А впрочем, кое какое оружие я тебе все таки выдам… Знаешь, что это такое?

И я показал мальчишке одну из раций Мясника.

— В эту штуку вы слушаете Охотников, и еще вы говорили в нее тогда, на пароме…

— Совершенно верно! Сегодня ночью машину поведет Кэти, а я буду учить вас с Люси пользоваться этой машинкой и что вам в нее предстоит сказать. Ты готов?

Поль осмотрел прибор, который, как он теперь знал, может в отличие от пистолета одолевать гораздо большее количество врагов, и удовлетворенно кивнул…

Саймон лично собрал и разложил дрова для проведения Церемонии Прощания с Гансом. А пока он занимался этим, мы с Кеннетом распорядились паковать вещи и прогревать двигатели.

Напоследок я подошел ко все еще связанному Энрико, понурому как никогда ранее.

— Вы обманули меня, да? — угрюмо полюбопытствовал он. — Провели как ребенка! Ведь магистр Конрад никакой не сумасшедший, так ведь?

— Нет, конечно, — не видевший смысла теперь скрывать это, подтвердил я. — Просто он помог нам так же, как и ты.

— Вы называете это помощью? Какой позор! Господи, какой позор ! . . — И Энрико снова поник головой.

— Да не убивайся ты так! — сказал я ему в утешение. — Тебе ли переживать по этому поводу? Я уверен: уже через месяц ты будешь протирать штаны где -нибудь при канцелярии своего отца. Но если тебе не все равно, то знай — сегодня ты, возможно, спас три ни в чем не повинные детские жизни. И неважно, чьи это были дети. Они, в отличие от меня, не сделали зла никому. И, боец, имей мое слово сейчас хоть какой-то вес, то я бы сказал так: со временем из тебя получился бы хороший Охотник…

Энрико не ответил — по видимому, мое мнение его и впрямь больше не интересовало.

— Ну ладно, не скучай, — закруглился я. — Нам пора.

— Вы оставляете меня здесь? В этом лесу?

— Ничего страшного, ты же пока Охотник. Веревки не очень крепкие — думаю, если постараешься, то часа через два ты их

перетрешь о кору. А вон там, — я указал в сторону берега, — я оставлю тебе продукты на пару дней, спички и нож. Чтобы добраться до людей, следуй на юго запад — там есть небольшая деревенька… В общем, удачи тебе, брат Энрико!

Странное чувство испытывал я (да и уверен — бывшие мои сослуживцы тоже), когда стоял перед предаваемым огню телом брата Ганса. Впервые в жизни этот ритуал не тронул мрю душу. Даже не верилось, что еще совсем недавно я благоговейно замирал, провожая в последний путь погибших братьев и ощущая при этом всю торжественность момента. Теперь же внутри у меня ничего, кроме смертельной усталости, не было. Кто знает, может, это усталость и притупляла большинство моих сегодняшних эмоций…

Пламя еще не угасло, когда мы двинулись в путь. Я долго смотрел на огонь через заднее стекло ведомого Кэтрин «хантера», смотрел до тех пор, пока оранжевые всполохи не исчезли за густым стволами вековых елей…

Так или иначе, но к утру наша группа добралась таки до места назначения. Попрятав технику, мы укрылась на склоне того самого холма, где ровно сутки назад я, Оборотень и тогда еще живые Покрышка, Албанец, Сиплый и Бифштекс проводили осмотр перешейка между Глазами Дьявола.

Спасибо Энрико — мы благополучно разминулись с несколькими бернардовскими патрулями, не зная о маршрутах которых можно было с полной гарантией столкнуться лоб в лоб с кем -нибудь из них.

Транспорт наш пополнился еще одним «хантером», бросать который у озера было попросту неразумно. На нем ехали Кеннет, чья раненая рука не позволяла ему управлять техникой, и Крючок на месте водителя. Мотоцикл Крючка я, согласно уговору, вернул в целости и сохранности, его мы так и оставили в кузове трофейного «хантера».

Пока мы продвигались к цели, я показал Полю, как работать с передатчиком, вынув на всякий случай из него батарею, а после заставил его и Люси назубок выучить те слова, которые они в нужное время обязаны были произнести в радиоэфир. И парнишка, и его сестренка с полной ответственностью отнеслись к своему поручению и не выразили никакого недовольства, отчего я зауважал их еще сильнее. Лишь маленький Ален в эту ночь мирно посапывал, положив

голову мне на колени, но он тоже здорово помогал нам хотя бы тем, что без капризов переносил все тяготы опасного путешествия.

Ближе к утру я наконец разрешил Полю и Люси немного вздремнуть. К нам же с Кэтрин сон отказывался приходить вовсе, а потому оба мы чувствовали себя не то чтобы бодро, но, по крайней мере, в нужном тонусе.

«Гнездо альфа, Гнездо альфа! — Пойманное мной на подъезде к Глазам Дьявола сообщение Охотников хоть и шло колированным текстом, но было вполне понятно. — Говорит Гнездо игрек! Срочное сообщение: у нас пропажа четырех птенцов. Они вылетели из Гнезда дельта, но к нам не вернулись. Повторяю…»

Я сумел определить, что выходивший на связь боец был не кем иным, как братом Фернандо.

«Гнездо альфа» тоже мгновенно узнанным мной голосом Мясника приказало «Гнезду игрек» немедленно начать поиски пропавших и докладывать через каждый час. Вся эта суета в радиоэфире предупреждала нас о том, что сейчас как никогда следует соблюдать осторожность.

На этот раз на вершину холма, кроме меня и Кеннета, поднялись также все экс Охотники, Поль, Люси и несколько особо любопытных байкеров. Кэтрин с малышом Аленом осталась внизу под охраной хромоногого Помойки, остальных мотобандитов и магистра Конрада, если, конечно, наш коротышка и смыслил что-то в охранной службе.

На заброшенном русском форпосте пока все было без перемен: те же четыре стоявших в линейку джипа и кое где маячившие рослые фигуры бойцов Мясника. Никакой суеты среди них не наблюдалось — все Охотники знали, что, кроме этой дороги, в округе нет больше мест для перехода.

«Что ж, — злорадно подумал я, — сейчас ваша братия забегает как ужаленная…»

— Дядя Эрик, можно? — нетерпеливо спросил Поль, глядя на находившуюся в моей руке рацию.

— Давай, приятель. Научи ка этих ублюдков, как надо бегать наперегонки, — напутствовал я своего маленького дезинформатора и передал ему заранее настроенный на волну Охотников передатчик.

Парнишка отработанным ночной тренировкой движением щелкнул тумблером и (я задержал дыхание от волнения!) нажал на

кнопку вызова. Кнопку, к которой я как к святыне боялся прикоснуться со дня нашей рейнской переправы; кнопку, делающую наши голоса слышимыми для чутких ушей Мясника…

Сигнал вызова пронзительно пискнул — рация была готова к работе. Поль последний раз покосился на меня и подал знак уже склонившейся над передатчиком Люси, которой и было суждено произнести первую реплику их с братом диалога…

"Говорите естественно, не обращайте ни на кого внимания, — поучал я их во время пути. — Представь себе, Люси, что тебе захотелось поиграть этой штуковиной и ты выкрала ее у меня, а Поль тебя при этом застукал. Оба вы понимаете, что дядя Эрик будет сильно рассержен, если поймает вас с ней. Понятно? " Дети дружно кивали, и мы снова и снова принимались репетировать нашу сценку, пока не довели до совершенства…

— Ой, она запищала! — воскликнула Люси и сразу же посмотрела на меня. Я приободряюще улыбнулся и показал большой палец: дескать, все нормально, так и продолжай…

— Где ты взяла эту «говорилку»? — вступил со следующей репликой Поль.

— У дяди Эрика в машине, — как бы виновато проговорила девочка.

— А ну ка немедленно положи на место! — приказал ей брат. — Он же запретил к ней прикасаться!

— Да ну тебя! — отмахнулась она. — Поиграю и положу. Все равно он вон у той скалы с елкой еще долго провозится со своими надувными лодками…

…Высокая скала утес с растущей на ее лысой вершине сосной находилась километров на двадцать южнее перешейка и была упомянута специально для того, чтобы по ней как по ориентиру направить Мясника в нужном нам направлении. Разумеется, никаких надувных лодок, ни тем более кого-то из нас там и в помине не было.

— Положи, кому говорю! — Голос Поля стал еще суровей. — А не то сейчас как накостыляю по шее!

— Ой, да на ты подавись! — оскорбленно бросила Люси и, с головой войдя в роль, даже придвинула к брату передатчик. — Тоже мне, любимчик дяди Эрика!

Последняя фраза, как мне показалось, была произнесена девочкой чересчур искренне — видимо, у Люси и впрямь имелись претензии к Полю по этому поводу.

— Ты ее включила? — ужаснулся мальчуган. — Дура несчастная, зачем ты ее включила?!

Я напрягся, ожидая от Люси в ответ чего-то непредвиденного — эпитета «дура несчастная» в моем сценарии не было…

— ..Что ты нажимала?! Ну?! Отвечай?! — Гнев Поля нарастал. — Говори быстрее; вон Эрик с друзьями возвращается!..

— Красный рычажок! — Люси изобразила невероятный испуг. — И вон ту кнопочку еще трогала!..

— Какую?!

— Вон ту!..

После этих слов брат и сестра замолчали и вопросительно уставились на меня. Я махнул рукой, и Поль, повинуясь условному знаку, вырубил тумблер. Рация, пискнув, отключилась.

Я с облегчением вздохнул и показал уже оба больших пальца:

— Поль! Люси! Превосходная работа! Высший класс, ребята! Действительно — высший класс!..

Остальные наблюдатели поддержали меня — старшие дети Жан Пьера де Люка только что доказали, что я не зря провозился с ними всю ночь.

Довольный похвалой, Поль разулыбался до ушей, однако сестра не дала ему как следует насладиться зрительским признанием. Отвесив брату подзатыльник, она обиженно надула губы и проговорила:

— Сам дурак несчастный! Дядя Эрик не просил так обзываться!..

— Извини, Люси, — Поль, похоже, не имел желания ссориться слей. — Увлекся и ляпнул лишнего. Извини, ладно?

— Ладно, — вздохнула девочка. — На дураков не обижаюсь…

— Как думаешь, они услышали? — в нетерпении заерзал Оборотень, глядя на заставу.

— Будем надеяться, — ответил я, — а иначе…

— Швед, глянь ка! — оборвал меня возбужденный голос Михаила. — Клянусь моими обожженными усами, сработало! Да еще как сработало!..

Даже невооруженным глазом стало заметно нешуточное оживление, внезапно охватившее отряд Бернарда Уильямса. Охотники выскакивали из полуразрушенной казармы и рассаживались по джипам, после чего те один за другим сорвались с места и рванули по перешейку к нашему берегу.

Я вгляделся получше: нет — два или три бойца остались все таки на заставе и теперь взирали вслед уезжающей колонне с заметным даже отсюда разочарованием. Не был Бернард тем глупцом, что бросил бы полностью открытую брешь даже тогда, когда находился уже на волосок от нашей поимки.

Как я и предвидел, передатчик не произносил ни звука— бойцы Первого, да и другие, кто мог перехватить нашу передачу, опасались вспугнуть нас своими переговорами. Кто этого Хенриксона разберет, наверняка думал Бернард, а вдруг тот решит послушать, что болтают его враги? Нет уж, пускай лучше ни о чем не подозревает, возьмем ползучего гада тепленьким…

— Всем затаиться и не дышать! — скомандовал я, видя, как четыре автомобиля приближаются к холму — дорога на юг пролегала аккурат перед ним. — Не хватало еще, чтобы Мясник случайно разглядел в бинокль наверху наши лица. Навряд ли он сочтет их Божьим Знамением…

Три «сант ровера» и один принадлежавший главнокомандующему «хантер» пронеслись внизу буквально в сотне метров от нас, и я подумал, что сейчас Бернард ближе ко мне, чем-тогда, на пароме…

— Послушай, Эрик, — дождавшись, пока кортеж Охотников скроется за лесом, Михаил подполз ко мне и расположился рядом. — Вы с детьми сидите здесь, а я с ребятами разделаюсь вон с теми паразитами.

И русский кивнул в сторону торчавших на перешейке оставленных Мясником бойцов.

— …Там их человека три четыре. Завидя наш «хантер», они решат, что это Мясник возвращается за ними, и наверняка повытаскивают свои задницы наружу. Тут-то мы их всех сразу и…

— Действуйте! — не раздумывая ни секунды, ответил я. — А как начнете стрельбу, двинемся и мы…

Едва Михаил, Саймон, Вацлав и Гюнтер скрылись с глаз, как я подманил к себе Кеннета и бывших с ним на вершине холма байкеров.

— Думаю, ребята, настала пора нам распрощаться, — с плохо скрываемым сожалением сказал я. — Навряд ли мы еще когда -либо увидимся и… Черт, не знаю, как и сказать… Просто примите слова нашей глубокой благодарности… Хотя нет — Крючок!..

Крючок качнул головой, показав, что внимательно слушает.

— …Забирай третий «хантер». Это подарок. Правда, малость, помят, но вы парни мастеровые — выправите. Кеннет, пусть твои люди набьют карманы патронами, а ты пока попрощайся с сестрой, только постарайся покороче…

— Эй эй, командир, притормози! — прервал меня Оборотень. — Разогнался! Доведем вас до заставы, а там и разбежимся кто куда: мы на запад, вы на восток… Но пока мы здесь, знай — это было одно из самых невероятных приключений с самыми невероятными людьми в моей жизни!

— Могу сказать тебе то же самое, — ухмыльнулся я. — Ну смотри, до заставы так до заставы, однако не далее…

Тем временем «хантер» Михаила обогнул холм и вышел на дорогу, по которой лишь несколько минут назад промчались бойцы Первого во главе с их командиром. Русский сразу же набрал скорость, дабы, во первых — максимально напоминать спешащего Бернарда, а во вторых — ворвавшись на заставу, не дать патрульным успеть рассмотреть лица сидящих в машине. А для того чтобы наверняка выманить наружу всех находившихся в здании, Михаил принялся требовательно сигналить — пусть подумают, что и их приглашают принять участие в Охоте.

Уловка удалась. Мне были плохо видны все детали нападения, но начало налета я сумел рассмотреть.

Две или три фигуры выбежали навстречу якобы вернувшемуся Бернарду, и четверо наших налетчиков, еще не дожидаясь остановки «хантера», прямо через окна кабины открыли по ним шквальный огонь из пулемета и автоматических винтовок…

— Кэтрин, вы знаете, как вести себя при стрельбе! — заскакивая в джип, прикрикнул я на девушку и детей. — Живо по местам!

Им было уже не впервой прятаться под прикрытие спинок сидений и стальных дверей «хантера». Теперь они делали —это без суеты, и просить второй раз кого -либо из них пригнуть голову было просто излишним.

Я безумно волновался, въезжая следом за байкерами на «переносицу» — было из за чего. Видимо, перебить за раз всех патрульных у Михаила не вышло, поскольку выстрелы еще раздавались с дальнего края заставы. Там находилось небольшое одноэтажное здание, судя по его расположению, бывшее когда-то караульной будкой. Именно оттуда и продолжал отстреливаться один или несколько уцелевших Охотников.

Мы остановились в недосягаемой для пуль зоне — за стеной главной казармы — и не успел я покинуть автомобиль, как ко мне подскочил обозленный произошедшей накладкой Саймон.

— Троих мы уложили сразу же, — указав на лежащие невдалеке тела, доложил он, — но один сбежал и засел вон в том здании.

— У него есть рация? — первым делом поинтересовался я.

— По моему, нет. Мы проверили место их проживания — единственный передатчик лежит на столе. Навряд ли бы им оставили второй.

— Да, навряд ли… — согласился я. — Его можно объехать?

— К сожалению, нет, — разочарованно ответил Саймон. — Надо выкуривать. Вацлав снял с одного убитого гранату и сейчас подползает к будке, а Михаил и Гюнтер его прикрывают.

Из за угла раздалось еще несколько очередей, а вслед за ними ударило эхо гранатного разрыва.

Наступившая затем тишина показалась мне настолько всеобъемлющей, что стали слышны даже крики далеких чаек над водными гладями раскинувшихся по обе стороны от нас озер.

— Саймон! — нарушил возникшую было идиллию резкий окрик Михаила. — Эрик здесь? Срочно сюда Кэтрин с аптечкой! Кажется, Вацлава зацепило!..

Кэтрин расслышала это не хуже меня и, проворно вытащив из под сиденья сумку с медикаментами, кинулась туда, откуда раздавался голос русского. Я наказал Полю не покидать кабины и устремился вслед за ней.

Вацлав лежал на спине возле наполовину раскуроченной караульной будки, из которой уже никто не стрелял граната вычистила внутри ее все живое. Грудь Вацлава часто часто вздымалась и оттуда то и дело вырывался наружу жуткий чахоточный кашель. Даже издалека было заметно, что состояние поляка крайне плохое.

— Достал таки, гад! — выдавил он между приступами кашля, когда мы подбежали и склонились над ним. — Но я его тоже… не упустил…

Кэтрин, распахнув на нем плащ и расстегнув куртку, провела беглый осмотр ранения и почти сразу вынесла заключение:

— Крови мало, выходного отверстия нет… Пуля у него внутри. Пробито легкое — это очень нехорошо. С тем, что у нас имеется, я ничего сделать не могу. Ему надо срочно к русским, хотя я не уверена, что и там…

— Оставь, девочка, — усмехнулся Вацлав перекошенным от боли лицом. — Не суетись зазря, не надо… Единственная пилюля, которая мне сейчас поможет, так это свинцовая в лоб… Михаил!

— Перебьешься! — огрызнулся русский. — Рановато тебе еще, польский ублюдок, к Дмитрию — мои земляки поставят тебя на ноги за пару недель. Ты только дотяни до них…

Кэтрин соорудила Вацлаву на рану марлевый тампон и, вколов ему морфий, беспомощно оглядела нас, а затем опустила глаза, что могло означать лишь одно: «Наврядли…»

— Взяли его! — скомандовал Михаил.

Я, Гюнтер, Саймон, он сам и еще трое подбежавших байкеров подняли Вацлава с земли и, стараясь не трясти, поволокли к джипу. Поляк захлебнулся в новом приступе кашля, а на губах его выступила кровь.

— Держись, старина! — подбодрил я его. — Не за этим я выдернул тебя из Варшавы, чтобы ты спекся где-то на краю земли. Совсем не за этим…

— Эрик, Эрик, — пробормотал он, и было видно, что каждый вдох причиняет ему мучительную боль. — Мы славно поохотились с тобой, но эта последняя… последняя наша пробежка и вовсе нечто! Я никогда еще не был так свободен и счастлив…

Завидя нас, Конрад распахнул дверцы «хантера» и с нехарактерной для себя расторопностью разложил заднее сиденье. Мы, стараясь не делать резких движений, переложили Вацлава на него и укрыли плащом — беднягу уже начинало лихорадить.

Заботы о раненом товарище даже не дали мне по настоящему осознать, что вот оно — спасение — наступило и, пребывая здесь, мы уже фактически находимся на территории России. Сейчас между нами

и русскими пограничниками лежало лишь несколько десятков километров довольно сносной дороги, причем дороги не кишащей никакими Охотниками. Однако радость победы была омрачена проклятой пулей патрульного, полностью лишившей одного из нас надежд на свое новое и кто его знает — может быть, и светлое будущее…

— Кэтрин, прощайся с братом! — распорядился я не терпящим возражений тоном. — Им пора, иначе не успеют вернуться.

Никто и не перечил. Но едва ирландка вытерла испачканные кровью руки и обняла своего бородатого братца (оба понимали, что вероятность их следующей встречи ничтожна, но вслух, естественно, об этом друг другу не сказали), а байкеры сгрудились вокруг нас для скупого рукопожатия, как вдруг Хорька словно электрогенератором шарахнуло. Растолкав нас, он, бормоча под нос что-то вроде «только не это», метнулся к возвышавшейся неподалеку стальной десятиметровой вышке, которую еще не успели уронить ежегодные половодья. Подскочив к ней, Хорек как угорелый стал карабкаться наверх, перемахивая сразу через две ступеньки.

Добравшись до смотровой площадки, он изваянием застыл на ней, напряженно вглядываясь в даль, а конкретно в том направлении, куда совсем недавно скрылись джипы Бернарда.

— Что там, Хорек? — задрав лицо, окликнул его Оборотень.

Я до последнего надеялся, что Хорек просто ошибся и от волнения его перепугали какие -нибудь покачивающиеся на ветру деревья или крупная стая птиц. Но когда он, едва не навернувшись с верхотуры, срывая голос, прокричал нам всего одно слово, я сразу понял — нашему, пусть и не совсем счастливому, но все таки везению только что пришел конец.

28

«— Вы для меня вот как этот плевок! — крикнул он. — Через час я подогрею ваш старый блокгауз как бочку рома. Смейтесь, разрази вас гром, смейтесь! Через час вы будете смеяться по иному. А те из вас, кто останется в живых, позавидуют мертвым!»

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

— Мясник!!! — Задыхавшийся от ужаса Хорек мог проорать лишь это. — Мяс… Мяс… Мясник!!!

— Как же так? — недоуменно взглянул на меня Оборотень. — Но ведь он должен сейчас быть…

— Должен?! — процедил я, похолодев от вмиг нахлынувшего на меня парализующего ужаса. — Никому он ничего не должен! Мы лгали ему — он нам не поверил! Теперь готовьтесь…

Да, признаться, я уже мнил себя гениальным стратегом, способным запудрить мозги самому Главному Охотнику, но тот только что растоптал своим подкованным ботинком мое раздувшееся самомнение в пух и прах.

Надо было срочно что-то предпринимать, но первым делом, разумеется, взять себя в руки. На меня смотрели сейчас и мои бывшие подчиненные, продолжавшие считать Эрика Хенриксона своим командиром (то ли по привычке, то ли и вправду было за что), и ватага суровых повелителей дорог, с вожаком которых я был на «ты». Именно это и не дало мне впасть в отчаяние и тем самым уронить перед ними свое достоинство.

— Насколько они далеко? — крикнул я стоявшему на вышке Хорьку.

— Километров пять шесть! — отозвался тот. — Машин из за деревьев не разглядеть, но стекла бликуют вовсю. Так я их и засек!

— Значит, беря во внимание скорость по подобной местности, у нас где-то… минут семь восемь в запасе, — прикинул я и тут же приказал наблюдателю: — Быстро слезай оттуда! Вы сваливаете немедленно!

— А вы ? — спросил Кеннет.

— Мы остаемся! — заявил я, как отрезал. — Михаил, расставь людей, а я пока перекрою проход…

Михаил взялся за дело без единого признака недовольства — когда ситуация требовала, исполнителя лучше русского трудно было себе представить:

— Так, братцы ренегаты, слушайте сюда: учитывая характер местности, огневые точки будут располагаться там и там. Гюнтер, слушай мой приказ: мы с тобой…

— Что ты делаешь, Эрик? — уставился на меня Оборотень. — Мы на территории русских; рвем к ним когти, и все! Охотники не сунутся в чужую страну!

— Ты думаешь, граница его остановит? — Я начинал не на шутку нервничать, поскольку часики неумолимо тикали. — Сколько до русской базы?

— Километров восемьдесят девяносто.

— По прямой он нагонит нас уже через двадцать, расстреляет и преспокойно вернется назад докладывать об успехах! Ради тех, на кого он охотился три недели, Мясник пойдет на такое мелкое нарушение. Однако я со своими ребятами задержу его, а вы тогда сможете оторваться.

— Мы тоже умеем стрелять!

— Тебе и твоим людям не стоит мараться в этом. Лучше помоги Кэтрин доставить детей до петербуржцев и вернись назад через другой сектор.

— Но вы же… Вас же… — забубнил Кеннет, все еще топчась на месте.

— Да не спорь ты, а двигайся, мать твою! — выведенный из себя его пререканиями, гаркнул я с такой силой, что он аж подпрыгнул.

Кэтрин подлетела ко мне, гневно сверкая глазами.

— Черта с два я побегу отсюда! — накинулась она на меня рыжей фурией. — Кеннет и сам способен довезти ребятишек! Я отвечаю за их жизни наравне с вами, и ты мне не указ! Немедленно выдай мне винтовку — я остаюсь! Или ты думаешь, что женщины не умеют стрелять? Да будет тебе известно!

Я не умел пререкаться с женщинами, а тем более с такими разъяренными, да и что можно было ей сейчас доказать? Безусловно, лишний стрелок нам бы не помешал, но в последнюю очередь я хотел видеть в этой должности мисс Кэтрин О'Доннел. Потому пришлось отклонить ее инициативу настолько вежливо, насколько получилось.

Мой короткий удар под ее левый глаз просто сбил с ног это воплощение ангельской красоты и адского темперамента в одном лице. Сознание Кэтрин потеряла, а в таком состоянии, как известно, довольно таки сложно пререкаться со старшими. К счастью, Кеннет не дал сестре шмякнуться оземь и, подхватив ее обмякшее тело на лету, хотел что-то высказать мне, но я не дал ему и рта раскрыть.

— Кеннет, позаботься о них! — скорее потребовал, нежели попросил я у ирландца. — Мяснику нужны мы, а не дети. Без меня у вас больше шансов уцелеть, а за нас не волнуйтесь — мы себя в обиду

не дадим. Оставьте нам два джипа — одним мы перекроем дорогу, а на втором — чем черт не шутит? — может быть, успеем уйти.

— А ваш раненый друг?

— Уходите, Дьявол вас побери! — подал голос из «хантера» Вацлав. — Я еще в состоянии спустить курок и хочу подохнуть с автоматом в руках, а не под ножом коновала!

— Уходите! — повторил за ним я. — И скажи своей сестре, как очнется, что я… Впрочем, ничего не говори… И, ребята: ясного вам неба и сухой трассы, Люди Свободы!

Я оглядел их всех: Кэтрин, лежащую без сознания и поддерживающего ее здоровой рукой Кеннета; байкеров, число которых изрядно уменьшилось с начала нашего совместного путешествия; магистра Конрада, в своей нелепой бандане уже практически неотличимого от них; ребятишек, взволнованно смотревших на меня через стекло кабины… Им, маленьким врагам грозного Пророка, я улыбнулся и подмигнул — не стоит волноваться, мы еще наверняка свидимся…

…И кинулся прочь от этой разношерстной компании, надеясь на то, что Кеннет и без понукания проявит должную расторопность. «Шевелись! Шевелись! Шевелись!» — пульсировало в моем мозгу и передавалось как по электропроводам во все конечности, заставляя те двигаться с удвоенной скоростью.

Первым делом я отогнал автомобиль с Вацлавом за здание глазной казармы и поставил тот так, чтобы никакие шальные пули не попортили. Будем держать Охотников столько, сколько необходимо для совершения байкерами хорошего отрыва, решил я, а затем рискнем вырваться и сами — авось да и повезет! И хоть разум мой понимал, что подобное навряд ли уже случится, та часть сознания, где несмотря ни на что продолжала жить надежда, совсем не желала расставаться с телом таким обидным образом в двух шагах от заветной цели…

Вацлав, собрав все силы, какие у него еще оставались, со стоном поднялся и вылез из джипа следом за мной.

— Лежи, старик. Управимся как -нибудь, — постарался отговорить его я, но он глянул на меня так, что сразу стало понятно — это бесполезно.

— Снайпер хреновый теперь из меня, — с сожалением произнес он, — но автомат еще удержу. Я буду на первом этаже. До второго, уж

прости, не доковыляю…

И держась одной рукой за стену, а другой волоча штурмовую винтовку, поляк поплелся внутрь казармы занимать огневую позицию…

Единственный путь, по которому можно было беспрепятственно пересечь заставу, проходил между двухэтажным зданием главной казармы и приземистыми постройками продсклада и хозблока. Другая дорога просто отсутствовала — от левого побережья перешейка до проезда и от проезда до правого берега все было завалено обломками ограждения, перегорожено второй — упавшей — стальной вышкой да и просто изрезано глубокими вымоинами. Края естественной природной дамбы уходили в наполнявшую кратеры воду довольно крутыми откосами, непроходимыми настолько, что если бы Мясник решил объехать заставу с флангов, то с высокой вероятностью опрокинул бы свои внедорожники кверху колесами.

Дождавшись, пока ведомый Крючком «хантер» с ребятишками, Кеннетом и пристегнутой ремнями безопасности бессознательной Кэтрин миновал коридор между казармой и складом, я махнул девятерым мотоциклистам, чтобы те поторопились за джипом. Я нервничал — пора было перекрывать эту лазейку.

Проезжая мимо меня, они погудели клаксонами, на что я принял уставную стойку и четко отсалютовал им, выказывая тем самым ответное уважение. А после этого влез за руль третьего «хантера» с байками в кузове и припарковал его между стеной склада и кирпичным крыльцом казармы. Теперь единственный проезд на восток напрочь заблокировала тяжелая стальная «затычка», миновать которую можно было лишь имея крылья.

Дабы совсем намертво перекрыть коридор, я прострелил многострадальному джипу (не далее, как вчера, он уже накувыркался всласть) все четыре колеса и вырвал из под капота свечные провода, а после этого вдруг замер с зажатым в руке пучком обрывков, ошарашенный одной нехорошей догадкой.

Конрад! Его не было среди уехавших. Куда, черт побери, подевался этот мелкий прыщ?

— Я решил не бросать вас, милейшие, в столь мрачный час, — раздался позади меня знакомый голос. — Негоже, знаете ли, такому

почтенному старику, как я, трусливо показывать спину, когда молодые решаются на битву!

— Нет, вы с каждым днем поражаете меня все больше и больше, ваша честь! — Я не знал, сердиться мне или хвалить этого исполненного героизмом недомерка. — Как вы слиняли от Кеннета?

— Когда вы прятали «хантер», я солгал этому разлюбезнейшему человеку, что вы предложили мне остаться. Вот и все.

— Ну что ж, воля ваша, — вздохнул я. — Недавно вы просили дать вам ствол? В таком случае хватайте любой на ваш выбор, и добро пожаловать на войну!

Благодарный Конрад кивнул и убежал за угол срочно проводить ревизию нашего арсенала.

Я посмотрел на восток вслед удалявшимся друзьям и ощутил невероятное облегчение. «Что ж, Жан Пьер, неудачник из неудачников — подумал я, — как видишь, дети твои уцелели и находятся под опекой самой замечательной женщины из тех, которых я встречал. И пускай я не давал обещания присмотреть за ними, однако желание твое выполнил». Оставалось лишь придержать преследователей минут на пятнадцать двадцать, чтобы Кеннет спокойно достиг базы русских, правитель которых, как хотелось надеяться, до сих пор не переменил свое решение относительно Проклятого. Бесспорно, мы испытывали недостаток в живой силе, но более выгодное стратегическое расположение и наличие у нас хорошего арсенала делало эту проблему решаемой.

Рука моя непроизвольно опустилась в карман и вытянула оттуда еще пребывающую там резинку для волос — обязательный боевой реквизит и одновременно талисман удачи Хенриксона, не важно, с кем предстояло теперь ему сражаться.

— Мясник только что въехал на перешеек! — крикнул мне из окна второго этажа главной казармы Саймон. — Русский определил нас сюда, так что поторопись — захвати пулемет и поднимайся живее.

— А где он сам ? — спросил я.

— Мы здесь! — отозвался Михаил откуда-то с чердака находившегося через дорогу от казармы склада. — Да не стой ты как истукан, дуй к британцу — гости пожалуют через три минуты! А кстати: нехило ты попрощался со своей рыжей пассией! Хвалю! Это надолго отобьет ей охоту встревать в мужские разговоры!

— Да уж, — грустно пробормотал я, бегом огибая казарму, чтобы забрать из «хантера» пулемет. Тот, как оказалось, уже приглядел себе магистр Конрад. Сам едва высовывавшийся из за него, коротышка прикусил от натуги язык и пытался приладить к незнакомой конструкции ленту с патронами.

— Отдайте, пока вас туда не зажевало! — отобрал я у Конрада явно не соответствующее его комплекции оружие.

— Но вы же обещали тогда на переправе!.. — обиженно прогнусавил он.

— Да, обещал, но будьте реалистом, ваша честь: у этой машины такая отдача, что вас расплющит, как мухобойкой таракана! Подберите что -нибудь под ваш калибр и — самое главное! — никуда от меня не отходите! Ясно вам?

— Так-точно, милейший! — бодро отчеканил разжалованный из пулеметчиков магистр. — Куда вы, туда и я! Не сомневайтесь — прикрывать спину друга весьма почетно для меня!

Вацлав лежал на нижнем этаже у окна, уронив голову на автомат, и не двигался.

— Вацлав? — окликнул его я, обеспокоенный тем, что перемещение окончательно добило тяжелораненого поляка.

— Еще живой! — отозвался он, оторвав разгоряченный лоб от холодной оружейной стали. — Обязуюсь не умирать, Эрик, пока не прикончу пяток бернардовцев.

И, мечтавший некогда о долгожданной отставке, ветеран хрипло рассмеялся и тут же зашелся в сдавленном кашле…

Джипы Мясника были уже четко различимы на насыпи перешейка и продолжали неумолимо приближаться.

Пока Саймон заряжал в пулемет ленту, а Конрад по моей просьбе загонял для нас патроны в автоматные магазины, я решил проверить, что же творится сейчас в радиоэфире.

А там царило безумие. Перебивая друг друга, шли безостановочные доклады о том, что такое-то «гнездо» либо выдвигается, либо уже находится на пути к Глазам Дьявола. Подобной активности преследователей с момента начала Охоты на нас мне наблюдать еще не приходилось.

— Слетаются, как пчелы на мед, — заметил Саймон, раскладывая пулеметные сошки на подоконнике.

— Не жалеешь, что ты здесь, а не с ними? — спросил его я; очевидно, любопытство мое умрет последним, пропустив вперед даже надежду.

— Какая разница, жалею или нет, — уклончиво ответил британец и прильнул к прицелу пулемета. — Что сделано, того не воротишь. Но знаю абсолютно точно: я бы сожалел гораздо больше, если бы мне пришлось стрелять по вам и по детям…

Бернард заметил перегораживающий дорогу «хантер» на спущенных колесах и понял, что очутился он там отнюдь не случайно. Не добавили Мяснику радости и тела его бойцов, распластанные на подъезде к заставе.

— Отряд — стой! Спешиться! Занять оборону! — взревела рация открытым текстом — старый вояка если и не унюхал западню носом, то в любом случае мог легко предугадать ее.

Конечно, отрядом, это назвать было нельзя — количество прибывших бойцов Первого едва ли тянуло на его половину, — но я прекрасно знал, что у противника на подходе , довольно крупные силы, а потому не стал дожидаться, пока те соберутся вместе и ударят скопом. Передернув затвор штурмовой винтовки, я вскинул ее к плечу, взял на мушку первый автомобиль и открыл огонь.

Это послужило сигналом для остальных. Слева из окна до меня долетели грохот «земляка» Михаила и тяжелое уханье карабина Гюнтера. Справа, в другом конце казармы, Саймон прильнул к пулемету и короткими очередями начал долбить по вражеской колонне, а внизу Вацлав, зажав автомат в слабеющих руках, старался сдержать данное мне обязательство о «пяти бернардовцах».

Не смог вовремя вступить со своим инструментом в нашем слаженном оркестре только его наихрабрейшая честь. Автомат магистра самым обидным образом переклинило, что вогнало собравшегося было покуражится Конрада в яростное негодование.

— Патроны, ваша честь! — прокричал я отбросившему оружие коротышке. — Не забывайте про патроны! Снаряжайте магазины и разматывайте ленты!

Наш залп серьезно попортил два передних «сант ровера» и даже умудрился поджечь один из них, однако живой силе противника особого ущерба не нанес. Классность подготовки бойцов Первого вызывала восхищение: едва ли не синхронно распахнулись дверцы

джипов, и Охотники кинулись врассыпную, занимая оборону за торчащими кругом в изобилии бетонными обломками. Пару человек мы таки зацепили, но у них хватило сил добраться до укрытий самостоятельно. Убитых же не оказалось ни одного — выверенность действий преследователей невольно заставляла проникнуться к ним уважением.

Заметив метнувшуюся вбок коренастую фигуру Бернарда, я повел стволом в том направлении. Но главнокомандующий являл собой просто образец проворности, и пули мои, взрыхлив почву буквально у его каблуков, Мясника не задели.

Загремели ответные выстрелы. То и дело пули Охотников влетали внутрь и откалывали целые куски штукатурки на потолке, а потому нам уже становилось опасно излишне маячить перед окнами.

— Береги патроны! — крикнул я Саймону, когда-тот менял пулеметную ленту. — Пока все идет как надо — они задержаны и рассеяны! Еще десять пятнадцать минут, и можно будет сваливать отсюда!

— Согласен! — кивнул Саймон. — Мы попортим их джипы и они уже не двинутся с места! Однако, Эрик, скоро явятся другие, и это здорово меня пугает!

«Меня тоже», — хотел ответить я, но промолчал — незачем командиру, пусть и бывшему, лишний раз выказывать свою неуверенность.

— Хенриксон! — внезапно очнулась лежавшая рядом со мной рация. — Я знаю, что ты меня слышишь, грязная собака! А ну ка потявкай в передатчик — я хочу знать, что ты еще жив!

— Ну где же ваша хваленая британская учтивость, мистер Уильямс? — нажав кнопку передачи, укоризненно «протявкал» я. — Вам, замечу, не к лицу базарный жаргон…

— А а а, живой и как всегда пышущий сарказмом! — В голосе Мясника просквозила какая-то нездоровая радость. — Признаю, ты меня не разочаровал: подсунуть рацию соплякам было просто гениальной идеей! А я ведь и впрямь чуть не купился на это!

— О, весьма польщен! — снова снизошел на иронию я. — И если бы вы могли видеть сейчас мое лицо, то узрели бы на нем румянец моей задетой скромности…

— Слава Богу, я вовремя догадался, что это очередная твоя подлянка — не тот ты человек, чтобы так опростоволоситься! Но теперь-то, иммигрантский выродок, ты уже никуда от меня не денешься!

— Опять грубите!

— Я джентльмен только с джентльменами, а не с теми, кто стреляет братьям в спины, пора бы и усвоить!..

— Я запомню на будущее…

— Ха ха, да нет у тебя больше никакого будущего! Слушай сюда: я так понял, что ты выгораживаешь улепетывающих детишек Проклятого? Что ж, похвально, но только мне в отличие от магистра Аврелия плевать и на них и на эту рыжую шлюху — пусть уходят! Я пришел за твоей головой, а потому говорю откровенно: сейчас вы все подохнете! Переговоров не будет! Предложений о сдаче не будет! Так что пока есть время, попрощайся со своими прихлебателями, ибо жить вам осталось совсем недолго! Конец связи!

— Но, мистер Уильямс, а как же… — начал было я, но договорить: «…гостеприимные объятия Трона Еретика?» не успел — внимание мое привлек ползущий к «хантеру» Бернарда его боец. Но вот незадача — для меня автомобиль главнокомандующего был скрыт уцелевшим пролетом бетонного ограждения.

— Михаил! — заорал я в окно на торцевой стороне казармы, — вам колымага Мясника должна быть лучше видна! Будьте внимательны: к ней крадется один ублюдок, и явно не за забытой канистрой пива!

— Вас понял — прослежу! — отозвался русский и заботливо полюбопытствовал: — Как вы там?

— В порядке! С Мясником по рации в «крестики нолики» играем!

— И чья берет?

— Пока ничья, но он, мерзавец, хамит и жульничает!

— На него похоже! Мы тоже вроде пока целы! Гюнтер сегодня разговорчивый как никогда — целых три слова вместо двух обычных произнес, а вообще ему тут тесновато!

Договорить нам не дал ураганный огонь, открытый противником по нашим укрытиям. Я догадался — бойцы Бернарда прикрывали того, кто зачем-то рвался к «хантеру», — но мы ничего поделать уже не могли. Мне, Саймону и Конраду только и оставалось, что попрятаться

за простенками и не высовываться. По видимому мной в боковое окно осыпаемому пулями убежищу Михаила и Гюнтера приходилось констатировать, что тем тоже несладко. Из нас отстреливался один Вацлав, и его выстрелы красноречиво свидетельствовали о том, что поляк будет бороться со своими врагами до самого конца. Вот только и он, и мы предчувствовали, что конец тот будет для него далеко не победным…

Когда же снова воцарилось затишье и я краем глаза смог оценить обстановку, возле «хантера» Бернарда уже никого не было. Но валявшийся на земле сдернутый с кузовка брезент говорил, что так усердно рвавшийся к автомобилю боец сумел заполучить то, что хотел. Но что же такое важное скрывал под собой этот кузовной тент?

— У них наверняка еще остались гранаты, — поделился догадкой Саймон. — А больше нас здесь ничем не возьмешь.

— Далековато для броска гранат, — не согласился я. — Но, кажется, я знаю, что он нам готовит. Помнишь те штуки, которыми поджаривали нас на дамбе у острова?

— Эти адские трубы, один плевок которых способен спалить «самсон» за долю секунды? — Конечно же, Саймон не мог позабыть такого. — Но мне помнится, Аврелий передал их парижским Защитникам в качестве откупного…

— Неужто ты думаешь, что Бернард не оставил себе одну две в качестве памятного сувенира? — усмехнулся я. — Я бы не стал так недооценивать нашего злобного старичка…

Мы переглянулись: до нас только сейчас дошло, что, говоря о нашей скорой кончине, «злобный старичок» нисколько не преувеличивал и не испытывал по поводу нее ни малейшего сомнения.

Еще минуту другую наши стороны позанимались малоэффективной в данном случае позиционной войной. И мы, и Охотники, были надежно укрыты за препятствиями, а потому обмен пулями между нами носил скорее сдерживающий характер, нежели ставил перед собой цель поразить кого -либо конкретно.

— Эрик, эти мерзавцы расчехлили какое-то бревно! — внезапно прекратив огонь, прокричал мне Михаил. — Похоже на иудовский гранатопускатель!

— Где, мать твою?! — не на шутку обеспокоился я, поскольку нам из казармы ничего такого заметно не было. — По какому флангу?

— По твоему! Но мне их не достать — они по уши зарылись в канаву возле вышки! Поберегитесь там!

Значит, к нашему глубокому сожалению, я оказался прав. А на что способны эти чудовищные «бревна», мы насмотрелись достаточно, и потому…

— Ваша честь! Саймон! — приказал я своим соратникам. — Быстро в коридор на лестницу — сейчас шарахнет!

Между коридором и тем помещением, где мы засели, была толстенная капитальная стена, которая выдержала бы — я уверен — не один гранатометный выстрел. Похватав оружие, мы как можно скорее покинули наши позиции и, выскочив в коридор, схоронились на ступеньках ведущей с первого этажа на второй лестницы.

Удар страшной силы не заставил себя долго ждать, и я мысленно возблагодарил русского за его наблюдательность. Главная казарма содрогнулась от фундамента до оголенных стропил разрушенной крыши…

Однако граната угодила совсем не туда, куда мы ожидали. Из дверного проема нижнего этажа на нас обрушилось густое облако дыма, кирпичной крошки и пыли, обдав меня, британца и магистра всей этой дрянью с ног до головы.

«Вацлав!» — щелкнула у меня в голове резкая, как пистолетный выстрел, мысль, которую я немедля и продублировал:

— Вацлав! Вацлав, ты жив? Отзовись!

Ничего. Только было слышно, как в том углу, где он залег, обваливаются со стен сколотые взрывом пласты штукатурки.

— Ваша честь! Ваша честь, оглохли, что ли? — Я встряхнул за плечо сжавшегося в уголке и зажмурившегося Конрада. Тот встрепенулся и посмотрел на меня взглядом побитой собаки — похоже, коротышка только что пожалел о том, что не уехал вместе с байкерами к петербуржцам. — Идите, ваша честь, проверьте, как там Вацлав, а мы пока попробуем нащупать логово этих пушкарей…

Честно сказать, я не понимал, зачем было тратить столь мощный заряд на одного единственного стрелка с автоматической винтовкой. Видимо, гранатометчики Бернарда по неопытности неверно выверили прицел и потому промахнулись по верхнему этажу. Однако же залетев на нижний, граната свое грязное дело все таки сделала…

То, что мы с Саймоном увидели по возвращении на позиции, никак нельзя было назвать желанным развитием событий. Под прикрытием гранатомета Мясник отправил две небольшие — по три человека — группы, дабы те, продвигаясь по противоположным склонам перешейка, обошли заставу с флангов. Точнее, засекли мы лишь одну группу, заходящую по нашей стороне, но — я был полностью убежден, — что по другому краю шла точно такая же, поскольку условия местности там являлись даже более выгодными.

На этот раз нам немного повезло. Выпустив вслед бегущим к склону бойцам Мясника по длинной очереди, мы смогли таки прикончить одного из них. Он повис на бетонном парапете, не добежав до спасительного укрытия всего пару тройку шагов. Но оставались еще двое, которые отказываться от своих намерений не собирались.

— Михаил! — стараясь перекричать грохочущий пулемет Саймона, позвал я русского. — У вас гости по левую руку!

— Спасибо, швед! Видим их — ползут на брюхе вдоль воды, как жабы! — отозвался он бодрым, как и всегда, голосом. — А вам советуем опять поберечься! Если не ошибаюсь, то эти типы затолкали в трубу новую болванку!

— Эрик, глянь ка! — Саймон, оторвавшись от пулемета, указал в направлении врага. — Их становится все больше и больше!

А как хорошо все начиналось! Мы тут — они там; сидим на месте да постреливаем друг в друга для острастки… И вот теперь вдобавок к гранатометчикам и обходившим нас с фланга штурмовикам к Мяснику прибыло первое подкрепление — два «сант ровера» остановились, не доезжая ста метров до позиций Бернарда, и восемь высыпавших из них бойцов, пригнувшись, подтягивались к обломкам бетонного заграждения.

— Да, старик, похоже, настоящая работа только начинается, — ответил я. — Бежим ка вниз; наши трубадуры опять готовы протрубить для нас похоронный марш…

Выстрел гранатомета раздался гораздо раньше, чем я рассчитывал. Понимая, что, залети граната в окно — и нас уже не спасет ничто, мы все таки инстинктивно попадали на пол, позакрывав головы руками и зажав уши.

Но на сей раз смертоносный подарок предназначался не нам. Расположившись напротив главной казармы, гранатометчики ударили

по убежищу Михаила.

Лежа на полу, я не смог пронаблюдать, куда угодила граната, но последствия ее попадания заставили нас с Саймоном позабыть обо всем и уставиться в боковое окно, через которое я только что предупреждал Михаила об опасности. Опасности хоть и спрогнозированной, но все равно неожиданной, как упавший на голову кирпич.

Вслед за разрывом гранаты послышался еще один оглушительно хлесткий звук — это треснули балки, поддерживающие стропила складской крыши. Вероятно, каркас ее и без того был ослаблен разгулами стихий, а взрыв лишь поспособствовал разрушению конструкции.

Четырехскатная, покрытая черепицей крыша сначала содрогнулась и слегка покосилась, замерев в этом положении на несколько секунд, а затем провалилась внутрь склада, сложившись подобно гигантскому карточному домику.

У меня подкосились ноги, когда я осознал, что где-то среди этого нагромождения досок и бревен находятся сейчас мои друзья. Погибнуть мучительной смертью, придавленному тоннами древесины, было совсем не то, что они заслуживали…

Никто не отозвался ни на третий, ни на четвертый мой призыв. Обрушившаяся крыша стала для Михаила и Гюнтера их последним пристанищем или если угодно — склепом…

— Эрик, все кончено, — проговорил Саймон. — Их больше нет…

— Прикрывай меня! — Я не мог и не хотел верить в то, что случилось сейчас на моих глазах. — Продержи этих засранцев в их укрытиях еще хотя бы минут пять, а я сбегаю проверю!.. И если они мертвы, то сваливаем отсюда к чертовой матери!..

Какая-то отрешенность навалилась на меня после всего произошедшего, и, находясь как в тумане, я расстрелял по нападавшим последний свой магазин. Они же, вдохновленные тем, что их стало больше, короткими перебежками от укрытия к укрытию начали продвигаться вперед.

Но Саймона, в отличие от меня, ясность рассудка не покинула, и он стрелял не куда попало, а лишь тогда, когда кто -нибудь из врагов решался высунуться наружу.

— Я пошел! — проорал я ему перед тем, как двинуться на обследование разрушенного склада. — Как только позову, бросай все и беги к «хантеру»!

Саймон, не прекращая прицельного огня, показал большой палец, дав понять, что расслышал…

Бросить моих бойцов, если те еще живы, было для меня невозможным по совершенно очевидной причине, однако сейчас я даже понятия не имел, каким образом извлеку их из под обломков крыши.

«Захвачу с собой Конрада, — подумал я. — Подсобит, ежели чего…»

Но до склада я так и не добрался. Мало того — мне вообще не удалось выйти из помещения, из которого мы с Саймоном вели огонь по противнику…

Едва моя нога переступила через порог и я собрался окликнуть возившегося где-то на первом этаже коротышку, как вдруг уперся лицом в возникшую прямо из ниоткуда серебристую пряжку от поясного ремня Охотников. И пока мой туго соображающий разум гадал, как она могла очутиться на такой высоте (кокарда на берете у малорослого брата Тадеуша находилась и то ниже), владелец пряжки освежил мне память очень убедительным методом.

Тяжеленный кулак, без преувеличения имевший размеры головы взрослого человека, вылетел из полумрака и состыковался с оказавшимся на его траектории моим носом. Боль от сломанной переносицы острыми иглами пронзила мне мозг, а сам я, получив мощнейшее ускорение, пронесся по воздуху не касаясь пола и врезался спиной в противоположную стену.

Заместитель командира Первого отряда брат Вольф, он же Циклоп (а кто еще, кроме него, мог подпоясываться в Братстве на уровне полутора метров от пола?), согнувшись в три погибели, протиснулся в дверной проем, а затем распрямился во весь рост, почти достав потолок казармы своей бритой макушкой. Из за его спины выскочил еще один мой знакомый по зачистке Ла Марвея — брат Николас.

Время для меня словно остановилось. Тело отказывалось подчиняться получившей солидную встряску голове, а перед глазами все уплывало куда-то вбок. В ушах моих стоял такой звон, что сквозь него едва едва доносились до сознания раздававшиеся вокруг звуки.

Так что я не расслышал, а скорее прочитал по губам, о чем Вольф рявкнул своему подчиненному: — Живым!!!

И единственный выпученный глаз Циклопа вперился в меня.Николас в два скачка оказался возле меня, ухватился за мой «конский хвост» и, рванув за него, отбросил мое бренное тело от стены.

В мгновение ока я очутился лежащим на битом кирпиче, уткнувшись в пол своим сломанным носом (мне даже был заметен торчавший наружу хрящ переносицы). Николас уселся мне на спину, оттянул голову за волосы назад и, точно так же, как и тому отступнику в монастыре, приставил нож к моему кадыку. Из этого положения я и пронаблюдал всю дальнейшую трагическую сцену.

Пока я совершал полет через комнату, Саймон достреливал очередную ленту и поэтому, увлеченный стрельбой, поначалу никого из ворвавшихся не заметил. Когда же, прекратив, он развернулся и узрел идущую на него махину в необъятном, как тент от «хантера», плаще, то пулемет его был пуст и ничем, как только дубинкой, послужить уже не мог. Потому, не имея под рукой ничего другого, британец кинулся на Циклопа с этим и в незаряженном виде весьма устрашающим оружием.

Верткость для брата Вольфа по вполне очевидным причинам была нехарактерна. Все, что он сделал, так это просто напросто подставил под удар свою непрошибаемую спину, а после чего, даже не изменившись в лице, обхватил приклад пулемета ладонью, как будто тот был не толще рукояти ножа. Единственное преимущество Саймона вылетело из его рук с невероятной для тяжелого предмета легкостью.

Обладавший солидным арсеналом рукопашных приемов Саймон оказался в затруднительном положении — ни один из них не мог теперь должным образом сработать в связи с чудовищной разницей в росте, весе, а главное — силе! — противников. Циклоп отмахнулся от кулаков британца как от назойливых мух и, отпихнув Саймона к стене, обхватил того обеими ладонями за голову.

Саймон попытался вцепиться в запястья Вольфа и постараться если не оторвать ручищи великана от головы, то по крайней мере хотя бы ослабить захват. Но он так и не смог схватиться за его толстенные кисти, а только судорожно царапал те ногтями…

Сквозь висевшую перед глазами кровавую пелену я, воя от беспомощности, видел, как погибал последний из моих бойцов — человек, прослуживший под моим командованием шесть лет, поддержавший мой поступок и, бесспорно, имеющий право считаться для меня настоящим боевым товарищем.

Шея Саймона, свернутая Циклопом одним резким рывком, глухо хрустнула, а руки его, прекратив бесплодные попытки разжать Циклоповы пальцы, вяло обвисли вдоль задрожавшего в агонии тела…

Не помню, что орал я в тот момент и какими проклятиями угрожал, лежа на полу с ножом у горла. Кровь из носа заливала мне рот и стекала на шею, а в глазах стояли слезы, выступившие и от ослепляющей боли, и от горя, но прежде всего от внезапно охватившего меня чувства такого безысходного одиночества, о котором я читал, пожалуй, лишь у Дефо в его «Робинзоне Крузо». Никого не было рядом со мной и никто уже не мог спасти меня от ожидаемой в скором времени страшной кончины…

Вольф отшвырнул бездыханное тело Саймона с неестественно развернутой головой словно детскую тряпичную куклу, а затем подошел ко мне и остановился напротив.

— И из за этого ничтожества мы кормим здесь комаров уже вторую неделю? — прогудел великан и распорядился брату Николасу: — Забери у него пистолеты и дуй к брату Бернарду. Скажи: дело сделано; Бегущий Мертвец взят и выходит к нему…

Николас шустро обшмонал меня с ног до головы, отобрав «близнецов», магазины, нож и кое какую мелочь из карманов. Дождавшись, пока он скроется, Циклоп, очевидно, желая лично представить командиру плененного отступника, заграбастал ворот моего плаща и, не обращая внимания на то, что весил я ни много ни мало около девяноста килограммов, поволок по грязным полам к выходу.

Так что, в отличие от Проклятого Иуды, выйти к своим палачам с гордо поднятой головой Эрику Хенриксону, или как теперь его величали — Бегущему Мертвецу, — не довелось. Тусклым был облик бывшего командира отряда на фоне яркой фигуры бывшего Апостола, да и кровавые братоубийства этого изменника лишали его права даже на элементарное достоинство. Обидно, но что поделаешь…

Часть 10

29

"— Это еще не все, — добавил Сильвер. — Он, клянусь громом, тот самый мальчишка, который вытащил карту из сундука Билли Бонса! Наконец то Джим Хокинс попал нам в руки!

— Пустить ему кровь! — крикнул Морган и выругался".

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

Да, слово Бернарда Уильямса вновь оказалось тверже стали и выброшено было отнюдь не на ветер (за исключением, конечно, того обещания Жан Пьеру в отношении его детей, но тут Бернард сам выступал в роли жертвы Пророка, а потому этот досадный для него инцидент в расчет можно не брать). Он поклялся взять Проклятого Иуду — он его взял; он поклялся изловить Бегущего Мертвеца и он изловил негодяя целым и практически невредимым…

Я стоял, попирая коленями растрескавшийся от времени асфальт сразу за главной казармой — там, где поначалу был спрятан наш резервный «хантер». Второй же — тот, который блокировал проезд — был отбуксирован Охотниками к обрушенному хозблоку и чем-то сейчас напоминал меня: побитый, помятый, таскаемый туда сюда, но свою задачу по задержанию Мясника выполнивший.

Руки мои находились сцепленными на затылке. Их никто и не подумал связывать, поскольку оружия меня лишили, а противопоставить пару кулаков множеству глядящих на тебя разнокалиберных стволов было, конечно же, полным безумием.

«Эх, хорошо-то как! — думал я, подставляя лицо под последнее в этом году яркое, но, правда, уже холодное, сентябрьское солнышко. — Где мне еще предстоит насладиться такой прекрасной погодкой? Подвалы Главного магистрата сыры и промозглы, а потому, Бернард, будь другом: потяни волынку подольше и не прерывай для меня это бесподобное блаженство…»

Слегка портил мне прощание с белым светом переломанный нос, ставший теперь фиолетовым и распухшим настолько, что при желании его можно было потрогать нижней губой.

Виновник сего членовредительства возвышался неподалеку. Весь облик гиганта невольно наводил на мысли о том, что, окажись этот зверь на месте своего тупого древнегреческого тезки да столкнись вместо него с блудным царем маленькой Итаки, то «Одиссея» Гомера получилась бы в три раза короче и не с таким жизнеутверждающим финалом.

Сам же Мясник прохаживался передо мной, заложив пальцы за ремень, и, раз за разом заслоняя от меня вожделенное солнце, излучал удовольствие от проделанной работы. Да и как было не радоваться — отступник вновь угодил в его руки живым и готовым упасть в гостеприимные объятия ордена Инквизиции.

— …А ведь когда-то ты именовался гордо — Стрелок! А теперь? Бегущий Мертвец! И тебе самому не противно? — укорял меня мистер Уильямс тоном сердитого родителя, застукавшего своего отпрыска подсматривающим в окна женской бани. — Кстати, скажи спасибо за это имя тем четырем кабальерос. Это они окрестили тебя так, поскольку ни на грамм не сомневались, что рано или поздно я схвачу убийцу их командира…

Четверо бойцов — все, что осталось от некогда грозного отряда Карлоса Гонсалеса, — сбились в кучу и исподлобья глядели на меня. Будь их воля, они немедля выпустили бы мне кишки, однако незыблемый авторитет главнокомандующего охлаждал пыл горячих «пикадоров» не менее горячего при жизни Матадора. Теперь же сарагосец являл собой холодный и изрешеченный моими пулями труп, за что очень скоро мне также предстояло отвечать.

С момента появления последних «сант роверов», принадлежащих, как выяснилось, Прибалтийскому отряду, прибыл еще только один — как раз именно с этими вышеупомянутыми «кабальерос». Но со слов Бернарда я понял, что-тот намерен дождаться всю свою многочисленную команду, выстроить ее, гордо продемонстрировать лично устраненную причину для беспокойства, а затем, выразив всем глубокую благодарность, разъехаться по местам постоянной дислокации.

— Ну что, предатель, — поглядывая на окружавших его бойцов, продолжал глумиться Мясник, — может, расскажешь бывшим братьям о том, как такой отличный командир отряда выродился в столь мерзкое богоненавистническое чудовище? Поведай ка нам, как Иуда промыл

тебе мозги и, притворившись, что умирает, вынудил принять у него исповедь, тем самым скрепив договор между тобой и Дьяволом. Как ты помог покончить ему жизнь самоубийством, заставив сымитировать нападение на магистра Аврелия. Как поддался чарам рыжей ведьмы, по ее наущению прикончил брата Карлоса и его бойцов, после чего сбежал вместе с ней и Иудиными выродками…

При этих словах главнокомандующего «осколки» Пятого отряда загалдели и замахали руками, но тут же примолкли, встретив недовольный взгляд моего «проповедника».

— И в довершение ко всему ты — еретик и Каиново отродье — не без помощи той же ведьмы умудрился совратить четверых бойцов вверенного тебе подразделения, посеяв в их душах греховные семена неповиновения! — сказав это, Мясник сделал паузу, давая братьям переварить услышанное, а затем вновь продолжил: — Но видишь, как все обернулось: ведьма сбежала к русским — впрочем, там ей и место, у безбожников! — а тебя бросила как картофельную шелуху… Вот так, мистер Хенриксон, бывает с каждым, кто отвергает строгие, но непоколебимые чертоги Создателя в обмен на безбрежные, но призрачные алмазные россыпи Преисподней!

Я благоразумно молчал, опасаясь, что брякну что -нибудь не в струю и получу по больному носу, тем самым испортив себе любование дивной красоты пейзажем: зеленовато прозрачная водная гладь северного кратера в обрамлении покрытого лесистыми холмами левого берега святоевропейского и теряющегося в туманной дымке правого — российского. А поверх всего этого купол безоблачного голубого осеннего неба…

И все же, несмотря на все усилия, моя ироничная натура не выдержала:

— Истинно так, мистер Уильямс! Все до последнего вашего слова — истинно! — глядя сквозь Мясника на озаряемые полуденным солнцем просторы, пробубнил я неродным из за перебитого носа голосом. — Но та часть, где я науськиваю Иуду на убийство Аврелия, бесспорно, истеннее всех остальных!

Мясник пристально посмотрел на меня и незаметно — одними краями губ — улыбнулся. Мы с ним сейчас прекрасно понимали друг друга: я знал, что он лжет, и он знал, что я знаю это. Но другие братья, разумеется, верили официальной версии событий, а потому

главнокомандующий как бы по хорошему (пока по хорошему!) просил меня не выдавать нашей общей тайны. «Молчи и не перебивай, а иначе!..» — означала эта многозначительная улыбка Бернарда.

Я тоже улыбнулся ему в ответ и великодушно примолк, но не ради нашей старой дружбы, а ради своей шкуры, после вновь обратился к созерцанию красот природы.

— Это хорошо, что ты согласен со мной, — двусмысленно проговорил Бернард, все еще не сводя с меня цепкого взгляда. — Это хорошо… Тем самым ты облегчаешь свою участь. Хоть ненамного, но облегчаешь…

Возле стены главной казармы прибалтийцы опустили вынесенные оттуда два мертвых тела. Одно принадлежало Вацлаву, погибшему, как он и пожелал с оружием в руках. Вторым был проигравший свой последний поединок Саймон. Отсутствие среди убитых магистра Конрада говорило о том, что коротышка либо где-то схоронился, либо под прикрытием неровностей рельефа слинял таки на манивший его в последнее время восток. Однако тот факт, что Конрад не вышел на контакт с Бернардом, являлся убедительным доказательством искренности его намерений порвать с орденом Инквизиции.

Я рассеянно наблюдал, как чайки охотятся за рыбой, совершая над водой невероятные кульбиты, когда вдруг почувствовал охватившее мою стражу оживление.

— Нет, ну сегодня на редкость удачный день! — промолвил Мясник, осматривающий до этого тела моих бойцов. — Сначала Господь прояснил мне рассудок, не дав купиться на уловку Бегущего Мертвеца, затем подарил мне его самого, а теперь — на сладкое — подбросил еще парочку незаплесневелых отступнических экземпляров! Прямо не знаю, как его и отблагодарить!..

— Поцелуй меня в задницу, он посмеется, и вы будете квиты! — раздался за моей спиной голос, услыхав который я едва не завопил от радости, хотя в нашем положении радоваться тому, что жив, было попросту глупо…

Михаила бросили на асфальт чуть поодаль от меня. На колени его ставить не попытались, да это бы и не получилось — одна нога у русского была вывернута в области голени неестественным образом, что явно указывало на тяжелейший перелом. Едва только Михаил очутился на земле, как сразу взвыл от нечеловеческой боли, поскольку

любое перемещение для него сейчас было сопряжено с адскими страданиями.

В отличие от Михаила, Гюнтер выглядел гораздо менее пострадавшим, если не считать того, что голову его украшала большая кровоточащая ссадина, а сам он, аккуратно положенный подле русского шестью дюжими прибалтийцами, пребывал без сознания. Бойцы Таллинского магистрата не стали проверять, что будет, когда гигант очнется, и потому надежно скрутили его конечности крепкими веревками.

Перевернувшись на бок и немного придя в себя, Михаил наконец-то обратил внимание на меня.

— Привет, безрогий викинг! — произнес он и, несмотря на терзающую его боль, улыбнулся. — Значит, тоже не повезло умереть?

— Не повезло, — согласился я. — Так что Саймон и Вацлав, можно сказать, счастливчики.

— Как погиб британец? — поинтересовался Михаил. Вместо ответа я скосил глаза влево, где маячил присматривающий за нашими бесценными головами Циклоп.

— Свернул шею… — добавил я для ясности.

— Штопор тоже он тебе загнул? — Я кивнул.

— Хм, фиолетовый цвет тебе к лицу… А я, вот видишь, подпорку себе надломил. — вздохнул Михаил. — Германцу, так-тому лишь краем балки по голове зацепило, но что для него какая-то балка, верно?

Я кисло ухмыльнулся — русский и на Страшном Суде не устоит от соблазна перед тем, чтобы не обсмеять какого -нибудь сфальшивившего на трубе архангела…

— Отскочила от его головы, аж звон как от колокола пошел! А я, тюфяк медлительный, убежать не успел, вот она мне по лапе и сыграла… Только мало мальски оклемался, глядь — а ко мне уже эти козлы копыта свои тянут…

— Думал, вас там как виноград поразмазало, — признался я. — Звал, звал —никто не отвечает…

— Кончай трепаться! — завидев приближающегося Бернарда, рыкнул Циклоп и ткнул прикладом автомата мне между лопаток. Я не ожидал удара, потому не удержался на затекших ногах и брякнулся лицом вниз, едва успев выставить перед собой руки.

— Поаккуратнее, брат Вольф! — предупредил заместителя Мясник. — Прекрасно понимаю, что вы по отношению к ним чувствуете. Но будет лучше, если мы доставим Мертвеца в Ватикан в полной сохранности, коли уж Господь щедростью своей даровал нам его живым. Надеюсь, вы не забыли: магистр Аврелий говорил, что у усатого в рукаве нож!..

— Помним. Изъяли. Именно там и был, — лаконично отрапортовал Вольф и как бы между прочим дополнил: — И еще четыре туза от карточной колоды…

По тому, как стали многозначительно переглядываться бойцы Первого, я догадался, что кое кто из них тогда — на побережье — наверняка успел пасть жертвой этих четырех тузов…

— Мистер Уильямс, а почему же сразу в Ватикан? — ехидно полюбопытствовал я, а сам при этом рискнул таки медленно подняться на ноги, дабы вернуть тем кровообращение и надеясь, что это не будет истолковано как попытка к сопротивлению. — Неужто магистр Аврелий брезгует лично поработать над моей душой? Чем я, интересно, хуже Иуды? Нет, я не против, но просто обидно как-то…

— Скажи спасибо своему мертвому благодетелю — плечо магистра Аврелия воспалилось, и он был отправлен в столицу, — любезно проинформировал меня главнокомандующий, ничего не имея против того, что я стою на ногах и разминаю затекшие конечности. — Но он пообещал добиться для себя разрешения у Апостола Инквизиции участвовать в твоем дознании, так что не расстраивайся — ты с ним скоро увидишься. Как, впрочем, и твой русский друг, с которым у его чести особые счеты… Да, кстати, переломанный: куда вы выбросили труп убитого вами дьякона Джерома?

— Побойся своего горячо любимого Бога, Берни, и не наводи напраслину на мои обожженные усы! Уж кого кого, но карапуза мы не трогали! — возмутился было Михаил, но сразу же перешел на вымученный смех. — Знаете, что: вам надо было его по свежей просеке поискать да по следам экскрементов! Но навряд ли бы вы его поймали. Учитывая стартовую скорость дьякона, к утру этот кабанчик должен был форсировать Луару…

Бернард взъерошил свой пепельный «ежик» и тоже вяло хмыкнул:

— Еще один, значит… Ну за этим я, хоть расстреляйте, не побегу, — а затем уже более миролюбиво подытожил: — Да, поганцы,

понаделали вы дел себе и мне на удовольствие. Куда вообще смотрел особый отдел? Это ж надо: поставить командовать отрядом сразу двух потомков вонючих иммигрантов — скандинава и русского! Кто вообще открыл этим нациям дорогу в Корпус? Ну ничего, сейчас начнутся чистки, проверки, расследования… Мно о го голов полетит!..

Я осмотрелся по сторонам и, ловя настороженные взгляды погрустневших бойцов Мясника (еще бы, такая трагедия — попасть под четыре туза русского как слепым котятам!), медленно опустился на асфальт, только теперь позволил себе усесться на мягкое место, а не принимать унизительную коленопреклоненную стойку. Было видно, что многие Охотники против этого, но поскольку их командир не возражал, само собой, воздержались от возражений и они.

За ту минуту, что провел я на ногах, мне довелось испытать одно из самых сильных искушений в жизни. Я превосходно понимал, что если решусь покончить с собой, бросившись на Мясника с кулаками, никто меня убивать не станет. Это безрассудство подарит мне только лишние синяки да поломанные кости, но не более. Однако, будь в моих руках оружие, попытка самоубийства могла бы иметь весьма реальный успех.

И я знал, где достать то, что мне было нужно. Мало того — оружие это еще полтора часа назад принадлежало мне по полному праву — два изъятых у меня «глока» близнеца вместе с полудюжиной магазинов и ножом покоились на капоте разбитого «хантера». Очевидно, обрадованный моей поимкой Николас бросил их туда после своего триумфального доклада об успехах операции.

Легкие и удобные пистолеты настолько успели сродниться с моими ладонями, что казалось, будто линии на них уже протерли борозды в матово сером пластике пистолетных рукояток. Пистолеты лежали под ярким солнцем, и хоть и являлись бездушными вещами, но упрямо манили меня к себе, предлагая воспользоваться ими в последний раз…

Все, что от меня требовалось, так это совершить отчаянный двадцатиметровый рывок, схватить хотя бы один «глок», а затем методично расстрелять его магазин по Охотникам. Я был абсолютно уверен, что после этого все они откроют ответный огонь чисто непроизвольно…

Но недолго подобная мысль повелевала моим рассудком: слишком много людей стояло на пути к заветной цели, слишком много… Эх, если бы что-то отвлекло их внимание и тогда…

Так что пришлось оставить призрачные надежды и, покорно склонив голову, готовиться к худшему…

Протяжно застонав, пришел в себя Гюнтер. Он заставил не на шутку поволноваться своих охранников, когда совершил несколько рывков, прежде чем понять, что крепко связан. Германец обвел всех вокруг себя воспаленными глазами, не делая, по моему, никакой разницы между мной, Михаилом и Охотниками, а после чего смачно выругался на рублено резком родном языке.

— И тебе привет, человек домкрат! — ответил ему Михаил. — Как видишь, чертов пессимист, я проспорил тебе выпивку. Ну ничего, как прибудем в Ватикан, так сразу тебя и угощу…

Гюнтер оценил мрачную шутку русского повторным, еще более продолжительным ругательством, насколько я был знаком с германским, обращенным уже непосредственно к нему.

Я перестал чему-то удивляться в этой жизни после того, как сам всего за одну ночь порвал со всем своим славным прошлым, имевшим солидный фундамент из заслуг перед Пророком и неплохие перспективы на будущее.

Мой поступок был полностью объясним для меня и для моих друзей, но, по мнению остальных бывших моих братьев, уж больно попахивал элементарным сумасшествием.

Так и в случае с магистром Конрадом. То, что иногда вытворял этот маленький, но далеко не глупый и отнюдь не трусливый человечек, плохо укладывалось у меня в голове. Для него же самого подобные выкрутасы считались вполне в порядке вещей…

Я начал было думать, что его честь уже на полпути к Петербургу, когда над заставой раздался его старавшийся казаться неимоверно грозным голос:

— Бернард Уильямс! К тебе обращается магистр Конрад фон Циммер, потомственный инквизитор во втором поколении! Как ныне действующий член ордена Инквизиции, советую тебе немедленно и беспрекословно исполнить все мои требования!

Мясник, который в этот момент утолял жажду из жестяной фляжки, аж поперхнулся, прыснув водой на лобовое стекло стоявшего

перед ним «хантера». Головы всех братьев тут же принялись вертеться по сторонам, ища автора этих невиданных по смелости заявлений…

— Так вот, слушайте внимательно: я требую тотчас же отпустить Эрика Хенриксона и двух его друзей, а тебе самому покинуть территорию суверенного Российского государства! Эрик — политический эмигрант, а ты со своей бандой пересек государственную границу и потому находишься здесь незаконно! Своими действиями ты создаешь дополнительную напряженность в и так непростых отношениях между нашими странами!

Наконец вестник строгой буквы международного права был обнаружен. Взобравшись на крышу казармы, черт его знает где скрывавшийся до этого коротышка балансировал почти на краю карниза, уцепившись обеими руками за стропилину. Оттуда он и пытался стращать Бернарда ухудшением внешнеполитической обстановки, на которую тому, сказать по правде, было абсолютно начхать.

— О чем таком вы говорите, ваша честь? — Приставив ладонь ко лбу козырьком, Бернард разглядел наконец маячившего сверху магистра. — Вы, случаем, не заболели на голову (в этом вопросе мое мнение и мнение Мясника полностью совпали)? Спускайтесь вниз, незадачливое Господнее творение — мы скоро едем домой. Там вас подлечат и отправят в длительный отпуск, а если это не поможет, то и в отставку. Святая Матерь Божия, да что это на вас надето?!

— Ты плохо расслышал меня, бесстыжие твои глаза?! — Возвращением в Ватикан Конрада обрадовать было уже нельзя. — Последний раз повторяю — катитесь отсюда! Пограничная черта Святой Европы на полкилометра западнее! Неверишь — загляни в карту или Таллинскую Пограничную Конвенцию!..

— Точно сбрендил! — проконстатировал Бернард. — Братья, вы только посмотрите, во что он наряжен…

Бойцы вслед за командиром тоже позадирали головы вверх, с ухмылками наблюдая за разгоравшимся представлением. Даже наша пленная троица отошла для них вроде как на второй план…

В моей голове снова занозой принялось нарывать острое желание прорваться к пистолетам, пока наш Черпак нес с крыши свою ахинею. Я сконцентрировался на этой мысли и даже подтянул поближе пятки, готовясь вскочить на ноги. Однако по прежнему меня останавливало

слишком большое количество народа, толпившееся возле моих «близнецов»…

Было заранее ясно, что благородная попытка Конрада прийти на выручку друзьям потерпит неудачу. Я искренне сочувствовал ему — как не претило коротышке возвращаться обратно в Божественную Цитадель, но теперь, хочешь — не хочешь, а придется смириться с этим.

— Нет, я вообще к кому обращаюсь? — упорно продолжал настаивать Конрад на соблюдении Бернардом закона. Сначала вы, разлюбезнейший мерзавец, злостным образом игнорируете мой приказ на пароме и чуть меня не убиваете, а теперь и вовсе докатились до грубейшего нарушения Таллинской Конвенции! Последний раз предупреждаю: оставьте политэмигрантов в покое и возвращайтесь туда, откуда пришли!

— На пароме, ваша честь, того требовала ситуация, а здесь… — Мясника уже не забавляли угрозы коротышки, а постепенно начинали выводить из себя. — Какого черта я вообще расстилаюсь перед вами?! Вы, кажется, перегрелись на солнце! Стойте там и не двигайтесь; сейчас вас снимут!

Я посчитал своим долгом загодя отвести от Конрада все подозрения и, насколько возможно, помочь ему:

— Мистер Уильямес послушайте меня! Будьте с Конрадом обходительны и не бейте его — он и впрямь тяжело болен. Мы слегка попытали его на предмет кое какой информации, и нервы магистра не выдержали. Его честь нуждается в серьезном лечении…

— Не будь ты отступником, мистер Хенриксон, я бы просто пожал тебе за это руку, — не спуская прищуренных глаз с глашатая таллинских договоренностей, процедил в ответ Мясник. — Ну почему вы просто не прикончили его?

Ничего ответить на это я не успел, поскольку события вдруг начали сменять друг друга настолько стремительно, что не иначе, как подарком судьбы я это назвать не могу…

— Ну что ж, прекрасно! — крикнул его честь. — Я почему-то знал, что вы, милейшие негодяи, меня не послушаетесь, а посему пожните бурю! Сами напросились!

Ни я, ни тем более Бернард никак не могли и предположить, что Конрад воспримет отказ Охотников покинуть российскую территорию

настолько болезненно. Магистр нагнулся за стропильную балку, а когда вновь выпрямился, то в руках его уже находился прибереженный им как раз для подобного случая неоспоримый аргумент. Тот аргумент, который он еще недавно примерял на себя и которого Вольф лишил бедного Саймона перед тем, как свернуть ему шею.

К несчастью для всех них, Циклоп и Николас так спешили преподнести меня Мяснику, что совершенно забыли о брошенном на месте моего пленения пулемете «хеклер кох 21», в запасе у которого еще оставались две или три ленты с патронами. Как выяснилось впоследствии, коротышка затаился в каком-то укромном уголке, переждал, пока меня вместе с телом Саймона выволокут наружу, а затем вернулся в нашу комнату и случайно обнаружил то, что я так несправедливо отобрал у него перед боем.

И вот, имея на руках столь убедительный козырь, его честь счел своим долгом вмешаться в нашу судьбу, тем самым доказав, что, называясь моим другом, он не впустую бросался громкими словами. Разобравшись таки с мудреным для него устройством лентоприемника, Конрад снова преобразился в жестокого карателя, только на этот раз пребывая в не замутненном кагором кристально трезвом состоянии рассудка.

Подобно ветхозаветному ангелу истребителю, излившему потоки серы на Содом и Гоморру, магистр обрушил на головы ослушавшихся его Охотников рой свинцовых ос, жужжание которых заменил пулеметный грохот…

Скажу сразу: несмотря на то, что в руках Конрада имелось достаточно грозное оружие, сразить наповал ему удалось лишь двух прибалтийцев, которые попали под первые, еще более менее прицельные, выстрелы. А далее мощная отдача (о чем я своего малорослого друга настоятельно и предупреждал!) подбросила пулемет вверх, и не привыкшему к такой убийственной машине магистру уже невозможно было контролировать стрельбу. Ствол его оружия загулял в разные стороны, словно полотнище стяга под порывами переменного ветра…

Охотников крепко вдалбливаемый в них годами инстинкт самосохранения заставил немедленно искать себе укрытие, что в ограниченном пространстве двора сделать было довольно непросто. Сам главнокомандующий и тот одним прыжком перелетел через капот

«сант ровера» и притаился за ним, опередив даже молодого Николаса. Однако по долгу службы Бернарду приходилось заботиться не только о себе, но и о вверенных ему людях, а потому, едва очутившись в безопасности, он заорал во все горло:

— Куда, трусливые ублюдки?! Оттащите пленников! Спасайте их, черт бы вас!

Рисковать головой ради жизней каких-то еретиков поначалу никто и не подумал, поэтому данный приказ после первого его озвучания добровольцев так и не выявил. Братья находились в замешательстве: кто нашел себе укрытие, кивали на тех, кому сделать этого еще не удалось, а они, в свою очередь, разрывались между нежеланием лезть под пули и не менее сильным нежеланием проявить нерасторопность перед лицом командира…

Я понял, что другого момента обратить в реальность несбыточные мечты мне больше не предоставят. Через полминуты лента у Конрада закончится, и он станет покойником, но что будет для него самое обидное (в последние мгновения жизни, конечно), так это напрасная попытка совершить ради нас — его «лучших друзей» — столь героическую акцию. И потому мне разочаровывать моего заступника никак было нельзя — вскочив на ноги и буквально кожей чувствуя обратившиеся на меня взгляды Гюнтера и Михаила, я что есть духу кинулся к заветному «хантеру»…

Уложив так и не успевших ничего сообразить двух бойцов Прибалтийского отряда, его честь резанул очередью как раз по тому разбитому внедорожнику, на капоте которого и лежали мои «близнецы». Охотники, толпившиеся там, рассеялись в считанные секунды, тем самым полностью очистив мне дорогу.

— Держи!!! — полетел мне вслед яростный вопль Бернарда, внезапно осознавшего, что пленник не просто спасает свою шкуру, а задумал нечто очень недоброе. — Держи Мертвеца— уходит!!!

Пули Конрада шли уже поверху и рыхлили землю где-то в районе восточной караульной будки, возле которой и получил смертельное ранение Вацлав. Но я все еще продолжал опасаться, что рука Конрада с пулеметом дрогнет и его очередь не даст мне осуществить задуманное. Так что приходилось торопиться, раз уж дерзнул изменить свое будущее с более длинного и мучительного на совсем короткое и менее позорное.

Ранее всех отреагировал на окрик Мясника один из людей покойного Гонсалеса. Он еще не залег за укрытие, а потому развернулся и не мешкая рванул мне наперерез.

Не снижая темпа, я резко выбросил вперед левую ногу и, оттолкнувшись правой, зарядил выбежавшему навстречу Охотнику носком ботинка точно в солнечное сплетение. Получив такой серьезный удар, тот с придыханием ухнул, а после, не удержавшись на ногах, влепился спиной в крыло стоявшего за ним «хантера»…

Пулемет Конрада умолк именно тогда, когда обе рукояти «глоков» удобно легли мне в ладони. Взводить «близнецов» не потребовалось — это уже было сделано мной перед началом нашего недавнего сражения. Щелчок предохранителями— выбор приоритетной цели — наводка, занимающая у стрелка моего класса доли секунды — огонь!..

Пятый отряд Карлоса Гонсалеса прекратил свое фактическое существование после того, как четыре его последних бойца бросились в ставшей для них фатальной атаку с целью скрутить получившего свободу Бегущего Мертвеца. На это мной было затрачено лишь восемь патронов…

— Мочи их, швед!!! — Ликующий вопль Михаила перекрыл все остальные крики — изумления, предостережения, дикой ярости… — Мочи седого!!! Мочи одноглазого!!! Мочи их всех!!!

Напутствие Михаила на все сто отражало мои дальнейшие планы. Сгребя в карман запасные магазины, я не стал было брать нож, но каким-то чисто непроизвольным движением вдруг схватил его и катнул по земле Михаилу — авось да и пригодится; ну а нет, так хоть погибнет не с пустыми руками.

— Прикончить Мертвеца! — наконец дошло до Мясника то, что пять секунд назад я открыл торги за свою жизнь, с ходу заломив умопомрачительную цену. — Живым разрешаю не брать! Стрелять на поражение!

А этого как раз я и не собирался дожидаться, стоя посреди двора с четырьмя магазинами в кармане и двумя в пистолетах. Потому пригнувшись и вжав голову в плечи, я со всех ног бросился из закрытого пространства туда, где, на мой взгляд, имелось превосходное поле для маневров…

30

"Все семьдесят пять не вернулись домой,

Они потонули в пучине морской…"

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

…Мой старый друг и наставник по Боевой Семинарии брат Анджей, которому я никакими словами не смогу выразить той благодарности, какую он заслуживал, любил частенько повторять: «Запомни, салага, у активной обороны всегда будет преимущество перед пассивной, если противник твой превосходит тебя в силе во много раз. Маневрируй, запутывай его, ставь в такое положение, когда он просто не сможет стрелять…» А после вновь и вновь этот отставной ветеран заставлял меня падать и кувыркаться на соломенных матах с тяжелыми «береттами» в руках; заставлял до тех пор, пока я не начинал едва дышать от усталости и отбитых внутренностей.

Тогда я люто ненавидел своего учителя с его садистскими методами преподавания, но как показала жизнь, чем больше раз ты ушибешься на учениях, тем меньше захочется тебе этого в реальной ситуации. И просто замечательно, что мне хватило терпения пройти до конца все стрелковые премудрости Анджея, впаявшиеся в мою голову, как выяснилось, гораздо крепче, чем догмы Святого Писания…

Присев за угол главной казармы, в который тут же ударило несколько пуль, я постарался вкратце обрисовать себе ситуацию: Бернард, Вольф, четверо их бойцов, двое из которых ранены, плюс шестеро прибалтийцев… Двенадцать к одному… Что ж, все лучше, чем еще минуту назад… Однако радоваться некогда; в первую очередь стоит позаботиться о том, чтобы не дать загнать себя в ловушку.

Долгое пребывание на этой позиции было нежелательным в связи с чрезмерной близостью противника, и я одной резвой перебежкой покинул ее, уходя в сторону тех укреплений, которыми пользовался Мясник при штурме казармы и склада. Очутившись наконец за толстой бетонной плитой, я почувствовал себя в большей безопасности, отчего тут же решил высунуть голову и осмотреться.

Конрад на крыше отсутствовал. Либо его честь затаился за карнизом, либо менял пулеметную ленту, либо… не хотелось даже и думать. Зато Охотники, подгоняемые главнокомандующим, прятаться и не собирались. Трое прибалтийцев, видимо, не проинструктированных насчет моей стрелковой репутации, неслись в полный рост к соседнему укрытию, дабы перекрыть мне пути вероятного отхода.

«Поспешишь — людей насмешишь!» — изрек однажды Михаил, когда, догоняя на «хантере» ушедший вперед отряд, мы врезались с ним в полную подводу навоза (до сих пор помню тот неизгладимый аромат рассыпанного везде, даже на крыше автомобиля, этого органического удобрения!). Выкатившись из за плиты, я методично всадил остаток магазина одного из «глоков» в двух бегущих первыми преследователей. Получив каждый по нескольку пуль, те буквально повалились друг на друга и уже навряд ли могли рассмешить кого-то в этой жизни.

Завидев такую картину, третий прибалтиец молниеносно плюхнулся в грязь, еще в падении начав стрелять из автомата. Пули ударили по тому месту, где я только что лежал, однако меня уже и след простыл. Совершив несколько перекатов, я очутился за пролетом ограждения немного раньше рвавшегося туда Охотника.

Он лежал, вжавшись в землю и стрелял по моему новому убежищу. А оно было получше предыдущего, поскольку позволяло встать в полный рост, что я и сделал.

Вместо того, чтобы как можно скорее отползти за укрытие, прибалтиец решил сначала поменять магазин, сам же при этом оставаясь открытым во всех направлениях, словно камбала на противне. Стоя попасть в лежащего противника проще всего, и я, высунув из за укрытия тот пистолет, магазин которого еще не была опустошенным, произвел четыре выстрела, чуть чуть приподнимая ствол после каждого из них.

Эта методика гарантированного попадания больше подходила к автоматическим винтовкам, но и в моем случае тоже сработала безупречно. Первая — пробная — пуля ударила в землю впереди копошившегося бойца, вторая взвила фонтанчик пыли уже гораздо ближе, а третья и четвертая впились соответственно в лоб и крестец незадачливого прибалтийца, составившего теперь компанию двум другим, живописно распластавшимся подле него.

Я перевел дыхание и сменил опустевшие магазины на полные (Анджей заставлял меня делать это в каждой паузе для отдыха, доводя технику подобных движений до непринужденности). Щелкнув затвором, я дослал патроны в патронники и приготовился к следующему раунду этого отнюдь не боксерского поединка.

До этого я лишь создавал видимость, будто удираю в сторону северного склона. Я знал, что противник пока не имеет возможности окружить меня, а просто направляется следом, перемещаясь подобно мне — короткими перебежками. Но удирать на самом деле было некуда (далеко ли убежишь по открытой местности на своих двоих от настигающего тебя внедорожника?) и потому, стараясь держать противника по возможности на расстоянии, я принялся понемногу забирать левее — туда, где различного рода естественных и искусственных укрытий располагалось больше всего.

Пули впивались в бетонные конструкции вокруг меня, звенели по каркасу упавшей вышки, вспарывали землю спереди и сзади… Переложив магазины в нагрудный карман куртки, я избавился от плаща, дабы тот не стеснял движений и не мешал передвигаться на корточках. Скинув его с плеч, я с удивлением обнаружил, что полы плаща были прострелены в трех местах, но на мне, к счастью, царапин пока не ощущалось.

До меня то и дело долетал голос Мясника, принимавшего в облаве самое непосредственное участие. Его коренастая фигура иногда была различима на расстоянии, а энергичные жесты направляли Охотников по наиболее оптимальным маршрутам. Но он находился вне досягаемости пистолетного выстрела, так что оставалось лишь сожалеть о малой дальнобойности моих «глоков».

— Он играет с вами! — Главнокомандующий, несомненно, знал наперед добрую половину моих уловок. — Не туда! Я сказал — не туда! Заходи правее! Эй вы, заснули, что ли? Шевелись! Загоняй его к воде!

Даже по обрывкам фраз Бернарда я слышал немалую его озлобленность, из которой следовало, что, поймай он меня живым, до встречи с Аврелием в полном здравии мне точно не сохраниться. Правда, на этот счет я особо не переживал— пустить себе пулю в висок я смогу, как только почувствую свой конец. Но о конце задумываться было пока рановато — Бегущий Мертвец снова бежал, однако являлся при этом далеко не мертвым…

А за спиной Бернарда Уильямса, как выяснилось позже, происходило также много интересного. Пока я играл с бойцами Первого и Прибалтийского отрядов в кошки мышки, брат Вольф взялся окончательно разрешить проблему с малорослым, но больно

грозным пулеметчиком. Гигант появился на чердаке исключительно своевременно — магистр Конрад уже заканчивал заряжать в лентоприемник очередную ленту. Не рискнув сворачивать члену ордена голову, он просто напросто оглушил коротышку легкой (по своим критериям легкости, разумеется) оплеухой и, взвалив обмякшее тельце недомерка на плечо, понес его к Бернарду: дескать, ты командир, а потому сам решай — казнить или миловать…

Но во дворе Циклопа уже поджидал пренеприятнейший сюрприз…

Не в правилах Михаила было отказываться от дармовых подарков, тем более прямо таки летящих ему в руки. Ловко изловив брошенный мной нож, он, однако, не стал бахвалиться им перед каждым встречным, а разумно припрятал тот в рукав, так сказать, «до лучших времен». Все это осталось для Охотников незамеченным, поскольку всем им было сейчас не до покалеченного одного и скрученного намертво второго пленников. Оба моих друга остались лежать посередине двора без охраны — весь личный состав Мясника, кроме усмирителя грозных магистров Циклопа, очертя голову кинулся на отлов рассвирепевшего от некорректного обращения Стрелка, или, если угодно — Мертвеца.

Михаилу страсть как не хотелось держать оружие без дела, но на расстоянии вытянутой руки, к сожалению, ни одного зазевавшегося врага не оказалось. И тогда Михаил предпринял единственно возможное в его положении — спустил с цепи лютого Зверя…

Подползя к рычащему и дико вращающему глазами Гюнтеру, русский разрезал веревки на его руках и ногах и, за неимением в арсенале ничего другого, передал нож ему. Германец издал боевой клич и вскочил с земли, горя лишь одним желанием — убивать.

В качестве первой жертвы нелегкая подсунула ему под руку брата Николаса, видимо, вернувшегося во двор за новыми автоматными магазинами. Николас намеревался было поднять тревогу, но из его глотки не успело вылететь ни звука. Одна рука подскочившего Гюнтера зажала Николасу рот, а вторая распластала ножом его горло от уха до уха, не перерезав разве что шейные позвонки. Пылающее ненавистью ко всем обидчикам воплощение языческих Богов Войны Ареса и Тора в одном лице обильно обагрило руки жертвенной кровью…

Циклоп появился во дворе с коротышкой на плече и замер при виде склоненного над практически обезглавленным Николасом Гюнтера. Пауза, во время которой гиганты смотрели друг на друга, продлилась лишь секунду, однако и тот, и другой поняли, что кому-то из них вот вот предстоит отправиться, как говаривал Кеннет О'Доннел, в Великое Никуда.

Гюнтер перехватил нож за клинок и размашистым движением метнул его в такую отличную мишень, по которой и слепой бы, владей он техникой метания режуще шанцевого инструмента, не промахнулся…

Он и не промахнулся. Но вот незадача: нож Гюнтера угодил не в сердце Циклопа (хотя изначально германец целил именно туда), а в нечто абсолютно иное, быть на том уровне никак не должное…

Лежавший поперек левого плеча Вольфа магистр Конрад, получив в задницу десять сантиметров заточенной стали, моментально пришел в себя и взвыл на все близлежащее пограничье…

Германец чертыхнулся: да, толстячок магистр не вызывал у него симпатий, но не настолько же, чтобы делать в его тыловой части лишнюю дырку! А Циклоп же, позабавленный столь смешным, на его взгляд, казусом, стряхнул пронзенного Конрада с плеча словно птичью какашку — легким мановением правой руки — и, видя, что утративший оружие противник все равно полон решимости сражаться, не спеша извлек из ножен свой явно сделанный на заказ полунож полутесак. Циклоп понимал — на этот раз ему достался оппонент, действительно способный на равных противостоять его немереной мощи. Двое бывших сослуживцев не сводя друг с друга свирепых взглядов медленно пошли на сближение…

Первая пуля зацепила мне плечо, когда я перебегал к очередному укрытию. И хотя задела она меня лишь вскользь, но выпущенная с довольно близкого расстояния, заставила таки споткнуться и упасть, не дав достигнуть намеченного убежища — караульной будки западных ворот гарнизона.

Крик ликования долетел до моих ушей откуда-то из за камней — тот, кто попал в меня, находился гораздо ближе, чем я предполагал.

«Лежи! — остановило мою попытку подняться немедленно что-то интуитивное. — Сейчас ты на мушке. Одно движение — и он пришпилит тебя к этим камням уже навечно…»

— Молодец, брат Робин! — Голос Мясника раздался отчетливее, чем раньше — вероятно, главнокомандующий двигался теперь вместе с основной группой. — Ну ка, добей его, боец! Пока Мертвец жив и с пистолетами, он опаснее самой ядовитой змеюки!

Я осторожно повернул голову и скосил глаза в сторону говоривших. С автоматом на изготовку Робин опасливо выходил из за укрытия, готовясь произвести контрольную очередь…

Робин был из тех, кого мы с Саймоном подранили во время нашего первого залпа из окон главной казармы. Его разрезанная на бедре штанина демонстрировала тугую, пропитанную кровью повязку, и даже из моего положения было заметно, с каким трудом давался ему каждый шаг. Припадая на больную ногу, Робин перевалил через кучу обломков и, то и дело осматривая почву у себя под ботинками, дабы не споткнуться, принялся неуверенно спускаться ко мне.

Я терпеливо дождался, пока взгляд его снова обратится от меня к грешной земле, а затем вытянул незадетую руку с пистолетом и произвел три выстрела.

«Восемь! Теперь их всего восемь!..» — стучало у меня в висках, когда я, стараясь не особо загребать раненой рукой, полз по пластунски в сторону караульной будки (я не знал, что уже не восемь, а семь — Гюнтер незадолго до этого расправился с Николасом).

И лишь только я перевалил через подоконник этого строения, как на том самом месте, где я так успешно притворялся мертвым, ударил разрыв ручной гранаты… Что ж, бернардовцы и так долго играли по моим правилам и вот теперь доходчиво намекали на то, что переходили на свои, более бескомпромиссные и суровые…

Великая битва Богов с Титанами (думаю, нет смысла разъяснять, кто в ней кем являлся) протекала бурно и яростно. Циклоп перебросил несколько раз тесак из руки в руку и на выдохе совершил стремительный выпад, не больно-то опасаясь невооруженного противника. Гюнтер уклонился поворотом корпуса, но широкое лезвие сумело таки прорезать на нем плащ, едва не зацепив ребра.

Являясь, по сути, универсальным, нож Вольфа мог с одинаковым успехом и колоть, и рубить, тем самым выгодно отличаясь от того же мачете брата Фернандо, которое не было приспособлено для колющих ударов из за утяжелительного расширения на конце своего лезвия. Циклоп предпочел не церемониться со взбунтовавшимся пленником, а

потому стал атаковать его всеми возможными способами, чередуя как выпады рапириста, так и диагональные — наиболее трудные для уклонения — рубящие удары саблиста. Все движения великана выдавали в нем умелого фехтовальщика: он не проваливал вес своего тела вперед и этим исключал возможность поймать себя на обезоруживающий прием. Да и существовал ли тот прием, которым можно было свалить этого человека монстра?

Плащ Гюнтера украшали все новые и новые порезы, где показалась кровь. Может, кто-то другой и пал бы духом от невозможности одолеть эту гигантскую мясорубку, но не наш германец. Вид собственной крови лишь усугубил и без того свирепый настрой Гюнтера, но все же не настолько, чтобы без оглядки бросаться на разящее лезвие ножа. Головой в бою он предпочитал прежде всего думать, а в качестве оружия использовал ее в исключительно редких случаях.

Быстрым движением сорвав с себя изрезанный плащ, Гюнтер зажал его в руках и принял позу испанского-тореадора, да и сходство с ним подчеркивали габариты противостоящего ему чудовищного врага.

Циклоп решил не обращать внимания на какой-то жалкий кусок кожаной тряпки и ринулся в очередную атаку, имевшую целью нанизать Гюнтера на нож, как рождественскую индейку на вертел…

…И самым унизительным образом для такой, как он, колоритной фигуры попался даже не на коварную, а скорее на по детски элементарную уловку. Гюнтер подцепил носком ботинка немного песка и швырнул его Циклопу в лицо, лягнув ногой словно большой разгневанный ребенок, изгоняемый сверстниками из песочницы. На руку германцу сыграло и то, что соперник его был лишен одного глаза. А дабы сберечь единственный, Вольф крепко зажмурил его и инстинктивно прикрылся рукавом плаща. Само собой, атака гиганта сорвалась…

Гюнтер напоминал разъяренную кошку, которая бросается на свирепого дворового пса, когда буквально в один шаг сократив расстояние до Циклопа, прыгнул на него и накинул ему поверх лысины плащ, а после этого, обхватив обернутую голову великана, повис на плаще всем телом. Вольф не удержал равновесия, но, падая, успел ударить тесаком наугад и пропорол германцу плечо. Однако Гюнтеру удалось поймать нож прямо за клинок, а затем, рассекая в

кровь ладонь, вывернуть оружие из руки Циклопа. Нож Вольфа мог бы теперь с успехом помочь германцу прикончить бывшего хозяина, но разрезанная до кости рука Гюнтера выронила тесак, не сумев удержать его ни секунды. И тогда, не раздумывая, германец обхватил толстенную шею Циклопа поверх накинутого плаща и принялся душить гиганта.

Вольф очутился в столь позорном положении, наверное, впервые в жизни. Он вырывался из захвата, перекатываясь с боку на бок и пытаясь если не сбросить, то хотя бы подмять под себя вцепившегося в него врага. У Гюнтера же от колоссального перенапряжения перекосило лицо, а на лбу и шее вздулись вены…

Несмотря на явное свое преимущество, Гюнтер ослабевал — сказывались многочисленные раны и особенно колотая в плечо, которая не давала германцу согнуть и сжать как следует левую руку. Хватка Гюнтера становилась все слабее и слабее. Еще минута, и противник вывернется из его смертельных объятий…

Я поздно понял, что совершил глупость, прельстившись таким добротным укрытием, как караульная будка. Под чутким руководством Мясника Охотники не мешкая взяли меня в полукольцо, оставив открытым тот сектор, который выходил на святоевропейский участок перешейка. Но вроде бы широкое поле для маневров Оказалось мнимой удачей, и вот почему: где-то на подходе уже были свежие силы, состоявшие, видимо, из нескольких объединившихся по дороге патрулей. У меня не имелось при себе рации, но можно было и так догадаться, что Мясник давно связался с ними и обрисовал ситуацию. А теперь, когда я так выгодно для себя, но, как оказалось, еще выгодней для Бернарда, засел между ним и его подкреплением, тому можно было и не лезть больше на рожон, а спокойно дожидаться, пока мышеловка захлопнется сама…

Еще две гранаты разорвались возле моего убежища: одна не долетела десяти метров и ухнула на безопасном расстоянии, а вторая стукнула о стену будки и, разорвавшись, заставила содрогнуться ее стены. Но спасший меня от осколков простенок, к счастью, выстоял.

«Значит, они уже совсем рядом, — оценил я свое незавидное положение. — Метрах в тридцати сорока…»

Наверное, потенциальным покойникам, как и дуракам, тоже сопутствует некоторое везение. Для меня оно выразилось в том, что я

отправил к Создателю еще одного преследователя и мало того — даже умудрился ранить самого Мясника!

Если по честному, то ранило его совершенно случайно. Я высунул нос из оконного проема и сразу же заметил шевеление по правому флангу. Через мгновение из за обломков вынырнул один из бернардовцев и замахнулся, намереваясь угостить меня очередным взрывоопасным «яблоком». Мне пришлось отказаться от такого щедрого дара и послать ему в ответ три девятимиллиметровые «горошины», тем более что близкая дистанция это позволяла. Вкусив их, Охотник замер с занесенной рукой, после чего пластом повалился назад и уронил гранату под ноги…

Бернард, как оказалось, находился неподалеку и, не успев отскочить, угодил под брызнувшие в разные стороны осколки. Он был невидим мне из за преграды, но я четко расслышал его хриплые сдавленные ругательства и стоны.

Известие о ранении главнокомандующего привело окружавших меня Охотников в неописуемую ярость. Очереди ударили одновременно со всех сторон и, благодаря этой плотности огня, сумели таки нанести мне кое какой ущерб.

Одна из пуль срикошетила от стены и ударила меня в левый бок. Ранение было, видимо, неглубокое, но заставило меня на какое-то время потерять сознание.

Когда я очнулся и, скрипя зубами, заставил себя взять пистолеты, то заметил в выходившее на заставу окно, как вверх по склону ковыляет повисший на шее помогающего ему бойца Мясник. Судя по опущенной на грудь голове и болтавшейся, как плеть, правой руке, Бернард чувствовал себя очень скверно, а потому один из братьев выводил его с поля боя для оказания медицинской помощи.

Тем не менее, несмотря на все вражеские потери, ловушка моя вовсе не стала менее опасной. По моим прикидкам, огонь велся из трех стволов с трех разных сторон, так что единственное направление, куда я мог еще убежать, было на запад, то есть прямиком в лапы приближавшихся патрулей.

Я вытащил из кармана последние два магазина и положил их рядом с собой. Что ж, прощальные гастроли Стрелка удались на славу: враг изрядно потрепан, его командир ранен — для достойной смерти большего и не надо… Значит, теперь настало время для выхода на

поклон под оглушительные свинцовые аплодисменты… Вот только обидно, что не получилось поквитаться за Саймона и за свой сломанный нос — сейчас-то Вольф уже не нарисуется пред моими очами, а будет с братьями держать меня в этой клетке до подхода подкрепления. Ну а затем нашпигует мое бренное тело свинцом из десятка стволов, словно пекарь сдобную булку изюмом. Проклятая одноглазая сволочь Циклоп, чтоб тебя разорвало, мерзавца двенадцатипудового!..

И, будто отвечая на мое пожелание со двора, откуда я и начал свой Вояж Обреченного, грянуло эхо гранатного разрыва…

Гюнтер, душивший Циклопа, чувствовал, что-тот через секунду вырвется. С запада Гюнтеру были слышны выстрелы и разрывы, говорившие о том, что я, по крайней мере, еще жив, а следовательно, продолжаю активное сопротивление.

Циклоп что-то мычал через наброшенный на голову плащ, но явно не молил о пощаде. Обхватив его шею, Гюнтер попытался крепче зацепиться ногами за торс гиганта, чтобы ни в коем случае не дать тому подняться с земли и тем самым лишить себя этого последнего преимущества. Внезапно ищущее куда бы упереться колено германца нащупало на поясе у противника нечто такое, что обычно не используют для поединков подобного рода. Однако Гюнтеру выбирать не приходилось: он медленно, но верно проигрывал, причем проигрывал не на кадетских соревнованиях, где призом всегда являлась внеочередная увольнительная…

Не имея лучшего решения, германец как алкоголик за дармовую стопку ухватился за то, что оставалось. Он выпустил шею Циклопа из объятий и, получивший свободу, гигант тут же попытался вскочить. Лишившись возможности удержать его, Гюнтер тем не менее уже напоследок уперся коленом ему между лопаток, а сам при этом, взявшись за рукава своего плаща, затянул те на затылке Вольфа прочным двойным узлом.

Циклоп вскочил наконец на ноги и сбросил германца со спины, который грохнулся в пыль тут же подле него. Одноглазый великан с туго завязанным на голове плащом был слеп словно трехдневный котенок, а потому, резонно опасаясь немедленной атаки противника, нанес наугад перед собой серию сокрушительных ударов руками и ногами.

Поднырнув под летающие туда сюда кулаки кувалды и уклонившись от таранообразного удара ногой, Гюнтер сократил дистанцию с Вольфом до расстояния вытянутой руки. Уже рассчитав в уме порядок дальнейших действий, он ухватился за брючный ремень Циклопа, нашарил на нем две пристегнутые гранаты и одновременно вырвалу обеих предохранительные чеки. А далее, не медля ни мгновения, что было духу кинулся прочь от ставшего взрывоопасным гиганта.

По пути германец прихватил за шиворот лежавшего здесь же подраненного Конрада. Пребывающий в шоке магистр однако нашел в себе силы высказать все, что он думает о меткости своего «косоглазого» друга.

Вольф так и не догадался о том, что случилось и, нанеся еще парочку ударов в пустоту, наконец-то сорвал с головы эту сооруженную Гюнтером злосчастную чалму. Первое, что он увидел, когда прозрел, и одновременно последнее, что ему довелось наблюдать в оставшейся жизни, были два рычажка задержки гранатных взрывателей, со звяканьем отскочившие от его пояса и означавшие лишь одно — взрыватели гранат только что сработали…

Именно их грохот и долетел до меня, лежавшего на осколках кирпича в караульной будке. Удвоенный по мощности взрыв разрубил Циклопа пополам аккурат на уровне поясницы. Верхняя половина его туловища взмыла в воздух, разбрасывая по двору кровавые ошметки внутренностей, а нижняя, состоявшая из двух столбообразных ног и обломка позвоночника, еще конвульсивно шагнула вперед, после чего замерла и плавно завалилась на бок. Человек, служивший правой рукой Бернарда Уильямса, отныне перестал существовать…

Разумеется, все случившееся во дворе я видеть не мог. Сквозь автоматные очереди окружавших меня Охотников до моих ушей долетел крик Михаила, но вместо боли в нем слышалось прямо таки животное ликование. «Надо же, они еще живы! —подумал я. — И вроде бы кого-то даже завалили!».

— Э э эри и ик, отзовись!!! — перейдя от радостных улюлюканий к связной речи, продолжал вопить Михаил. — Если жив, скажи, где ты есть, скандинавская твоя морда!

— Я в будке на западном въезде!!! — во всю мощь пересохшего горла издал я ответный вопль. — Пока дышу, но это ненадолго — меня

обложили!

— Сиди там и не высовывайся!!! — проорал Михаил и замолк, заставив меня додумывать, что он имел в виду: я ведь и так даже не сидел, а лежал, ну а если и высовывался, то лишь на миг другой.

Однако разгадка не заставила себя долго ждать — едва я решил в очередной раз проверить, не затевает ли мое окружение какой -либо гадости, как вдруг со стороны казармы раздался до боли знакомый мне лай пулемета. Но только сейчас его очереди, в отличие от беспорядочной какофонии Конрада, были короткими и носили явно прицельный характер.

— Черт те что творится! — буркнул я, рассудив было, что некогда наше оружие повернулось против меня. — Спасибо Михаилу, хоть предупредил!

Я понял, что ошибся, тогда, когда вокруг стало происходить что-то и вовсе необъяснимое. Один из Охотников, засевших слева, внезапно умолк и с его фланга больше не долетало ни звука. И хоть вражеская стрельба продолжалась, редко какая их пуля ударяла сейчас по моему убежищу!

Враг воевал с кем-то другим — это было очевидным. Вновь влекомый своим хроническим любопытством, я осмелел до такой степени, что высунул голову из окна и огляделся.

На той самой крыше, откуда не далее как пятнадцать минут назад отважный Конрад запустил нашу грызню по второму кругу, возвышалась теперь моментально узнанная мной плечистая фигура Гюнтера. В его мощных руках пулемет лежал словно в тисках, а потому никакой самодеятельности не допускал — все пули шли именно туда, куда требовалось. С высоты главной казармы (плюс двухметровый рост Гюнтера соответственно) окружавшая меня троица была видна как на ладони, так что уничтожение ее являлось для германца минутным делом…

Наконец по периметру осталась только одна отстреливающаяся по казарме огневая точка противника — справа от меня. Тот, кто удерживал мою осаду с фронта, хотел попытаться сменить позицию, но не успел и был уничтожен Гюнтером вслед за левофланговым.

Я по пояс высунулся в окно, через которое был не виден оставшемуся противнику, и помахал Гюнтеру рукой. Он поднял ладонь, давая понять, что-тоже заметил меня, после чего обвел ею

горизонт и прочертил большим пальцем по кадыку. Я догадался, что с его позиции уже наблюдалось подкрепление Мясника. В свою очередь, я продемонстрировал германцу такой же жест, потом ударил себя кулаком в грудь и указал направо. Ему не составило труда разгадать мои намерения…

Кто это был — прибалтиец или боец Бернарда, — я так никогда и не узнал. Он залег за бетонным блоком и опасливо поглядывал на казарму, когда я, держась за простреленный бок, подкрался сзади и, дождавшись, пока у него иссякнет магазин, хладнокровно выпустил ему в спину три пули. Охотник уронил голову на землю да так и остался в этом положении…

Еле перетаскивая ноги, я ковылял обратно к друзьям. Оба пистолета приходилось держать наготове, так как я понятия не имел, где затаился противник. По моим расчетам, должно было оставаться еще четверо (я исходил из худшего варианта: Гюнтер и Михаил, прежде чем завладеть пулеметом, никого не уничтожили).

Уже на подходе к казарме германец вышел мне навстречу и, хоть и сам был изранен ножом Циклопа, подхватил меня под руку, помогая шустрее шевелить ногами.

— Где Бернард и остальные? — первым делом спросил я, видя по уверенности Гюнтера, что он, кажется, знает больше меня.

— Вольф и Николас… в прошлом, — проговорил великан, и по голосу его чувствовалось, насколько же сильно он устал. — А Бернард… Он последовал за всеми ловить тебя и назад… не возвращался. Мы с русским подумали, что ты его…

— Нет, Мясник жив, хотя и серьезно ранен, — разочаровал я германца. — И он где-то здесь, со своим бойцом… Ты видел подкрепление?

— Да, и уже близко… Поторопимся, кажется, наш «хантер» уцелел… Конрад чудом не прострелил ему колеса…

— Как он сам? — вспомнил я внезапно о виновнике последнего побоища. — Не зацепило недомерка?

— Ну… в некотором роде… — великан виновато замялся. — Но жить будет — я гарантирую…

Я обеспокоенно озирался: проклятье, где же Мясник? Затаился в ожидании своих или что-то затевает?

Все таки затевал…

Я не могу сказать, сам ли он принял решение прорываться навстречу подкреплению или за него это сделал помогавший ему боец. Наверное, все же помощник, поскольку когда из за угла хозблока вылетел «сант ровер» прибалтийцев, голова сидевшего на переднем сиденье Бернарда болталась из стороны в сторону, словно шея его была изношенной пружиной. Навряд ли в таком состоянии главнокомандующий смог бы отдать какой -либо приказ

Гюнтер отпихнул меня и отпрыгнул сам, спасаясь от несущегося навстречу автомобиля. И заметь нас сидевший за рулем боец секундой ранее, он не мешкая размазал бы и меня, и Гюнтера по дороге, но время было упущено, а разворачиваться он уже не рискнул. Охотник гнал «сант ровер» на полной скорости — требовалось срочно эвакуировать тяжелораненого командира от непонятно каким образом одержавших победу врагов.

Охотник торопился, а потому усадил Бернарда в первый подвернувшийся под руку неповрежденный транспорт. Персональный же «хантер» Мясника стоял сейчас у выезда из двора и вряд ли годился для передвижения — еще в начале утреннего противостояния Саймон прострелил ему радиатор и передние колеса.

Очень надеясь, что педантичные бойцы Мясника вернули ту штуку, о которой мне вдруг вспомнилось, на место, я кое как доковылял до джипа главнокомандующего и сорвал с кузова тент.

Черная и плюющаяся смертью труба находилась в специальном деревянном коробе. Внутри ящика рядом с ее гнездом имелось еще пять поменьше, четыре из которых были пусты, а в последнем покоился темно зеленый цилиндр с ничего не говорящей мне маркировкой.

Я смутно помнил принцип работы «панцерфауста»: с этим нераспространенным вооружением нас знакомили лишь в теории. Но вся военная техника во все времена создавалась с тем расчетом, чтобы в ней всегда мог разобраться даже самый тупой боец, коих, по мнению конструкторов оружейников, в любой армии было большинство…

Выстрел я произвел с колена, так как стоять, не качаясь, в полный рост мне было довольно тяжело. Разорвавшийся в сантиметре от правого уха выталкивающий гранату пороховой заряд здорово оглушил меня и, задав болванке стартовую скорость, плюнул огнем из обоих отверстий трубы. Нацеленная мной на удалявшийся «сант

ровер» граната ринулась вдогонку, опережая тот по скорости в пятьдесят с лишним раз…

Мимо «сант ровера» я промахнулся на каких-то полметра: не вильни тот вбок, граната ударила бы его аккурат в задний борт. Но она — слепая, будто балующаяся с весами Фемида — продолжала свой прямолинейный полет и прошла мимо джипа со стороны водителя.

И все таки сгинуть в пучине южного кратера гранате не довелось. Стальная десятиметровая вышка — та самая, с которой глазастый Хорек заметил возвращавшегося Мясника — приняла на себя всю мощь этого бронебойного снаряда, хотя в качестве мишени я ее уж точно не выбирал. Вышка напоминала гигантскую треногу, заканчивавшуюся наверху маленькой площадкой. Граната как щепку перерубила ту из опор, которая выходила к дороге, даже не обратив внимания, что сделана она была из толстостенной, похожей на ствол гаубицы, трубы. С потерей третьей опорной точки многотонная конструкция сразу же изрядно перекосилась, а затем с характерным металлическим «стоном» рухнула на дорогу…

Не может быть, чтобы сидевший за рулем «сант ровера» Охотник не заметил стремительно опускавшийся перед ним колоссальный «шлагбаум». Неизвестно, на что он понадеялся, но только тормозить этот рисковый боец даже и не подумал…

Если снова обратиться к высказываниям моего лучшего друга Михаила, то по поводу подобного он говаривал следуюшее: «Знаешь, швед, каждый раз, когда передо мной стоит выбор, играть ли в „русскую рулетку“ или напиться вусмерть, я предпочитаю бутылку револьверу. Нет, конечно, голова будет болеть от обоих занятий, но только с похмелья она обычно не разбрасывается мозгами…»

В общем, как ни рассматривай мое отступничество, а в смерти командира Первого отряда Бернарда Уильямса я виновен. Но если судить по справедливости, то половину навешанных на меня «собак» по обвинению в убийстве Мясника следовало бы снять…

Рухнувшая дозорная вышка ударила по проезжавшему под ней «сант роверу» с такой силой, что его кабина была мгновенно расплющена. Колеса оторвались от лопнувших балок и рессор, а сам автомобиль по форме стал напоминать брикет растаявшего фарша с сочившимися из его рваных щелей жидкостями: бензина, воды, машинного масла, человеческой крови… Мяснику повезло, если он

пребывал без сознания и ничего не почувствовал, хотя при всем моем неоднозначном отношении к его мрачно легендарной личности, могу заявить открыто: как Охотник Бернард не заслуживал такого бесславного конца. Но и оставлять в живых злейшего врага было для меня верхом безрассудства…

— Разорви мою голову картечь! — произнес в наступившей тишине Гюнтер. — Я один из тех двоих, кто видел смерть Мясника! Да вознеси его на небо огненная колесница, я поверил бы в это куда быстрее!

— Бежим отсюда, старина! — поторопил я германца. — А не то вот вот узрим и свою кончину, чего мне сейчас почему-то хочется меньше всего на свете…

А поспешить и впрямь следовало. На перешеек уже въехало шесть или семь внедорожников, две или три машины шли вдоль берега и кто их знает сколько еще находилось на подступах к Глазам Дьявола.

Михаил ругался по черному, когда мы с Гюнтером, хоть и старались как можно бережнее, но все же грубовато запихали его на заднее сиденье резервного «хантера». Конрад в полуобмороке втиснулся рядом и занял довольно специфическое положение: стоя на коленях и не допуская касания поврежденным участком тела сиденья. Я чувствовал себя совсем дерьмово — ранение вызвало у меня сильнейший жар, сводящий судорогой все конечности. — потому Гюнтер не допустил меня за руль, а взгромоздился туда сам. Из всех нас германец был наиболее дееспособен, хотя и ему досталось…

Мысленно я умирал сегодня такое количество раз, что когда движок «хантера» почавкал, пофыркал, но так и не подчинился стартеру, уже не испытал никакого страха или суетливого беспокойства. Лишь сожаление, да вспыхнули перед внутренним взором яркие буквы, сложившись в одну един ственную горькую надпись: «Не судьба…»

Гюнтер вывалился наружу и попытался запустить двигатель вручную изогнутой рукояткой. Без толку…

— Эрик, будь другом, выслушай меня! — Михаил откинулся на спинку сиденья. — Я знаю: сейчас вы с германцем уйдете тратить последний боезапас, но прежде сделай мне одно одолжение — оставь какую -нибудь из твоих маленьких пукалок. Ту, где меньше всего патронов… Ты понимаешь, о чем я?

Я понимал, а потому, пораженный реальностью этого необходимого поступка, просто сидел и молчал. Русский абсолютно прав — для него такой выход будет наилучшим. Но вместо ответа я сначала обратился к Конраду:

— Ваша честь, все свидетели вашей попытки заступиться за нас мертвы. Идите к Охотникам — вы сделали все, что могли, и преогромное вам спасибо от всех нас, но в первую очередь от детей. Думаю, и в нашей стране вам еще повезет…

— Разлюбезнейшие вы мои, — еле слышно промолвил побледневший коротышка. — Да разве я не доказал, что воюю не хуже вас? А решение мое окончательное и бесповоротное: я с вами!

Спорить я не стал. Пусть поступает как хочет, это его право…

Гюнтер тем временем прекратил бесплодные попытки реанимировать издохший «хантер» и в сердцах запустил уже никчемную рукоятку в воды северного кратера, а после чего подошел ко мне и, усмехнувшись, поинтересовался:

— Ну что, покойнички, как насчет того, чтобы продолжить праздник… по новому?

Конрад демонстративно потер перед германцем больную ягодицу и, ни слова не говоря, стал выбираться из джипа. Я сел вполоборота к Михаилу и встретился с ним взглядами.

— Не прощайся, Эрик, — сказал он улыбнувшись, что в отличие от меня далось ему естественней. — Все равно скоро увидимся. Не тяни, давай обезболивающее…

Я извлек тот «глок», где оставалась еще треть магазина и, взяв его за ствол, протянул русскому. Кто бы мог подумать, что ему суждено погибнуть от моего оружия; я так даже и в мыслях подобного не допускал…

Михаил кивнул, одобряя мой поступок, а затем, подбросив в руке пистолет, удовлетворенно произнес:

— Благодарю, дружище… А сейчас оставьте нас с этой малышкой наедине — я хочу попробовать, как она умеет целоваться…

Послушно исполнив последнее пожелание Михаила, я покинул «хантер», опираясь на руку Гюнтера. Мне до умопомрачения хотелось выть и кататься по земле, но ни времени, ни сил на это уже не было…

Смерть прилетела за нами в странном обличье: огромная, черная и свистящая громче всех северных ветров вместе взятых. Она повисла

над нашими головами, размахивая гигантской косой с такой скоростью, что с поверхности двора взметнулись вверх облака песчаной пыли. Я не знаю, почему Смерть принято считать костлявой старухой — пол этого жуткого существа не определялся на глаз, — но даже будь оно женщиной, упитанность его в десятки раз превосходила объемы всех встречавшихся мне ранее толстушек.

Гюнтер что-то прокричал, указывая пальцем на грохочущее нечто, но я не расслышал ни слова. Все — буквально все| — заполонил собой оглушающий свист, не имевший ничего общего с архангельской трубой, да и кто вообще слыхал, как звучит эта пресловутая труба? Краем глаза я заметил, как ясные очи магистра Конрада закатились, коротышка хлопнулся в глубокий обморок, смешно раскинув толстенькие ножки. Впечатлений его чести сегодня и без того хватило с избытком…

Не выпуская уже взведенного для прощального «поцелуя» пистолета, Михаил тоже таращился в небеса через стекло джипа. Его отвисшая в немом удивлении челюсть весьма красноречиво намекала на то, что сейчас и есть один из тех редчайших: моментов, когда русскому просто нечего сказать.

Накрыв нас колоссальной тенью, Смерть пялилась на своих ничтожных рабов, отныне принадлежавших ей с потрохами. Я и сам едва дышал от накатившего ужаса, но вдруг — вот ведь треклятое любопытство! — во что бы то ни стало захотел взглянуть Смерти в глаза или в то, что могло ими являться: две выпуклые мутные полусферы над ничего не выражающей лоснящейся мордой…

…И заорал во все горло от того, что в них разглядел. В глазах у Смерти отражалась Кэтрин вместе со своим братом — Кэтрин, которую я отправил с детьми и байкерами к русским; к которой испытывал громадную симпатию и даже — теперь я знал абсолютно точно — нечто во много раз большее; ради которой в том числе сцепился здесь с оголтелой охотничьей сворой…

Значит, не успели, не добрались… Но как?! Почему?! Русские уничтожили их без суда и следствия?! За что?! А впрочем, это и неважно, раз уж холодное и равнодушное создание взяло сначала ее и Кеннета, а следом явилось за нами. Быть может, хоть Полю, Люси и Алену посчастливилось избежать внимания Ее Величества Смерти?

Хотелось бы верить, так как трудно вообразить, что это летающее проклятие способно на милосердие…

Кэтрин и Кеннет не смотрели на меня. Их обеспокоенные взгляды (странно, а говорят, что Смерть дарует покой?) были устремлены туда, откуда приближались объединенные бернардовские патрули. Приглядевшись получше, я ко всему прочему различил позади О'Доннелов еще несколько взятых Смертью грешных душ, но кто были эти несчастные, для меня оставалось тайной. Видать, у размахивающей косой (или даже косами?) летающей уродины выдался на редкость удачный денек.

Я покачнулся, готовясь последовать за Конрадом — явление летающей Смерти было чересчур для моего обескровленного организма. Однако бдительный Гюнтер подхватил меня под локоть и не дал пасть на колени перед какой-то омерзительной тварью (за что я был в тот момент ему искренне благодарен). Сам же германец взирал на Смерть с презрительным равнодушием. Так же, как он, бывало, взирал на Михаила, когда-тот начинал отпускать по отношению к нему колкости.

Странно, но мы чем-то не приглянулись свистящему монстру! Усилив шум, он взмыл выше и, задрав кривой хвост, стремительно понесся по направлению к уже въезжавшим на заставу автомобилям. Вцепившись в руку Гюнтера, я с недоумением проводил взглядом летающее существо, уносившее с собой прекрасный образ рыжеволосой ирландки. Но едва я собрался спросить германца о том, видел ли он что-то или Кэтрин лишь пригрезилась моим уставшим глазам, как тут в пронзительный свист удалявшегося чудовища вклинился еще один, но уже хорошо знакомый мне звук.

Такой звук мог издавать только Шестиствольный Свинцоплюй, будь он разве что калибром и габаритами раза в полтора поменьше. Здание главной казармы закрывало нам обзор, а потому мы с Гюнтером из последних сил доплелись до угла, дабы не пропустить разыгравшееся представление.

Несмотря на внешнюю неуклюжесть, принадлежавшая все таки к творениям рук человека (ибо где это видано, чтобы Смерть помимо косы пользовалась еще и скорострельным «вулканом»?) летающая машина оказалась весьма проворной. Траектория ее полета напоминала полет шмеля: резкие смены направлений;

головокружительные вращения по окружности; моментальные взлеты и снижения. Я ничего подобного в своей не такой уж и короткой жизни доселе не видывал.

То, что я поначалу принял у машины за уродливые лапы, на самом деле оказалось подвешенной скорострельной установкой и, по всей видимости, неким многозарядным гранатометом. Совершая свои немыслимые акробатические номера, летающая машина ко всему прочему еще и умудрялась вести огонь, и надо заметить, очень даже прицельный.

Джипы, среди которых преобладали в основном изношенные «сант роверы», рвало на части потоками свинца, либо разносило в клочья огненными плевками второго орудия. Если кто-то из Охотников и успевал покинуть машины до того, как те превращались в бесформенные груды железа, то его сразу же четвертовало добивающим залпом. Паривший же над всей этой вакханалией агрегат к призывам о милосердии был глух.

Все закончилось через две три минуты. Шесть горящих остовов патрульных автомобилей да валявшиеся тут: и там расчлененные тела накрыло поднятой в воздух песчаной пылью. Далеко на заднем плане были различимы два удиравших внедорожника, которые очень своевременно развернулись и во весь опор помчались обратно в Святую Европу. Судьба попавшего в столь ужасный переплет Бернарда и его людей, похоже, их больше не волновала…

Операция «Бегущий Мертвец» полностью провалилась: горы трупов, горы разбитой техники, нарушение государственной границы, пропавший без вести главнокомандующий и ни одного плененного отступника. Однако, по мнению тех, кто успел унести ноги, Трибунал все же считался более приятной перспективой, чем вероятность сгинуть на территории чужой страны от атаки мифического дракона…

На мое счастье, летающую машину посадили вдалеке от нас за восточным въездом на заставу. Опустись она рядом, и я бы просто окочурился от страха, прямо не сходя с этого места. От Гюнтера же, видимо, и сам спустившийся с облака Господь Бог не удостоился бы какой -либо человеческой реакции: ни изумления, ни восхищения, ни испуга.

Из разверзнувшегося брюха чудовища повыпрыгивали и, пригибаясь, побежали к нам с оружием наперевес люди в защитных

камуфляжах и зеленых беретах.

Мы с Гюнтером так и стояли, поддерживая друг друга, когда эта аляповатая толпа окружила нас и принялась орать на малознакомом мне языке. Ни германец, ни я не понимали ни слова, а потому лишь тупо вглядывались в скуластые бородатые лица вооруженных крепышей.

Громкий торжествующий смех раздался из находившегося за нами «хантера». Все головы — и наши, и пограничников — повернулись в том направлении, а двое из «комитета по встрече» бросились к автомобилю.

— Бросайте оружие, засранцы! — хохотал и рыдал одновременно едва не вышибивший себе мозги Михаил. — Они говорят, чтобы вы бросили оружие! Швед, советую вам исполнить этот приказ, а не то мои земляки обидятся!

И он сразу же затараторил на своем родном языке, отчего суровые лица пограничников удивленно вытянулись, а на некоторых даже появились улыбки.

Трофейный автомат германца брякнулся о землю. Туда же последовал и мой оставшийся в одиночестве «глок». «Прости, приятель, — шевельнулась в моей голове тусклая мысль, — и прощай! Вы славно послужили мне оба, но отныне все кончено…»

Нас дотошно и грубо обыскали. Сквозь охватившую мое сознание невыносимую усталость, я отрешенно наблюдал, как для Михаила раскладывали носилки, как бравые петербуржцы прочесали заставу и собрали разбросанное по округе оружие, как магистра Конрада приводили в чувство нашатырем, а на нас с германцем от греха подальше нацепили наручники. И только когда пришла пора нам выдвигаться к винтокрылой машине, о чем пограничники дали понять деликатным толчком в спину, я вдруг почувствовал, что не могу сделать ни шагу. Лицо мое дергалось, глаза моргали, но ноги, хоть и были целы и невредимы, просто отказывались повиноваться.

Наверное, я так бы и упал лицом вниз со скованными за спиной руками, если бы не один из пограничников, заметивший мой окровавленный бок. Он сразу подозвал ко мне человека с медицинским чемоданчиком, который только что закончил накладывать шину лежавшему на носилках Михаилу. Тотчас же наручники были сняты, а из летательного аппарата доставили еще одни носилки, на которые

меня и упаковали словно какой -нибудь хрупкий в обращении предмет наподобие большого зеркала.

— Кэтрин О'Доннел! — попытался я выяснить у склонившегося надо мной медика волновавший меня вопрос. — Рыжая девушка с детьми! Где она? Вы видели ее? Она у вас?

Бородач кажется разобрал, что я имею в виду, поскольку осклабился во весь рот и выразительно закивал:

— Катерина?.. Катерина — да а а! ..

И ткнул пальцем в сторону начинавшей снова пронзительно свистеть и раскручивать винт машине…

И Кэтрин, и ее лохматый братец находились во чреве этого навеявшего на меня такие нехорошие ассоциации монстра. Как только носилки со мной впихнули ему внутрь, рыжеволосая ирландская парочка, будучи буквально вне себя от радости, накинулась на меня и принялась ощупывать и тормошить мое и без того битое перебитое тело.

— Сволочь! Какая же ты сволочь! — Серые глаза Кэтрин блестели бриллиантами слез, а под левым у нее красовался добротный сочно фиолетовый синяк — мой вынужденный прощальный подарок. — Знал бы ты, с каким удовольствием я свернула бы сейчас твой уродливый нос, но, вижу, кто-то меня опередил! Ну подожди, встанешь на ноги… Что там у тебя? — Она профессиональным взглядом оценила обработанное русским медиком ранение. — Подлез таки куда не следовало! Ну ничего, это не смертельно — оклемаешься!..

— Да, Эрик, — вторил за ней Кеннет, — а мы уж и не надеялись… Это все Саламандра! Ты не поверишь — она у русских всю базу на уши поставила! Командира их чуть не отлупила! Сидите, кричит, тут расслабляетесь, а на вашу страну уже враг полчищами так и рвется, и лишь несколько храбрых парней из числа сочувствующих вашему князю защищают рубежи.

— Потом, старина, — протестующее подняв руку, перебил его я. — Все потом… Дети в порядке?

— Да, добрались мы без проблем…

— Ну и славно… Значит, все не зря…

— Еще бы, Эрик! Само собой, не зря! А русские классные ребята! Помочь — это они всегда пожалуйста! Стрекозу завели и вперед,

только свист по ушам… Где, спрашивают, тут хорошие парни, а где плохие, чтобы нам ненароком не перепутать… Но видели бы вы свои рожи сверху! Это было что-то! Я подумал, Черпак от страха вообще дал дуба! Хорошо, хоть ума хватило не стрелять по нам!..

Винтокрыл качнулся и взлетел, отчего у меня слегка заложило уши, а затем душа моя тоже воспарила вслед за ним куда-то ввысь, поскольку выпал из нее только что гигантский серый камень, давивший последний месяц тяжким грузом и выжавший оттуда все соки.

Потонувшая сегодня в потоках крови застава исчезла где-то под нами, да и сам перешеек превратился в длинную, не шире поясного ремня, неровную линию, обрамленную с обеих сторон незамутненными водами Глаз Дьявола.

Полет в нескольких сотнях метров от земли — незабываемое зрелище, но я был ослаблен настолько, что насладиться им уже не смог, так как почти сразу же впал в умиротворенное расслабляющее забытье. Последнее, что я запомнил из этого полета, были ласковые руки Кэтрин, бережно положившие мою голову к себе на колени и принявшиеся заботливо вытирать с моего лица полотенцем копоть, грязь и запекшиеся брызги крови…

Эпилог

«Вот что напишите в память обо мне: Здесь он лежит, где хотел он лежать. Домой вернулся моряк, домой вернулся он с моря. И охотник вернулся с холмов».

Р. Л. Стивенсон. «Реквием»

Князь Сергей посетил нас на следующий день в Петропавловской крепости, куда нашу группу беженцев под усиленной охраной доставила все та же винтокрылая машина («Вертолет, темнота ты святоевропейская! — со знающим видом проинформировал меня Михаил, красуясь поверх простыней свеженаложенным гипсом. — Запомни: вертолет — это секретное оружие и национальная гордость русских!» Сам он узнал, как называется эта «национальная гордость», лишь полчаса назад от гипсующего ему ногу медика, заодно выменяв у того на форменный ремень Охотника лишний укол морфия).

Князь явился прямо в нашу палату лазарета этой древнерусской тюрьмы, чьи неприступные стены омывались водами Финского залива уже много много веков.

Не сказать, что этот сухощавый пятидесятилетний человек оказался рад нашей компании, однако тон его был дружелюбным.

— Уж и не знаю, какой черт дернул меня связаться с Жан Пьером, — проговорил он то ли шутя, то ли серьезно. — Группа спасения вернулась потрепанная и ни с чем, оставив своих людей умирать на чужой территории, а тут еще ваша заварушка по мою сторону границы… Эх, бросил я своему соседу в огород хороший камень; теперь того и гляди, чтобы он меня в ответ булыжниками не закидал.

— Вернете нас назад? — опасливо поинтересовался я, еще не отошедший от наркоза — утром мне извлекли злосчастную пулю да малость подштопали где это требовалось.

— И что подумают обо мне мои подданные? — Князь обиженно посмотрел на меня. — Что я предал взывавших ко мне о спасении? Нет, не верну; на этот счет не волнуйтесь. Посижу, пораскину мозгами, что с вами делать и куда вас, бедных… как это… словечко такое древнее…

— Диссидентов? — высказал предположение очкастый секретарь князя.

—…Во, верно — диссидентов… И куда вас, диссидентов, пристроить. Превелико ценю ваше желание стать гражданами России, но для начала дам вам испытательный срок, уж не обессудьте. Ситуация, как говорится, из ряда вон. Пока я через Михаила беседовал с князем, магистр Конрад с соседней койки настойчиво строил мне глазки, намекая о данном ему мной обещании. Его честь возлежал сейчас на матрасе лицом вниз, невежливо выставив в сторону Светлейшего князя свой ненароком поврежденный Гюнтером амортизатор сидячего положения. Разумеется, я не забыл и о нашем «маленьком большом друге», потому все сделал так, как он и просил: дескать, магистр Конрад точно такой же отщепенец, как и я сам. Гюнтер во время этой моей речи осуждающе сверлил меня угрюмым взглядом из под забинтованного лба…

Князь еще немного порасспрашивал нас о том о сем, но, видя наше состояние, особо допекать не стал. Сказав на прощание «выздоравливайте», он удалился, но прежде чем откланяться, распорядился забрать Конрада с собой в более приличествующие такому титулованному перебежчику условия.

Разумеется, Кэтрин и детей никто в Петропавловскую крепость заточать и не подумал. По прибытии в Петербург их сразу же перевезли в княжеский дворец, носящий странное название — Зимний. Там, под бдительным оком дворцовых гвардейцев им предстояло провести некоторое время, пока страсти вокруг нашего побега немного не поулягутся (кто знает, насколько обозлился Орден — эта организация при желании может дотянуться до своих врагов везде, даже в России).

Кеннета и его банду отпустили еще на пограничной базе, сказав примерно следующее: «Дуйте ка отсюда, да поживее! Нам тут своего двухколесного сброда хватает, чтобы еще со святоевропейским возиться…» Естественно, дважды повторять это Оборотню не потребовалось…

Не считая трех недель лазарета, почти два месяца не видели мы белого света, сидя в камере Петропавловской крепости. И все же таких счастливых узников за время своего существования эта крепость, наверное, помнила мало. Да и условия нашего содержания были более комфортными по сравнению с российскими арестантами — как никак, но статус гостей требовал.

Через три дня нахождения в нашей общей камере я уже всерьез решил попроситься в одиночную, поскольку общество Михаила, ставшего и вовсе невыносимым из за замкнутого пространства и больной ноги, мучило не меньше инквизиторских пыток. Хорошо хоть любитель тишины Гюнтер нашел в конце концов на него управу, ополовинивая обеденные порции калеки, если тот упрямо игнорировал его требования закрыть рот.

Все это время с нами работала уйма дознавателей из различных ведомств, именуемых в России «палаты». Однажды даже приходили ребята из палаты контрразведки, решившие, видимо, что Ватикан придумал новый способ внедрения шпионов, уничтожив ради этого почти три отряда Охотников. Допрашивали нас вежливо, но дотошно, цепляясь к каждой мелочи, к каждой мало мальски интересной детали и перепроверяя скорее всего все полученные сведения по своим секретным святоевропейским каналам.

В перерывах между приступами занудства Михаил задался целью обучить нас с германцем русскому языку и, надо сказать, добился неплохих результатов. Мне, конечно, было намного проще, чем

Гюнтеру — шестилетнее общение с русским заместителем создало у меня в голове неплохой плацдарм для дальнейшего постижения этого сложного, но, бесспорно, красивого языка. Однако и великан в скором времени уже мог сносно произнести десятка три четыре самых ходовых разговорных выражений, слегка подпорченных, правда, его ужаснейшим акцентом.

— Поздравляю тебя, мой друг! — говорил довольный его успехами учитель. — Опытным путем мной наконец-то установлено наличие у тебя головного мозга, к сожалению, пока только в зачаточной форме…

Подопытный на это не обижался, только иногда, будучи в скверном настроении, якобы ненарочно запинался о загипсованную ногу Михаила, а затем смотрел в противоположную сторону и довольно улыбался, слушая проклятья и вопли.

Судьба немилосердно разбросала нас по разным концам Петербургского княжества на очень длительное время. После долгих раздумий князь Сергей принял по отношению к нам воистину соломоново решение — разбил нашу спаянную команду, расселив всех вдали друг от друга. Мера эта была жестокая, но вынужденная: во первых, так было легче спрятать нас от излишнего внимания тех, кого мы опасались, а во вторых, исходя из безопасности уже государства Российского и говоря языком контрразведки (чье влияние отчетливо просматривалось в княжеском вердикте), это «препятствовало контактам между собой членов находящейся на территории княжества полулегальной группы иностранцев». Одним словом, испытательный срок вылился для нас в обыкновенную ссылку.

— Прошу, конечно, меня извинить, — навестив нас перед отбытием из крепости, сказал на прощание князь. — Все это, разумеется, явление временное и через пару тройку лет я позволю вам жить где угодно и перемещаться куда угодно, но пока, сами понимаете… Короче: вам запрещено покидать места вашей приписки до соответствующего распоряжения.

— А что будет с детьми Жан Пьера? — спросил я, беспокоясь, как бы и их не заткнули куда -нибудь на периферию.

— Они получат образование здесь, в Петербурге. Хотел отдать их в лучший интернат, но госпожа О'Доннел пожелала остаться при них, тем более что и дети просили о том же. Я дал согласие — пусть будет

так. Ну а жилье, пособие, работа госпоже О'Доннел, прочие аспекты — я прослежу…

Что ж, это было более чем справедливо. Сам Жан Пьер де Люка остался бы доволен таким исходом событий. Доволен остался и я…

Короче говоря, в настоящей ссылке оказались лишь Гюнтер и я. Гюнтера отправили на юг, к границе с Московским княжеством. Границы между княжествами были довольно условны — Сергей и московский князь Василий жили в добрососедстве, но порядка ради все же содержали на дорогах дозорные группы для охраны снующих туда сюда торговцев. В одну из таких и зачислили моего друга германца.

Я же, наоборот, угодил в подразделение по охране границы уже государственной и был увезен на север Ладожского озера стеречь рубежи от посягательств суровых скандинавов. Отношения у русских со скандинавами складывались непростые, что, однако, ничуть не мешало пышному процветанию контрабандной торговли (вообще-то, определение в воинские гарнизоны являлось не только итогом нашей прошлой боевой специальности, а еще и имело цель поставить нас в, жесткие рамки постоянного дисциплинарного надзора).

Наш пограничный поселок застава находился, как говаривал мой нынешний командир майор Горохов, «у черта на рогах» и состоял из полутора десятков домов пограничников, в большинстве своем имеющих семьи. Меня, как рядового и одинокого бойца, поселили в маленькую лачугу пятистенок. Ее ремонтом и утеплением (как никак, но стояла зима) я и занимался практически все свободное от несения службы время. Вахты наши делились по принципу «сутки через двое» и включали в себя либо сидения в засадах на путях контрабандистов, либо патрулирование на стареньком российском джипе, отличавшемся от «хантера» по комфортабельности примерно как отсек трейлера казармы Охотников от княжеских апартаментов. Не сказать, что я был доволен всем этим, не принимая во внимание тот риск, на который пошел князь Сергей, приютив нас у себя, жаловаться было просто неприлично.

Михаилу же, оказавшемуся не где -нибудь, а у себя на исторической родине, повезло куда больше. Его умение прекрасно общаться на двух языках — святоевропейском и русском (общенародно ругательный не в счет) — позволило ему отвертеться от

глухой провинции и пристроиться переводчиком (разумеется, невыездным) при палате иностранных дел. Несмотря на все усилия российских эскулапов, нога у него срослась плохо, и с тех пор он заметно прихрамывал, на чем впоследствии любил акцентировать внимание, когда по той или иной причине требовалось вызвать чью -либо жалость. Свобода его перемещений ограничивалась городскими стенами, однако это превышало, к примеру, мою в несколько раз. Хитрый усатый пройдоха бремя ссылки, на мой взгляд, ощущал чисто символически…

Но вот кто действительно превзошел всех и вся, так это магистр Конрад. Как я и предсказывал, ценность его чести для правителя Петербурга трудно было и вообразить. Не беда, что он ни бельмеса по русски — зато все советники князя по ближнему зарубежью враз оказались на фоне коротышки просто учениками начальной школы. В прошлом весьма титулованный магистр экзекутор сделал на новом поприще великолепную карьеру и в скором времени уже именовался вторым советником по вопросам внутренней политики Святой Европы Княжеской Думы (стать Первым ему не позволило только его иммигрантское происхождение, но он за это ни на кого зла не держал). Так что кого кого, но Конрада понятие «испытательный срок» и вовсе обошло стороной…

Князь Сергей как в воду глядел — булыжники на его седую голову обрушились камнепадом. Я даже склонен к мысли, что имей Пророк в своем арсенале что -нибудь посолидней тихоходных гаубиц — и вероятность военной конфронтации на почве приграничного конфликта была весьма реальной. Но новая история ясно показывала бесперспективность войны с маленькими русскими княжествами. Представляя по отдельности довольно лакомые куски, все вместе они, объединившись, способны были смять любого агрессора как ненужный лист бумаги. А Пророк, хоть и чувствовал себя оскорбленным, желал продолжать пророчествовать себе в удовольствие без отвлечения на военные маневры, потому скрипя зубами отверг идею святого похода на Восток. Так что за пределы нот протеста, взаимного обвинения послов наших стран персонами нон грата, бряцания оружием (впрочем, у русских это бряцание звучало намного звонче и убедительней) да некоторых торговых санкций дело не двинулось.

Больше всего князю Сергею досталось на ежегодном Совете Князей в Москве — благородная, но неосмотрительная в политическом плане выходка князя рикошетом ударила по остальным княжествам. Многие страшно обиделись на него, но нашлось и немало тех, кто чисто по человечески понимал своего северного собрата.

Через полгода конфликт сам собой сошел на нет, однако эхо его ударяло о стены Петербурга еще долго. Злопамятность Пророка оказалась намного сильнее, чем все рассчитывали. Честно говоря, плевать я хотел на этого Пророка, если бы опять мы с друзьями не очутились вовлеченными в водоворот новых событий… Но это, кажется, называется «забеганием вперед»…

Жизнь текла своим чередом. Миновала зима, которая на севере России была совсем не той, к какой привык я в старушке Европе. Никогда еще мне не доводилось так мерзнуть и, коротая долгие зимние вечера у потрескивающей дровами печи с книгами на русском языке (к тому времени я уже неплохо и говорил, и читал, и писал на нем, а книг у русских даже здесь — в непроходимой глуши — было навалом), я вроде как вымораживал из себя воспаленные и иногда нарывающие остатки своего прошлого.

Зато весна компенсировала все с лихвой. Если зимой наши рейды вдоль границы по непролазным сугробам считались чем-то вроде наказания, то теперь — пока не появились вездесущие комары и зудящая мошкара — пребывание на природе доставляло мне неописуемый восторг, слегка остужаемый, правда, глубокими лужами талой воды.

В один из таких погожих деньков я нес вахту при дозорной вышке. Я стоял на смотровой площадке и, не отвлекаясь от наблюдения за горизонтом, слушал звенящие переливы многочисленных ручейков. Служба началась как обычно, однако перед обедом мой сменщик Леха прибежал на смену гораздо раньше положенного.

— Эй, Ломоносов, слезай ка оттуда! Горохов освободил тебя на сегодня от наряда! — сообщил он мне, и при этом загадочная и слегка завистливая улыбка играла на его лице (Ломоносовым я был прозван по двум причинам: из за неудержимой тяги к чтению, делавшей меня, по мнению новых друзей, сродни древнерусскому академику с подобной фамилией; и более прозаичной — мой нос,

деформированный Циклопом из гордого прямого в изогнутый и в фас и в профиль приплюснутый набалдашник). — Поторопись — там к тебе кое кто приехал!..

Круг моих посетителей был мизерным, если не сказать, что отсутствовал вообще, поэтому я попросил уточнения:

— Небось такой усатый скользкий тип из Петербурга? Кто еще, кроме Михаила, мог здесь оказаться? Только ему по силам выпросить отпуск даже из подвалов Главного Магистрата…

— Из Петербурга, — подтвердил Леха, — но не усатый, не скользкий и никакой не тип! И я бы на твоем месте поспешил, а иначе наш изголодавшийся по бабам народ слюной изойдет — такой рыженький ангелочек там к тебе приехал!..

Отделявшие мой пост от поселка три километра я пробежал, не чувствуя ног. Кэтрин! Возможно ли подобное с учетом того, что все мы сидим в своих углах словно привязанные? Кэтрин! Она преодолела расстояние в двести с лишним километров по бездорожью, чтобы увидеться со мной! Кэтрин ! Ее руки я никогда не забуду, потому как именно их тепло послужило мне знаком, что вся эта безумная гонка наконец-то завершилась…

Кэтрин доставил в поселок наш продовольственный грузовик — единственное связующее звено между заставой и цивилизацией. Кто-то — наверное, Леха — указал ирландке мое скромное пристанище, и она дожидалась меня, сидя на лавочке возле двери. Пребывание на нашей новой родине явно пошло ей на пользу: Кэтрин похорошела, бледность исчезла с ее лица, и теперь оно светилось здоровым румянцем. Да ко всему прочему, богатая русская кухня слегка добавила девушке (именно в самую меру!) еще более привлекательной округленности в и без того идеально округленных природой местах.

Кэтрин величаво поднялась, снисходительной улыбкой оценила мой запыхавшийся вид и степенно — как и подобает уверенным в своей неотразимости женщинам — прошествовала мне навстречу.

— А что, разве бритва русскими еще не изобретена? — произнесла она, намекая на мою северную небритость, а после этого крепко обняла меня, прижавшись щекой к моей щетине, тем самым освежая мне память еще не забытым сладостным ароматом своего тела. — Здравствуй, отшельник…

Мы долго простояли так, не говоря друг другу ни слова, да и были ли они нужны нам сейчас?

— Твоя любимая тройня тоже рвалась тебя увидеть, — сказала мне Кэтрин через некоторое время. — У них в гимназии каникулы, но я не рискнула тащить их невесть куда, хотя, ты знаешь, им и не привыкать… Хозяйка, у которой мы проживаем, согласилась присмотреть за ними — она в прошлом гувернантка… Может быть, летом мы навестим тебя все вместе…

— Кто тебя отпустил? — все еще приходя в себя от такого неожиданного счастья, спросил я девушку. — Ты сбежала?

— Конечно! — ответила она так, словно это было вполне допустимым в нашем положении поступком. — С моим-то опытом беглеца и не вырваться из за городских стен?..

— Тебе влетит!..

—Ну погрозят пальцем, покачают головой… если еще обнаружат. Это первое время русские следили за нами постоянно, а теперь раз в три недели наведывается один старичок, спрашивает, не нуждаемся ли в чем, и уходит. Хозяйка прикроет, коли он не по расписанию явится; состряпает какую -нибудь сказку, дескать, за продуктами вышла или еще куда…

Здравомыслие окончательно покинуло меня, когда мы с Кэтрин переступили порог и закрыли за собой дверь. Мне, совсем одичавшему в этой глуши, трудно было удержаться от такого соблазна, наполнившего атмосферу моего жилища чем-то неуловимым, но буквально сводящим с ума.

— Понимаю твою естественную реакцию, но, может быть, сначала поешь? — шепнула мне Кэтрин, пытаясь придержать мои чересчур расходившиеся руки, впрочем, делая это все же недостаточно энергично. — Я привезла там кое что, а то вон как исхудал… И оголодал… Потом? Ну потом так потом…

Хотя погода и стояла уже теплая, по ночам еще довольно крепко приморaживало и мне волей неволей приходилось по вечерам растапливать маленькую, делившую избушку пополам, печурку. Но сегодня я напрочь забыл об этом. Мало того — даже висевшая под потолком керосиновая лампа с наступлением сумерек так и осталась незажженной…

— Когда ваш грузовик возвращается в Петербург? — спросила Кэтрин, из за отсутствия в доме второй подушки использовавшая вместо нее мое плечо.

— Через семь дней… — нехотя ответил я, потому что не думал сейчас абсолютно ни о чем — огненная Саламандра изжарила меня заживо даже несмотря на то, что в комнате изо рта уже шел пар.

— Замечательно! — промурлыкала ирландка, прижимаясь ко мне покрепче под стеганым одеялом. — Нам с тобой о многом предстоит поговорить: о тебе, обо мне, о детях, о всех нас вместе… Кстати, я все жду, когда ты выполнишь свое обещание.

— Какое обещание? — встрепенулся я.

— Уже забыл? Вот мерзавец! — И Кэтрин пребольно ущипнула меня за бок. — То обещание, что ты дал в первый день нашего бегства! Ты сказал, что когда -нибудь расскажешь мне, зачем пошел на все это. Или и впрямь забыл?

— Такой был сложный день, что всего и не упомнишь, — попытался оправдаться я, а у самого перед глазами почему-то возник умирающий на мокром песке Карлос Гонсалес и его последние слова:".. .будь ты проклят навеки, крысиный выкидыш…".

— Так вот, Эрик: обещание надо выполнять! — Голос Кэтрин звучал гораздо бодрее моего — очевидно, рыжеволосая и впрямь черпала энергию из одного только им — ведьмам — известного жизненного источника. — А иначе ты от меня с этой кровати живым не уйдешь!

И я с глубокой обреченностью понял, что на этот раз мне точно не отвертеться…